

АЛЕКСАНДР ГРОМОВ

РУССКАЯ
ФАНТАСТИКА

ФЕОДАЛ

АЛЕКСАНДР ГРОМОВ

ФЕОДАЛ

НОВЫЙ ХИТ
АВТОРА РОМАНОВ
«ШАГ ВЛЕВО, ШАГ ВПРАВО»
И
«ГОД ЛЕММИНГА»

РУССКАЯ
ФАНТАСТИКА

АЛЕКСАНДР
ГРОМОВ

ФЕОДАЛ

АЛЕКСАНДР ГРОМОВ

ФЕОДАЛ

МОСКВА
«ЭКСМО»
2005

УДК 82-312.9
ББК 82(2Рос-Рус)6-4
Г 87

Оформление серии художника *Е. Савченко*

Серия основана в 2003 году

Громов А.
Г 87 **Феодал: Фантастический роман.** — М.: Изд-во
Эксмо, 2005. — 416 с. — (Русская фантастика).

ISBN 5-699-12414-4

Это — Плоскость. Бесконечная, враждебная человеку пустыня другого мира со своими правилами и физическими законами, наполненная смертельно опасными феноменами и причудливыми животными. Слабых она ломает и уничтожает, сильных ожесточает и делает еще сильнее. Люди, заброшенные сюда судьбой, могут выжить только под руководством феодала — человека, способного прокладывать безопасные маршруты от оазиса к оазису, способного добывать необходимые поселенцам предметы, способного постоянно обманывать саму смерть.

Феодал Фома привык к сложившемуся жизненному укладу и не ожидал перемен. Однако на границах его территорий возникла новая угроза. Очередной пришелец с Земли, объявив себя королем, бросил вызов всем окрестным феодалам. Оказывается, даже в экстремальных условиях Плоскости можно вести феодальные войны...

УДК 82-312.9
ББК 82(2Рос-Рус)6-4

ISBN 5-699-12414-4 © Громов А. Н., 2005
© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2005

ПРОЛОГ

... му снились большие толстогубые рыбы с удивленно вытаращенными глазами и глупыми мордами. Отрываясь от илистого дна, они всплывали вровень с застрявшим в воде человеком и, лениво шевеля плавниками, подолгу висели в насыщенном планктонном ультрамарине океана. Наверное, они хотели понять, постигнуть убогим крохотным мозгом, кто это вторгся в их владения, чего ему надо и почему он не плавает прочь.

А он не мог ни уплыть, ни всплыть за глотком воздуха. Жидкость держала его, как клей. Удушье мучило тем сильнее, чем яростнее он пытался вырваться из плена спятившей стихии.

Поняв это, он перестал рваться на волю. Расслабился. Жить было трудно, но можно. Очень хотелось дышать, но никто не мог помочь освободиться из незримого капкана, чтобы пробкой выскочить на поверхность. Живи один, терпи один, а если приспичит бороться, то и борись один. Всегда один...

Не дергайся. И в паутине можно жить — если близости нет паука. Не трать силы понапрасну. Терпи. Приспосабливайся.

Что? Тебе нужен воздух? И тебе, и всем? Запомни: это всеобщее заблуждение. Если не дергаться, успокоиться, привыкнуть, то можно не дышать очень и очень долго. А если выбросить из головы лишние мысли и никогда не задумываться о несбыточном, то воздух тебе не понадобится совсем. И солнечный свет тоже. Подчинись обстоятельствам, ведь они сильнее тебя.

Ну уж нет!

Он рванулся. Перестал видеть замшелых от сонной неподвижности толстогубых рыб, потому что перед глазами поплыли цветные круги и спирали. Каждое движение усугубляло муки удушья, но он рванулся еще и еще раз. Ему удалось освободить руку. Ну, еще!..

Легкие пылали. Он извивался червяком, отлично понимая, что если даже успеет выдраться из капкана, то всплыть уже не сможет. Он слишком поздно начал бороться всерьез! Сколько времени и кислорода в легких было потрачено зря! А теперь — поздно. Молись не молись, трепыхайся не трепыхайся — итог один.

И все-таки он продолжал рваться вверх до тех пор, пока муки удушья не стали нестерпимыми. Тогда он проснулся и рывком сел на песок. Вспомнил, кто он и зачем пришел в это место. Отдышался. Выждал, пока немного успокоится пульс. Огляделся.

Рядом с ним на песке валялись три большущие рыбины с толстыми губами, глупыми мордами и растопыренными плавниками. Он пнул ногой ближайшую, и она перекатилась, как бревно, обломав грудной плавник. Вспомнилось Джеромово: «Форель была гипсовая». Конечно, заманчиво было бы просыпаться, находя вокруг себя все, что нужно для завтрака. Увы, еще никому не удавалось выспать себе еду. Со сложной органикой всегда проблемы, а уж со съедобной — просто никак. И не надо. Общие контуры биологических объектов — да, получают. А внутри не то гипс, не то алебастр, да и тот спустя какое-то время рассыплется трухой, а потом и труха исчезнет без следа.

Неорганика получается лучше, хотя тоже имеет свой срок существования. Но пока она не рассыпалась, ею можно пользоваться. Особенно мелкими вещами. Булавка наверняка переживет человека, а грузовик станет пылью спустя несколько часов. Тут все дело в массе...

Он встал и в радиусе пяти шагов от оставленного им углубления в песке нашел четыре коробки спичек (испытал — горят), охотничий нож, моток капронового шнура, килограммовую пачку стирального порошка, запечатанную намертво (пришлось надорвать угол, дабы удостовериться в том, что это и правда стиральный порошок), аккуратно свернутую простыню, жесткую от крахмала, катушку капроновых ниток и двадцать девять стомиллиметровых гвоздей россыпью. Урожай выпал не ахти. Хотя бывало и хуже.

Не нашлось заказанного набора швейных игл, одноразовых лезвий для бритья, легкой куртки с капюшоном и еще нескольких мелочей. Значит, в другой раз.

Судя по находкам, он проспал часов пять и дважды видел сны. Первый сон был управляемым и принес невеликий урожай полезных вещей. Годы практики приучают видеть во сне то, что представлял себе, ложась спать, но это касается только первого сна. Второй, если до него доходит дело, редко материализует что-либо полезное, зато алебастровых монстров — сколько угодно. Великое счастье, что не живых. Приснился кошмар с саблезубым тигром в главной роли, и что же — иметь с ним дело наяву? Спасибо, что-то не хочется.

В легкий, почти невесомый рюкзачок (долго мучился, пока не выпал то, что надо) он сложил новообретенные вещи. Глотнув воды, поболтал остатком во фляжке. Маловато.

Разумеется, полную фляжку сколь угодно чистой, хоть дистиллированной воды можно было выпать, как любой другой предмет, но пить эфемерную воду — один из способов самоубийства. Сколько нужно времени, чтобы полностью вывести ее из организма? Какие-нибудь остатки раньше распадутся в пыль, причем внутри клеток. Когда-то это поражало его воображение: вода — в пыль! Потом он привык.

Ну да ничего, настоящая вода где-нибудь найдется, феодалы от жажды не умирают. Можно напрямик двинуть к ближайшему оазису...

Пожалуй, лучше все же не напрямик. На дне фляжки еще есть несколько глотков, так что спешить к роднику необязательно. Можно продолжить обход владений, поискать новых людей. Иначе они погибнут, а им надо жить. Они ведь хотят жить, хотят длить свое существование всегда и везде, даже если их жизнь лишена всякого смысла.

И особенно если среда не благоприятствует выживанию. Тут даже слабые, вытянув счастливый жребий уцелеть на первых порах, становятся если не сильными, то цепкими и умелыми, с могучей жаждой жизни.

Так уж заведено.

Живи. Подчинись обстоятельствам, перед которыми ты бессилен. Цепляйся за то, что подарено. Забудь о том, что отнято. Живи вмурованным в клей и задавай поменьше безответных вопросов. Привыкни.

Так тоже можно жить.

Плохо, когда снятся глупые сны. Неужели жизнь ничему не научила, если во сне видишь то, о чем давно не думаешь наяву — не о мелкой повседневной борьбе за существование, а о том, как бы собраться с силами, рвануться и всплыть?

Похоже, что так.

— Вот потому-то и не сидится тебе на месте, — сказал он вслух и подумал: а ведь верно. Быть феодалом и вечно слоняться по своим владениям — это тоже призвание. Дело совсем не в обостренном чутье на ловушки этого подлого мира. Феодалами становятся от вечной неудовлетворенности спокойной скотской сытостью, от невозможности усидеть в безопасном постылом оазисе. Просто те, кто лишен чутья, долго не живут.

И все равно многие норовят удрать из оазисов. Ка-

нючат, просятся в ученики. Грозятся, что уйдут сами. Верно: бессмысленно жить, как они живут.

— А как я — есть смысл?

Пробормотав это, он на миг испугался. Хуже нет пускаться в путь в философском настроении. Здесь не Земля, и долголетия таким образом не обретешь, как раз наоборот. Задумался о ненужном — пропал.

Досадно, что натуру все равно не обманешь, и сны, полные бесполезных усилий, будут продолжаться вновь и вновь.

Вырваться. Выдраться из тенет. Всплыть. К солнцу. К закатам и рассветам. Хотя это ведь только сны...

Наплюй и забудь.

Иди. Возможно, тебя уже ждут.

Иди — и делай свое дело.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ЗАЩИТА И ОПОРА

ГЛАВА 1

Нх было четверо: двое мужчин, женщина и мальчик лет десяти. Последнюю каплю воды они выпили сегодня утром. Последняя крошка еды была употреблена тоже утром, но не сегодняшнего, а вчерашнего дня.

Утро на Плоскости — понятие условное, как и вообще любое время суток. Иногда случается, что белесое небо над бескрайней равниной на несколько часов словно бы одевается темной вуалью, и человек с ностальгическим воображением может назвать наступившие сумерки ночью. Никто не возразит — это его право.

«Бескрайняя равнина» — вовсе не гипербола. Края нет. Никому до сих пор не удалось установить и шарообразность или какую-нибудь еще криволинейную форму местной твердой поверхности, отличную от плоскости. Встречаются, правда, низины, холмы, дюны и прочие локальные неровности рельефа. Поднимись на вершину холма, предварительно удостоверившись в ее безопасности, поищи взглядом горизонт и разочарованно сплунь. Линия горизонта отсутствует. Далеко-далеко твердь растекается дымкой, а дымка становится воздухом. Ищи, ищи линию раздела, выбирая самые прозрачные дни. Высматривай, пока не наедост, то, чего нет.

И уж конечно, человека, прожившего на Плоско-

сти много лет, гонит на вершину холма отнюдь не поиск горизонта.

— Нашел, — радостно возвестил, спустившись к подножию, тот мужчина, что помоложе. — Общее направление — вот. — Он указал рукой. — Дорога плохая, зато не так уж далеко, авось часов через десять дойдем...

— Через десять? — взвизгнула женщина. — Чего-о? Через ско-олько? Через десять??!

— Сдохнем, — констатировал мальчик, облизнув сухие губы, и засмеялся неизвестно над чем. — Во попали...

— Заткнись, Борька! — рыкнул на него тот мужчина, что постарше, кряжистый и ширококостный. Набывчившись, начал надвигаться на молодого: — Чё, правда, что ли? Ты чё, блин, вчера говорил? Тебя для чего в проводники взяли? Ты, чмо, кого наколоть хочешь? О двух часах говорил, нет? Не слышу!

— Говорил о двух-трех часах пути, — уточнил проводник. — Только не до цели, а до ближайшего оазиса. Но ошибался. Точнее, обстановка изменилась. Теперь крюк к оазису делать не станем, пойдем прямо.

— Я тебе, козел, такой крюк щас устрою... По кругу водишь, кидала? Лишних бабок слупить с нас хочешь? А вот этого не нюхал?

Кулак был под стать хозяину — большой, крепкостный, обильно и туго обтянутый плотью. Быков глушить таким инструментом...

— Хочешь ударить? — с любопытством осведомился проводник, отступая все же на полшага. — Или хочешь получить объяснения?

— На хрен мне твои объяснения... Ты к воде давай води!

Пожав плечами — а я, мол, куда веду? — проводник повернулся и потопал прочь. Вслед ему потянулись и остальные.

Воздух был сух и горяч, сверху ощутимо припекало, но солнца, конечно, не было. Проводник отметил про себя, что еще не забыл, какое оно на вид, солнце. Яркий — невозможно смотреть — диск в знойный июльский полдень. Не диск даже, а нестерпимый сгусток пламени, огненная каракатица, и только когда отведешь взгляд и невольно зажмуришься, перед глазами долго пылает именно диск, а не что-то иное. На закате — нарядный красный блин ненормальных размеров. А зимой оно маленькое и желтое, висит низко и почти не греет. А ночью его нет. Зато ночью бывает луна и эти... созвездия. Большая Медведица. Малая Медведица. Орион. Телец. Кассиопея. Их очертания он еще помнил, не зная зачем. А впрочем, почему бы и нет? Груз воспоминаний ничего не весит и плеч не оттянет.

Белый песок шуршал под кроссовками. В очередной низине он сменился растрескавшейся серой глиной — здесь когда-то была вода. Очень давно. А ничего с тех пор не изменилось, такыр не занесло песком, разве что колодец, выкопанный каким-то бедолагой, теперь уже, наверное, совсем осыпался. Вон они видны, отвалы. И еще долго будут служить ориентиром, а воды нет как нет...

Сколько же народу погибло здесь по незнанию — это же уму непостижимо! Поначалу почти все мечутся, не понимая, как они сюда попали, подозревая в увиденном сон, мираж, галлюцинацию и не очень-то веря, что Плоскость — такая же реальность, как и Земля. Паникуют — ну и влетают туда, куда влетать не надо. А бывает, умирают от жажды, прежде чем их удастся обнаружить. Просторы-то немалые, а помочь-то способен только один человек. Сиди на месте, жди. Не корчи из себя Пржевальского или Миклухо-Маклая. Помощь придет. Если религиозен — молись, чтобы она не пришла слишком поздно.

Не имеешь сил терпеть жажду — тогда копай ко-

лодец или иди искать источник. Хотя откуда вновь прибывшим знать, что рытье грунта скорее всего окажется напрасным, а пешие экспедиции по Плоскости далеко выходят за пределы разумного риска?

Неоткуда им узнать. В лучшем случае увидят на приметном камне сделанную мелом надпись по-русски: «Сиди тут, жди помощи. Фома» и ниже по-английски: «Wait here. Danger around! Thomas». То ли послушаются, то ли нет. Да и сидение на месте не дает гарантий безопасности — безотносительно к проблеме воды. На Плоскости все изменчиво. Карты ловушек устаревают быстрее, чем успеваешь их составлять.

Позади начали зло шептаться, причем женщина то и дело срывалась на визг, умудряясь при этом оставаться в границах шепота: «Ты мне скажи, мужик ты или не мужик?» — «Ты-то хоть отстань...» — «Нет, ты ответь: мужик или не мужик? Все на тебе ездят, и этот поганец тоже, а ты и рад...» — «Ничего он не ездит, а ведет куда надо...» — «Куда ему надо!» — «Не гони. У него воды тоже нет». — «А ты проверял, что у него есть?»

«К Трем Дюнам их, — безглаголиво подумал проводник. — Хорошее с виду место, им понравится. И станут они у меня там полными крестинами, родную речь позабудут, научатся слюни пускать и в штаны гадить. Оно для них и к лучшему. А мальчишку... мальчишку заберу. Он же не виноват, что они такие, ему-то погибать у Трех Дюн совершенно незачем...»

Мысль о Трех Дюнах подбодрила проводника, хотя он вел вновь прибывших совсем в другую сторону. К Трем Дюнам всегда успеется. Это на крайний случай. А пока надо дать людям шанс. Может, они еще не столь плохи, как кажутся. Трудно ведь сразу понять, кто есть кто...

Дурилок в его владениях было несколько, но только одна из них совпадала с оазисом. Оно и к лучшему, что только одна. Совершенно достаточно. Как прави-

ло, проводнику удавалось ладить с новичками без применения сильнодействующих, а главное, необратимых средств. Кто и почему попадает на Плоскость — вопрос бессмысленный. До сих пор никому не удалось установить никаких закономерностей. Похоже на случайную выборку. Некто запускает руку в мешочек и наугад достает бочонок лото.

Тем лучше. Все-таки люди в большинстве своем нормальны. Ну побесятся немного поначалу, а потом глядишь — дошло до родимых. Осознали. Слова понимают.

Есть такие, что верят сразу. Их мало. Большинству надо осмотреться. И как только человек испытает некоторые местные прелести на своей шкуре, его сразу же, без малейшего перехода, начинает мучить вопрос котировки: кто он в этом мире? Богач или бедняк? Уважаемая личность или шпынь ненадобный? Он спрашивает о местной валюте и ценности вещей, прикидывает обменный курс и старается глядеть в оба, чтобы не обжулили, потому как научен: неопытным простакам везде рады...

Навалилась и отступила тяжесть. Будто кто-то невидимый, подкравшись, вспрыгнул на плечи, посидел немного и соскочил. Позади бросили шептаться и растерянно заматерились в два голоса — сиплый мужской и визгливый бабий.

Почти сразу пошла зона отрицательной аномалии, и шаги удлинились. Типично для зоны, примыкающей к серьезной инверсии: мелкие, от силы в десять шагов поперечником блуждающие «пятачки» то большей, то меньшей тяжести. Вроде атмосферных завихрений на периферии могучего тайфуна.

Мальчишка догнал, пошел рядом. А впереди в дрожащей мути воздуха уже замаячило раскорячливое пятнышко, поминутно меняющее очертания. Проводник взял правее, и пятнышко-каракатица поплыло справа налево.

— Птица? — спросил мальчик.

— Человек.

— А почему он летает?

— Потому что ветер гоняет его туда-сюда, — равнодушно объяснил проводник. — Не было бы ветра — висел бы на месте, а так — болтается... Над инверсией всегда вихревые потоки.

— Над какой еще инверсией?

— Над гравитационной. Заметил, что здесь везде разная тяжесть?.. Что?.. Нет, это тебе не показалось, это так и есть. Ну, а инверсия — совсем неприятная штука. Вышел человек погулять — и пожалуйста любоваться, висит... Давно уже.

— Он... мертвый?

— Без воды и пищи столько не живут, сколько он там кувыркается.

— И никогда не упадет? — Мальчик поежился, но в его голосе звучал неподдельный восторг.

— Почему не упадет? — Проводник пожал плечами. — Упадет, куда денется. Когда-нибудь вихрь его выплюнет, а там и граница инверсии. Я таких видел... выброшенных. Сухие, как мумии.

— А этого вы знали? — спросил мальчик.

Проводник молча кивнул.

— Хороший был человек?

— Глупый. Умный не вляпался бы в инверсию. Она ведь как... она до самой земли никогда не доходит, иначе бы в нее грунт сыпался. И видно ее было бы издалека. И вообще ее нижняя граница как бы пульсирует. Бывает, что под ней можно свободно пройти, а бывает, что только ползком... Лучше всего, конечно, ее стороной обойти, вот как мы сейчас...

— А как ее найти? Бросить гаечку?

Проводник хмыкнул:

— Ишь ты, образованный... Можно и гаечку, если у кого она есть. Можно камешек или горсть пыли. А

можно просто знать, где опасность, и не терять зря времени.

— Как вы?

— Как я. Нет, вообще-то аномальные места дрейфуют... понемногу. Тут целая наука. Ну и чутье, само собой. Девять сгинут, десятый научится. Так вот: я и есть десятый. Я этого летающего дурачка сам привел на место, сто раз ему все объяснил... Даром время потратил, больше ничего.

— А может, он не глупый? — вступился мальчик за покойника. — Может, он сам так решил...

— Самоубийца? Сознательно умирать от жажды между небом и землей? Ты соображаешь, что говоришь? Самоугробиться можно проще и безболезненнее.

— Ясно, — вздохнул мальчик. — А настоящие птицы тут водятся?

— Никаких птиц тут нет.

— Жалко...

— Мне тоже, — сказал проводник. — Некоторые из них вкусные. Я вкус курицы до сих пор помню. Семь лет прошло, а не забыл. Во сне вижу.

«И, бывает, злобно топчу, проснувшись, алебастровые окорочка», — додумал он, но ничего не сказал вслух.

Мальчик тоже замолчал и даже приотстал немного. Наверное, самостоятельно приходил к выводу, что курица — не птица, а коли так, то употреблять ее в пищу не грех. Убивать настоящих, летающих птиц было бы жалко. Хотя голод не тетка...

— А этот, — возвращаясь к прежней теме, указал он на парящее высоко в небе пятнышко, — почему один гулял? Попал сюда и вас не дождался?

— Если бы. Говорю же: я его нормально встретил и довел до нормального места. Прямо скажу: до хорошего места. Там бы жить да жить. Так ведь нет! — ушел.

— Зачем?

— Откуда мне знать. Наверное, скучно стало. Люди ведь как устроены? Одним всегда неймется, шило у них вставлено, ну и не верят словам, воображают, будто неприятности не для них существуют, а я ведь каждого всегда предупреждаю...

— А другие? — спросил мальчик.

— Другие остаются в живых. Как правило.

— Там, куда вы их привели?

— Там, куда я их привел.

Мальчик помолчал, раздумывая. Облизнул губы. Видно было, что ему очень хочется пить, а разговор сушит гортань. И все-таки он спросил:

— А нас вы на то самое место ведете?

— На другое. То место уже занято.

— Кем?

— Человеком.

— А почему нам туда нельзя? Вчетвером веселее было бы.

— Потому что вчетвером там не прокормиться, — неохотно объяснил проводник, тоже без особого успеха облизнув сухие губы. — Оазис совсем маленький, на одного.

— А воды достать?

— Вода есть ближе. Пить хочешь?

— Конечно, — признался мальчик.

— Тогда не болтай, не суши зря рот. Терпи молча, пока терпится.

Мальчишка замолк и скоро отстал, присоединившись к родителям. Прошло полчаса, а может быть, час. Ничего не изменилось. Все так же под ногами шуршал песок, временами сменяясь щебнем или скальным выходом. Все так же равномерно светился беле-сый небосвод. Один раз дунул горячий, как из домны, ветер, и проводник, проворно упав, вжался в грунт.

Полежав с полминуты, поднялся, небрежно махнул рукой — ложная, мол, тревога.

Несколько корявых кустов без листвы и иголок укоренились на склоне холма, вызвав у новичков вопросы. Пришлось прекратить движение и снова шевелить языком. Нет, кусты не сухие. Очень даже живые, и голыми руками лучше их не трогать — язвы будут. Скверные язвы, долго не заживающие. Нет, воды здесь нет... в смысле, есть, конечно, но на большой глубине, копать колодец без толку. Надо идти. Вот туда, по ложине. Вода обязательно будет.

Сухое русло зазмеилось по дну ложины и внезапно кончилось. Когда-то здесь протекал ручей. Было непонятно, откуда он выбился на поверхность и куда потом делся. Проводник только покачал головой: нет, поиски воды здесь бессмысленны. Сухие русла изредка встречаются, но нет ни ручьев, ни рек. Никакая птица не полетит над местным Днепром, чтобы узнать, где его середина. О морях, озерах и болотах тоже никто не слышал.

Затвердевший ил сохранил отпечатки лап гигантской многоножки — существа столь же безвредного, сколь и бесполезного, стало быть, не стоящего внимания. Места были знакомые, относительно безопасные. Один только раз налетел бродячий морозный вихрь, обжег холодом лицо, стеснил дыхание и сгинул. Чепуха. Горячие вихри хуже — иные из них вроде инквизиторских костров. Выскочишь со спаленной до черных лохмотьев кожей, с обожженными легкими — и ложись помирай. Мамок нету.

Прошли полосу шевелящейся и пищащей под ногами жесткой травы. Лощина понемногу понижалась — холмы слева и справа стали выше. Длинные холмы, как барханы, только не сыпучие. Как ледниковые гряды, но сложенные не из валунов. Скорее как отвердевшие волны.

Круглая нора в правом холме — и такая же в ле-

вом, как раз напротив. Можно не нагибаться, если приспичит проникнуть в любую из них. Сразу и не поймешь, кто их проделал. Быть может, исполинский червь протасил себя над ложиной, выдираясь из одного холма и вгрызаясь в другой. Быть может, туннели каким-то образом возникли сами. Здесь все может быть, удивляться нечему. Наметанный глаз отметит только, что норы недавние, в прошлый раз их тут не было...

Да мало ли чего где не было! Все меняется в свой срок. Лишь оазисы меняются мало, и это большая удача для тех, кто в них живет.

Как и для тех, кто собирает дань с живущих в оазисах хуторян.

Но до чего же хочется пить!.. Проводник не в первый раз подумал о том, что легко отдал бы полжизни за право иногда посидеть у чистого лесного озера где-нибудь на Валдае, подальше от людей и сточных труб. Можно даже не купаться — просто зайти по колено в ледяную от бьющих со дна ключей воду, зачерпнуть ее горстью и пить, пить...

Если бы это было так просто! Некому пожаловаться, и некого подбить на обмен. Жаль, что Плоскость — не ад. Не исключено, что в аду можно вступить в сделку если не с самим дьяволом и не с клерком из его канцелярии, то уж во всяком случае с низовым персоналом, обслуживающим котлы и сковородки. Можно попытаться склонить какого-нибудь младшего истопника к злоупотреблению служебным положением...

С Природой не договоришься, она слов не разумеет. Тем более — помешавшаяся Природа, поминутно нарушающая свои собственные законы. Изолятор в дурдоме, где она чудит и бросается на стены, не в силах вырваться в реальный мир, — вот что такое Плоскость. Сказано давным-давно.

И до сих пор не опровергнуто.

Добро, если бы нарушались только физические законы — не страшно. Тем более что нарушаются они не везде, а так, местами... пусть даже места эти постоянно блуждают. Плевать. Можно приспособиться. К тому же не все эти места таят смертельные ловушки. Подумаешь — слегка обморозит, или придавит тяжестью, или ударит по ушам границей раздела зон воздуха разной плотности. Это чепуха. Хуже, что есть места, как будто специально придуманные для людей, чтобы жизнь им медом не казалась...

И уж совсем плохо с водой. Как в пустыне. Нет, умирают от жажды немногие и больше по глупости. Сиди в оазисе, пей вволю. Хоть купайся. Высунул нос за обозначенную границу — не взыщи. Кто ходит по Плоскости, тот должен уметь терпеть.

Лощина круто изогнулась. Сразу же за изгибом пошла полоса «горящей» земли, вся в трепете коронных разрядов. Холодное неопасное пламя трещало и пощипывало кожу. Потом пришлось обогнуть по склону холма небольшой — с лужу — участок жидкой земли, зябко дрожащий бестолковой рябью. Проводник указал знаком, что к жидкой земле приближаться не следует.

— А что будет, если наступишь? — не удержался от вопроса мальчишка.

— Сам станешь жидкой землей, только и всего. И лужа немного увеличится. Есть целые озера жидкой земли.

— Так она что — живая? Это животное?

Проводник только пожал плечами: откуда, мол, мне знать. И снова долго шли и долго молчали. Надо думать, мальчишка размышлял о том, скольких же людей сожрала эта лужа, и, наверное, самостоятельно приходил к выводу о том, что участки жидкой земли нарождаются крохотными и на беглый взгляд незаметными... пока кто-нибудь в них не вляпается.

Всё так. А ты гляди под ноги и чуть что — прыгай повыше и подальше. Малые, с блюдечко, лужицы слишком слабосильны, чтобы удержать и переварить человека. В наихудшем случае потеряешь обувь вместе с лоскутом кожи со стопы. Хромай тогда к ближайшему оазису, ругайся и лечись.

А пока будет нарастать новая кожа, большой участок Плоскости останется без пригляда. И кто-то из вновь прибывших будет помирать от жажды возле камня с надписью «Сиди тут, жди помощи», а кто-то, не дождавшись, начнет изучать окрестности, а то и пойдет без проводника куда глаза глядят...

Недолго им глядеть. До первой серьезной ловушки.

Минуту-другую хрустел под ногами гравий — обыкновенный, очень похожий на земной. Противно проскрипело застывшее стеклитое озерко. Зашуршал, осыпаясь, песок, тоже самый обыкновенный, не зыбучий. Все было как обычно. Лощина тянулась и тянулась, не думая кончаться. Урчало в животах. Спеклись губы. Воды бы... капельку!

Проводник вел уверенно.

До тех пор, пока шагах в ста впереди не сгустилось, взявшись неизвестно откуда, белесое облачко тумана. Только что там было чисто. Проводник встретил явление облачка кратким ругательством.

— Обойдем, — указал он направление. — Через гребень холма. Потерпите.

Видно было, что ему самому очень не хочется тащиться вверх.

— Никуда я дальше не пойду! — садясь на песок, истерически закричала женщина. — Шагу не сделаю!

— Тогда вы умрете, — равнодушно сообщил проводник.

Пожав плечами, он уже уходил вверх по склону холма, а за его спиной слышалось: «Мама, вставай! Ну вставай же, надо идти...» Женщина орала и отбива-

лась. Матерно обруганный сынишка обиженно замолчал.

— Стоять! — разбуженным медведем рявкнул кряжистый. — Стоять, я кому сказал, козел!

Проводник не отреагировал. Не остановился, не оглянулся, даже не прибавил шагу. Он взбирался по склону неспешно, экономя силы. Казалось, для него перестали существовать трое встреченных им вчера людей.

— Ну все! Убью, падла!

Будто и не уставший, глава семейства штурмовал склон гигантскими прыжками. Проводник не оборачивался. В последний момент он неуловимо ушел вбок, избежав удара. Нападавший сунулся носом в землю и сейчас же с ревом вскочил.

— Трудный клиент, — изрек проводник, ни к кому не обращаясь.

— Ах ты!..

На этот раз кряжистый попытался ударить ногой. Теперь он стоял выше проводника, ему было удобно бить. Но удар почему-то не достиг цели, а кряжистый неловко упал на бок и покатился, подняв облако пыли.

— Достаточно? — спросил проводник, позевывая.

Ему и вправду было скучно. А еще было обидно от того, что клиент попался глупый. Возись с ним... Нашел чем пугать: бурным наскоком, громким ором да волосатым кулаком!

Главное, нашел кого пугать! Владетеля здешних мест, восьмой год топчущего Плоскость и все еще живого! Смешно и нелепо. Особенно со стороны того, кто наел килограммов двадцать лишнего мяса и сала, не поднимая притом ничего тяжелее кружки пива.

Матерясь, кряжистый вертелся всем корпусом, ища камень. Не найдя — взревел и кинулся в третий раз.

Первое нападение — уход с линии удара. Вто-

рое — уход и подсечка. Третье — уход и ответный удар. Давно отработанная процедура. Уж извини, если тебе, двоечнику, нужен третий урок...

— Па-а-а-а-па!!!

Мальчишка бежал вверх по склону. Его отец, проскочив мимо проводника, громко икнул, сложился пополам, прилег на склон и дико завыл. Внизу билась в истерике женщина.

— Не бей папу! Гад! Гад!..

— Ты видел, кто напал первым? — холодно осведомился проводник.

— Все равно! Все равно! Ты гад! — И сейчас же мальчишка нашел новый аргумент: — Ты хотел нас бросить, вот!

— Да ну? Я взялся довести вас до приличного места. Не хотите идти — дело ваше.

— Моя мама не может идти!

— Она может идти и пойдет. Иначе останется здесь и может симулировать сколько ее душе угодно. Носильщиков нет.

— Она свихнула ногу!

— Разве что мозги. Обычно люди ими не ходят.

— Она устала!

— Верю, — согласился проводник. — Но идти она может. Придется потерпеть. Кстати, к взрослым нужно обращаться на «вы», даже когда оскорбляешь их. Тебя этому не учили?.. Ну вот что, я сейчас пойду не торопясь. Если есть желание — догоняйте. Если хотите умереть быстро — ступайте в белый туман, он человека вмиг обглаживает. Хотите помучиться — сидите на месте. Пока.

...Все трое догнали его еще до вершины холма.

Часа через три удалось кое-как утолить жажду.

Воды в ложине не встретилось, ее следов не попалось и после, зато среди низких сыпучих дюн провод-

ник нашел несколько сухих плетей какого-то растения. На каждой плети сидело не то сморщенное яблоко, не то безбожно перезревший пузатый огурец. Под грубой коркой оказалась горьковатая вяжущая мякоть с мелкими семенами. Ее можно было жевать, высасывая влагу.

Белесое небо потемнело, наступили сумерки. Кажется, немного похолодало, если только не шалило воображение. Проводник объявил привал и первый улегся на песок.

Он не спал. Лежал с открытыми глазами, глядел в серую небесную муть. Зачем она? Для чего служит эта пародия на белую северную ночь? Кому от нее польза? Может, растениям?

Не исключено. Хочется верить, что здесь хоть в чем-нибудь присутствуют зачатки смысла.

Мальчишка не подходил к нему — дулся. Женщина охала и жаловалась. Мужчина шупал ободранный нос, тихо ругался и не глядел в сторону обидчика.

Через час проводник скомандовал подъем. Двинулись дальше. Неровности рельефа кончились, и теперь всем стало понятно, почему этот мир назван Плоскостью. Скучная равнина таяла в дымке, заменяющей горизонт. Позади в такой же дымке исчезли дюны. Ни ложбинки, ни кустика. Как проводник умудрялся поддерживать направление без ориентиров, оставалось его тайной.

Один раз встретилась гравитационная аномалия, положительная и настолько серьезная, что даже проводнику пришлось преодолеть ее не иначе как на четвереньках, кряхтя под неподъемной тяжестью собственного тела. Трижды меняли направление, обходя внешне ничем не примечательные места. Несколько минут брели в густом, почти как вода, воздухе, и вот странность: этот воздух не пропускал звуков. Проводник показал жестами, что бояться не надо, а надо просто потерпеть. Видели вдали гнутый смерч, начинаю-

щийся у земли и в земле же заканчивающийся, похожий одновременно на арочный мост и на грязно-желтую радугу. Временами налетали порывы ветра — то горячего, как из печи, то ледяного. Ловушек не попадалось, а на подянки Плоскость всегда щедра.

Серые сумерки рассеялись, снова наступил «день». Проводник шагал, как заведенный. Та малость влаги, что удалось высосать из странных плодов, осталась только в воспоминаниях. Всех мучила жажда.

Позади раздраженно зашептались, и вскоре мальчик опять догнал проводника.

— Мама просит сделать привал, — сообщил он неприязненно и зачем-то добавил: — Вот.

— Незачем, — последовал ответ. — Мы уже почти пришли.

— Скоро уже, да?

— Скоро.

Мальчик побежал сообщить родителям радостную весть и вскоре вернулся.

— А там правда хорошее место?

— Одно из лучших. Много воды. Много зелени. Большая плантация.

— Какая еще плантация?

— Там увидишь.

— А где мы будем жить?

— В коттедже.

— Коттедж — это круто, — с уважением сообщил мальчик. — А сколько этажей? У нас в Барвихе коттедж всего-навсего двухэтажный. И тачка у отца так себе, не очень крутая. Мы как раз поехали крутую покупать, и тут...

Проводник без интереса вторично выслушал историю о том, как ничего не подозревающее семейство ни с того ни с сего мгновенно перенеслось с Земли на Плоскость. Он много раз слышал подобные истории, а одну — о себе — мог рассказать и сам.

Но он не стал рассказывать, а спросил:

— Тебя как звать — Борис?

— Да. — Утвердительно кивнув, мальчик вдруг насторожился: — А что?

— Борис, ты не в сказку попал, запомни это. Твои родители этого еще не поняли. Молодые всегда легче привыкают, а старшим поначалу приходится трудно. Постарайся помочь им понять. Для их же пользы.

Трудно было сказать, понял мальчик или кивнул просто так. И сейчас же перевел разговор на другую тему:

— А вас правда, что ли, зовут Фома?

— Правда.

— А фамилия и отчество у вас есть?

— Зачем? — Проводник пожал плечами. — Они на Земле были нужны.

— А почему вы не сменили имя?

— Я сменил. Теперь я Фома, понятно? Не устраивает?

Мальчик хихикнул.

— Да нет, прикольно даже. «В одном переулке стояли дома, в одном из домов жил упрямый Фома...» Вы это в его честь, да?

— Глупости. Так меня называл Нсуэ, мой учитель, бушмен из Калахари. Я не знаю, что имя Фома означает по-бушменски. Трудный язык. Щелчки, хрюканье и ничего не поймешь. Фома — это в русской транскрипции.

— А-а, — протянул мальчик. — Тогда понятно. А как вы с ним объяснялись?

— Он немного говорил по-английски. Но больше на пальцах.

— А чему вас учил этот бушмен?

— Всего лишь ходить по Плоскости и оставаться живым. Он наткнулся на меня, когда я уже совсем за-

гибался от жажды. Мое счастье, что у него с собой были цама.

— Что было?

— Пустынные дыни, те самые, что мы ели. Они тоже родом из Калахари, бушмены в сухой сезон только ими и спасаются. Ну и мы тут... На Плоскость ведь попадают с Земли не только люди. Иногда и звери, и вещи, и семена растений.

— А-а...

— Бэ.

— Я только хотел сказать: странные дыни. Мелочь невкусная. Совсем они на дыни не похожи. А где сейчас этот бушмен? Посмотреть хочу.

— Он давно умер, — сказал проводник. — Думаю, что умер. Однажды ушел в обычный обход и не вернулся. Никто его с тех пор не видел, значит, умер. Где, как — Плоскость знает.

— А...

— Ну хватит! — оборвал проводник. — Видишь вон там впереди пятно? Это и есть оазис. Иди обрадуй родителей.

— Ни фиги себе «обрадуй»! — возмутился мальчик. — Да тут еще целый час топать!

— От силы полчаса. Я же сказал: мы почти пришли, привал не нужен...

ГЛАВА 2

— И это — коттедж?!

Кривобокая хибара невеликих размеров выглядела как нарочитый шедевр зодческого безобразия. Известно, какие инструменты использовал ее строитель, но отвеса он не знал в принципе. Стены, сложенные из дикого камня на сомнительной связке из рыхлой глины, шли волнами. Одну из трех стен рассекала трещина, в которую без труда пролезал кулак, а четвер-

той стены не было вообще — не считать же стеной прободенный дверным отверстием корявый плетень, не достигающий ростом потолка! Да и щелистый потолок, сработанный из такого же плетня, вынуждал пригибаться — не столько для того, чтобы не набить шишку, сколько для того, чтобы уберечь конструкцию от повреждений. Окон в строении не было.

— Это коттедж, — объяснил проводник.

— Ха! — Мальчишка жизнерадостно заржал. — Во прикол!

Его родители были настроены не столь юмористически.

— Не в этой же лачуге... — начала женщина, выискивая взглядом более достойное строение. Напрасно: насколько хватал глаз, в широкой котловине не наблюдалось никаких иных сооружений, если не считать обложенного камнями колодца с грубо сработанным воротом. Плоское дно котловины буйно зеленело, там повсю росла молодая трава, и ветерок доносил запах воды. Пологие склоны тоже поросли сплошным соломенно-желтым ковром, очень приятным на вид после надоевших пустынных ландшафтов. Вот только больше ничего в котловине не было.

Взгляд проводника ясно давал понять: «В этой лачуге, в этой...» — но вслух было сказано совсем иное:

— Вода в колодце, можно пить.

Они устроили бег наперегонки и для начала едва не сломали ворот. Потом нетерпеливо и склочно утоляли жажду, вырывая друг у друга из рук сплетенное из лыка ведерко. Проводник подождал, пока они напьются и нарутаются вволю, потом достал из колодца воду для себя. Она ничем особенным не пахла, вода как вода, но сейчас ему чудился тухлый привкус. Он знал, что это лишь игра воображения.

— А кто тут раньше жил? — спросил мальчик.

— Один человек.

— Он ушел отсюда?

— Куда? Он устал жить и не придумал ничего лучше, как утопиться в колоде. Мне потом пришлось вытаскивать тело.

Сказано было буднично, проводник просто сообщал сведения, но женщина с криком зажала обеими ладонями рот. Мужчина сделал кадыком судорожное движение.

— Ы-ы... — только и выдавил он.

— Не беспокойтесь, ту воду я давно вычерпал, — пояснил проводник. — Я же сказал: можно пить.

— Слушай, как тебя... — угрюмо обратился к нему мужчина. — Ты куда нас привел?

Прежде чем ответить, проводник неторопливо снял с себя обтерханный рюкзачок, выудил из его недр пустую фляжку, наполнил ее доверху, тщательно закрутил колпачок, вернул фляжку на место и снова продел плечи в лямки.

— Туда, где вы будете жить, — снизошел он наконец до ответа.

— Чего-о?! Ты, козел, кого кинуть хочешь? Я сказал — веди в нормальное место!

Проводник не реагировал. Лишь скука отражалась на его лице.

Сколько раз он слышал такое! Упреки, слезливые жалобы, ярость вновь прибывших, попытки избить негодяя, затащившего доверчивых клиентов неведомо куда, — все это уже было. И всегда кончалось покорностью... у тех, кто нашел в себе силы жить.

Можно сказать и иначе: у тех, кто не нашел в себе сил умереть, отринув раз и навсегда такую жизнь.

— Хочешь снова ударить? — холодно осведомился проводник. — Ты ведь уже пробовал. Надо ли повторять ошибки?

— Витя, дай ему денег, пусть подавится! — сквозь слезы выкрикнула женщина.

— Заткнись! — рявкнул на нее муж и, поколебавшись, снова обратился к проводнику. Теперь его тон был совсем другим. — Слышь, мужик, тут такое дело... Ты не бери в голову. Я погорячился, ты погорячился, что было, то прошло. Забыли, а? Я ведь хочу, чтобы все по уму было. Ты ведешь, мы платим. Денег у нас, правда, не вагон, но неужели два нормальных мужика между собой не договорятся? Так что скажешь, а? Отведешь?..

— У вас много денег, и это хорошо, — сообщил проводник. — Будет чем подтираться на первых порах. Потом научитесь подмываться, вода рядом.

— Слышь, мужик, ты это... не борзей.

— Вы что, еще не поняли? — Проводник слегка повысил голос, впервые показав, что и его терпение имеет границы. — Этот оазис — одно из лучших мест во всей округе. Не желаете в нем жить — уходите. Это моя земля. Хотите остаться — оставайтесь, но за это вам придется платить. Деньги на Плоскости не в ходу, поэтому вам придется работать на плантации и отдавать мне десятую часть урожая. Правда, иногда вы будете получать от меня кое-какие полезные мелочи...

Мужчина медленно наливался свекольным цветом. Мальчишка разинул рот. Женщина истерически захотала.

— Да он издевается над нами!..

Подняв глаза к бесцветному небу, проводник сделал глубокий вдох.

— Запоминайте с одного раза, повторять мне некогда. В коттедже в мешках зерно — это еда. Три мешка стоят отдельно, это посевной материал. Посуда в коттедже. Вот вам коробок спичек, их надо экономить. Дрова — вон те кусты наверху, их тоже надо экономить. Зарубите на носу: удаляться от котловины дальше ста шагов смертельно опасно. Вот те зеленые посе-

вы — рис. Он должен расти в воде. Со дна котловины бьют ключи, но их не хватает. Тогда надо черпать воду из колодца и спускать ее вон в тот желоб. Чем скорее начнете, тем лучше. Видите, палка воткнута? Она должна стоять в воде, тогда рису будет хорошо. Вон там — участок для рассады, он сейчас пуст. Желтые поля по склонам — овес и пшеница. Когда наступит время жатвы, я вернусь и подскажу, что делать. В коттедже на стене висит серп, самодельный, зато настоящий, его берегите особо. Вон там огород, сами разберетесь, но на первых порах очень-то на него не рассчитывайте, он запущенный. Рис и овес — ваша главная еда, запомните это накрепко. Придется трудиться, лентяи на Плоскости мрут от голода.

— Ну ни хрена себе, — только и вымолвил глава семейства, продолжая багроветь и по-рачьи пуча глаза.

— В общем, устраивайтесь, привыкайте. Скоро я вас навещу. А сейчас мне пора, меня ждут другие...

— Э, ты погоди... — Казалось, мужчину вот-вот хватит удар. — Стой, говорю! Мужик, ты чего ваньку валяешь? Мы тебе что тут — рабы крепостные?

— Я не мужик, — флегматично возразил проводник.

— Ха, значит, баба?

— Феодал. Мужики работают на земле, феодал этой землей владеет. Доступно?

— Ты чё, перегрелся? Стану я тебе работать в поле! Маш, ты слыхала — я в поле!

— Все трое, — сказал проводник. — Плантация большая, одному тебе не управиться. Твой предшественник едва успевал поворачиваться, а ведь от сохи был, крестьянская косточка. Коттедж сам починил. Он большой, на троих места хватит.

— Блин! Коттедж!

— Конечно, коттедж. Английские коттеры в таких и жили.

— Сам ты коттер-поттер! Маш, ты гля! Это чмо думает, мы тут останемся! Да еще будем ему десятину платить!

— Конечно, будете.

— Давай веди нас отсюда в нормальное место!

Проводник смерил кряжистого долгим-долгим взглядом. Да, тяжелый случай...

Надо было сразу встречать их по модели «хозяин» и жестко диктовать условия. Вот так и расслабляешься, если несколько клиентов подряд в этом не нуждаются. Сперва решил, что и эти сами допрут, что к чему. Обрадовался — в кои-то веки встретил соотечественников! Надо было насторожиться. Эх, Россия... Неужто главная твоя беда — россияне?

— Не советую идти за мной в хвост, — сказал он. — Где пройду я, там пройдет не всякий. Я ведь вас теперь беречь не стану — чего ради? Ну, идешь? Иди. Через час будешь мертвый, это я тебе обещаю...

Уходя, он слышал, как жена пилит мужа, называя его кретином и тряпкой, и как муж угрюмо отругивается. А десятилетний Борька в диспуте не участвовал — он был занят исследованием нового места жительства. Кажется, оно ему даже нравилось.

Давно пропал в дымке за спиной оазис с оставленной в нем на жительство непростой семейкой, а душевное спокойствие так и не вернулось. Фома был очень недоволен собой. Потерял уйму времени. Отдал скверным людям хороший оазис. Не самый лучший, тут он немного приврал, но все же вполне приличный, многие были бы ему рады. Надо было сразу плюнуть на таких клиентов и бросить их подыхать, а нет — отвести к Трем Дюнам. Так было бы лучше — уж во всяком случае для плантации. Можно себе представить, как они там нахозяйствуют...

Помешал мальчишка, мелкий шкет, из которого

родители еще не успели вылепить свое ухудшенное подобие. Пусть, по восточной поговорке, сын — это полтора отца, но он-то пока в чем виноват? Родителей не выбирают. Станет повзрослее — тогда ему можно будет предъявить счетец. Начиная с некоторого возраста каждый обязан воспитывать себя сам. А молодец пацан, фу-ты ну-ты, боевым петушком налетел, защищая папашу...

Тот ему этого долго не простит.

Обремененный ненужными мыслями, Фома едва не влетел во внезапно открывшийся черный провал — круглый колодец никем еще не измеренной глубины. Провал был средних габаритов, метра два в диаметре. Обругав себя за лопоухость, Фома сделал шаг назад. Провал остался на месте, но как будто уменьшился вдвое. Еще шаг назад — и дыра в твердой, как песчаник, земле исчезла. Полшага вперед — вот она, совсем маленькая, сильно искаженная, рождающаяся как бы из ничего. Одна из подлых ловушек Плоскости и, кстати, одна из наименее гибельных. Конечно, кто упал в дыру, тот пропал, тут и говорить нечего, но черные провалы страшны лишь раззявам. Не беги и все время гляди под ноги — вот и вся профилактика. Тривиально.

Может, и хорошо, что в мутном небе Плоскости не бывает ни светил, ни облаков. Астрономы, метеорологи и эстеты гибли бы пачками. Этот мир с трудом терпит земледельцев и совершенно не выносит мечтателей. Раззявил варежку, загляделся, отвлекся на постороннее — сам виноват.

Километр за километром оставался позади. Как всегда, налетали шквалики, то обжигающе-жаркие, то ледяные. Твердая почва перемежалась с песками, и тут приходилось удваивать осторожность: среди местных песков попадались и зыбучие. Вдали в полном безветрии с далеко слышным шелестом ползли навстречу друг другу две дюны — столкнувшись, замер-

ли. Противно извиваясь, пролетел без дела колючий проволочник — шипастая несъедобная тварь, умеющая подниматься в воздух без всяких видимых приспособлений. Перебежала дорогу гигантская, в полметра, многоножка и внезапно пропала из виду — надо думать, в том месте прятался еще один черный провал. Все было как обычно.

А дел оставалось выше крыши. Внушить тупому канадцу, полгода назад поселенному в маленьком — на одного — оазисе, что он зря пытается держаться за статус свободного фермера: ни у кого это не получалось, и у него не получится. Затем проверить, как живут Автандил, Юсуф и чета Пурволайненов. Раздать заказанное ими барахлишко. Отдохнуть. Поесть, попить и поболтать. Почувствовать, что нужен людям, привязанным к крохотным оазисам, как глоток свежего воздуха.

Слишком тяжело жить на каком бы то ни было свете, если никому не нужен.

С Юсуфом было легче всего. Он с самого начала необычайно покладисто воспринял весть о том, что земля, на которой ему и двум его женам — Фатиме и Сеиде — предстоит жить, уже принадлежит кому-то, и был приятно удивлен малым размером оброка. Назад в Йемен он не рвался и сильно окреп на полевых работах в своем оазисе, мирно выращивая ячмень, ухаживая за десятком чайных кустов и мечтая о хлопчатнике. Кажется, его удручало лишь отсутствие малейших намеков на мак и коноплю среди местной растительности. Поначалу он, правда, чуть не сошел с ума, пытаясь постичь, куда его с женами занесло по прихоти Аллаха, но потом успокоился, решив, что иншалла.

А с канадцем по имени Джордж Приветт было тяжелее всего.

— Привет, Приветт! — как всегда, по-русски обратился Фома к канадцу, ковыряющемуся на маленькой

плантации, и, как всегда, сейчас же перешел на английский: — Как поживаешь? Не надоело еще сидеть на моей земле?

Маленький чернявый канадец с толстыми очками на облупленном носу, похожий на кого угодно, только не на фермера, хотя у себя в Канаде он был именно фермером, отбросил тяпку и без большого воодушевления приветствовал визитера:

— Хэлло, Том. Мне жаль, но ты ошибаешься, это моя земля.

— Вот как?

— Покажи документы на право владения, тогда поговорим.

Фома фыркнул.

— Ты опять? Какие здесь могут быть документы, ну скажи: какие? Кто их выдаст? Я сам себе их выдам?

— Тогда разговора не будет.

— Слышь, Джордж, а у тебя документы на право владения этой землей имеются? Раз уж ты такой законопослушный — будь добр, предъяви.

— У меня нет документов, — с готовностью признал канадец. — Я занял пустующую землю, на которую никто не претендовал. Я нигде не видел ни оград, ни заявочных столбов. Я не видел документов. Прежний хозяин не приходил ко мне с претензиями. Я работаю на этой земле. Она моя.

— Да ты, парень, прямо социалист! — Фома не выдержал — прыснул. — Вот уж не ожидал. Кстати, никакого прежнего хозяина не было. Был прежний арендатор и платил мне десятину...

— Если хозяина не было, тогда и говорить не о чем.

— Есть о чем, поверь. Скажи, где бы ты был сейчас, если бы я не привел тебя сюда? Нет, я лучше спрошу, кем бы ты был, потому что где — никому не

интересно. Не знаешь? Я отвечаю: то ли сухой мумией, то ли вообще никем, пропал бы без следа. Тут это за просто. Ты жив, парень! Плохая ли, хорошая ли, но это жизнь! Ходить по Плоскости ты не умеешь, я видел, так что в ученики ко мне не просись. Кем тебе еще быть, кроме как крестьянином на моей земле?

— Свободным фермером. — Канадец упрямо гнул свое. — Я благодарен тебе, Том. Но я сам себе хозяин.

— А сумеешь?

— Почему бы и нет? Соберу урожай, продам излишки, куплю технику...

Фома только пожал плечами, изобразив мимикой иронию. Было в этом сморчке что-то трогательное. Пришибить шибздика — и не пикнет, а поди ж ты — стоит на своем, как утес, что мохом порос. Мозги у него мохом поросли, а вернее, их никогда и не было. Слушаешь и не знаешь: то ли побить дурачка, то ли и дальше умиляться.

— Очнись, Джордж! — вымолвил он наконец. — Не я же выдумал такой порядок. И никто не виноват, что ты здесь очутился. Так получилось. Плоскость не такова, какой тебе хочется ее видеть. У нее свои законы. Они диктуют, кем тебе быть: или зависимым крестьянином, что скорее всего, или феодалом. Третьего не дано. Пойми, феодал служит связующим звеном между обитателями оазисов. Феодал ходит по Плоскости и остается цел-невредим. Тут нет ничего сверхъестественного, это просто талант. И я знаю талантливых людей, избравших сидячую жизнь взамен опасной. Крестьянам от феодала прямая выгода: он и нужную вещь принесет, и сообщение передаст, с ним, наконец, можно просто поболтать, отвести душу. Не бесплатно, конечно. Взамен он получает натуральный оброк, не очень, кстати, обременительный, и гостеприимство. Ну еще, если война с соседями, феодал созывает ополчение, только войн при мне не было, мир везде...

— Хорошенькое дело! Еще и воевать за кого-то!..

— Припрет — придется. Ты вот что усвой хорошенько, Джордж: феодализм на Плоскости своеобразный. Это по сути выгодный всем симбиоз. Только так тут и можно выжить, а иначе сгинешь. Свободного рынка здесь нет и техники тоже. Не хочешь платить оброк лично мне — ладно, я не гордый, отведу тебя к соседям. Только у них будет то же самое, если не хуже. Это я тебя пока что уговариваю, а другой возьмет да и сгонит с земли — иди подыхай, раз такой непонятливый...

Против воли в его голосе прозвучала угроза — упрямец действовал-таки на нервы. Уловив чутким ухом изменение тона, канадец проворно схватился за тятку — давай, мол, подходи, кровосос.

— Не беспокойся. — Фома подавил усмешку. — Я не собираюсь ни бить тебя, ни убивать, ни сгонять со своей земли силой. Сам уйдешь. Ты на тятку-то свою посмотри внимательно. Ничего не замечаешь?

Опасаясь подвоха, канадец мельком обозрел свое орудие труда и отрицательно помотал головой.

— Смотри внимательнее и не бойся, я на тебя не прыгну. Ну? Ничего не замечаешь? Ты не на дерево, ты на железо смотри. Похоже на настоящее, верно? А только оно эфемерное, и весь твой инструмент эфемерный. Я сам его выпал. Скоро он распадется в пыль, и что ты тогда делать будешь? Обходиться деревяшками или пяткой землю ковырять? Посуду из глины лепить начнешь? Иди, поищи хорошую глину. Огонь уже сейчас трением добываешь?

— Пока нет...

— Тогда начинай тренироваться, скоро пригодится. Вот что, Джордж... я к тебе теперь долго не приду. Живи как знаешь, авось не помрешь. И если в мой следующий визит ты не поумнееешь, я к тебе перестану заходить вообще. Ничего, не обеднею. А вот ты че-

рез год-другой одичаешь и начнешь сходить с ума. Десять против одного: сам пойдешь искать людей. Сто против одного: сгинешь. Поверь, я знаю, что говорю, ты ведь здесь не первый гордец...

Ни тени сомнения не прочитал Фома на лице Джорджа и, уходя, бросил через плечо:

— И болван тоже не первый...

В этой части его владений, примыкающей к владениям соседа — китайца Бао Шэнжуя, — оазисы встречались часто. Не прошло и часа, как вдали из воздушной мути проявилось зеленое пятно плантации, а еще через час Автандил ревел, схватив Фому в охапку, крутя и подбрасывая в воздух:

— Пришел, дорогой мой! Давно жду тебя. Гость пришел — праздник, да? Мой дом — твой дом. Да. Заходи, дорогой, кушать будем, я лаваш испек. Почти совсем хороший лаваш. Слушай, ты что кислый такой? Совсем лимон, да. Мужчине киснуть не годится, если он мужчина. А ты мужчина. Да.

— Задавишь, черт! — просипел Фома, сияясь рассмеяться. — Отпусти, медведь! Поставь где взял, боец греко-римский...

Насколько он знал, Автандил в давно прошедшей молодости не занимался никакой спортивной борьбой, но телосложение для нее имел самое подходящее. К квадратному — не ухватить — низенькому туловищу крепились длинные и, как ни странно, совсем не мускулистые, а просто очень толстые волосатые руки неимоверной силы. Был Автандил почти лыс, густо бородат, двигался проворно и всегда напоминал Фоме краба, но на такое сравнение, пожалуй, обиделся бы. Что краб! Несерьезный зверь, щипаться только горазд. Медведь — еще куда ни шло. Хотя в воображаемой схватке между Автандилом и бурым медведем средних размеров Фома поставил бы на Автандила.

Не шота-руставелиевский витязь-плакса, что «восьмерых схватив злодеев, ударял в девятерых», нет. «Злодеев» он уничтожал бы поодиночке, тратя на каждого не более секунды. И без особых эмоций.

— Ва, борец! — обрадовался Автандил и, бережно поставив феодала на грунт, наградил таким хлопком по плечу, как будто забивал сваю. — А что, я бы смог, да? Зачем раньше не сказал? Я большим человеком мог стать. Шучу, да. Пошли в дом, гость дорогой. Извини, вина нет. Брагу пью и о вине мечтаю. Да. У меня дома в Манглиси виноградник был, во сне его вижу. Вино немного делал, тонны две в хороший год, чачу делал. Не на продажу — для себя, для гостей. Хорошая была чача. Здесь мне хоть одну бы лозу, да?..

Улыбаясь, Фома вынул из рюкзачка туго свернутую тряпицу, развернул на ладони. Внутри лежали две виноградные косточки.

— Сюрприз.

Он приготовился к тому, что от рева Автандила сейчас заболят барабанные перепонки. Но Автандил не стал реветь. Автандил прослезился. Мозолистые коричневые ладони его дрожали, принимая драгоценность.

— Откуда, дорогой?!

— Выменял на укроп. Только я не знаю, как их проращивать, ты уж сам.

— Я знаю! Да! Я выращу! Черенок лучше, но и косточка прорастет, да. Не все умеют. Я умею. Дай срок — целый виноградник будет! Вином дорогого гостя встречать буду! Петь будем. Я тебя на два голоса петь научу.

— Не выйдет, — смеясь и тыча себя в ухо, отвечал Фома. — Мне не медведь наступил, по мне стадо мамонтов топталось. У меня и в школе по пению трояк был...

— Так плохо пел, да?

— Если бы только это, была бы четверка. Так плохо себя вел. Однажды крысу поймал и в школу принес, чтобы в пианино засунуть, за этим занятием меня и застукали. Ненавидел пианино как класс, зверел от его звука...

Автандил не дослушал — побежал прятать куда-то драгоценные семена. Но сейчас же вновь появился на пороге хижины, приблизился, обнял с чувством и столь бережно, что кости благодетеля даже не крикнули.

— Прости, дорогой. Пойдем в дом. Да. Вина нет пока — чай пить будем. И совсем немножечко браги, да?

Радужный хозяин, он знал, что Фома брагу терпеть не мог, но исповедовал принцип: не хочешь пить — не пей, но пригуби, сделай хозяину приятное. А потом — ладно уж, чай.

Больше суток — по личному, внутреннему чувству времени — выносить общество Автандила было трудно, но в пределах этого времени ничего лучшего не надо было. А когда Фома подцепил от новоприбывших какую-то инфекцию и всерьез заболел, Автандил в три дня поставил его на ноги тошнотворными, но жизненно важными отварами из одному ему ведомых местных трав и корешков. На него можно было положиться всегда и во всем. Фома много раз жалел, что Автандил не умеет, ну совершенно не умеет ходить по Плоскости. Все ловушки и подянки притягивали его, как магнит железо. Будь иначе — честное слово, предложил бы ему пойти в напарники. И стало бы в одном феоде два феодала, и справляться с делами удавалось бы куда легче...

Почему всегда так бывает: надежные неспособны, а способные ненадежны? Загадка природы.

Внешне дом Автандила мало чем отличался от дачного «коттеджа» на староанглийский батрачский лад или беднейшей горской сакли. Каковы стройматериалы, таково и жилище. Зато внутри на каждом шагу чувствовалась любовная рука хозяина. Полочки по

стенам, посуда, кривоватый, но крепкий стол... Очаг, правда, не имел дымохода, но был сложен крепко из добротных массивных камней. Чего стоило отыскать и приволочь сюда эти камни, бракуя негодные! Дым поднимался к потолку, висел под ним плотным облаком, коптил хворост кровли и уходил в щели. Кому нужна крыша без щелей в мире, не знаящем, что такое дождь, снег и палящее солнце? Строго говоря, она вообще не нужна, как не очень-то нужно и жилище.

Иллюзия. Понятие крыши над головой выше примитивного здравого смысла. И очень хорошо, что выше.

Таков же был и надел Автандила, самый зеленый и радующий глаз во всем феоде. Хозяин работал на нем мощно и безотказно, как умный и надежный сельскохозяйственный механизм. Поле пшеницы, поле ячменя, чайные кусты и большой огород не давали ему сидеть без дела. В образцовом порядке содержались не только угодья, но и весь оазис, явно великоватый для одного человека. Ничего не валялось зря, все радовало глаз. Недалеко от весело журчащего родника зеленело с полдесятка молодых, еще не плодоносящих шелковиц. Теперь, надо надеяться, будет возвращен и виноградник... Выменянные у соседей драгоценные семена Фома первым делом нес Автандилу, резонно полагая, что уж если он не сможет их прорастить, то никто не сможет. И уже после Автандила посевной материал расходился по феоду вместе с невесомым грузом советов по уходу за новой культурой.

Фома присел за стол на плоский камень, служивший табуретом. Хозяин водрузил на стол две грубо слепленные пиалы, в одну налил из бурдюка чуть-чуть, вторую наполнил вскрай. Сдув со стола несуществующие крошки, бережно положил свернутый вчетверо лаваш — и хорошо, что свернутый, иначе он свисал бы со столешницы. Как и на чем Автандил ухитрялся выпекать лепешки таких размеров, оставалось его тайной. К резкому запаху браги сейчас же примешался

не менее сильный запах свежесвеженного хлеба с незнакомым букетом пряностей — Автандил, как всегда, экспериментировал.

Фома повертел в руках пиалу:

— Сам сделал, сам обжег? Мастер. А где глину такую взял?

— А, тут хитро надо, — обрадовался Автандил. — Где родник, там и глина, да? Плохая глина, но глина, да?

— Вестимо плохая. Ни в одном оазисе дельной глины нет — разве что суглинок.

— И у меня нет. Я скажу, как надо. Копаешь яму, отводишь туда воду, да? Кидаешь туда этот... как ты назвал... суглинок? Да. Мелко крошишь и кидаешь. Крутишь, вертишь эту воду, мутишь по-всякому, потом даешь отстояться. Понимаешь, да? Песок на дно ушел, утонул совсем, а глина попозже сверху легла. Черпай, дай чуть подсохнуть и лепи, да?

— Просто-то как, — поразился Фома. — А ведь это опыт по природоведению, четвертый, кажется, класс. Почему это мне в голову не приходило?

— Не горюй, дорогой! — всплеснул руками Автандил. — У тебя другая работа, другие мысли. Как можно иначе? Я тебе скажу: так и должно быть. Да. Ты кушай, кушай. Черемша тут, укроп, базилик и еще одна местная травка, не знаю, как ее зовут. Вкусная. Съел — живой хожу. Жаль, кинзы нет и чеснока. Да.

— И перца, — согласился Фома. — Да и соли мало. Извини, я не принес. В другой раз — обязательно.

— Какой разговор? У меня еще есть немного соли, зачем больше? Грибы солить, да?

Автандил сам не заметил, как допустил бестактность, упомянув о вкусной, но недоступной еде. Рот Фомы мгновенно наполнился слюной. Любил он в той, прежней жизни соленые грибы, ох любил... Сам не солил, но покупал, когда деньги были. Крепенькие грузди, рыжики, даже белые... Бытует мнение, что белые

грибы не годятся в засол. Полная чепуха! Трудно придумать что-либо вкуснее.

И вот ведь подлость какая: на Плоскости грибы не растут. В смысле, не растут земные грибы. Иногда ветви корявых кустов покрываются ярко-оранжевыми наростами, по-видимому, грибного происхождения, но это местные грибы, их есть нельзя. А ведь люди попадают сюда отовсюду, самые разные люди, в том числе грибники, туристы или охотники, внезапно выхваченные из леса, и быть того не может, чтобы они не занесли сюда грибов спор, как занесли по случайности семена полезных растений. Пустынные дыни цама разбросали свои плети по местным дюнам задолго до бушмена Нсуэ. Никто не упомнит, когда появились рис, ячмень, пшеница и подсолнечник. Плоскость обитаема испокон веков, люди забрасываются сюда достаточно регулярно, и у каждого в кармане или за подкладкой может случайно заваляться какое-нибудь семечко. По приблизительной статистике, у каждого сотового, что вовсе не так мало. Так время от времени появляются новые культуры. Иногда удается даже улучшать сортность. А вот грибы почему-то не приживаются...

Тост за дорогого гостя Автандил произносил минут пятнадцать, так что, дослушав до середины, Фома забыл, в чем заключалось начало, а к концу делал героические усилия, чтобы не клевать носом. Удивительно, насколько различны люди из числа осевших в небольших оазисах одиночек: кто-то, привыкнув подолгу молчать, быстро становится угрюмо-нелюдим, лишнего слова из него клещами не вытянешь; кто-то, напротив, только и ждет случая окунуть нечаянного собеседника в словесный водопад...

Впрочем, было складно и торжественно. Фома пригубил бражку и жадно набросился на лаваш. Казалось, в жизни не ел ничего вкуснее. В искусстве хлебопечения Автандил достиг совершенства.

А в чем он не достигал его? За все брался, и все у него получалось. Если на столе не было овощей, то только потому, что урожай с огорода собирался тогда, когда не было работы в поле. Иначе ведь не управиться одному, хоть разорвись и не спи.

Остаток браги Фома выпил за покойницу Ламару, и не зря. Уже три года Автандил жил без хозяйки, отвергая предложения привести ему женщину из ново-прибывших. Отверг и на этот раз:

— Слушай, к чему, дорогой? Ламара одна была, да. Спасибо, что вспомнил о ней. Другой такой не бывает, а если женщина хуже — зачем она мне? Я ведь и один со всем управляюсь, да?

— Управляться-то ты управляешься, всем бы так управляться, да только в гроб себя загонишь. Оазис твой явно на двоих, зачем же одному пахать?

— Я слабый, да?

— Ты сильный, вот потому-то еще не надорвался. Но надорвешься, дай срок. Скажи честно, может, ты жить не хочешь?

— Почему жить не хочу? — горячо возразил Автандил. — Очень даже хочу. Да. Солнца нет, плохо. Дождей нет, плохо. Ламара умерла, один остался, опять плохо. Зато гость пришел — радость. Виноград будет — еще радость. Нет, дорогой, жить лучше, чем не жить. Да. Не жить — это совсем ничего не ждать, а я жду. Мне интересно.

Чего он ждет, Автандил не пояснил. А Фома подумал, что на его месте давно бы повесился с тоски или вышел за пределы оазиса с целью вляпаться в первую же ловушку. Нельзя даже сказать о длинной веренице однообразных дней — здесь и дней-то нет! Да, люди очень разные... И это замечательно, что они такие разные!

Потом его начало всерьез клонить ко сну, но он еще нашел в себе силы вымыться. Можно даже ска-

зять — принять ванну. В оазисе Автандила из земли в трех шагах друг от друга выбивались два родника — один холодный и чистый, как ледниковый ручей, второй мутноватый и очень горячий, с клубящимся паром. В твердом грунте Автандил выдолбил большую прямоугольную яму и отводил в нее воду обоих ключей. Получилась почти настоящая ванна, работающая в контрастном режиме — с одного боку то и дело обжигало ледяной водой, с другого грозило ошпарить крутым кипятком. Из ямы вытекал тепловатый ручей и шагах в двадцати без остатка впитывался в почву. С ирригацией полей у Автандила были проблемы.

Рыча и повизгивая от наслаждения, Фома скреб тело ногтями, драил песком, мылил глиной и все никак не мог остановиться. Устав, вылез, кое-как обсох на теплом ветру, едва нашел в себе силы дойти до лежанки в «сакле», голый упал на подстилку из пахучих трав и немедленно отключился. У Автандила можно было спать сколько угодно без боязни не проснуться. Автандил не только не мог, но и не желал стать феодалом, устранив соперника ударом камня или ножа. Любой феодал на Плоскости знает: не всякий оазис — повод расслабиться. Люди завистливы. Хотя завидовать-то особенно нечему...

Ведь не свободе же феодала. Его свобода — это лишь свобода перемещаться в границах своего феода, сплошь и рядом рискуя сильнее, чем допускается здравомыслием. Нет у него иной свободы.

Каторга. Кабала. Тюрьма.

Толстогубые рыбы с глупыми мордами вновь окружили его во сне и свободно парили в зеленоватой мутной толще, бессмысленно тараща глаза на застрявшего в клейкой среде человека, отчаянно пытающегося освободиться. Они не понимали, чего желает это странное извивающееся существо. Рыбы глотали воду, шевеля жаберными крышками. Вот как надо дышать. Воздух — зачем он? Чего хочешь ты, непонятный?

Кто ты? Кому нужен? Если можешь, так всплывай, не жди. Скатертью дорога.

Но если ты не в силах всплыть — зажмись и не дергайся. Что, не хочешь?..

А придется.

Потому что нельзя уметь делать все, что захочется, и оставаться при этом обыкновенным смертным. Пока ты человек, всегда найдется что-то сильнее тебя.

Запомни. Это так верно, железобетонно верно, и так просто.

Проще некуда.

ГЛАВА 3

Когда Фома проснулся, его одежда была уже выстирана и высушена Автандилом, а на столе стоял скромный завтрак. На сей раз брага не была предложена: пить перед выходом — себя не беречь.

Самое главное — вокруг не валялось никаких гипсовых форелей, не говоря уже о более причудливых порождениях сна. Иные из них бывают столь велики размерами, что непременно порушили бы Автандилу «саклю». Как все-таки здорово, что Плоскость, почти сплошь состоящая из аномальностей, столь скупа на места, где материализуются сны! Строго говоря, в каждом нормальном феоде есть только одно такое место. Будь два, расположенных не рядом, а поодаль друг от друга, — и рано или поздно обязательно возникнут два феода и два феодала. Не сыщется ни одного — не будет и феодала, хотя оазисы останутся. Наверное, где-то есть такие места...

Фому передернуло, отчего он окончательно проснулся. Это надо же — жить вольным крестьянином, не имея ни элементарной утвари, ни простейших орудий, пусть эфемерных. А главное — жить вечным отшельником без связи с другими людьми. Робинзоном

без Пятницы и без надежды. При том, конечно, условии, что заброшенному на Плоскость человеку вообще удастся добраться до оазиса без помощи феодала, что само по себе маловероятно...

Фома сам не понял, сколько времени проспал. Наверное, много. Не Автандила же спрашивать — сколько; он часов не наблюдает. Уступив дорожному гостю свою лежанку, хозяин, кажется, не ложился вовсе. Пролезая в ветхие штаны, Фома обнаружил, что прорехи аккуратно заштопаны. Ну да, верно: в прошлый раз Автандил получил иголку и нитки... эфемерные, конечно. Год-два штаны еще продержатся, и на том спасибо.

Фома вздохнул. Как ни береги одежду, что была на тебе, когда ты попал сюда с Земли, она снашивается, и неизбежно приходит время облачаться в эфемерное, выспанное. А штаны не катушка ниток и гораздо раньше обратятся в пыль — положим, без штанов не замерзнешь, но мало приятного ходить, отсвечивая задом. На Плоскости нет животных со шкурами, подходящими для шитья одежды. Здесь слишком жарко, чтобы хоть кому-нибудь удалось вырастить лен, хотя попытки были очень настойчивыми. И хлопка нет. То есть, возможно, он есть где-нибудь у дальних соседей, но поди проверь, что у них есть. Во всяком случае, на обмен он не поступает...

Решено: как только у Автандила начнет плодоносить виноградник, половину семян надо будет забирать в счет оброка и менять их на семена хлопка. Только на них и ни на что другое.

Найдутся умельцы прясть и ткать. Человек всему может научиться. Никто ведь не требует, чтобы получались ткани экстракачества. Главное, чтобы они вообще получались. А шить одежду — это уже совсем просто...

Думая так, Фома ел и болтал с гостеприимным хозяином. Странное дело: в отношениях с Автандилом

он частенько забывал о том, что эта земля — его и что Автандил, как все, сидит на оброке, платя феодалу за оазис и право на жизнь. И когда хозяин приволок мешок муки, Фома почувствовал неловкость и сделал протестующий жест.

— В другой раз возьмешь, да?

— Совсем не надо. Я у тебя ел, пил, мылся...

— Зачем обижаешь, дорогой? — Автандил нахмурился. — Ты пришел — мне радость принес, да. Я на одном месте сижу, как дерево, а ты много ходишь, большое дело делаешь. Скольких ты людей выручил? Есть у тебя время землю копать? Кушать феодал должен, да? Ходи, встречай людей, учи их. Без феодала совсем никуда не годится. Бери, не обижай.

Спорить с его логикой было невозможно, как невозможно таскаться по Плоскости с пятипудовым мешком на плечах. Иные земледельцы с трудом могли прокормить себя, а Автандил снимал хорошие урожаи. Сам молотил, сам веял, сам молол зерно. Вдохнув, Фома выудил из рюкзака белый от муки мешочек, похожий на наволочку от небольшой подушки.

— Отсыпь сюда немного. Чур, не до верха. Остальное — потом. Я к тебе теперь почаще заходить буду, а ты угощение тоже в оброк ставь. Не спорь! — упредил он возражение. — Не спорь и не обижайся, а пойди навстречу. Ну ты сам подумай: как я все это потащу? Грыжу наживу только. Зачем мне грыжа? Плохой это оброк.

— Точно будешь чаще заходить, да? Обещаешь?

— Ну конечно!

Фома решил, что следует и в самом деле поменять схему обхода владений, чтобы почаще оказываться в этих краях и отдыхать душой у Автандила. Так сказать, в рамках охраны труда, нелегкого и намного более опасного, чем хотелось бы. Редко какой феодал топчет Плоскость более десяти лет. Чтобы жить долго,

он должен иметь холодную голову, не измученную решением непосильных проблем, крепкие нервы и хороший кураж. Издерганные да затурканные — не жильцы вне оазисов.

От мешочка с мукой рюкзачок заметно потяжелел. Фома оставил Автандилу всего-навсего десяток гвоздей и коробок спичек. Гостеприимный хозяин и от этого-то отнекивался. Пришла в голову и тут же вылетела максима: чем меньше человек просит, тем большего он достоин.

На границе оазиса Автандил махал вслед.

До Пурволайненов было совсем рядом — час пешего хода. В любой земной местности, исключая непроходимые горы или бездонные болота, хуторяне за просто бегали бы друг другу в гости. Но как раз данный отрезок маршрута всегда являл собой исключительно густое скопище подлянок и ловушек. Одних только черных провалов здесь было девять штук.

На досуге Фома иногда размышлял: почему так устроено? Казалось бы, раз ловушки и подлянки находятся в вечном медленном дрейфе, они должны потихоньку кочевать по всей Плоскости, распределяясь более или менее равномерно. На деле — вот вам! Где густо, а где пусто. Изредка попадаются места, где не пройти и феодалу. Бушмен Нсуэ показывал одно такое место на границе владений; с тех пор Фома туда и не совался.

Все-таки Плоскость не первозданный хаос и не хаос вообще. Всякая логика ей противна, это точно, но кое-какие общие закономерности все же существуют...

Разумеется, пробираясь к Пурволайненам, Фома никогда бы не позволил себе увлечься мыслями, не имеющими отношения к конкретной задаче: дойти. Феодал обязан хорошо мыслить, это древняя банальность. Но еще в большей мере он обязан не быть философом — если, конечно, хочет жить. Мысли должны

быть быстрыми и всегда конкретными. Как у шахматиста на блиц-турнире. Плюс инстинкт. Плоскость не возбуждает иметь инстинкты, чутье и интуицию — наоборот, поощряет их развитие.

Сквозь трепещущие разряды синих молний он наконец увидел оазис. Уловил мгновение затишья, равнулся, проскочил. Тут же вляпался в раскаленный вихрь, успел выбежать из него прежде, чем вспыхнули волосы и одежда, и только потом взвыл от боли. Вот невезуха. Волдыри будут.

Не в первый, впрочем, раз...

Да и не в последний.

Раз сумел пройти здесь — точно не в последний. Поганое место. Самое неприятное на всем маршруте, реальный шанс гробануться ни за что ни про что. А куда от него денешься? Либо топай несколько часов в обход «полосы препятствий», где тоже не сахар, либо, перекрестившись, прорывайся напрямик — и так риск, и этак. Выбирай.

Лучше уж напрямик, чего зря время терять.

У Пурволайненов он долго не задержался. Омыл ожоги, поболтал с Урхо, отвесил комплимент Лизе, отдал ей под радостный визг давно заказанную простыню, отклонил предложение пообедать и отбыл. Хозяйство у финской четы было крепкое, ценных указаний не требовалось, а что до оброка, то Пурволайнены только-только отсеялись, какой оброк? После сбора урожая — другое дело. Тогда мешок на горб — и вперед. Самое тяжкое время, а куда денешься? Феодалу тоже надо пить-есть и иметь запасы. Не превращать же в носильщиков хуторян, чтобы Плоскость сократила их поголовье...

Он взял только бутылочку свежесжатого подсолнечного масла и насыпал в карман семечек. Помимо пшеницы и ячменя Пурволайнены держали одно поле под подсолнечником, а Урхо, бывший механик

авторемонтной мастерской, отродясь не живший на хуторе в своей Финляндии, смастерил черт-те из чего маслодавальню собственной конструкции. А бутылочка у Фомы была своя и даже не эфемерная, а настоящая — малая пластиковая емкость из-под колы, бросающая в той, прежней жизни и драгоценная в этой. Плоскость не Земля. То, что там валяется на свалках, оскорбляя зрение, здесь ценится на вес золотого самородка и даже выше. Кому нужно золото на Плоскости? Зачем оно? Разве что как груз для солений или, скажем, навесить на колодезный «журавль».

Да и мысли об этом излишни. Нет тут никаких самородков и никогда не было. Камни и те чаще всего неопределенной породы. Одно слово — Плоскость.

По дороге к Юсуфу Фома сделал крюк. В каждом феоде есть особые места, где неведомые силы чаще всего выбрасывают на Плоскость подхваченных с Земли пленников. Чаще всего, но не всегда. Человека или группу людей может выбросить где угодно, но, на их счастье, вне изблюбленных Плоскостью точек такое случается редко. В своем феоде Фома насчитывал шесть таких мест и не ленился проверять их так часто, как мог. Все равно случалось, что приходил слишком поздно...

Даже несмотря на надпись «Сиди тут, жди помощи», а зачастую и на бутылку с водой, нарочно оставленную для того, чтобы легче было ждать. От визита до визита срок большой, иные не дожидаются. Кто по глупости и дурному нетерпению, а кто от голода и жажды.

Ему не раз приходило в голову, что вот так-то Плоскость и производит первичный отсев. Тот, кто не дотерпел, не дождался помощи, изверился в надписи, пускается в путь — наудачу и, конечно, с понятными последствиями. Тот, кто сидит до упора, имеет хороший шанс. Плоскость терпеть не может взрывающихся от нетерпения рысаков-двухлеток, ей нужны уп-

прямо-терпеливые битюги. Их она тоже не слишком жалуется, но хотя бы позволяет жить.

Издалека было видно, что приметный камень на месте; чуть ближе начала различаться надпись «Сиди тут...». И никого вокруг.

Обычное дело. Если бы каждая точка выброса аккуратно срабатывала каждую неделю, на Плоскости давно возник бы демографический кризис и, знамо дело, разрешался кровавым путем. Хорошо, что неведомые зловредные силы забрасывают сюда людей так редко. Плохо, что забрасывают без всякой системы, нерегулярно. Не вычислишь. Вечно ходи, вечно ищи попавших сюда несчастливцев. Сгинут ведь.

Можно было сразу заворачивать оглобли. Почему Фома дошел до камня с надписью, он сам себе не мог толком объяснить.

Бутылки с водой, оставленной у камня для вновь прибывших бедолаг, не было!

Она не могла рассыпаться, хотя и была эфемерной, — Фома помнил, что выпал ее совсем недавно. Много ли весу в пустой пластиковой посудинке? Граммы. Ну, десятки граммов в худшем случае. Такая вещь будет служить не один год и раньше придет в негодность естественным путем, чем распадется в пыль. А наполнявшая бутылку вода, разумеется, была настоящей, она не в счет.

Он зашнырял вокруг, пригибаясь, как ищейка. Сделал вокруг камня большой круг, затем еще больший. Несколько раз подбрасывал в мутный воздух горсть песка, не обнаружив в итоге ни одной отрицательной гравитационной аномалии. Ловушки и подлянки постоянно кочуют, это верно, но обычно они ползут с черепашьей скоростью, а не бегают. Бутылка не могла улететь сама. Не-ет, ее кто-то унес...

Кто?

Дурень, который не дождался, несмотря на предупреждение на русском и английском?

Скорее всего. Вот взял да и не поверил писаному. А то и вовсе не знал английского, не говоря уже о русском. Мало ли людей обитает на планете Земля, и мало ли из них живут в такой глухомани, что чужие языки им без надобности. Сикхи какие-нибудь или эти... берберы. А индейцы Перу? На что им инглиш, хоть и пиджин?

А еще через минуту он заметил след.

Сравнил со своим — не то. След был на два размера больше, с грубой рубчатой подошвой. Его оставил чужой человек.

Только один след. Нельзя было понять, откуда взялся этот человек и куда потом делся. Для очистки совести Фома еще раз обошел местность в радиусе ста шагов, тщательнейшим образом вглядываясь в почву. Ничего не нашлось, да и не могло найтись. Стоит подуть ветерку, и тонкий сухой песок мигом скроет любую ямку. Кое-где песка не было, но там тупо и безмолвно каменели плоские скальные выходы — какие на них следы? И все же Фома искал. Хоть что-нибудь.

Не нашел.

Забравшись на ближайшую дюну, он медленно и тщательно обозрел пространство вокруг, насколько позволяла дымка. Ничего... Достал из рюкзака маленький четырехкратный бинокль — выспанный, конечно, эфемерный, но исправно действующий. Опять ничего... Чувствуя себя полным идиотом, покричал, поаукал. Ответа, естественно, не было.

Человека тоже.

Вновь прибывший, конечно. Вот дурень-то, прости господи... Куда его понесло? Вряд ли еще жив, но кто знает, кто знает... Всякие бывают чудеса.

Но где искать дурня — неизвестно. Он мог уйти в любом направлении.

★ Когда — тоже неизвестно. Фома постарался припомнить, как давно он был здесь в последний раз. Пожалуй, суток десять-двенадцать назад в пересчете на земное время. В общем-то нормальный временной промежуток между посещениями одной точки. Раньше никак не успеть, если не халтурить, а аккуратно, по очереди посещать все оазисы и все точки выброса. Попавший сюда человек теоретически может продержаться десять суток на одной двухлитровой бутылке воды. И даже двенадцать может, хотя окажется на грани гибели от жажды.

Были прецеденты. Плоскость не Сахара и не Аравия, здесь все-таки прохладнее и нет палящего солнца-убийцы. Надпись на камне не врет: можно выжить, дожидаться помощи и осесть в свободном оазисе. Терпеливый и хладнокровный имеет все шансы на жизнь.

С вершины дюны Фома тщетно попытался понять, какое направление движения вновь прибывший мог счесть наиболее предпочтительным. С каждым годом ему все труднее давались попытки поставить себя на место новичка. Станные они. Паникуют, мечутся, сходят с ума. Это от зазнайства, от ввевшейся с детства вредной привычки считать хомо сапиенса венцом творения и царем природы. У них не укладывается в уме, что по вселенским масштабам они — микробы, в лучшем случае букашки. А разве букашка удивляется, если порыв ветра сдует ее с былинки и бросит на асфальт?

«Ей нечем удивляться — мозгов нет», — возразят многие. Ну и что? Букашка устроена очень рационально, зачем ей ненужная рефлексия? Она знает свое место, и порывы ветра для нее в порядке вещей. Букашка поползет по асфальту к обочине шоссе и доползет, если не угодит под колесо машины. Букашка-насекомое твердо знает, что делать. Почему же это невдомек букашке-человеку? Почему он не желает примириться с реальностью?

Ведь Плоскость — реальна. И ловушки ее реальны, реальнее некуда. И оазисы реальны. И даже эфемерные, выспанные вещи реальны, пока не истек срок их существования. Их можно потрогать. Ими можно пользоваться. Так почему же разум, которым наделен человек, вступает в конфликт с элементарным инстинктом самосохранения? Эй вы, напыщенные гордецы, много ли дал вам ваш разум? Ничего он не дал, кроме ненужного вопля: «Не хочу-у! Это несправедливо! Почему я?!»

А почему не ты, собственно? Только потому, что сам себя объявил царем природы? Ну-ну, поцарствуй...

И с какой стати ты решил, что у Вселенной есть какое-то понятия о справедливости? У нее есть только законы, да и те, как выяснилось, кое-где нарушаются с дивным постоянством. Вдруг выяснилось, что Вселенная — это не только мир звезд, планет и туманностей. Ну и что? Она может быть какой угодно, это ее право.

Хочешь жить — прими Плоскость как данность и учись существовать на ней. Терпи отсутствие комфорта. У бушмена Нсуэ это получалось лучше, чем получается у «цивилизованного» европейца или американца с брюшком, одышкой и непомерными амбициями. Бушмен хотел малого: воссоединиться с родным племенем хейкум, а на Плоскости или в Калахари — так ли уж важно на самом деле?

Но и бушмен не получил той малости, что желал.

Так чего же хочешь ты? Изменить реальность одним желанием? Ты не бог.

Оставить эту реальность как есть, а самому вернуться в более привычную? Уже лучше. Но сначала задай себе вопрос «как» и ответь на него. Почему-то до сих пор никому это не удавалось.

Ну и живи себе. Ощущай себя букашкой, никчемным созданием, но живи. Ищи смысл, если не в силах

★ примириться с его видимым отсутствием. Изобретай способы вырваться отсюда, задыхайся во сне среди глупых рыб и мечтай всплыть. Исследуй мир, в котором живешь. Пробуй пальцем, только сперва спроси умных людей — как. Для этого — существуй, старайся существовать как можно дольше и верь: ты не в могиле, ты только в тюрьме. А если ты сдался и позволил Плоскости убить себя (а она сделает это с чрезвычайной непринужденностью), то ты никто, хуже букашки, полный нуль, и возиться с тобой не стоит.

Фома с трудом мог вспомнить, как сам метался, кричал и чуть ли не плакал, угодив сюда девятнадцатилетним сосунком без малого восемь лет назад. У человеческой памяти есть прекрасное свойство: забывать постыдные поступки. Он давно научился относиться к вновь прибывшим со снисходительным терпением. Что с них взять! Глупые они пока. Иные так и останутся глупыми, а некоторые со временем станут умными. Вразуми их, Плоскость! Помоги им на первых порах. Пожалей их, не убивай сразу, дай людям шанс!

— Вот же дурак-то, — сказал он вслух по поводу ушедшего.

Раз забрал бутылку, значит, скорее всего, не допил до дна. А раз не допил, значит, не был измучен жаждой. Просто надоело сидеть сиднем, устал ждать и потопал куда-то. А куда?

Фома еще раз оглядел местность, пытаясь сообразить, какое направление могло показаться новичку наиболее предпочтительным. Очень скоро он понял, что зря пытается проникнуть в логику новичка. Черт их знает, что им померещится с испугу. Редко-редко попадается хладнокровный и башковитый тип, отдающий себе отчет в своих действиях. Такой даже если отойдет, то недалеко, боясь заблудиться, и будет до последнего держаться за камень с надписью как за единственный рациональный предмет в иррациональном мире. Как утопающий за пробковый круг. И в

конце концов дождется феодала-спасителя. Все бы так. Но большинство-то как раз наоборот...

Быть может, он разглядел вдали такыр и ушел в ту сторону? Идти по такыру куда легче, чем по песчаным дюнам. Новички теряют только голову, но никак не лень.

Фома еще постоял на вершине дюны. Один раз ему показалось, что вдали перемещается некая точка, но, поднеся бинокль к глазам, он убедился, что это всего-навсего гигантская многоножка. Потом, бешено крутя снежинки, налетел ледяной вихрь, и Фома сбежал с дюны. Он сделал здесь все, что мог, и ему было ясно, что делать дальше. Идти к Юсуфу, продолжив вечное кружение по феодеу. Кстати, как раз через такыр.

Это было хорошо, и вскоре ступни перестали вязнуть в песке. Кажется, даже лямки рюкзака стали меньше резать плечи. Путь был известен и не сулил больших опасностей. Только раз вдали показалось белесое облачко живого тумана, да пару раз встречались озерца жидкой земли, а на разнотемпературные вихри и гравитационные шалости здесь можно было поплевывать. Несколько раз Фома останавливался, бросал вперед отломанные кусочки сухого суглинка и убеждался: по-прежнему безопасно. Ну, скажем, почти безопасно. А безопасности абсолютной не бывает ни на Плоскости, ни даже на Земле. Абсолютная безопасность — такая же абстракция, как линия без толщины или точка без площади.

Конечно, со временем все изменится и тут, и везде. Ловушки дрейфуют, а в одну и ту же реку, как известно, нельзя войти дважды. Все верно. Обидно, но факт. Было бы куда легче, если бы ловушки стояли на месте. Кстати, в один и тот же черный провал тоже нельзя войти дважды, правда, по иной причине...

Часа через два вдали показались низкорослые кусты, а вскоре зажелтело и ячменное поле. Оазис Юсу-

фа располагался прямо посередине обширного такыра — ни холмов, ни дюн вокруг. Из дыры в почве бил на метровую высоту фонтан тепловатой пресной воды, питая чайные кусты, ячменное поле и несколько неплодоносящих пальм. Небольшое озерко, где было бы курице по колено, если бы на Плоскости водились куры, никогда не выходило из берегов. Воздух над ним дрожал от испарений.

Болтать с Юсуфом Фома не любил. Да и как болтать с тем, кто не знает ни русского, ни английского? По-арабски? Нет уж, пусть крестьянин учит язык феодала, а не наоборот.

Так было в теории. На практике Юсуф оказался редкостно бестолковым учеником, и Фома в конце концов плюнул, поняв, что зря теряет с ним время. С трудом запомнив слов сто из великорусского языка и безжалостно их коверкая, Юсуф тем и ограничился, а его женам и в голову не могло прийти учиться. Зачем? Чтобы в чем-то превосходить мужа?

Общение шло преимущественно на пальцах. К счастью, кое в чем Юсуф оказался куда более понятливым, чем канадец Приветт, и сразу согласился платить оброк. Урожаи он собирал неплохие. В углу его хижины всегда громоздились мешки с ячменем, предназначенным феодалу. Иной раз Фома уходил от Юсуфа, кряхтя под тяжестью ноши, и все равно груды мешков не становилась меньше. Всякому другому Фома давно скостил бы оброк, но человеку с Востока — опасался. Не примет ли он щедрость повелителя за его слабость? А если примет, то какие сделает выводы?

Одна из жен — Фатима или Сеида, Фома их не различал — тащила к месту просушки мешок чайных листьев. Узрев феодала, поклонилась и сразу изменила походку, активнее закачав бедрами. Над скрывающим лицо платком блеснули черные глаза. Вторая же-на, далеко выставив круглый живот, двигаясь между кустами, методично ошипывала листья — по три верх-

них с каждой ветки, высший сорт. Народ, как водится, был в поле. Сам Юсуф кейфовал подле источника, по-пыхивая короткой самодельной трубочкой. Что за отраву он курил, Фома решил не выяснять после того, как однажды нечаянно вдохнул этого дыма. С тех пор он приближался к курящему Юсуфу только с наветренной стороны.

— Селям алейкум! Хау ду ю ду?

Безбожно коверкая слова в ответном приветствии, Юсуф торопливо кланялся, как заведенный. Он чрезвычайно рад визиту милостивого шейха, да пребудет с ним милость Аллаха. Он нижайше просит шейха отведать ароматного зеленого чая в убогой хижине ничтожного феллаха. И нет слов, как он благодарен милостивому шейху за незаслуженный подарок, достойный султана или принца...

Только это и понял Фома из речи, продолжавшейся минут десять, а к концу словоизлияния даже сообразил, о каком подарке толкует Юсуф. В прошлый визит Фома принес ему выпанные щипцы для удаления зубов — у беременной жены Юсуфа вздулся здоровенный флюс. Кто и как драл ей гнилой зуб, Фома не стал выяснять и запретил себе думать об операции, чтобышний раз не содрогаться, но, кажется, никелированный инструмент оказался не лишним, опухоль исчезла.

— Вери гуд, парень, вери гуд. Я вижу, ты тут справляешься...

Зеленый чай, поданный в глиняных пиалах, оказался выше всяких похвал. Что с того, что на Земле мало кто согласился бы пить такое пойло? То на Земле, на изобильной Земле, а ты здесь попробуй! Скривись и поплый раз, другой, а там, глядишь, и привыкнешь. Еще нахваливать станешь и запросишь добавки.

Во время второй пиалы Юсуф внезапно заизвинялся, начал прикладывать ладони ко лбу и сердцу и отпросился творить намаз. Как он определял время мо-

литвы без солнца и муэдзина, почему решил, что направление на Мекку совпадает с ориентиром в виде далекого плешивого холма, Фома не спрашивал. У каждого свои секреты и свои заморочки. Лучше не вступать в диспуты, потому что можешь и переспорить — что тогда с человеком будет? Личный мирок хрупок, но нужен каждому, пусть уж он остается в неприкосновенности.

— И почему я не религиозен? — пробормотал Фома.

Иногда он завидовал Юсуфу, воспитанному в лоне одной из самых необременительных религий. «Положись на Аллаха, Аллах достаточен, чтобы на него положиться» — так, кажется, сказано в Коране? Золотые слова. Аллаху виднее, а ты ни о чем лишнем не думай. Сплети из соломы коврик и пять раз в день твори молитву, очень полезную для поясницы. И за тебя подумают. Тебя не оставят. Тебе не придется мучиться ощущением бессмысленности Плоскости, ты перестанешь задыхаться во сне, тщетно пытаясь всплыть к воздуху из цепкой глубины. Какое простое счастье! Какое надежное!

Почти таким же, с поправкой на католичество, был проживавший в этом самом оазисе до Юсуфа покойный Казимир Пшийски. Молодой ксендз оказался не мошенником, а искренне верующим. Более того, он верил, что Конец Света наступит тогда, когда все люди перестанут его ждать. Поэтому и не переставал.

Вот Конец Света и наступил лично для него. Потому что ничего особенного со Светом не случилось, если не считать того, что сам Казимир был из Света изъят и помещен на Плоскость.

С одной стороны, бедолага считал, что так ему, грешнику, и надо. С другой стороны — был обижен. Почему он?!

Удивительно оригинальная мысль, надо сказать.

Зато очень простое лечение: вспомнить, что пути

Господни неисповедимы, а чей там человек раб? Ну то-то. Словно сорвать подорожник, чтобы приложить к саднящей болячке. Плевое дело.

Отставив пустую пиалу, Фома с хрустом потянулся всем телом. Пора было двигаться дальше, а Юсуф... пусть себе молится. Он не обидится, что с ним не попрощались. Шейху виднее.

Кой черт шейх!.. Вечный жид. Только Агасфер брел, куда ему вздумается, а феодал описывает нескончаемые круги по феоду, вот и вся разница. Если хорошенько подумать, то окажется, что Агасфер устроился лучше.

Возле источника Юсуф последний раз поклонился, пошептал в ладони и начал скатывать плетеный коврик. Фома кивнул издали — пока, мол. И сейчас же Юсуф подбежал к нему, кося взглядом на жен и давая понять, что намерен сообщить шейху нечто важное.

— Человек... быть, — сообщил он севшим голосом.

— Что? — Фому развернуло на месте.

— Что? — испугался Юсуф.

— Ничего. Рассказывай.

— Человек. Один. Большой рост. Я видеть.

— Где? Кто такой?

Юсуф заторопился, глотая слова. Фома с трудом разбирал его скороговорку. Нет, Юсуф не знает тот человек. Нет, человек не заходить в оазис. Просто-напросто Юсуф видеть человек издали. Только он видеть, жены не видеть. Когда? Два дня назад, не больше. Видеть ли человек оазис? Надо думать, видеть, но ходить мимо. Вон в тот направлении. Почему не свернуть? Юсуф не знает. Юсуф есть сильно беспокоиться: почему такой странный человек? Ему вода совсем-совсем не нужен? Крейзи мэн? Ор бэд мэн?

— Может, и крейзи, — согласился Фома. — Наверное, крейзи. Не беспокойся, живи как жил. Вряд ли ты

его увидишь еще раз. Но по сторонам все равно по-матривай, о'кей?

Он и сам посматривал по сторонам гораздо тщательнее, чем всегда. Но только когда оазис Юсуфа пропал вдаль, Фома снял с плеч рюкзачок и тщательно перерыл его. На самом дне прозябал в небрежении пистолет Марголина, спортивная мелкокалиберная модель, запасная снаряженная обойма и с десятков патронов, завернутых в ветошь. И оружие, и боеприпасы к нему были, конечно, эфемерными, выспанными с год назад скорее ради спокойствия феодала, чем по реальной необходимости обороняться или нападать. Нападать Фома ни на кого не собирался, а обороняться... от кого? Разве что от психа, чересчур ушибленного Плоскостью. От вооруженного агрессивного психа. Или от нескольких невооруженных. Всякое может случиться.

И хорошо было бы, если бы замеченный Юсуфом странный тип оказался всего-навсего обыкновенным сумасшедшим...

Куда хуже, если он душевно здоров.

ГЛАВА 4

— Ну, это вы, по-моему, поторопились с выводами, — раздумчиво сказал Георгий Сергеевич, помяв острый подбородок тонкими пальцами. — Почему обязательно сумасшедший? Вспомните, вы сами предположили, что у него была вода. Зачем же ему в таком случае сворачивать в оазис?

— Ноги сами понесут, вот зачем, — объяснил Фома. — Простите меня, но я знаю новичков лучше вас. Пусть новичок случайно вышел на оазис Юсуфа. Это маловероятно, но допустим. Всякие бывают чудеса. Пусть у него оставалась еще вода на дне бутылки. Предположим даже, что у него была полная бутылка воды. Но он отшагал порядочный путь, он худо-бедно

начал понимать, что такое Плоскость, — и что же он делает, увидев воду, зелень, людей? С радостным воплем бежит к ним? Нет, спокойно идет мимо!

— Гм... А вы уверены, что он видел оазис?

— Юсуф так говорит. А что вы имеете в виду? Что чужак — слепой?

— Достаточно всего-навсего страдать близорукостью и потерять очки.

— Тогда бы он торчал у камня с надписью и ждал помощи. Хотя... он мог посеять очки уже после того, как ушел...

— Вот видите!

Как всегда, Георгий Сергеевич успешно пустил в действие бритву Оккама, отсекая лишние сущности. Мозг у него был аналитический. Впрочем, чего было и ждать от заслуженного школьного учителя математики с сорокалетним стажем, зубра среди методистов, автора учебников и дважды кандидата наук. Уж если он решал какую-то логическую задачу, то эмоциональную составляющую и близко не подпускал к решению.

С виду все было логично. И это в мире, напрочь лишенном нормальной логики!

Закипел чайник, выпустив в свисток на носике струю пара. Фома захолопотал, заваривая чай. И чайник с веселым когда-то рисуночком, ныне сплошь покрытый копотью, и заварочный чайничек, и фарфоровые чашки с настоящими блюдами — все это, как многое другое, было выпано им и принесено сюда. С Георгия Сергеевича Фома не брал оброка, да и взять, по правде говоря, было нечего. Оазис был довольно уютный, с хорошим источником и настоящими деревьями, но один из самых маленьких. Не стоило и стараться взрыхлить здесь поле под пшеницу или ячмень. Несколько чайных кустов, два вишневых дерева, упорно отказывающихся плодоносить, делянка под-

солнечника, чьи огненные головы смотрели во все стороны в напрасных поисках солнца, да маленький огород под призором никудышнего огородника — вот и все угоды. Какой уж тут оброк! Фома сам подкармливал хуторянина.

И было за что. Три года назад он встретил Георгия Сергеевича, полумертвого от жажды, но все же продолжавшего упорно сидеть возле надписи, сулящей помощь, и уже за это проникся уважением к разумному человеку. Вскоре, однако, выяснилось, что новичок катастрофически не умеет крестьянствовать, и с этим пришлось примириться. В конце концов, владения средневековых феодалов населяли не только крепостные и челядь. Бывало, жили у них в замках и шуты, и прикормленные священники, а иные предтечи вольтерьянцев, бравирюя вольномыслием, держали всяких там звездочетов и алхимиков. О шути Фома никогда не думал, и на роль алхимика пожилой математик вряд ли подошел бы, но средством для заполнения интеллектуального вакуума он оказался превосходным. Феодалу тоже надо время от времени отдыхать душой и телом. Душой Фома отдыхал здесь.

И не считал за труд напечь на большой сковороде оладьев из принесенной с собой муки — пусть пресных и несладких, но если ничего другого к чаю нет, сойдут и такие.

— Мне бы вашу уверенность, Георгий Сергеевич, — проговорил Фома, разлив по чашкам дымящийся чай. — Знаете, о чем я думаю? Он мог быть вовсе не новичок.

Георгий Сергеевич сейчас же прекратил дуть на чай, поставил чашку на блюдечко, придержал качнувшийся непутевый столик и приготовился внимать: брови поползли на залысый лоб, светлые и безмятежные, как у младенца, глаза уставились на собеседника. Не дождавшись продолжения, он крякнул.

— Игорь, друг мой...

— Я Фома, — возразил Фома. — Это я там был Игорем. Извините, я перебил...

— Ничего, ничего... Вы простите, но мне все-таки больше нравится имя Игорь. Можно я вас иногда буду так называть? Хотя, должен заметить, иной раз имя Фома вам замечательно подходит. Фома неверующий. Единственный апостол, проявивший хоть какое-то подобие научного подхода: «Если не увижу на руках Его ран от гвоздей, и не вложу перста моего в раны от гвоздей, и не вложу руки моей в ребра Его, не поверю». Правда, тот Фома не осуществил задуманное, а кроме того, не имел точных приборов для эксперимента, ведь человек совсем не похож на точный прибор... Но простим ему за давностью лет. Простите и мне некоторую ограниченность фантазии. М-да... Мне кажется, я дал наиболее вероятную версию. Вы не согласны?

— Согласен, но...

— Продолжайте, Игорь. Я с удовольствием вас слушаю.

— Он запросто мог быть не новичком, — упрямо повторил Фома. — Если это так, тогда кто он? Соглядатай? Шпион? Диверсант?

— М-м... с какой целью?

Фома вздохнул.

— Знаете, Георгий Сергеевич, вы, по-моему, думаете о людях только хорошее. А люди — они и на Плоскости всего-навсего люди. Разные. Хорошие и плохие. Иногда еще неизвестно, что лучше. Из самых добрых побуждений можно такого наворотить...

— Бесспорно, бесспорно, Игорь. Продолжайте.

— Он мог быть переселенцем. Помните, я говорил о такой возможности? Крестьянин не спелся с феодалом — ну и уходит. Тут круглый год Юрьев день. Как удержишь? Иногда феодал сам переправляет крестьянина соседу. Я переправлял. И мне переправляли.

Многие хотят перебраться под крылышко к соотечественнику. На моей территории пять... нет, уже шесть оазисов заняты русскоязычными. У Бао Шэнжуя две трети крестьян — китайцы. А бывает иначе... Просит, скажем, хуторянин феодала отвести его к соседу — а феодал почему-либо не хочет его отпускать. Что тогда? Хуторянин копит злость, потом не выдерживает и уходит сам искать лучшей доли. Кое-какие обрывки сведений о соседях он обязательно имеет. Риск, конечно, велик, но иные доходят до цели. Одного такого я сам видел.

— Теперь он живет у вас?

— У Бао Шэнжуя. К нему и шел. Китаец. Я встретил его случайно, довел до границы и передал Бао с рук на руки. Зачем мне работник, который все равно удерет? А с соседями надо дружить.

Георгий Сергеевич озадаченно помял подбородок.

— Простите, Игорь, если я вмешиваюсь не в свое дело, но... у вас налажена постоянная связь с соседями?

— Эпизодическая. А извиняться не надо, ничего секретного тут нет. Есть оговоренные места на границе. Если мне нужен Бао, я иду в такое место, подаю дымный сигнал и жду. Один раз трое суток ждал, но обычно меньше. Какие у нас владения, в самом деле! Вот у меня — около тысячи квадратных километров. Территория Москвы всего-навсего. И у соседей примерно столько же. Плюс-минус крохи.

— Не так уж и мало. Шесть Лихтенштейнов, две Андорры...

— Но и не много. Как раз столько, сколько я могу обслужить. Не будь ловушек, я мог бы за день пройти весь феодал из конца в конец, а с ловушками — суток за двое. Если, конечно, нигде не останавливаться. Самое то, что надо. С большей территорией я просто не управлюсь.

— Понятно. — Георгий Сергеевич покивал, осто-

рожно пригубил чай и покивал снова. — Очевидное всегда понятно, но я не о том. Насколько я вас понял, вы не получали от соседей никаких сведений касательно этого... пришельца?

— Пока нет.

— Вот видите! Пока! Думаю, в ближайшее время все разъяснится, причем самым банальным образом. Простите, Игорь, друг мой, но вы, по-моему, делаете из мухи слона.

Не найдя сразу слов для отповеди, Фома подул на чай и тоже отхлебнул. Чай у Георгия Сергеевича был куда хуже, чем у Юсуфа, — наверное, чайным кустам все же требовался какой-то уход. А может быть, просто не следовало собирать все листья подряд. Да еще с веточками.

Бесспорно, главное удовольствие от чаепития определяется качеством собеседника, а не чая. Впрочем, не бывает правил без исключений. Сейчас Фома сидел на Георгия Сергеевича. Ну можно ли быть таким беспечным?!

Это ведь тоже эгоцентризм — искренне полагать, что все люди, сколько их есть на Плоскости, подобны тебе, такому разумному, благородному и незлобивому, а потому не представляют опасности. А ну как в точности наоборот?

— Вот вы сказали — шпион, — молвил Георгий Сергеевич, не дождавшись возражений. — У меня сразу возникает вопрос: зачем? Шпионов засылают в другие государства, корпорации и так далее, имея в виду конечную цель: успех в конкурентной борьбе. Игорь, друг мой! Разве вы не видите, что на Плоскости данная цель начисто отсутствует? Вы же только что говорили сами: с более значительной территорией вам не управиться, и я вам верю. У феодала только две ноги. Разумеется, вы можете выпхать себе автомобиль, вездеход или даже вертолет, но долго ли будут служить эфемерные вещи такой массы? Пожалуй, не

стоит и стараться. Ни лошадей, ни верблюдов на Плоскости нет, да они здесь, наверное, и не прижились бы. Максимальный размер феода ограничивается скоростью перемещения по нему феодала. Заметьте: пешего перемещения! По-моему, просто нелепо разевать рот на большее, чем можешь проглотить. Я думаю, что это понимаете не только вы, но и ваши ближайшие соседи, не так ли?

Фома покивал в ответ. Теоретически все было так. Насколько он знал, границы ближайших феодов не менялись по меньшей мере в течение последних восьми лет, а может, и значительно большего времени.

— Вот видите! — Георгий Сергеевич просиял. — Я не знаю, как давно Плоскость была населена людьми, но имею основания подозревать, что все-таки очень давно. Судя по находкам старинной утвари, не менее нескольких столетий. Немалый срок для того, чтобы прийти к общему знаменателю в вопросе о наиболее эффективной общественной системе! И вот такой-то необычный феодализм как раз и оказался здесь оптимальным строем. Надо сказать, удивительный феодализм! Меня он устраивает... гм... тем более что я не могу предложить ничего лучшего. Где, когда видано на Земле, чтобы феодал служил помощником, а не угнетателем?

— И на Плоскости не без уродов, — пробурчал Фома. — Есть такие. Запугают новичка и стригут до мяса. Чистый рэкет. Только это почти всегда плохо кончается...

— Ага!..

— Крестьяне либо разбегаются, либо убивают такого ненормального. Чаще разбегаются, потому что без феодала не обойтись. Уходят к другим. На авось. Двое сгинут, третий дойдет. Ясное дело, уходят совсем уж от крайности, когда терпеть невозможно...

— Что только подтверждает мой тезис, не так ли?

— Не спорю. Есть исключения, но есть и общее правило. А что дальше-то?

— Феодал и хуторяне — симбионты, а симбиоз по определению взаимовыгоден. Предложите иную форму общественных отношений — демократическую республику, монархию, анархию, олигархическую власть, коммунистическую утопию в духе Томаса Мора, да что угодно, — и я, надеюсь, смогу показать вам всю ее ущербность в сравнении с феодальной раздробленностью. Игорь, друг мой! Социальные отношения определяются, во-первых, внешними обстоятельствами, а во-вторых и в-главных, человеческой природой. Ну человек так устроен! Разве вы не видите, что изобретаете велосипед? Иные формы отношений наверняка были перепробованы в минувшие века и отброшены как неэффективные или просто гибельные. История располагает временем. Теперь достигнут оптимум. Ну кто же, находясь в здравом уме, захочет ломать прочное здание! Что лучшего он может предложить? Кстати, напомню вам вашу же гипотезу: ваш чужак-пришелец вполне может оказаться не близоруким, а попросту сумасшедшим новичком. Почему бы нет? Теперь я вижу, что вы, возможно, правы. Попав сюда внезапно, с бухты-барахты и осознав невозможность вернуться, совсем нетрудно потерять рассудок. Разве нет?

Фома снова покивал. Насчет сумасшедших Георгий Сергеевич был прав. Человеческая психика — не титановый сплав, не легированная сталь и не кевлар. У многих «тихо шифером шурша, крыша едет не спеша», а иные торопятся свихнуться так быстро, как будто рекорд ставят, и умудряются потерять всякую управляемость буквально в считанные дни, если не часы. Такой псих не усидит в оазисе, даже если до жидкого стула будет бояться ловушек Плоскости. Рано или поздно побредет в никуда — и, понятное дело, не вернется.

Если, с одной стороны, ты не в силах всю — всю! — оставшуюся жизнь рыхлить поле с целью продления своего существования, а с другой стороны, лишен качеств, необходимых феодалу, — тогда да. Тогда только и остается, что сойти с ума. А с сумасшедшего какой спрос? Сумасшедший мог пройти мимо оазиса просто потому, что оазис чем-то ему не понравился.

Фома не любил вспоминать, как сам едва не свихнулся поначалу. И наверняка со временем впал бы в безумие, если бы бушмен Нсуэ не увидел в нем коллегу и возможного преемника. Само собой, бушмен думал главным образом о том, чтобы облегчить себе жизнь, обзаведясь толковым помощником, при том, что собираемого оброка худо-бедно хватало на двоих. Если бы не хватало...

Впрочем, какая разница, о чем он там думал; главное — спас и выучил.

— Как-нибудь я свожу вас в одну лощину, — мрачно пообещал Фома. — Место как место, ничего особенного. Голый камень. Ни кустика. Даже ловушек не очень много. Но там я нашел с десятков скелетов. Человеческих. В двух черепках дырки — людям стреляли в затылок. У остальных рассечены шейные позвонки. Их ставили на колени и рубили головы.

Георгий Сергеевич всплеснул руками:

— Ну вот! Разве это не наглядное доказательство того, что и так очевидно: в давние архаичные времена шел социальный поиск, а разве он когда-нибудь обходится без крови?

— Не доказательство, — отрезал Фома. — Насчет давних времен — никакое не доказательство. Кости были сравнительно свежие... Пожалуйста, повремените с возражениями! Я, как и вы, не могильщик из «Гамлета» и не могу сказать, сколько лет продержится покойник. Я также не археолог, и у меня нет аппаратуры для радиоуглеродного анализа. Кроме того, не исключено, что период полураспада элементов здесь

определяется прихотью Плоскости. Я просто не успел вам сказать, что внутри одного из черепов я нашел сплюсненную пулю. Кажется, револьверную. Полуоболочечную, с мягкой головкой.

— Вижу, куда вы клоните, — улыбнулся Георгий Сергеевич. — Игорь, друг мой! Но разве револьвер и патроны к нему не могли оказаться настоящими, с Земли, а не эфемерными?

— Так я поначалу и подумал. Но на всякий случай вытряс эту пулю из черепа и взял с собой. Долго хранил. В тряпочке. А в один прекрасный день пуля рассыпалась в пыль. Вот так-то. Она была эфемерной.

Теперь настало время кивать Георгию Сергеевичу:

— Понятно... Гм... Как вы думаете, сколько примерно лет назад могла состояться эта... расправа? Хотя, знаете ли, годы здесь понятие относительное, лично я во времени слабо ориентируюсь...

— Не беспокойтесь, я ориентируюсь, — ответил Фома. — Эфемерный предмет с массой револьверного патрона по идее должен существовать лет пятнадцать-двадцать. В самом крайнем случае — тридцать. Вот вам и «архаичные времена».

Ему очень не хотелось огорчать Георгия Сергеевича. Впрочем, напросился — получи. Прекраснодушная вера в светлый разум еще никого до добра не доводила. Ишь ты — оптимум ему достигнут! На века! А ведь сам только что говорил: человек, мол, так устроен... Можно ли не знать, как устроен человек? Предполагай худшее и не ошибешься.

О том, что он сам много раз опрометчиво предполагал лучшее, Фома старался не вспоминать. В споре с идеалистом скептик всегда на коне и может снисходительно похлопать оппонента по плечу с высоты конского крупа.

— Давайте пить чай, — сказал Георгий Сергеевич. Какое-то время они пили чай и ели оладьи. Фома

старался не слишком налегать на еду — в конце концов, он-то легко мог подзаправиться у любого хуторянина, чего никак не мог Георгий Сергеевич.

Фома слушал родник. Струйка обжигающе-ледяной пресной воды била из трещины скального выхода с плоской вершиной и весело журчала в бочажке под скалой. Мирное, убаюкивающее журчание... то есть убаюкивающее уставших, а отдохнувших и сытых настраивающее на философский лад. Хибара-развалюха гордо занимала вершину скального выхода. Кто-то в незапамятные времена выдолбил удобные ступени к роднику, но о том, кто это был, не мог ничего сказать и бушмен Нсуэ. Этот никчемный в смысле прокорма оазис долгие годы пустовал, пока Фома не поселил в нем старого учителя. Все равно феодалу не съесть всей собираемой десятины. Феодал может позволить себе держать нахлебника.

Одного. Достойного. И не совсем даром, а в обмен на беседы, удерживающие от тьмы безумия. Не только хуторяне сходят с ума.

Феодалы — тоже. Только не так часто. Феодал нужен крестьянам — он зримо ощущает это, наведываясь в каждый оазис, забирая оброк и даря радость общения. Он и нужную вещь принесет, и снабдит свежими новостями, и утолит тягу хуторянина к посиделкам на завалинке. С этой стороны все прекрасно. Но пройдет время, и однажды феодал задаст себе полный простительного эгоизма вопрос: а нужна ли ему такая жизнь? Не крестьянам, а ему самому? Разве он раб, разве он заведенный механизм, чтобы вечно кружить по ничтожному участку Плоскости, уворачиваясь от ловушек?

Безумие не берется из ничего — оно рождается от неотвязных поисков смысла существования.

Фома слушал родник.

Сейчас он не думал о том, откуда на Плоскости берется вода, если здесь неведомы дожди и снег, и куда

пропадает испаряющаяся влага. Дивиться каждой несуразности — мозги не жалеть. Он просто слушал журчание воды.

Такое знакомое. Из детства. Первый загородный поход с родителями — не поход даже, а так, пикничок, но с ночевкой в палатке близ чистого ключа. И на Земле, и на Плоскости вода журчит одинаково.

— А вы знаете, это только кажется, что к Плоскости неприменимы законы логики, — сказал вдруг Георгий Сергеевич. — К ней неприменимы только наши привычные, земные понятия о логике, да и то не всегда. Когда речь идет о людях, кое-что можно уверенно прогнозировать.

Да? Фома кольнул собеседника ироническим взглядом и сразу отвел глаза, чтобы Георгий Сергеевич не заметил чего и не обиделся. То-то он сам удачно прогнозирует поведение людей! Оракул какой.

— Но и сама Плоскость отчасти поддается логическому анализу, — продолжил ничего не заметивший Георгий Сергеевич. — Кое-что нам о ней все-таки известно, и это «кое-что» уже может служить основанием для дальнейших умозаключений. Итак, что мы знаем? Во-первых, Плоскость не является частью знакомой нам с детства Вселенной с ее звездами, галактиками, темной материей и космической пустотой. Данный тезис можно считать доказанным. Я не знаю ни одного закона природы, который не нарушался бы здесь хотя бы эпизодически. Следовательно — иная вселенная. Логично предположить, что она возникла в момент Большого взрыва одновременно с многими иными вселенными. Пусть так. Далее: ниоткуда не следует, что во всех вселенных действуют одни и те же законы физики, и я уже не говорю о мировых константах. Тем не менее законы, каковы бы они ни были, должны выполняться. А что у нас? Вселенная-уродец с законами, не обязательными к исполнению. Нам в некотором роде «повезло». Возможно, среди бесчис-

ленных вселенных только одна такая и есть... Игорь, друг мой, вы уже улавливаете, куда я клоню?

— Не очень, — ответил Фома. — Но вы продолжайте, продолжайте. Я пойму. Насчет иной вселенной — это очень старая мысль.

— Старая, но верная. Вопрос второй: как сюда попадают люди? И для чего? Я понимаю, что вопрос «для чего» ненаучен, но было бы странно его не задать. Впрочем, начнем с более простого вопроса: как?

— Ничего себе простой вопрос, — фыркнул Фома. — Вы же знаете, как это бывает. Минутное головокружение ни с того ни с сего — и вот вы здесь. Да вы ведь мне рассказывали, как с вами было. Все новички рассказывают, как будто это интересно... Шел себе человек куда-нибудь, или сидел, или спал. Как правило, не был пьян, и по голове его не били, и ничего странного поблизости не замечалось. Вам любопытен сам механизм переноса? Не знаю. И никто не знает.

Георгий Сергеевич крикнул и хитренько прищурился:

— Верно: откуда бы людям это знать? Но вы допустили терминологическую неточность. Нет никакого механизма переноса — есть механизм копирования. Я это утверждаю. Люди населяют Плоскость вот уже несколько столетий, этот факт доказан находками архаичной утвари, и вы его не оспариваете, не так ли? Далее: Плоскость, судя по всему, весьма велика, и люди попадают сюда достаточно регулярно. Вот вам второй факт. А вот вопрос: разве на Земле не было бы замечено исчезновение значительного количества людей?

— Почему же не замечено? — возразил Фома. — Очень даже замечено. Люди умирают достаточно регулярно. И молодые, и старые...

Георгий Сергеевич задумчиво потер подбородок. Потом хихикнул:

— То есть вы считаете, что мы с вами находимся на том свете? Мы умерли? Гм... Я что-то об этом ничего не помню.

— Я тоже. Кое-кто в этом уверен, но не я. Даже если нам стерли память о смерти, это ничего не меняет. Во-первых, Плоскость не рай и не ад, а что тогда? Допустим, чистилище. Ладно. Кроме того... черт, как это сказать-то?... в общем, те, земные представления о том свете могут сильно отличаться от действительности. Если, конечно, считать, что загробная жизнь действительно существует. Я так не считаю. А кроме того, умирают все-таки преимущественно пожилые люди. Это должно отражаться на возрастном составе новичков. И наконец, люди на Плоскости стареют и тоже, случается, умирают, как и везде. Где вы слышали о смерти на том свете?

Георгий Сергеевич даже крикнул от удовольствия.

— Браво, Игорь, друг мой, браво. Насчет загробной жизни я с вами спорить не стану, все-таки недоказуемая это гипотеза, однако на вашем месте я не был бы столь категоричен в суждениях... Впрочем, возрастной состав новичков — аргумент убедительный. Признаюсь, мне это просто не приходило в голову, ну а вам, конечно, виднее. Правда, я и не считаю наше бытие... гм, потусторонним. Это было бы слишком просто. Притом мы не души, а биологические тела со всеми их потребностями... Но что вы все-таки скажете о гипотезе копирования?

— Да что я скажу? — развел руками Фома. — Ничего я не скажу. По-моему, это еще фантастичнее, чем тот свет. Если я правильно понял, вы считаете, что на Плоскость попадают копии людей, нечувствительно отделившиеся от оригиналов, да? А сами оригиналы, значит, остаются на Земле, в ус не дуют и ни о чем не подозревают?

— Вы правильно меня поняли. Исчезновение боль-

шого числа людей на Земле было бы наверняка замечено.

— Люди все время исчезают, — утрюмо сказал Фома. — Что такое «подснежники», вы, надеюсь, знаете? — Георгий Сергеевич лишь беспомощно покачал головой в ответ. — Это просто трупы, вытаскивающие по весне из снега в лесопарках и лесах близ дорог. А многих и вовсе не находят — утопленников, к примеру.

— Да, но не в таком же количестве!

— Количество довольно большое, не сомневайтесь. И потом, что мы знаем о размерах Плоскости? Кто сказал, что она не имеет границ? Кто видел эти границы? Может, это все байки. Может, на Плоскости умещается всего-то полсотни феодалов, откуда я знаю? Из дальних мест сведения все равно не доходят. Я знаю своих соседей. Знаю, что за ними есть какие-то другие, и только. А дальше?

— Гм. А что, по-вашему, может лежать дальше? Край Плоскости?

— Да не знаю я! Но если Плоскость невелика, то и людей сюда попадает немного.

Георгий Сергеевич обезоруживающе улыбнулся, и Фома сейчас же почувствовал, что его раздражение — законное, между прочим! — исчезает без следа. Трудно с этими интеллигентами, ликбез им все время нужен, не знают, видите ли, что такое «подснежники», и прочих элементарных вещей, а поди ж ты — слушал бы их и слушал. Пусть даже они несут по незнанию полный бред. С кем еще и почувствуешь себя человеком, как не с ними? Ведь не с Юсуфом же. И уж давно не с той семейкой, что возмущалась развалюхой-коттеджем. С ними нельзя ощутить себя человеком — можно только феодалом, и, положив руку на сердце, обычно этого хватает...

То-то и оно, что «обычно», а не всегда.

— Ну хорошо, — сказал Георгий Сергеевич, не до-

ждавшись от Фомы ни аргументов, ни откровений. — Каким способом люди попадают на Плоскость — прямым переносом или дублированием, — вопрос все-таки не главный. Главное, по-моему, вот что: зачем они сюда попадают? Ненаучный вопрос, я понимаю. В физике нет понятия «почему»... И все-таки я спрашиваю: зачем? Кому это надо?

— Законам природы.

— Да ну? Что-то мне неизвестны такие законы.

— Законам местной природы, — уточнил Фома. — Свихнувшимся местным законам. Вот и все, и нечего тут голову ломать.

— Почему же ломать? Упражнять!

— Ломать, ломать. Причем без толку. Ответа все равно не будет.

Георгий Сергеевич всплеснул руками.

— Да какая мне, скажите на милость, разница, будет в конце концов получен ответ или не будет! — внезапно закричал он петушиным фальцетом. — То есть тьфу, мне, понятно, хотелось бы знать ответ, но если даже я никогда его не узнаю — так что же?! Махнуть рукой? Жить неизвестно зачем, копать огород, кушать вкусные оладьи — кстати, спасибо вам за них — и это все? Употребить остаток жизни на животный идиотизм? Извините, мне этого мало! И вам! — Тонкий костлявый палец уперся в феодала. — И вам тоже этого мало, да-да, я знаю! Уф-ф! — Георгий Сергеевич задохнулся, замахал руками и, отдышавшись, сбавил тон. — Простите меня, Игорь, друг мой... Не сдержался. Но и вы хороши! Вы же не животное, вы человек, это сразу видно. Вы ведь не думаете всей той чепухи, что сейчас наговорили, я уверен. Вы мне просто оппонируете, не так ли? Подход «от противного». Я должен был сразу это понять. Виноват. Гм.

Фома лишь похмыкал в ответ. Что тут было сказать? Удивляюсь, мол, как вы еще не устали почем зря

биться лбом об эту стену?.. Он не устанет. И не поймет вопроса.

— И вот я хочу спросить, — как ни в чем не бывало продолжал Георгий Сергеевич, — наше появление здесь и вообще существование Плоскости — это следствие каких-то неведомых нам объективных законов природы или же чья-то осознанная воля? Допустим даже, не воля, а прихоть. Все равно. Вы знаете, в последнее время я склоняюсь в пользу именно такого предположения. Гм... Это не значит, что я уверовал в бога. Впрочем, что такое бог — вопрос чистой философии. Для инков немый конкистадор верхом на лошади был двухговым богом. Для нынешних землян роль бога может с успехом выполнить какой-нибудь шибко продвинутый пришелец-инопланетянин. Вы чувствуете, куда я клоню? Если речь идет о законах мироздания, то тут мы бессильны что-либо изменить. Но если Плоскость — дело рук некоего сверхразумного и могущественного существа, то... мы ведь можем попытаться найти его и договориться, не так ли?

— Угу, — угрюмо кивнул Фома. — Договаривались муравьи с этим, как его... муравьедом.

— Ну почему же с муравьедом? Игорь, друг мой, разве нас едят?

— Лучше бы ели, — буркнул Фома. — Как в «Войне миров». Было бы ясно, что делать: сопротивляться. Подойти на выстрел и размазать гадов. Не выйдет — бациллой их, и все дела.

— Вот! — поднял кверху палец Георгий Сергеевич. — Главное вы уловили: подойти! Только не на выстрел, а на дистанцию, с которой нас услышат. И попытаться наладить контакт.

— Ну хорошо, хорошо. Попробуйте.

— Легко вам говорить. Что я могу один, да еще сидя в этом — уютном, не спорю — оазисе? Обрасти мохом?

Фома чертыхнулся про себя. Вот, оказывается, к чему вел разговор старый учитель! Надоело ему сид-нем сидеть, видите ли. Устроился, как у Христа за пазухой, а недоволен. Ну что ж, путь никому не заказан, вот она, Плоскость, перевали через холм и иди...

Только потом не жалуйся.

А если даже умудришься уцелеть, все равно все без толку. Ответа не найдешь. Нет его на Плоскости.

— А вы, Игорь, не хотите попытаться?

— Чего, договориться с этим?.. — Фома зло всхотнул. — О чем? Где его искать? Здесь даже мухи не летают. Комар не прозвенит. Слепень не укусит. Ладно, допустим, я его нашел, этого вашего бога-инопланетянина, и что дальше? Ну вот скажите, как я с ним договорюсь, когда я ненавижу его и все его дела?! Он жизнь мне поломал! И каждый на Плоскости так думает. И жизнь наша собачья. Ну и зачем вашему продвинутому нас слушать? Что он от нас услышит хорошего?

— М-м... может быть, просьбу?

— А то его, бога местного, не просил никто! Ха!

— Но ведь без персонификации?

— Без чего? — переспросил Фома. — А, понял. Да нет, чепуха все это. Точно. У вас ножницы еще целы? Ну те, которые я приносил. Для стрижки.

— Целы, а что?

— Давайте я вас постригу. А потом вы меня оболваните. Я оброс.

Георгий Сергеевич поморгал.

— Хорошо, — сказал он. — Как хотите. Стричь так стричь. Я вижу, вы сейчас не в настроении вести философские споры. Ничего страшного, с людьми такое случается. Я все понимаю. У вас проблема: чужак этот странный...

— У меня полно проблем.

— Но эта первейшая?

— Вот именно.

— Понимаете ли... — начал было Георгий Сергеевич и замолчал. В великом изумлении вонзил куда-то в пространство длинный тощий палец.

— О!

— Что такое? — Фома вскинулся. Свежий, отдохнувший и готовый к любым неожиданностям. Боец. Феодал. Мышцы — пружины, настороженный взгляд — исподлобья.

— Человек, — в великом изумлении произнес Георгий Сергеевич, указывая на вершину холма. — Смотрите, настоящий человек...

Быть может, он говорил что-то еще, пораженный до глубины души видом единственного за три года человека, если не считать феодала, но Фома уже не слушал. Проверая на бегу, не выпал ли из-за пояса пистолет, он штурмовал песчаный холм в лоб. Песок лавинами срывался из-под ног. Успеть! Перегиб склона скрыл человеческую фигуру. Уходит? Фома надал. Его не пугало соображение, что чужак может быть вооружен и настроен враждебно. Жить на Плоскости и не рисковать — таких чудес в природе не бывает... даже в местной свихнувшейся природе. Только бы чужак не ушел из-под носа...

Черта лысого он уйдет. Говорят, у себя дома и стены помогают, ну а на своем куске Плоскости помогает знание местности. Кто в феоде хозяин, ну? Угадайте с трех раз. Угадали?

То-то.

ГЛАВА 5

Должно быть, когда-то по Плоскости и в самом деле текли полноводные ручьи или по крайней мере временные водотоки. В древнем сухом русле, петлявшем меж песчаных холмов с той стороны от оазиса, кото-

рую Фома условно считал севером, и почему-то совершенно не занесенном песком, сидел на валуне чужак.

Он и не пытался скрыться — лишь спустился с вершины холма и теперь сидел, ковыряя палочкой окаменевший ил, поджидал феодала. Узрев Фому, осклабился и помахал рукой в насмешливом приветствии. Оружия при нем не было, если не считать ножа в красивых ножнах на поясе, но выглядел он бодрым и уверенным в себе, а одет был даже щегольски: новенькие, явно свежeweыспанные шорты, пропотевшая, но тоже еще вполне годная ковбойка, кроссовки, а на голове — белый пробковый шлем с ремешком под подбородком, как у южноафриканского плантатора со старой политической карикатуры. Почему-то этот пробковый шлем сразу вызвал у Фомы глубокую неприязнь к визитеру. Пижон. Зачем ему шлем, если нет солнца?

Пока было ясно одно: на валуне сидел тот самый тип, которого видел Юсуф. И насчет высокого роста йеменец не наврал. Не сказал только о крепком сложении чужака — наверное, не разглядел издали.

Атлет хренов. Штангу ему тягать. Или нет, лучше боксировать. В полутяжелом весе. В чемпионы, может, и не выйдет, но... Фома поймал себя на мысли, что ни за что не согласился бы наняться к нему в спарринг-партнеры. Пусть бьет грушу, она на все согласная.

В пяти шагах от чужака он остановился. Положил ладонь на рукоять «марголина» за поясом. «Плантатор» осклабился еще шире — видно, был не из пугливых.

— А я тебя знаю, — сказал он на чистейшем русском.

— Откуда?

— Видел. Давно. Ты тогда еще ходил в шестерках у голожопого негритоса.

— Попридержи язык, — посоветовал Фома.

Холодная ярость, пока еще подконтрольная, вспыхнула в нем в одну минуту. Дело было даже не в чисто символическом набедреннике покойного Нсуэ и не в том, что бушмены не очень-то негроиды, а в развязном тоне пришлого наглеца. Что он знает о Нсуэ? Куда сунулся немытым рылом? Разве это его спас бушмен-феодал? Разве его он взялся обучать себе на смену?

— А что, если не придержу? — Визитер явно нарывался. — Будем драться?

— На границе — пожалуйста. Назначай время и место. Только ты уже опоздал. Здесь мои владения. Захочу — пристрелю тебя, вот и вся недолга.

Незнакомец явно не праздновал труса.

— За то, что я у тебя слишком много видел?

— За то, что ты хамло. Этого достаточно.

«Плантатор» неожиданно весело расхохотался:

— Вот дураки люди... Ты к ним с деловым предложением, а они в тебя пистолетиком тычут. Я ведь по делу послан. Выслушать не хочешь?

— Что? Кем это послан? Ты вообще кто?

— Кто я? — Нет, визитер ни черта не боялся. — Бывший феодал, вот кто я...

В первое мгновение Фома не поверил. Происходило что-то из ряда вон. Бывший феодал? Почему бывший? Изгнан, что ли? А кем — хуторянами? Вряд ли. Более удачливым конкурентом? М-м... В таких случаях вариант один: вырастил змейку на свою шейку. Обучил помощника, а тот выжил учителя. Как объяснить иначе? В открытом вооруженном конфликте с соседями конкуренту из иного феода почти ничего не светит. Так было, и так будет. Феодалские войны на Плоскости по всем канонам не должны выигрываться, потому-то их никто и не ведет.

Теперь Фома начал припоминать визитера, хотя и смутно. Точно, феодал, только не соседний. На западе владения Фомы граничили с феодами Сагита Губай-

дуллина и Джакомо Перонелли, а вот за ними... да, за ними и лежал феодал этого типа. Лет шесть назад Сагит и Джакомо решили миром давнишнюю тяжбу из-за спорного куска земли с единственным оазисом такого качества, что только преступников туда селить. Нсуэ и этот тип выступали по согласию сторон в роли третейских судей, а Фома в те годы просто таскался за наставником веревочкой и набирался ума-разума.

Черт, как же его зовут-то?.. Максим? Да, кажется, Максим. Еще фамилия у него была какая-то смешная... Гузно, что ли? Нет, что-то из области сельского хозяйства... Вспомнил! Гумно его фамилия. Максим Гумно.

Но что значит «послан»? Был свергнут и подчинился? Странно, что не убит преемником из недоверия...

Ничего не понятно.

Изгнан?

Сам ушел?

В обоих случаях станет проситься в помощники. Очень он тут нужен...

— Ну и кто теперь феодалом вместо тебя? — спросил Фома.

Ответ озадачил:

— А разве нужен новый феодал?

Гость хитренько щурился. Что-то он знал такое, чего не ведал хозяин, и откровенно этим наслаждался. Словно взрослый, подсунувший ребенку хитрую головоломку.

— Я слушаю, слушаю, — подбодрил его Фома. — Ты рассказывай. Пристрелить тебя я еще успею.

То ли угроза подействовала, то ли Максим Гумно сам понял, что напрасно тянет резину, только свой прищур он мигом убрал.

— Так вот я и говорю: зачем нужен новый феодал? Зачем нужны феодалы вообще?

— Я думал, ты знаешь. Чтобы жить.

— Эту каторгу ты называешь жизнью? Не смейся. Вечно таскаться по феоду с рюкзаком за плечами, обходить ловушки, терпеть подлянки... Одному принеси то, другому это. Третий на тебя волком смотрит, четвертый к работе непригоден, пятого иди встречай на другой конец феода, пока он от жажды не окошел... А что в итоге? Для чего все это? Вот скажи, только чур без вранья: когда ты в последний раз отдыхал настоящему? Так, чтобы несколько дней подряд? Давненько? Никогда? — Гумно иронически покачал головой. — Вот и я так жил... Одно название, что феодал, а на самом деле верблюд выучный. Да еще того и гляди вляпаешься куда не надо и подохнешь за милую душу. Кто тебя тогда вспомнит? Кому ты будешь нужен, если уже ничего не принесешь? Хуторяне тебя любят, пока ты ради них ищачишь до седьмого пота. Скажешь, не так?

Фома не ответил. В словах Гумно была правда, и оттого он казался сукиным сыном. Наполовину. А на вторую половину — из-за глумливого тона.

Стало даже интересно: он что, совсем не боится? Против всех обычаев приперся без приглашения, расселся на чужой земле без оружия и еще хамит. Не понимает разве, как легко делается маленькая дырочка меж бровей?

Ну-ну, пой, птичка. Послушаем.

— Знаешь ведь, что я прав, — засмеялся Гумно. — А того не знаешь, что можно жить иначе. Я тоже не знал, пока был феодалом. А оказалось — можно! Меня научили. Могу и тебя научить. Даром. Я ведь к тебе с предложением послан...

— Это я уже понял, — перебил Фома. — Ты не крути, ты дело говори. Кем послан?

— Королем.

Гость в пробковом шлеме явно не шутил, и это по-

мешало Фоме расхохотаться. Королем? В этом мире? Невозможное — невозможно.

— А почему не императором Плоскости?

— Потому что королем, а не императором и не фараоном, — без улыбки пояснил Гумно. — Королем, при котором я уже не феодал, а наместник провинции, чем, должен сознаться, вполне доволен.

— Очень интересно. — На этот раз уже Фома не удержался от язвительных ноток. — И что же мне хочет передать его величество?

— Предложение добровольно присоединить твой феодал к нашему государству. На выгодных условиях.

— Да ну? Интересно, на каких же?

Гумно ласково улыбнулся:

— Тебя не тронут, это раз. Твоя жизнь улучшится настолько, насколько это вообще возможно, это два. Во всяком случае, тебе больше не придется работать выучным верблюдом. Иногда прогуляешься налегке, и только. Вот как я сейчас...

— Странно, что ты вообще сюда дошел, — заметил Фома.

— Ну-ну. Я же был феодалом, а значит, кое-что понимаю в Плоскости. И ты бы дошел до моей провинции, если бы приспичило, нет?

— Допустим...

— Не «допустим», а точно. Опять же: идти налегке и таскать тяжести — очень разные вещи. Иногда прогуляться, а заодно освежить навыки даже полезно. А в остальное время — свободен. У тебя есть свой оазис? Ну и живи в нем, как набоб, блаженствуй под сенью струй, гарем заведи... А пища будет. Хорошая и много. Ну как, заинтересовал?

«Не то слово, — подумал Фома. — Особенно радует, что останусь жив. Нечего сказать, одолжил. Гран мерси!»

— Кто такой этот король? — спросил он. — Откуда он взялся?

— Да все оттуда же, — засмеялся Гумно. — Откуда взялись я и ты? Сам знаешь, как люди попадают на Плоскость.

— Тогда почему король он, а не ты? — Фома фыркнул. — Я что-то не пойму: тебе-то кто мешал? Объяви себя хоть властителем всея Плоскости в двадцатом колене и племянником Аллаха, ходи и радуйся. Дураком, правда, назовут, но это твои проблемы.

— Быть может, ты все же выслушаешь? — осведомился Гумно.

— Я только этим и занимаюсь, — сердито сказал Фома. — Делать мне больше нечего — слушать всякий бред. Есть подробности? Валяй, только короче.

Свой прутик Гумно давно отшвырнул. Теперь он сидел на валуне, заложив ногу за ногу, обхватив пальцами крепкое колено, и по-прежнему чувствовал себя в полной безопасности. Или бравировал.

— Знаю, что ты скажешь: никакие королевства на Плоскости невозможны, — произнес он. — Еще недавно я сам так думал. Как обеспечить инвентарем хуторян, чтобы те не подошли с голоду посреди плодородного поля? Как собрать с них оброк? Как встретить вновь прибывших? Ты да я — у нас есть какой-никакой талант угадывать ловушки. Это капитал, между прочим! В этом гребаном мире это громадный и притом неотчуждаемый капитал! А как я им пользовался? Курам на смех! Как ты пользуешься им до сих пор? Вечно таскаешься от оазиса к оазису, потому что иначе сам подохнешь с голоду? Ну верблюды и есть. Ты не злился, это правда. Я сам недавно был таким же верблюдом. Каторжная должность. А ведь выход есть, и один человек его нашел...

— Теперь он, конечно, король? — перебил Фома, настораживаясь.

В висках вдруг застучали молоточки. Есть выход? Какой выход? Господи, да если можно найти способ

жить лучше, кто же станет возражать против перемен! Король? Да пусть хоть султан, хоть микадо, хоть Гудвин Великий и Ужасный! Без малого восемь лет бесконечных маршрутов от оазиса к оазису... Восемь выброшенных из настоящей жизни лет! Неужели все-таки есть выход?!

— Ясное дело, что король он, а не я! Он знает один секрет, а я его не знаю. Хотя, конечно, пробовал... Короче говоря, у тебя в феоде, как я понимаю, есть сколько-то точек выброса новичков. Три? Четыре?

— Не твоё дело.

— Ладно, не мое, — легко согласился Гумно. — Одну я видел и, ты уж не обижайся, взял бутылку с водой. Пить захотелось. Где находятся другие точки — не интересуюсь. Скажи только одно: тебе ведь приходится постоянно их проверять? Причем чаще всего с нулевым результатом?

— Будто сам не знаешь, — буркнул Фома.

— Во-от! А у него есть точка выброса, которая работает как часы! Он нашел способ. Что ни день, то полсотни человек, а то и больше. Сам понимаешь, тут уже совсем другие возможности!..

— Ничего я не понимаю. Какие еще возможности? Тыфу, да столько людей феод просто не прокормит!

— Он прокормит больше, чем ты думаешь. Но всех кормить и не надо. Только лучших. Селить их в оазисах вдвое-втрое плотнее, чем раньше, и заставлять работать как следует. Чтобы ни одна пядь земли не пустовала. Будь спок, с них можно стричь не то что десять — сорок процентов. Уже проверено. Живы будут, не подохнут. Жить всем хочется, да не все того достойны. Так что если кто сыграет в ящик или возмутится — ну что ж, на его место найдется уйма желающих, ферштейн?

— Не ферштейн, — сказал Фома. — А остальных куда девать?

— Тьфу, тормоз! В носильщики, куда же еще! Я вот сразу допер. Проложить более-менее надежные маршруты, время от времени их корректировать, назначить главного караванщика из тех, кто потолковее, объяснить ему про ловушки — и вперед! Жить захотят — дойдут. Может, и не все, но большинство дойдет, а дохляков и болванов не жалко. Этот метод тоже уже проверен — и еще как работает! Избыток людских ресурсов, знаешь, вещь в себе, но если взяться за дело с правильной стороны...

Гумно мечтательно закатил глаза. Фома ощущал желание двинуть чем-нибудь твердым и тяжелым промеж этих глаз. Если бы гость выказал страх, желание это стало бы непереносимым. Но нет — Гумно, как видно, был убежден в успехе своей миссии.

— Ты продолжай, я слушаю... Значит, самых ничемных ставим во главу колонны — и вперед на минное поле?

— Ха! По-твоему, лучше кормить балласт за счет тех, кто все-таки на что-то годен?

Логика, подумал Фома. Сейчас же со дна памяти выплыло то, о чем он уже много лет мечтал забыть: женщина с коляской. В коляске лежал младенец — мертвый. И женщина была уже мертва к тому моменту, когда Фома и Нсуэ наткнулись на нее в бесконечных скитаниях по феоду. Так уж вышло, что очередной перерыв между посещениями той точки выброса оказался долгим, и матери с ребенком просто не хватило воды. Уж конечно, они не умели ее экономить.

Тела закопали в песок. Бушмен потом долго был мрачен и на вдребезги изломанном английском ругал неприспособленных городских жителей. Выходец из Калахари не мог взять в толк, как можно погибнуть от жажды в пустыне. Не бывает таких пустынь!

А Фома казнил себя. Ведь это из-за него они опоздали на несколько дней. Это он не вовремя подхватил странную лихорадку, от которой все тело покрылось

лиловыми пятнами, и суток пять провалялся в том оазисе, где сейчас живет Автандил. Едва не умер, но все-таки выжил благодаря каким-то травкам, добытым Нсуэ, а может быть, выжил не вследствие траволечения, а вопреки ему. Он-то выжил...

Что ж, рассуждая здраво, балласт есть балласт, и не стоит о нем жалеть. Закон Плоскости беспощаден. Не погибни та женщина с ребенком, они долгое время годились бы только на роль нахлебников. Кому-то пришлось бы больше горбатиться на поле, чтобы их прокормить. Феодал был бы вынужден чаще посещать их — ведь для малыша нужно много чего. И все это в ущерб другим — тем, кто работает до седьмого пота, а не просто живет непонятно зачем и жалуется. Плоскость не благосклонна к людям, но сильных и приспособленных она по крайней мере терпит. Слабые ей ни к чему.

Это закон.

Ему нет дела до традиционных законов человеческих. Лишь идеалисты вроде Георгия Сергеевича искренне полагают, будто социальные законы строятся на морали. Чушь! Они строятся на присущем социуму инстинкте выживания и, конечно, на выводах, сделанных из тяжелейших ошибок, на крови и костях неудачливых экспериментаторов, на найденном в муках поколений приемлемом укладе жизни. А мораль уже подгоняется под этот уклад. Десять заповедей — они ведь писаны для Земли. Быть может, здесь некоторые из них должны трансформироваться? Например, так: «Слабого — убий»?

И слабый сгинет. Зато социум будет жить. Можно даже получать непосредственную пользу от гибели слабых — ведь теперь по Плоскости пойдут караваны носильщиков с живыми «миноискателями»! Резко увеличится обмен товарами. Разве это не прогресс? Прочная королевская власть взамен беспросветной феодальной бестолковщины — разве не прогресс?

Он самый. И как всегда, на костях. Главное, чтобы под рукой всегда был излишек людей, чтобы точки выброса действовали бесперебойно, как конвейеры...

— А нельзя устроить так, чтобы сюда с Земли вообще никто больше не попадал? — спросил Фома.

И заметил: визитер удивился. Его удивление длилось несколько секунд. Затем Гумно разразился веселым смехом:

— Ну, ты шутник... Даешь, парень! От тебя первого слышу такое. Нет, я не могу... Во выдумал!

— Значит, нельзя?

— Да кому это надо?! Э, погодь, ты серьезно, что ли? Совсем головой нездоров, да? Главного-то ты не усек: для нас с тобой хорошая жизнь начинается! Кто теперь твои соседи? Уже не феодалы, а наместники, причем все пошли добровольно! Губайдуллин чуть ли не вприпрыжку прибежал. Перонелли пришлось уговаривать, но и тот скоренько разглядел, с какой стороны на бутерброде масло. Люкер, Андриадис, Мбунум-ве поняли с полуслова. Еще несколько дальних от тебя, ты их вряд ли знаешь... У нас теперь королевство из девяти провинций... то есть было из девяти дня четыре назад. Сейчас, может, уже из пятнадцати — не я один послан к соседям.

— А Бао Шэнжуй? — спросил Фома.

— Это какой? Это тот китайча, чьи земли за твоими? К которому раньше почти все китайцы уходили? Как же, наслышан. Он будет следующим. Дураков нет.

— Это почему же?

Гумно в сердцах хлопнул себя по колену:

— Слушай, ну ты думаешь, прям как баобаб растет — в год по сантиметру. Еще раз говорю: совсем другая жизнь у тебя пойдет. Проникнись! У всех, кто чего-то стоит, другая жизнь пойдет. Плоскость — она сама определит, кто чего стоит, кому наверху быть, кому на брюхе ползать, а кому вообще жить не надо.

Насчет себя ты уже доказал, тебе и быть наместником. Назначишь старост в оазисах, подучишь из пополнения трех-четырех караванщиков и гонцов с полномочиями решать дела на месте, ну сам иногда явишься с инспекцией, когда охота придет ноги размять, а грузы и без тебя дойдут... Понял? Выбери себе оазис поприличнее, живи да радуйся. Гвардию себе заведи, чтоб уважали. Заставь бездельников дом тебе построить — настоящий дом, а не халупу. Или ты свободой дорожишь? Нет? Правильно: на хрен она нужна, такая свобода! Короче: служишь королю, платишь ему десятину, а взамен получаешь человеческие излишки, и делай с ними что хочешь. Служба необременительная.

— То-то тебя ко мне погнали, — с издевкой сказал Фома. — Бобик, апорт!

— Э! — Гумно пренебрежительно махнул рукой. — Это что! Это ерунда. Подумаешь, прогулялся. Вообще-то есть у меня пара толковых ребят, только они пока плохо обученные, вот я и решил сам к тебе наведаться. Для меня пустяк, а королю будет приятно. Он тобой особенно интересуется.

— Это почему же?

Явно наслаждаясь, Гумно выдержал долгую паузу. Потом полез в карман шорт и достал небольшую фотографию.

Фома не удивился: кто ж дивится эфемерным вещам! Безусловно, можно выпатать и «Кодак» с принадлежностями, дело нехитрое. Можно выпатать множество вещей, жаль только, что не все они, будучи полезными там, полезны и здесь. Например, радио. Как было бы хорошо снабдить все оазисы портативными радиостанциями и самому разгуливать с невесомым «уоки-токи» — да черта с два! Уже испробовано. Радиосвязь на Плоскости невозможна — местный сволочной эфир не пропускает радиоволн.

— Портрет короля. — Гумно протянул фотокарточ-

ку. Видно было, что он недоволен: карточка помялась в кармане.

— Медленно встань, повернись спиной и отойди на пять шагов, — скомандовал Фома, извлекая «марголин» из-за пояса. — Фото оставь на камне.

Громко фыркнув, Гумно подчинился. Даже руки положил на затылок. Глумишься, мол? Ну-ну, не возражаю. Ты на своей земле, а значит, в своем праве, а только все равно ты дурак...

Фома неспешно приблизился к валуну. Косясь на недвижимого Гумно, поднял мятый картон.

С фотокарточки на феодала смотрело его собственное лицо.

Пятичасовой безостановочный переход — легкая физзарядка для феодала. Для Георгия Сергеевича, разменявшего седьмой десяток и вдобавок три года сидевшего сиднем в своем крошечном оазисе, испытание оказалось более чем серьезным.

— Все-таки вы были правы, — сказал Фома. — Теперь ваша гипотеза доказана: сюда попадают не оригиналы, а копии. И еще одно: я окончательно поверил в бога. В местного бога. В бога, действующего только в нашей вселенной — на Плоскости. Не удивлюсь, если он ее и создал.

Они присели передохнуть на гребне бродячего бархана. Это место Фома считал сравнительно безопасным. В полном безветрии, тихо шурша, сыпался песок. Что гнало его, почему бархан вечно полз, описывая на местности странные кривые, и почему он никогда не покидал треугольника, образованного ближайшими оазисами, Фома не знал и сейчас не был склонен решать безнадежные головоломки. Пусть себе ползет. Ни горячих, ни холодных вихрей над самодвижущимися песками практически не бывает — вот и ладно. Это главное.

Они прошли уже больше половины пути. Остаток Фома в одиночку преодолел бы часа за три. Со старым учителем в качестве компаньона он опасался вообще не дойти. Георгий Сергеевич ни разу не пожаловался на усталость, но зачем что-то говорить, когда и так видно: еле тянет.

Фома размышлял.

— Свернем ко мне, — сказал он, приняв решение. — Крюк есть, но небольшой. Зато отдохнем по-человечески.

— А? — Георгий Сергеевич никак не мог отдышаться. Зашелся кашлем. — Простите, я не понял... К вам?

— Ко мне. Я у вас в гостях уже сколько раз бывал, а вы у меня еще ни разу. Вот мы и поправим это дело.

— Гм. Признаться, я думал, что вы...

— Все время слоняюсь, как Вечный жид? — с грустной улыбкой закончил Фома. — Это не совсем так. Это лишь почти так.

Он замычал, схватившись за голову, не слыша, как мучительно охнул Георгий Сергеевич, не видя, как он скорчился. Боль схватила сразу, сдавила мозг тупыми когтями и долго не спешила отпускать. А когда все же отпустила, Фома потерял виски и объяснил, упреждая вопрос:

— Бродячий магнитный вихрь, только и всего. Довольно мощный. Это не страшно, он почти никогда не убивает, с него голова болит только... Вы в порядке?

Георгий Сергеевич был в порядке, то есть жив. А остальное — дело техники. При необходимости Фома понес бы его на себе, но, само собой, был готов сделать все, чтобы такой необходимости не возникло.

— Игорь, друг мой... Я рад, что вы приняли гипотезу о местном божестве. Не надо только безоглядно верить. Надо думать. Вы Фома неверующий, им и оставайтесь. Возможно, нет никакого смысла в э-э... персонифика-

ции высшего существа, которое с нами шутки шутит. Вот вы не раз приносили мне книги... Заметьте, книги, не читанные прежде ни мной, ни вами! Вы выпали то, о чем прежде не имели понятия. Но разве это доказательство существования бога? Что, если просто-напросто таковы свойства данного мира? Ведь Плоскость имеет связь с Землей, хоть связь эта и односторонняя... Вы можете сказать, где тут сознательная деятельность высшего существа, а где ее и в помине нет? Сдается мне, вы уверены, что так называемый король сумел договориться с высшим существом... А мне кажется, что он просто открыл еще один рычаг влияния на этот мир. Не более.

— Он — это я, — мрачно напомнил Фома.

— Нет, он — не вы... Не вы открыли — он открыл. Игорь, друг мой, не надо считать гением ни его, ни себя, умоляю вас! Ему могло просто повезти. Дело случая. Вот, например, стеклянный лабиринт с белыми крысами. Классический опыт. Крысы бегут по нему, суется, вынюхивают... Одна случайно нажала лапкой на незаметную педаль — и получила электрический разряд. Другая нажала на другую педаль — и получила кусочек сыра. Разве это не похоже на нас? А разве невидимый крысам Экспериментатор, построивший лабиринт, не похож на крысиного бога?

— Продвинутый представитель высшей цивилизации изучает людей, — кивнул Фома. — Человечество мечтало о контакте с иной цивилизацией, а получило взамен Экспериментатора-одиночку. Вся их цивилизация — слишком жирно для нас, рылом не вышли, а наша для них — неинтересна, потому что примитивна. Один только чудик и нашелся... Слыхали, знаем. Георгий Сергеевич, дорогой вы мой, это очень старая гипотеза.

— Но ведь не опровергнутая?

— Не опровергнутая.

— Тогда думайте над нею! У вас хорошая голова,

вот и пустите ее в дело! Ищите, делайте выводы, сомневайтесь — что угодно, только ни в коем случае не верьте безоглядно...

Он еще что-то говорил, а Фома, кивая в такт, старался не морщиться и думал о том, что школьный учитель — больше диагноз, чем профессия. Ему хотелось сказать: «Георгий Сергеевич, я не школьник, не юнец прыщавый с рэпом в голове и зудом в гениталиях, мне уже двадцать семь!»

Но он молчал. Если старый учитель затянул монолог, то это прежде всего нужно ему самому. Пусть говорит, веря в пользу слов. Отнять эту веру значит отнять очень многое. Потерпеть ведь совсем нетрудно.

Возразить, выслушав, — дело иное.

— Я не хочу жать на педаль, — сказал он, чуть только Георгий Сергеевич умолк. — Я теперь хочу только понять, как жить дальше в этом сволочном лабиринте. Не жать, а жить. Так, как предложил Гумно от имени Я-второго, — не хочу. Тогда уж лучше не жить вовсе. Шагнул в черный провал — и кранты. Кто такой был феодал на Плоскости? Защита и опора. Кем он станет теперь? Прессом-соковыжималкой? Сатрапом персидским? Гауляйтером?

Георгий Сергеевич только вздохнул.

— Самое интересное: Гумно был уверен, что я ломаюсь для виду, а потом с радостью соглашусь. Выгодно же! Еще одну вещь он сказал напоследок, но тут я уже и сам допер: мясо!.. Нет, не подумайте чего, не человеческое... Сами знаете, животных сюда редко забрасывает, разве что вместе с людьми. Собаки, кошки... И все они либо съедались, либо подыхали от бескормицы. Но ведь когда люди попадают на Плоскость конвейером, с ними рано или поздно попадут и травоядные, разве нет? Бабка пасла козу — хлоп, и обе здесь. Голубятник кормил голубей — и вот он тут вместе с голубями и голубятней. И так далее. Рано или поздно кролики у нас размножатся, домашняя птица...

А мы тут семенами меняемся, достали что-нибудь новое — радуемся, идиоты! Вам не надоело вегетарианство? Мне давно надоело. Сукин сын приберет этот аргумент напоследок...

— А вы... — начал было Георгий Сергеевич.

— Что?

— Нет, ничего. Нет-нет, я понимаю. Отношения феодалов — это, знаете ли, совершенно не мое дело.

— Я отпустил его, — ответил Фома и поймал недоверчивый взгляд Георгия Сергеевича. — Нет, правда отпустил.

— Странно... Гм... Мне показалось, что я слышал выстрел. И потом, я видел следы крови. Нет-нет, Игорь, я вам верю. Я же сказал: показалось.

— Следы были, — кивнул Фома. — И это была его кровь. Но ушел он живым, честное слово.

— М-да... Гм... Но вы ведь стреляли? Ведь это вы стреляли, а не он?

— Не он, — мрачно сказал Фома. — Я прострелил ему руку. Кой черт прострелил — задел только! Нарочно. Пришлось сказать, что вторая пуля пойдет ему в живот. Он поверил. А что мне оставалось делать? Этот гад собирался метнуть нож и ни за что не хотел резать себе уши.

— Как? — только и спросил Георгий Сергеевич. Лицо его побелело, взгляд остановился.

— А вот так. Это объявление войны. Вообще-то двуногих скотов надо убивать, но тогда король Я-второй прислал бы нового парламентаря. Наверняка решил бы, что первый стигнул по пути. Я бы так и сделал, а значит, и он тоже. А чего зря время тянуть? Пусть знает: в гробу я его видал, двойничка своего. А отпустить просто так ту сволочь, что он прислал, я, извините, не мог. Носи то, что заслужил, — уши в кармане. Я ему даже тряпку пожертвовал на перевязку. Он и ушел. Я не прав?

Георгий Сергеевич глубоко вздохнул, пожал плечами и ничего не ответил.

— Пойдемте, — сказал Фома, тоже вздохнув.

— Постойте... Вы действительно хотите сказать, что выстрелили бы ему в живот, если бы он... если бы он не...

— В живот или в голову — не знаю. Знаю только, что убил бы гада. Нельзя приходить ко мне с такими предложениями.

— Да, конечно, — задумчиво проговорил Георгий Сергеевич. — Все это как-то не по-людски...

— Вот именно! — Фома сплюнул. — Не по-людски, это вы верно сказали. Ну, я его немножко и подправил. Чтобы соответствовал. А то с виду он был слишком похож на человека: две руки, две ноги, два уха... Вы как, уже отдохнули? Идти можете?

Спускаясь с бархана, он для начала изругал себя за то, что все рассказал Георгию Сергеевичу, а потом ожесточился. Кой черт! Дипломатничать еще! Вот вам правда, ешьте ее. Она груба, грязна и жестока, но другой-то правды все равно ни у кого нет. Даже на Земле. А уж на Плоскости и подавно. Феодализм — это вам не рыцарские турниры, подъемные мосты, крестовые походы и песни менестрелей. И не кодекс бусидо. Это просто жестокость, возведенная в ранг необходимости.

Да, люди делают любой мир гаже, чем он есть. Но и мир отвечает им той же любезностью. Круговорот. Выскочить из него невозможно. Можно слегка высунуться, но это означает жить отшельником. Только так.

— Что же теперь будет? — спросил Георгий Сергеевич, достигнув подножия бархана, и видно было: вопрос не из числа риторических. Либо старый учитель и впрямь не знал, что будет, либо еще не успел свыкнуться с неизбежным.

— Война будет, — ответил Фома. — Вы знаете, что

такое война на Плоскости? Нет? Я тоже не знаю. Будем импровизировать. Если победим, постараемся оставить все по-старому. Я знаю, так не бывает, но я стараюсь.

— А если проиграем?

Станный вопрос... Фома искоса посмотрел на Георгия Сергеевича — не шутит ли? Нет, он ничуть не шутил. К сожалению.

— Тогда мы умрем. — Фома фыркнул. — Я этого не переживу.

ГЛАВА 6

Целая роща стеклянных сталагмитов тихонько пела на слабом ветерке. Удивительно ровные, на редкость прозрачные конические «сосульки», торчащие остриями вверх, казалось, вышли из лучшей стеклянной мастерской. Иные превышали ростом человека, другие только-только начинали пробиваться из серой скальной проплешины, каких на Плоскости сколько угодно.

Они росли — медленно, как настоящие пещерные сталагмиты. За восемь лет они выросли в среднем на три сантиметра. На них не капала богатая кремнеземом вода, и все-таки они тянулись вверх. Фома не сомневался в том, что сталагмиты живые.

Один был отломан — последствия давнего грубого эксперимента. С тех пор обломанный «пенек» оплыл, как огарок, а сам сталагмит, валяющийся здесь же, накрепко врос в скалу и как будто уменьшился в объеме. Фома не продолжил эксперименты — стеклянной рощи было жаль.

Он щелкнул ногтем по ближайшей «сосулке». Раздался мелодичный, долго не стихающий звук, и вся роща отозвалась на него печальным пением. Улыбнувшись, Фома сыграл на нескольких разнокалиберных

сталагмитах, как нарочно растущих в ряд, «Чижика-пыжика». В ответ полились звуки — то ли симфония, то ли какофония, но приятная.

Он еще раз улыбнулся, вспомнив, как Нсуэ до судорог боялся приближаться к стеклянной роще, подозревая в ней жилище великого духа Гауа. А на поверку «жилище духа» обернулось просто поющим стеклом. Очень качественным, возможно даже чистым хрусталем, непонятно почему живым. Как-то раз Фома выпсал себе масс-спектрограф для продолжения экспериментов, но так и не понял, как с ним обращаться, а выпсать инструкцию не сумел. Да и переменного тока напряжением 220 вольт взять было неоткуда, и в положенный срок деликатный прибор рассыпался пылью, как рассыпается все эфемерное.

Такова жизнь. Нельзя объять необъятное — руки коротки. У феодала и без научных экспериментов забот полон рот.

А Георгий Сергеевич, хоть и шел уже совсем на автопилоте, тупо уставившись себе под ноги, при слитном пении стеклянной рощи замедлил шаги, подняв в удивлении голову и немедленно исполнился блаженства:

— Как в Большом зале филармонии...

Фома не ответил. В Большом зале филармонии он не бывал ни разу по странности подобных желаний для студента-технаря. В малом зале — тем более не бывал. Куда охотнее он послушал бы «Пикник» или старую «Арию», но пока приходилось довольствоваться тем, что есть. Нетрудно выпсать плеер с записями, но никакой феодал не станет таскать его с собой по Плоскости, наслаждаясь по пути музыкой. Разве что совсем глупый или тот, кому жить надоело. Даже «прокручивать» музыку в голове — и то вредно. Фома люто ненавидел попсовые мотивчики отнюдь не за убогость, а лишь за прилипчивость. Куда там банному листу! Клей.

— О чем вы думаете? — спросил Георгий Сергеевич, продолжая прислушиваться к пению рощи.

— О том, что, если мы не отобьемся, меня посадят на один из этих кольев, — указал Фома на «сосульки». — Или придумают еще чего похуже.

Георгий Сергеевич удивленно потер подбородок.

— Странно... А я думал о Моцарте, Бетховене, Гайдне. Удивительное место. Почему вы мне ничего о нем не рассказывали?

Фома пожал плечами:

— А смысл? Тут не рассказывать, тут показывать надо.

Тонкая, почти невидимая летающая нить, противно извиваясь, проплыла против ветра опушкой стеклянной рощи, наткнулась на корявый куст, легко срезала его и полетела себе дальше. С той же легкостью она могла располовинить человека, Фома видел, как это бывает. Короткие, в полметра, нити, каких большинство, способны только поранить, двухметровых надо бояться всерьез, но попадают и десятиметровые гиганты, режущие скалы. Эта нить с камнем не справилась бы, да и со стеклянным сталагмитом, пожалуй, тоже. Пусть летит, сволочь.

Почему-то вспомнилось, как давным-давно Георгий Сергеевич, тогда еще неопытный новичок на Плоскости, долго мялся, прежде чем спросить:

«Игорь, друг мой, я осмелюсь задать вам один деликатный вопрос. Если хотите, не отвечайте...»

«Ну?»

«У феодалов бывают профессиональные болезни?»

«А как же. Варикозная язва — это первое. Ну, еще болезни желудка. Все остальное от ловушек и подлянок. Ожоги, обморожения — это часто. Вляпаться в жидкую землю или угодить в черный провал — тоже, знаете ли, профессиональная болезнь, только скоротечная и фатальная...»

Но разве только жидкая земля и черные провалы? Если бы! Начнешь считать все виды смертельных ловушек — не хватит пальцев на руках и ногах. К счастью, половина из них встречается редко, однако не проходит и года, чтобы в феод не заползло извне что-нибудь новенькое. Плоскость велика и неистощима. А ведь каждая распознанная ловушка — это минимум одна жертва. Как бы иначе люди узнали об их смертельных свойствах?

Вот так и узнают. Учатся на ошибках. Как везде. Как и на Земле, кстати. Это же уму непостижимо, сколько народу перемерло, прежде чем выжившие уяснили, что шампиньон кушать можно, а сильно смахивающую на него бледную поганку — ни-ни! О рыбе фугу и говорить нечего. Не одни лишь боевые уставы «пишутся кровью», поваренные книги тоже. Георгий Сергеевич недавно сказал: разница с Плоскостью здесь только та, что у землян было время приспособиться, период ученичества в основном позади...

— Потерпите еще немного, мы почти пришли.

Действительно, от стеклянной рощи до оазиса было рукой подать.

— Н-да... — только и вымолвил Георгий Сергеевич, чуть только резиденция феодала открылась взгляду.

— А вы что думали? — немедленно огрызнулся Фома. — Баронский замок тут? Ров с водой? Подъемный мост?

— Нет, это было бы слишком, но...

Оазис и впрямь был, мягко говоря, неухоженный. Там и сям без всякого порядка и смысла разрослись корявые кусты. Три деревца неизвестной породы медленно чахли, густо оплетенные проволочной лианой. В маленьком холме гигантские многоножки нарыли нор.

Здесь не было даже хижины. Правда, близ выбивающегося из земли и исчезающего в песке ручейка

виднелись обомшелые руины какого-то строения, рухнувшего от ветхости неизвестно в какую эпоху, но никто и не подумал построить новую хибару. Жилищем феодалу служил навес из парашютной ткани на кое-как связанных жердях. Жерди были настоящие, ткань — заведомо эфемерная.

Георгий Сергеевич недоуменно озирался.

— Нашли что-то интересное? — ревниво спросил Фома.

— Игорь, друг мой, я пытаюсь понять, как вы живете один.

— А я тут и не живу. Отсыпаюсь только. Есть у меня время, чтобы сидеть на одном месте?

— Я не о том...

— А о чем? А, понял!.. — Фома вздохнул. — Ну, в общем, была у меня женщина. Ушла год назад. Сказала, что не может так жить и не станет. Сказала еще, что лучше уж горбатиться в поле, зато с таким мужем, который всегда при ней, а не слоняется неизвестно где. Пробовал уговорить — без толку. Крик, слезы, истерика. Что ж я, насильно ее держать буду?

Георгий Сергеевич понимающе покивал.

— Сама ушла? — спросил только.

— Вот еще! Убийца я, что ли, одну ее отпускать? Довел до ближайшей границы и сдал Андриадису с рук на руки. Пусть он ей мужа подыщет. Который не шляется. Самому мне ей мужа искать, что ли? А! — Фома махнул рукой. — Ушла и ушла. Наплевать. Если по-честному, то она права была. У меня на нее все равно не нашлось бы столько времени, сколько она хотела...

Он лгал насчет «наплевать», но если Георгий Сергеевич и понял это, то не подал виду. Старик был наивен, но мудр. С ним Фома никогда не знал, что почувствует в следующую минуту: признательность или раздражение. Старик категорически не годился для этого

мира, но с ним было не так скучно. Ни покорный Юсуф, ни чем-то симпатичный строптивец Приветт, ни хозяйственный Урхо, ни даже щедрая душа Автандил не могли бы его заменить. Спору нет, феодал — защита и опора, но ведь и ему порой надо на кого-нибудь опереться.

Замковый камень в арочном своде — вот что такое феодал.

Сам по себе он ничто. Не сдохнет, но и только. Какое-то время. Потом начнет сходить с ума, всеми печенками ощущая свою ненужность, и сойдет. Быстро ли, медленно ли — какая разница! А там и до какой-нибудь ловушки рукой подать, вон их сколько...

Очень вовремя наступили сумерки. Фома терпеть не мог ходить по Плоскости «ночью». Иногда, правда, приходилось, если риск того стоил. Но, конечно, лучше было переждать, тем более в оазисе.

— Располагайтесь, — указал он на навес. — Там лежанка. Можете даже поспать, только недолго. Так надо. Я разбужу.

— А как же вы?

— А я совсем спать не буду.

В другое время Георгий Сергеевич, наверное, возразил бы, но сейчас слишком устал. Поэтому он лишь кивнул благодарно и полез под навес. Немедленно оттуда донесся его удивленный голос:

— О, да тут книга!

— Только одна? — спросил Фома. — Было больше. Ну, значит, остальным срок вышел. Эти книги я вам не носил, вы ведь детективов не любите. Хотите угадать, какая осталась? Дик Фрэнсис, «Подкова аутсайдера», лошадиная морда на обложке, обложка лохматая. Угадал?

— Точно.

— Не велика премудрость, я ее последней выспал. — Фома почесал в затылке. — Хм, теперь я даже

не уверен, есть ли на самом деле у Фрэнсиса такой роман или он его только задумывал... А может, и не задумывал даже. Почему бы вашему богу-инопланетянину не смастерить компиляцию с лихим сюжетом, а? Разве это так трудно?

— Я бы не смог. — Высунувшись из-под навеса, Георгий Сергеевич покачал головой.

— Ну, я-то тоже. Но он — не мы. Он черт знает какой продвинутый, он все может.

— Ага, я вижу, вы все-таки прониклись!..

— Чего ж тут не проникнуться, — буркнул Фома, — все ясно. Вы спать-то будете? Советую. Времени мало, пользуйтесь, пока оно есть.

Он опустился на корточки у ручья, поплескал в лицо. Ему самому мечталось завалиться на боковую. Видно было, что Георгий Сергеевич очень хочет спросить, с чем связано ограничение на сон, но задал он другой вопрос:

— Игорь, друг мой... Мне не хочется показаться излишне любопытным, но все же: куда мы идем? Вы сказали: надо, и вот я с вами. Но я, простите, как суворовский солдат, хотел бы знать свой маневр. Не отвечайте, если не можете, я пойму.

— В спальню, — буркнул Фома.

Он до сих пор не придумал иного названия важнейшей стратегической точки феода — небольшого пятачка посреди пустыни, где материализуются предметы из снов и не бывает ловушек. Чудесное место, волшебное место... Без него вообще не выжить, несмотря на оазисы. Орудия труда, предметы быта — все оттуда. Пусть все эфемерное, но ведь какой-то срок оно работает! Великое спасибо и на том.

А как назвать это место? Снилище, что ли? Ведь не сонмище же... Фома давно бросил ломать голову над этой семантической проблемой. Спальня феодала — и достаточно. Кому надо, тот поймет.

В первую минуту Георгий Сергеевич заморгал, во вторую — сообразил, что имеется в виду не эта лежанка под матерчатым навесом, в третью — потребовал уточнений.

— В каждом феоде есть одно такое место, — неохотно объяснил Фома. — Иногда два, если они рядом. У меня — одно. Феод строится вокруг спальни. Это не значит, что спальня помещается точно в середине феода, — думаю, здесь у кого как. Где-то, наверное, есть оазисы, лежащие слишком далеко от ближайшей спальни, чтобы для кого-нибудь имело смысл включить их в свой феод. Там никто не живет... а если и живет, то дикари какие-нибудь опустившиеся. И у нас-то жизнь не сахар, а там вообще полное прозябание. Бр-р, даже думать не хочется...

— Местоположение этой точки... гм, спальни, естественно, хранится в тайне? — спросил догадливый Георгий Сергеевич.

— Само собой. И от соседей-феодалов, и от хуторян. Открою вам секрет: каждый феодал делает вид, будто умение выспать какой-нибудь полезный предмет — его личное свойство. Очень полезный обман. А на самом деле это свойство того места.

— И, однако же, вы меня туда ведете?

Фома вздохнул.

— А что мне остается делать? К тому же феодалом вы все равно не сумеете стать, не ваша это профессия. А там вы можете оказаться полезным.

— Ну да, ну да. Вы правы. Но ведь я могу запомнить дорогу и впоследствии проговориться...

— Кому? Дюнам? Песку? Другим хуторянам? Послушайте, Георгий Сергеевич, неужели вам хочется оказать им медвежьё услугу? Сказано же: не введи в соблазн. Хорошо ли будет, если кто-нибудь из них сдуру захочет стать феодалом? Не имея к тому ни способностей, ни навыка? Хуторяне же первыми и по-

страдают. Феодал — это же серьезная профессия, ей учиться надо, да и способности кое-какие иметь, чтобы не угробиться на первых порах. Ну нет сейчас в моем феоде хуторян со способностями!

— А раньше были? — живо перебил Георгий Сергеевич.

— Был один. Я его не учил, нет. Тогда еще Нсуэ был жив, а зачем нам третий? Потом прошел слух, будто через два феода от нас погиб феодал, освободилось место. Вижу — не терпится парню. Пробовал отговорить — без толку. Тогда довел его до границы и ручкой помахал. Держу я, что ли, кого? Очень мне надо!

— Понятно, — покивал Георгий Сергеевич. — Но я не о том. Игорь, друг мой, поверьте, я вовсе не собираюсь выбалтывать ваши секреты первому встречному. Наоборот! Я ценю ваше доверие. Но ведь я могу случайно оказаться в руках ваших... э-э... наших противников. Простите, я не уверен в своей стойкости, если они... э-э... начнут тянуть из меня сведения. Вы меня понимаете?

Фома ответил сразу, и Георгий Сергеевич понял, что решение этого вопроса уже не раз обдумано и взвешено:

— Будем надеяться, что этого не случится.

Он так и не лег. Чтобы не сморило, бродил взад-вперед, мерил шагами невеликий оазис. Взял было недочитанную «Подкову аутсайдера», стало еще хуже, швырнул под ноги. Снотворное чтиво, хоть и псевдо-Фрэнсис.

Какое-то время он занимался подсчетами в уме. Большого смысла в них не было, он только хотел занять себя чем-нибудь. Значит, так... Допустим, в среднем в каждом феоде пятнадцать обитаемых оазисов и тридцать человек населения. Площадь Плоскости не-

известна, но велика. Допустим, десять миллионов квадратных километров. Больше, чем половина России. Тогда, значит, получается... получается триста тысяч человек. Ежегодно в каждый оазис попадает не меньше пяти новичков. Ладно, возьмем по максимуму, пусть десять. Всего, значит, сто тысяч новичков в год. Запомним. Хм, по масштабам человечества не столь уж большая величина, чтобы подтвердить гипотезу о копировании людей... что такое сто тысяч бесследно исчезнувших? Каждый семидесятитысячный ежегодно, не так уж и много.

Впрочем, уже доказано, что Георгий Сергеевич прав, гипотеза подтвердилась, не станем повторять «зады». Какова вероятность того, что один и тот же человек будет скопирован на Плоскость дважды, если объект копирования выбирается случайным образом? Возводим одну семидесятитысячную в квадрат и получаем... получаем, грубо говоря, одну пятиллиардную. В год. Это уже кое-что. Не так уж мало! Выходит, на Плоскости могут одновременно существовать несколько пар почти идентичных человеческих копий, отличающихся только возрастом оригинала... Интересно!

Фома оскалился и сплюнул. Вот ведь как... Пусть для более точного расчета нет данных, но похоже, что ты, дружок, не уникален. И вообще, бессмысленно спрашивать, почему ты, а не кто-то другой. Так получилось, и не сотрясай атмосферу никчемными жалобами. А вот то, что Игорь-второй оказался в десятках, а не тысячах километров от первого, — это да, это маловероятно. Еще менее вероятно, что он, именно он, человек, допустим, неглупый, но ведь не выдающийся же, заведомо не гений, открыл способ воздействия на одну из точек выброса. Хотя время от времени происходит и маловероятное, подлец Случай может улыбнуться кому угодно...

Тьфу, как глупо!

Хотелось немедленно побить кого-нибудь за подлость. Вот только кого? И за чью подлость: этого мира — или человеческую? Хотелось немедленно начать что-то делать. Ворочать горы. Таскать хуторянам нужные и ненужные вещи, а самих хуторян в гости друг к другу. На закорках. До мертвой усталости, до грыжи, только чтобы мысли из головы вон!

Он думал. Как поступит его двойник, новоиспеченный сукин сын король, оставалось неясным. Возможно, на какое-то время оставит в покое свое строптивое alter ego. С другой стороны — ему ведь нанесено оскорбление. Он послал эмиссара. Эмиссар вернулся без ушей. Король обязан жестко и быстро отреагировать, иначе вассалы элементарно перестанут его уважать. Казнь строптивца должна быть показательно-страшной. А прежних обитателей феода — выгнать всех до единого, чтобы другим неповадно было повторять их ошибку: подчиняться какому-то там феодалу, а не наместникам Его Величества. То есть выгнать тех, кто просто ковырялся в земле, не оказывая королю сопротивления; сопротивляющихся же, естественно, уничтожить...

Тоже в назидание.

И если события все-таки пойдут по иному сценарию, то лишь какие-то важные внешние обстоятельства могут быть тому причиной, а никак не желание короля. Что король! Он тоже щепка посреди реки, куда его несет, туда он и плывет.

И надо быть совсем кретином, чтобы не просчитывать направление течения.

Оно такое же, как всегда. Как было и есть на Земле. Везде одно и то же. Почему на Плоскости все должно быть иначе? Потому только, что физические законы тут сошли с ума и мастерят ловушки? Так то законы физические!

Стоп! Ловушки...

Фома тихонько рассмеялся. Ловушки — это мысль. Это фактор защиты феода. Кой-где вдоль границы они понатыканы так густо, что там лучше через границу и не соваться... А более-менее открытые места мы прикроем вооруженным ополчением.

А что? Взять с оазиса по человеку, раздать оружие, рассредоточить вдоль границы сигнальщиков с биноклями, ракетницами и дымовыми шашками — и ждать нападения. При большом численном перевесе неприятеля отходить в глубь феода, но не наобум, а заманивая врага в самые скверные места... И тогда сволочные ловушки Плоскости хоть раз сделают доброе дело.

Еще бы им не сделать! Даже если армией вторжения будут командовать нынешние наместники, недавние вольные феодалы, еще не отвыкшие нутром угадывать опасность, все равно им предстоит действовать в незнакомой местности. Пройти-то, надо думать, пройдут, но не гуляючи. Тем хуже для них. О рядовых и говорить нечего. Можно отбиться!

С каждого оазиса по человеку! Автандил пойдет — только позови. Юсуф пойдет, Урхо Пурволайнен пойдет, еще кое-кто... Эти пойдут без радости, но и без лишних вопросов. И хватит миндальничать с остальными! Пусть попробуют не пойти свободолюбец Джордж Приветт и этот позавчерашний семейный орангутанг, как его... Виктор, что ли? Пойдут как миленькие. Иначе разговор с ними будет короткий, цацкаться некогда. Не гнать пацифистов и жлобов из оазисов — стрелять! Для пользы остальных, тех, у кого в голове что-то есть...

Фома рубил рукой воздух. Сна уже не было ни в одном глазу. Он побродил еще немного, попил воды из ручья, помочился в нору гигантской многоножки, потом разбудил Георгия Сергеевича. Сумерки еще висели над Плоскостью, но по идее скоро должны были кончиться.

— Пора, — сказал он, навьючивая на себя рюкза-

чок. — Плохо видно, а идти надо. Нам до спальни еще часа четыре топать. Там поспим как следует и с пользой для дела...

Он немного лукавил: вполне можно было дать поспать старику еще час, даже два. Беспокоило чисто практическое соображение: старики обычно спят меньше, чем молодые. А Георгий Сергеевич должен был поспать в спальне не просто так, а со сновидениями нужной тематики. Значит, он должен был хотеть спать, но не так, чтобы мертвецки. Его еще предстояло обработать перед сном, чтобы во сне он увидел оружие.

Много оружия, на весь ополченческий отряд. Фома сомневался, что справится один, но из всех хуторян мог полностью доверять лишь Георгию Сергеевичу да еще, пожалуй, Автандилу. Но Автандил был далеко...

И речи феодала во время кратких привалов касались одной темы: сравнительных характеристик АКМ, АК-74 и «Абакана». Старик отвечал вяло, но слушал. Пусть, пусть проникнется! До печенок. Авось увидит ствол-другой во сне. И цинк патронов.

Один спящий хорошо, а два лучше. Вдвое больше снов. Только спать надо по очереди — не время экспериментировать со спальней...

— Н-да, — задумчиво протянул Фома, скребя в затылке. — Видал разных монстров, но все же не таких. Интересные у вас сны.

Перед ним, увязнув в песке по днище, стоял трамвайный вагон. Ничего себе вагон, с виду вполне исправный, только очень древнего вида. Такие раритеты Фома видел разве что в кино. Поставь его на рельсы — задребезжит всем, что может дребезжать, но поедет! В музей при трамвайном депо.

Георгий Сергеевич выглядел сконфуженным и умиленным одновременно.

— Уж простите, Игорь, друг мой, оружия у меня не

получилось... А вы знаете, такие трамвайчики бегали по Москве еще в шестидесятые годы. Уже тогда они были ужасным анахронизмом, однако же исправно служили. По Ленинградскому проспекту... виноват, в те времена он назывался Ленинградским шоссе, только такие и ходили, и я на них ездил.

— А еще говорят, что сон — это небывалые комбинации пережитых ощущений, — пробормотал Фома, обходя анахронизм кругом. — Ощущения — вот они, а где комбинации? В упор не вижу.

— Э-э... Быть может, внутри? — подсказал Георгий Сергеевич, то становясь на цыпочки, то без всякого успеха пытаясь подпрыгнуть. — Мне кажется, там что-то есть.

— Вагоновожатый там есть, — рассмотрел Фома, подпрыгнув в свою очередь. — Вон сидит в кабине. Только он гипсовый, как девушка с веслом.

«И как мои рыбы», — добавил он про себя.

— Да нет же, не в кабине, а в вагоне...

Скучно остекленные двери, которым, как подсказал Георгий Сергеевич, полагалось без труда открываться вручную а-ля дверцы шкафа, не удалось раскрыть и на миллиметр, сколь Фома ни налегал на них всем весом. Пинок с разбегу вызвал жалобное дребезжание стекол, но дверь оказалась пинкоустойчивой. Неразборчиво бормоча себе под нос, Фома добыл камень, ахнул по ближайшему оконному стеклу. Ура, оно оказалось самым обыкновенным, бьющимся! Со звоном брызнули осколки.

— Осторожнее, прошу вас! — воскликнул Георгий Сергеевич.

— Что? Ах да. Простите. Я не подумал, что у вас этот хлам вызовет ностальгические воспоминания.

— Да при чем тут воспоминания! — всплеснул руками старый учитель. — Вы не понимаете! Сон, только сон! Я ведь, засыпая, думал о войне. Вы видели, что

там внутри? А вдруг динамит? Или сотня канистр с нитроглицерином?! От нас и пуговиц не останется.

Тут был резон, и Фома сейчас же признал, что поступил опрометчиво. Не то чтобы он поверил в фугасные ужасы — Георгий Сергеевич был исключительно мирным человеком и со взрывами не вязался, — но только внутри трамвая действительно находилось нечто странное и большое. Склад азотных удобрений тоже вроде штука мирная, а где-то в Америке однажды рванул так, что полгорода снесло.

— Эге, — озадаченно проговорил Фома, выбирая осколки, — тут что-то длинное висит у самого пола.

— Что? — изнывая от любопытства, спросил Георгий Сергеевич. — Игорь, друг мой, что вы видите?

— Вроде бревно какое-то. Сейчас разберемся...

Хакнув, Фома одним движением вскинул себя в окно. Ушибся о деревянную — хоть бы кожей догадались обить! — скамью, немного пошипел и, протянув руку Георгию Сергеевичу, со второй попытки втащил и его.

— Осторожнее, не толкните эту дуру. Она, по-моему, едва держится.

Действительно: длинное цилиндрическое тело, явно очень тяжелое, висело в полуметре от пола, держась лишь на поскрипывающих от натуги ремнях, прикрепленных к горизонтальным поручням под самым потолком вагона. С тех же поручней свисала архаика — ременные лямки с петлями, чтобы пассажирам было за что хвататься, сохраняя вертикальное положение.

Но не на архаику смотрели в изумлении и ужасе феодал и его хуторянин. Они смотрели на морскую торпеду, невесть зачем подавшую в трамвай и занявшую полвагона.

— Так, — зачем-то сказал Фома после продолжительного молчания и больше ничего не сказал.

Смертоносный черный цилиндр, чье толстое туловище с одной стороны оканчивалось тупым самодовольным рылом, а с другой — винтами, рулями и стабилизаторами, висел мирно и очень солидно, не раскачиваясь. Зато с каждой секундой все сильнее скрипели ремни и мало-помалу прогибались поручни под потолком вагона. Прогиб еще не был страшен — пугало то, что под нагрузкой поручень того и гляди вырвет крепления. Чем он там присобачен к потолку? Шурупами?

Георгий Сергеевич осторожно кашлянул.

— Игорь, друг мой, мне это не нравится... Не пойти ли нам отсюда, и как можно скорее?

Фома кивнул. Мысль была здравая.

— Осторожно вылезайте в окно. Потом я. Когда окажетесь внизу, бегите что есть духу.

— Простите, а куда бежать?

— Куда угодно, только не кругами вокруг трамвая. Ну и вопросыки у вас, однако...

— Ой!..

Оба внезапно упали на гору пыли, а сверху на них посыпался водопад той же пыли, моментально забившей нос и уши. Глаза Фома инстинктивно успел закрыть и в краткий миг ничегонепонимания успел порадоваться, какие, оказывается, в человеке заложены правильные инстинкты. Иные годятся даже для Плоскости.

А в следующее мгновение он понял, что произошло, и успокоился. Эфемерный трамвай просто-напросто распался, исчерпав срок своего существования и продемонстрировав реальную цену снов. Прах — вот и вся их цена. В конечном счете всегда прах.

Конечно, мелкими вещами можно пользоваться долго. Можно выпустить пистолет с кучей патронов и спустя год застрелить кого-нибудь, но все эти челове-

ческие победы, смерти, страсти и прочая суета — тоже, наверное, прах. С чьей-нибудь точки зрения.

Только не с человеческой.

Длинный, как холмик на могиле диплодока, сугроб серой пыли зашевелился посередине, затем из его объятий не без усилий выдрались два абсолютно серых человека и немедленно начали отряхиваться и отплевываться. Один из них, сутулый и, по-видимому, пожилой, кряхтел и надсадно кашлял; другой, помоложе, приплясывал на месте, яростно бил ладонями одежду, по-собачьи мотал головой и невнятно сквернословил. От обоих при каждом движении отделялись кудрявые облака пыли. Казалось, кто-то взрывал пеларды в цементном бункере.

Фома первым не выдержал этой пытки — отбежал, сел на песок, прочистил кашлем горло. С тревогой следил за тем, как разрастается в воздухе пылевой купол. Скверно получилось... Понятно, хорошо то, что хорошо кончается, да вот только кончилось ли оно? Вон какое облако, небось с пяти километров видно, лучшего способа демаскировки спальни и не придумать...

Будто услышав его мысли, пылевой купол начал быстро таять и спустя минуту-другую сошел на нет. Фома посмотрел на Георгия Сергеевича, продолжавшего надрывно кашлять, — тот уже не напоминал серую гипсовую фигуру. Взъерошив лохматую шевелюру, Фома обнаружил, что пыль исчезла и оттуда.

Прах эфемерного трамвая дематериализовывался на глазах. Таял, оседал серый сугроб. Словно устыдившись несуразности, Плоскость торопилась стереть без следа ее остатки. Из ничего — через нежизнеспособное порождение глупого сна — опять в ничто. Круговорот.

Очень скоро исчез и сугроб. Еще раньше перестал кашлять Георгий Сергеевич, успев с неподдельным интересом понаблюдать за агонией серой пыли. Мол,

и из неудачного эксперимента можно извлечь ценную информацию.

— Трамвай-торпедоносец — это что-то новое в военной технике, — съязвил, приблизившись, Фома. — Вы точно во флоте не служили?

Георгий Сергеевич сокрушенно развел руками:

— Нигде я не служил. Хотя в детстве, признаюсь вам, мечтал стать моряком-подводником. Потом и вспоминать об этом перестал, а вот ведь... Сам не понимаю, как это получилось. Сны, знаете ли, вещь неподконтрольная...

— Подконтрольная, — парировал Фома. — Пусть не полностью, пусть отчасти, но подконтрольная. Я знаю. Но вы не расстраивайтесь, вы не виноваты, у вас просто нет навыка. Вас воображение подводит.

— А вас не подводит?

— Когда как, — признался Фома. — Тут есть кое-какие методы. Самый простой: не думать о белой обезьяне. Понимаете?

— Безусловно, — кивнув, согласился Георгий Сергеевич. — Не думать невозможно... если, конечно, небывальщина. Небывалое всегда поражает воображение и сидит в голове гвоздем, а запрет вызывает естественный бунт подсознания. Тут все равно — белая обезьяна или, допустим, кубический огурец. Чем страннее, тем лучше. Но ведь вам... то есть нам... нужно обыкновенное легкое оружие, не так ли? Что странного в пистолете знакомой вам системы? В гранате? В пулемете, наконец?

— Все равно метод действует. Сновидениями можно управлять. Особенно перед пробуждением, в дреме. Вы хоть помните, что вам снилось?

Георгий Сергеевич беспомощно развел руками:

— Я никогда не запоминаю снов...

— Хорошо, что материализуются только предметы,

а не сюжеты, — подвел итог Фома. — Представляю себе вашего монстра в действии...

Георгий Сергеевич кивнул с виноватым видом, но сейчас же воспрял и предъявил претензию:

— Быть может, вы просто рано меня разбудили? Зачем? Я ведь вполне мог выспаться что-нибудь еще...

— Что? Крылатый бронепоезд? Подводную тачанку? Асфальтовый каток космического базирования?

Георгий Сергеевич только фыркнул.

— Я тоже не служил, — признался Фома. — Вы ведь знаете, я студентом был, когда меня сюда забросило. Как раз летнюю сессию сдал за второй курс, собирался летом и подработать, и отдохнуть немного... ну и вот. Да я вам это уже рассказывал. Плохо то, что военная кафедра у нас должна была начаться на третьем курсе. А хорошо то, что я два года занимался спортивной стрельбой. Пистолет Марголина я могу выспать без проблем. Винтовку малокалиберную спортивную — запросто. Они мне то и дело снятся. Только нам сейчас надо что-нибудь посерьезнее — я думаю, десяток автоматов Калашникова, один пулемет, один-два гранатомета, снайперскую винтовку, слонобой какой-нибудь помповый... Ну, еще гранаты, холодное оружие, ракетницы для сигналов... И побольше патронов, только не в цинках, а россыпью... Что еще?

— Э-э... может быть, бронежилеты, как вы думаете?

— Пригодятся. Но сначала оружие.

— Э-э... Извините, Игорь, друг мой, а почему патроны россыпью? Разве в ящиках, то есть в этих... в цинках не удобнее?

— В цинках удобнее, а россыпью долговечнее, — объяснил Фома. — Я же вам говорил, помните? Чем предмет меньше весит, тем дольше он служит. Я могу выспать коробку патронов, могу и цинк, могу даже вагон, но Плоскость воспримет их как один предмет. Что тут непонятного? Да вот, скажем, ваш трамвай с

торпедой. Он рассыпался, а где торпеда? Вы ее видите? Нет, потому что она рассыпалась вместе с трамваем, хотя весит гораздо меньше. Просто Плоскость решила, что трамвай и торпеда — одно целое... ну и вот. А мой «марголин»? Георгий Сергеевич, дорогой, ведь пистолет же из деталей состоит! Из деталей разной массы. А распадется, когда придет его срок, весь, разом. Очень просто.

— Не очень-то это просто, — пробормотал Георгий Сергеевич. — Впрочем, ладно. Жаль, сейчас не время — на досуге я с удовольствием поэкспериментировал бы... Игорь, друг мой, это можно будет устроить? Попозже?

— Попозже — сколько угодно, — уверил Фома, пожав плечами, и не удержался — фыркнул. Ну, учитель! Ну, интеллигент! Ну, естествоиспытатель! Эксперименты ему подавай там, где надо просто выживать! Чудик, ей-ей.

Вы вот что, — добавил он, помявшись. — Я сейчас спать лягу, а вы вот что... Сны, знаете ли, разные бывают. Контроль контролем, а иной раз такое приснится... В общем, камень видите? Да, вон тот. У меня к вам есть просьба. Если меня во сне потянет э-э... на эротические фантазии, это сразу станет видно. Так вы ту бабу гипсовую — камнем, камнем! Без жалости. Вот. Если начнут возникать рыбы — их тоже, и колите помельче. Видеть их уже не могу...

Рыбы явились сразу, еще в дреме. Фома расшутал их и принялся старательно думать об оружии. Вот ручной пулемет... надежный, удобный в работе и переноске, с длинным вороненым стволом и большой коробкой для ленты. Спокойно, без суеты и нервов, выцелить перебегающую от бархана к бархану фигурку, плавно нажать на спуск — и он загрохочет, мягко отдавая в плечо, и фигурка споткнется. Вот гранатомет РПГ... нет, его пока не надо, гранатометами и осколочными гранатами к ним займемся в другой раз. Значит,

пулемет... Работает. Та-та-та. Пауза. И снова: та-та-та. А рядом, справа и слева, такими же короткими точными очередями бьют автоматы. И много патронов. Море патронов россыпью на дне окопа. Ноги по щиколотку утопают не в стреляных гильзах, а в новеньких, тускло блестящих патронах. Это не считая немалого количества снаряженных магазинов и лент. Убийственный огонь. И нет спасения, разве что укрыться за танковой броней. Зримый, явный перевес над противником.

Явный, но не абсолютный. Окоп — недостаточное укрытие. Хорошо бы тоже укрыться за какой-нибудь броней, желательно потолще, да и мощь огня не мешает радикально увеличить...

ГЛАВА 7

— Проснитесь, Игорь, ради бога, проснитесь!

Немилосердно трясая спящего, Георгий Сергеевич умудрялся и здесь оставаться деликатным. А голос его выдавал испуг, близкий к панике:

— Проснитесь же, надо выбираться...

Фома рывком сел, сейчас же ударившись макушкой о нечто твердое и, похоже, донельзя массивное. Взыл.

— Скорее, Игорь, нельзя здесь оставаться, — настойчиво тянул его за ногу Георгий Сергеевич. — Оно нас тут похоронит... Да проснитесь же вы, умоляю!

Скрючившись в неудобной позе, Фома заморгал. Почему-то было темновато, как будто на Плоскость опустились очередные сумерки; но нет, яркий свет пробивался полосками у самого песка, придавленный сверху чем-то темным и пугающе громадным. Об это темное Фома и приложился головой.

Поползли. Резво работая локтями и коленями, Фома быстро обогнал Георгия Сергеевича и теперь уже

сам подгонял его короткими резкими командами. Гадать, что за неуместная твердь внезапно образовалась над головой, было некогда — успеть бы выбраться! Последние метры Фома вульгарно тащил Георгия Сергеевича за шиворот. Пиетет пиететом, а рухнет на тебя этакая громада — мало не покажется. Вон из-под нее! На вольный воздух.

Тяжело дыша, взгромозились на ноги. Песок струйками стекал с одежды, лип к потным телам. Ни феодал, ни его подручный не обращали на него никакого внимания.

С первого взгляда Фоме стало ясно: то, что удалось выпасть, доживает последние секунды. Вспомнились давние слова бушмена Нсуэ, сказанные без тени шуток: эфемерные монстры слишком боятся сами себя, чтобы жить долго.

Это был танк, но такой танк, каких не бывало. Германский «Маус» перед ним выглядел бы козявкой. Трехметровой ширины гусеницы глубоко вдавились в песок под чудовищным весом. Квадратный, угловатый и плоский, как кейс, корпус мог бы накрыть собой треть футбольного поля. Приземистым его нельзя было назвать — главная трехорудийная башня, снятая, надо думать, с линкора, помещалась на высоте крыши двухэтажного дома. Кроме нее, бронированный титан нес на себе еще несколько башен с пушками меньшего калибра, зенитно-ракетный комплекс, вертолет и два обыкновенных танка, по-видимому, способных съезжать на грунт по специальному выдвижному пандусу на корме и действовать автономно.

Почему-то больше всего Фому поразила лесенка для экипажа, очень похожая на пожарную и даже снабженная решетчатым предохранительным кожухом. Неужели расшалившееся воображение спящего подсказало и лесенку? Вот ведь чепуха. Как в насмешку. Ну что же, пародия на инженерное мышление должна быть убедительной...

Второй раз за время знакомства со старым учителем Фома скверно выругался в его присутствии. Георгий Сергеевич только иронически поднял бровь.

— Сейчас рассы... — сильным голосом начал Фома, и танк рассыпался. Сразу. Вдруг. В полном соответствии с законом масс. На недолгое время Плоскость украсилась новым элементом ландшафта — геометрически правильным в плане холмом пыли.

— Вы правы: там бы нас и похоронило, — непроизвольно дернув кадыком, подвел итог Фома. — Спасибо вам.

— Ну что вы, я ведь ничего такого не сделал...

— Спасибо, что сразу меня разбудили. Если бы этакая гора навалилась на меня во сне...

— Она бы и на меня навалилась, — молвил Георгий Сергеевич. — Простите, Игорь, друг мой, я не специалист, но кое-что кажется мне любопытным. Почему, хотелось бы знать, мой трамвай возник в стороне от нас, а ваш танк точно над нами?

— Почему, почему, — пробормотал Фома и вдруг весело хохотнул, как человек, счастливо избегнувший опасности. — Потому что площадка материализации маленькая. Трамваю хватило места в стороне от нас, а танк занял ее всю. Чего тут не понять?

— Понял, спасибо. А вон еще что-то. — Георгий Сергеевич, щурясь, указал длинным пальцем на небольшой кубик, резко выделяющийся зеленью на блекло-желтом фоне песка.

— Это? — разглядев, Фома был готов провалиться сквозь Плоскость. — Так, чепуха какая-то. Не стоит внимания.

— Разве? По-моему, это, простите, кубический огурец... Кажется, вы перед сном что-то о нем говорили.

— Глупости. Хотя да... Стоп, это вы о нем говорили!

— Точно, огурец. Кажется, он даже с хвостиком и в пупырышках...

Вместо ответной реплики Фома налетел на несуразный овощ с холодной яростью футболиста, бьющего пенальти. Разлететься от удара в брызги геометрический огурец не пожелал. Вместо этого он в полной целости взмыл в воздух, описал, кувыркаясь, длинную пологую параболу, невысоко подпрыгнул после удара о песок, ударился снова, увяз и через секунду взорвался с оглушительным грохотом. Взвился гейзер песка, свистнули осколки.

Присевший от неожиданности Фома кинулся к Георгию Сергеевичу:

— Живы?!

Тот не мог говорить, но энергично закивал — жив, мол, и в порядке, но удивлен. Мягко говоря.

— Это была граната, — прокричал Фома, ковыряя в заложенном ухе. — Просто в таком виде. Я же говорил, что настоящую органику выпать невозможно...

— А жаль, — попробовал пошутить Георгий Сергеевич. — Хорошие были бы огурцы, удобные для транспортировки... Но я зря над вами смеялся. Игорь, друг мой, вы ведь все-таки сделали оружие, а какой оно имеет вид — так ли уж важно? Только умоляю, не надо делать гранат размером с арбуз, их метать неудобно. Лучше вроде редьки и обязательно с ботвой — за нее удобно раскручивать...

— Издеваетесь? Ну-ну. Имеете право.

— Ничуть не издеваюсь. Я серьезно.

— А если серьезно, — сердито сказал Фома, — то давайте-ка лучше не изобретать небывальщину. Насчет оружия поумнее нас с вами люди думали. Каких только моделей не разработано, мало нам, что ли? Что от нас требуется? Всего-навсего увидеть это оружие во сне. Чего проще...

Он осекся, но Георгий Сергеевич, слава богу, ничего не сказал. Чуткий человек.

Шесть АКМ. Пять штук АК-74. Один АКСУ. Четыре цинка патронов — все-таки не рассыпью, черт!.. Три «марголина». Вспомнило подсознание институтский тир! И аж девять мелкашек ТОЗ-12 с таким количеством патронов в картонных коробочках, что и на грузовике не свезти.

А задуманный джип не получился. То, что удалось выпасть, походило на машину класса «багги» — угловатая хреновина о двух сиденьях и без багажника, зато с чрезвычайно мощными и вряд ли нужными дугами безопасности. Что гораздо существеннее — с мощным мотором.

Без багажника — это плохо. Зато хорошо, что машина легкая, продержится суток двое с гарантией. Не танк-рекордсмен и не трамвай-торпедоносец.

Фома проверил бензобак, удовлетворенно прищелкнул языком. Ключ зажигания намертво врос в панель и нипочем не желал извлекаться, впрочем, от него этого и не требовалось. Поворот ключа, короткое чавканье стартера — и двигатель заревел сердитым зверем. То ли глушитель на этой машине стоял чисто символический, то ли его вообще не было.

Втиснулись кое-как. Капот, крылья, дуги безопасности — для размещения оружия и боеприпасов годилось любое место. Пошел в дело изрезанный на двадцать кусков капроновый шнур, так и не доставленный заказчику. На коленях Георгия Сергеевича удобно устроился цинк с патронами к «калашам» и еще три автомата сверху. Удобно, собственно говоря, было им, а не Георгию Сергеевичу. А Фоме приходилось тянуть шею, чтобы глядеть через загроможденный капот.

Тронулись.

Водить машину Фома почти не умел — так, садился когда-то за руль раза два. Естественно, на проселке, где, помнится, после одного пикника едва не задавил чью-то охамевшую пегую козу. Зачем оканчивать ав-

тошколу нищему студенту, у которого личного автомобиля нет и в ближайшие годы не предвидится? Со временем, конечно, другое дело, но так то со временем!

Думалось, что со временем будет все: диплом, выгодная работа, квартира в Москве, хорошая машина... Нет, не чтобы «как у людей», а чтобы лучше. В девятнадцать лет он был о себе высокого мнения и верил, что в будущем кто-нибудь непременно оценит его качества по достоинству. И не сомневался, что успеет вовремя подсуетиться. Конечно, он разглядел бы плывущую в руки удачу, не упустил бы ее...

Мотор четырежды глох, прежде чем удалось разобраться с коробкой передач. Георгий Сергеевич выглядел встревоженным, но ничего не говорил. И только когда тронулись окончательно, спросил:

— Наверное, можно было выспать и самолет?

— Можно-то можно, — согласился Фома, терзая педали, — а управлять им кто будет? Да и ловушки на земле виднее, чем в воздухе. Там могут быть такие ловушки, о которых мы и знать ничего не знаем...

Как напоминание о ловушках, холодный вихрь мгновенно ожег лица и остался позади. Мотор ревел. Фома крутил баранку, далеко объезжая сомнительные, с его точки зрения, места. Один раз все-таки вляпались в гравитационную инверсию, и машина начала взлетать, но сейчас же аномальная зона кончилась, и полет сменился жестким приземлением. Иная машина поломала бы подвеску, но только не багги. Она была создана для того, чтобы скакать тушканчиком по пустыне.

Далеко объехали черную тучу. Она висела у самой земли, вытянув разом с десятков отростков, похожих на ложноножки амебы, и эти ложноножки старательно ощупывали грунт.

Это было что-то новенькое. Красно-багровые тучи

выглядят зловеще, но нисколько не страшны; от зеленых и фиолетовых лучше держаться подальше — их близкое соседство заставляет человека биться в припадке; черную тучу Фома наблюдал впервые и потому заложил крюк с большим запасом. Время было дорого, но не дороже жизни.

Через несколько минут из дымки проступили Три Дюны.

Подходы к трем конусовидным песчаным холмам всегда были сравнительно безопасны. Эти дюны никуда не ползли, хотя ветер настойчиво пересыпал песок. Почему — Фома не мог понять. Быть может, в основании дюн песок сам собою тек в обратном направлении, сводя на нет работу ветра?

А меж дюн лежал оазис — и какой! Лучший в феоде. С пышными кущами и сладкозвучными струями. Вот только хижины в нем не было, и неспроста. Жить здесь никому не рекомендовалось: в оазисе прочно поселилась самая мощная из известных Фоме дурилок. Расположись на отдых в Трех Дюнах — часа не пройдет, как сделаешься круглым идиотом, а без толики разума не выживешь и в райском местечке. «Когда б оставили меня на воле, как бы резво я пустился в темный лес...» Эх, гений вы наш Александр Сергеевич, не дотумкали вы, боясь лишь цепи, на каковую посадят дурака! Тут нет цепей, иди куда хочешь. Но если утомлен жизнью, не лучше ли шагнуть в черный провал?

Объехав Три Дюны, Фома остановил машину. Пусть глаза устали чуть-чуть, зато на такую же величину притупилось внимание. Так нельзя. Десять минут отдыха.

— Можно выйти размяться. Только от машины далеко не отходите.

Георгий Сергеевич последовал совету.

— Скажите, Игорь, а куда мы сейчас едем?

— К Патрику, — нехотя проговорил Фома, закрыв глаза, заложив руки на голову и потягиваясь. — Его оазис крайний к востоку. С него начнем мобилизацию и будем продвигаться на запад. Нападения нам ждать с запада.

Потоптавшись, Георгий Сергеевич совершил полный оборот на месте.

— Давно хотел спросить... Как вы вообще различаете, где тут запад, а где восток? Солнца нет... А магнитные поля на Плоскости хаотичны и еще меняются во времени, вы мне сами это говорили...

— Говорил, — не стал отнекиваться Фома. — А только есть одна хитрость: минут за пятнадцать до «ночи»... то есть до наступления сумерек, магнитное поле здесь постоянно. Если есть компас, можно ориентироваться. У меня компас до сих пор где-то в рюкзаке валяется, если еще не рассыпался.

— Понятно.

— Разве? Ведь по компасу можно ориентироваться до «ночи», а не после. Поди догадайся, когда наступит «ночь». Даже сейчас я иногда ошибаюсь. А выход знаете какой? Смотреть на компас каждые десять-пятнадцать минут и запоминать азимуты.хлопотно, а надо. В смысле, надо новичку. В своем феоде я уже давно ориентируюсь без компаса.

— Понятно, Игорь, понятно... Значит, вы хотите мобилизовать э-э... Патрика?

— И его сына. У них с Джоан взрослый сын, все трое вместе сюда попали.

— Да-да. Но, простите, как же они дойдут до западной границы? С нами? Но ведь прежде нам придется объехать все оазисы. В машину мы все просто не влезем, а идти пешком — это, знаете ли...

— Дойдут, — отрезал Фома. — Со мной — дойдут и живы будут.

— Игорь, друг мой... Скажите, а не лучше ли раздать это оружие хуторянам?

— А я что, черт возьми, собираюсь сделать?!

— Ах, вы не поняли, — огорчился Георгий Сергеевич. — Я имею в виду раздать по оазисам. Граница велика, ее ведь можно и не удержать. А так пусть каждый обороняет свой оазис.

— Интересно... — Фома даже открыл глаза. — Уж кто бы говорил... А я почему-то считал вас гуманистом.

— Считайте и далее. Я вот что подумал: пусть обитатели оазисов решают сами. От надвигающейся толпы они будут отстреливаться, в том нет сомнений. Толпа — это саранча, это для них смерть. Ну а если к ним придет всего-навсего один-два голодных человека? Разве хозяева откажутся поделиться кровом и пищей?

— Вы совсем людей не знаете, — пробурчал Фома.

— Я знаю людей. Кто-то откажется принять даже одного человека, даже больного ребенка, но большинство — уверен — поймет и примет. И пищи хватит. Наверное, поля можно расширить. Пришлые люди — это ведь рабочие руки!

— Особенно руки больного ребенка...

— Послушайте! — рассердился Георгий Сергеевич. — Я всего лишь хочу, чтобы в результате этих... этих пертурбаций умерло как можно меньше людей! И если есть шанс спасти хоть нескольких, хоть одного человека...

— Ну-ну, — сказал Фома. — Спасайте одного. Спасайте нескольких. А тем временем взбесившаяся точка выброса будет работать бесперебойно. С чего вы взяли, что придут один-двое? Нападение будет массивным. Когда сюда попрут озверевшие толпы, вы никого не спасете. Все люди хотят жить, копии они или оригиналы. Вот проголодаются они у короля по-

настоящему, а там им и укажут направление: туда, мол. Марш-марш. Там еда. Ее можно отнять. Как повашему, сработает их инстинкт самосохранения?

Георгий Сергеевич вздохнул.

— Они разбегутся после первой автоматной очереди из оазиса. Потом начнут плакать, умолять... на коленях поползут. Как знать, вдруг кому-нибудь повезет, кого-нибудь примут? Я и тому буду рад.

— Да ну? А вам не приходит в голову, что толпа может быть вооруженной? Конечно, не настолько, чтобы сукин сын король мог ее бояться, но все-таки. По одному стволу на десятерых, по одному патрону на ствол — этого им уже хватит. Потеряют многих, но с боем возьмут любой оазис, нет?

— А оборонять границу разве проще?

— Нет, — признал Фома. — Но от границы мы сможем отходить в глубь территории, наводя врага на ловушки. Скифская тактика.

— Врага! Это люди! Они просто хотят жить.

— Вот-вот! Чтобы выжить, эти люди без раздумий убьют и вас, и меня. Им не оставят другого выхода. Это не люди, а противник, и хватит о них.

Георгий Сергеевич снова вздохнул.

— Пойдите-ка! — завопил вдруг Фома. — Идея! Честное слово, у меня есть идея! Садитесь, поехали.

— Куда?

— В мой оазис. Там вы переждете. А мне надо будет еще раз наведаться в спальню.

— Простите, а как же мобилизация?

— Обойдемся. И все это оружие нам не понадобится. Пока не понадобится, а может, и совсем... Сложим его в моем оазисе, пусть лежит. Есть радикальное решение.

Георгий Сергеевич помолчал, неловко устраиваясь на сиденье, принимая на колени патронный цинк.

— Когда я слышу о радикальном решении, — ска-

зал он, взгромоздив поверх цинка автоматы и бережно их придерживая, — я всегда вздрагиваю. Игорь, друг мой, я боюсь, что вы собираетесь сделать какую-нибудь глупость.

— Вы не верите в радикальные решения?

— Извините, совершенно не верю в их пользу.

— А на Земле вы поверили бы в Плоскость? — крикнул Фома. — Поверили бы, а? То-то. Здесь все не так!

— Кое-что одинаково и на Земле, и на Плоскости, — не согласился Георгий Сергеевич. — Человек, к примеру, в основе своей везде одинаков. Гм... Быть может, вы все же расскажете, что за ослепительная идея пришла вам в голову?

— Нет! Держитесь.

— Но почему же нет?

Фома не ответил. Почему да отчего! Все ему знать надо! Не-ет, кое-чего старому учителю знать как раз не следует. Нет времени на пустые споры, и милейший Георгий Сергеевич в один миг превратился из помощника в помеху. Пусть посидит в оазисе, так будет лучше.

Песок здесь был дрянной, самый дрянной во всем феоде. Рычал мотор, колеса перегруженной машины вязли и бешено вращались, выбрасывая желтые фонтаны. Если бы не разгон на грунтовом пяточке, поди, вообще не тронулись бы с места.

— Следы! — вдруг крикнул в ухо Георгий Сергеевич.

— Что-о?

— Человеческие следы! Глядите, а вон и человек!

— Где?

— Разве вы не видите?

Фома и правда не видел ничего, кроме длинной летающей нити, которую нужно было объехать, сражаясь с непослушным рулем. Справившись с этим делом,

он описал большой круг, вновь затормозил на твердом пяточке и только тогда осмотрелся по сторонам.

Никаких следов на песке отсюда видно не было. А человек был виден хорошо. Просто удивительно, как он не попался на глаза раньше. И направлялся он точнехонько к Трем Дюнам.

Так. Мальчишка!

На сей раз Фома не стал кричать Георгию Сергеевичу «держитесь» — рванул с места так, что у самого потемнело в глазах. Мальчишку еще можно было перехватить. Ослеп он, что ли, а заодно оглох?

Скорее всего ни то, ни другое. Просто попал в «вату». В кочующий невидимый клочок «ваты», гасящий звуки.

— Очередь в воздух! — зарычал Фома.

Георгий Сергеевич, кажется, понял. Он суетливо схватил автомат, уронив при этом два других, и захолопотал над ним.

— Что вы копаетесь? Огонь! Да снимите же вы его с предохранителя!..

Выстрелы мальчишка все-таки услышал.

— Значит, твой отец ушел из оазиса? — цедил сквозь зубы Фома, держа мальчишку за плечи и встряхивая. — Почему?! Я же предупреждал!!!

Не цедить слова ему хотелось — орать! Бить кулаком то ли в стену, то ли в чью-нибудь самодовольную рожу. Почему всегда находятся люди, уверенные, что они умнее всех, что общие правила не для них? Только потому, что на Земле это наказывается редко и недостаточно?

Толстолобики! Кретины безбашенные!

Впрочем, что толку от ярости, если она бессильна?

— Перестаньте его трясти! — подал возмущенный голос Георгий Сергеевич. — Немедленно перестаньте, слышите!

— Тьфу! — Фома отпустил мальчишку, сел на песок. — Извините, я сам не свой. Терпеть не могу, когда мне не верят. Встретил их, довел, поселил... и вот на тебе! Вся работа псу под хвост. Эй, парень, тебя ведь Борисом звать, я верно запомнил?

— Угу. — Мальчишка был не слишком испуган, скорее насторожен. Надо думать, не забыл, кто и как совсем недавно поучил уму-разуму его папашу.

А ведь верно — совсем недавно! Трех суток не прошло. Сколько всего спрессовалось в эти неполные трое суток!

— Ответь мне, Боря, зачем ты ушел из оазиса?

— А чё? — Мальчишка независимо шмыгнул носом. — Ушел и ушел. Все ништяк. Не, сначала отец ушел. А я уже за ним.

Георгий Сергеевич молча всплеснул руками.

— Так, — сказал Фома. — погоди, я сам догадаюсь. Твой отец мне не вполне поверил, это я видел. Что было потом? Они с твоей матерью поссорились?

— Угу. Подрались даже...

— Ясно. Отец плюнул и ушел. А мать?

— Она меня потом побила! — Мальчишка всхлипнул. — Сказала, что все это из-за меня.

— Поссорились из-за тебя?

— Не только. Она сказала, что это из-за меня мы сюда попали. Что это я один во всем виноват!

— Глупости. При чем тут ты? Никто ни в чем не виноват, ни ты, ни даже я. Выходит, твоя мать осталась в оазисе?

— Угу.

— И отпустила тебя одного?

— Ха! Я убежал от нее. Очень мне надо с ней оставаться! Я отца найду.

Георгий Сергеевич отвернулся. Фоме тоже захотелось отвести взгляд.

— Отца у тебя теперь нет, парень...

— Как это нет? — возмутился мальчишка. — Он вон там! Вот его следы!

— Значит, ты по его следам сюда дошел?

— Ну.

Фома помолчал. Вот, значит, как... Великовозрастный мясистый болван с одной извилиной в голове протопал чуть ли не треть феода, счастливо избежав ловушек, хотя наверняка не умел даже такой малости, как издали отличить зыбучий песок от обыкновенного. Не каждому так везет. А мальчик Боря пошел догонять отца и тоже ухитрился никуда не влипнуть. Но ведь не всюду песок, да и песок разный... Наверное, частенько следы терялись, мальчишка ничтоже сумняшеся рыскал в их поисках и тем не менее остался жив. К мальчишке следовало присмотреться... потом.

Каждый феодал, если ему не наплевать на людей, обязан иметь ученика. Случись что — должен прийти кто-то на смену. Без феодала людям не обойтись.

Большие, глубоко вдавленные в песок следы уходили в распадок меж дюн. Прямо в дурилку. Возможно, отец Бориса был жив-здоров, но это уже не имело никакого значения. Тело без разума — зачем оно?

Глупая случайность? Закономерный отсев ослов, не способных к жизни на Плоскости? Недоработка феодала? А что может феодал? Только встретить, поселить, растолковать азбучные основы и бормотать постфактум, качая головой:

— Я ведь предупреждал...

Клейкая неотвязная глубина по-прежнему держала его. Сильнее, чем раньше, хотелось всплыть, но приходилось ждать. Не время. Для начала надо было просто не захлебнуться.

Но почему, черт побери, почему Игорь-второй пошел на это? Фома догадывался почему, и ответ очень ему не нравился. Но другого ответа не было.

★ Неужели дело только в том, что во второй раз он был скопирован на восемь лет позже, уже не девятнадцатилетним студентиком с ветром в голове, а двадцатисемилетним мужчиной, уверенным в себе прагматиком, точно знающим, с какой стороны на бутерброде масло? Неужели тот, настоящий мир, благословенная и вожделенная Земля, корежит человека гораздо быстрее, чем тысячекратно проклятая сволочная Плоскость?

Наверное, так.

Он долго ворочался, не в силах уснуть. Вскочил, ругаясь, сделал марш-бросок тысяч на десять шагов, едва не влип в нарождающуюся лужу жидкой земли, вспотел, вернулся. Видел, как рассыпался прахом его автомобиль, отслуживший свой срок. Потом долго нарезал круги вокруг спальни в намерении как следует устать, но не так, чтобы сразу уснуть без задних ног. Перед сном ему было о чем подумать.

Георгия Сергеевича и Борьку он завез в свой оазис, там пока и оставил. С мальчишкой было хуже всего: сначала не верил, потом рыдал. Пришлось силой тащить его в машину — он все рвался в Три Дюны, как будто одной глупостью мог поправить другую. Не для того растут дети, чтобы Земля или Плоскость — все равно! — сделали из них идиотов.

А потом пришла пора вернуться к самому насущному. Что бы ни утверждал Георгий Сергеевич, никто не знает, для чего люди попадают на Плоскость. Но уж точно не для того, чтобы мстить за свой несчастливый жребий, побуждая этот мерзкий мир тащить в себя все новых и новых людей — растерянных, паникующих и очень недолговечных подданных новоявленного короля!

Наверное, все-таки для чего-то другого.

И опять, проснувшись, Фома увидел вокруг себя каменных рыб, на этот раз целых шесть штук. Как всегда, злобно пнув ближайшую, он тут же забыл о

них, потому что увидел Ее. И пульт к Ней. А значит, снов было по меньшей мере два.

Хватило бы и одного — не того, что с рыбами. Но пятьдесят процентов «пустой породы» — это совершенно ничтожные издержки. Пусть хоть девяносто девять, лишь бы в один процент попало то, что надо.

Он не видел во сне чертежей ракеты и не думал о них, засыпая. Он просто знал, что она должна получиться сравнительно небольшой ракетой класса «земля — земля», стартующей по команде с пульта, связанного с пусковой установкой длинным проводом, умеющей летать по навесной траектории на расстояние до ста километров и попадать куда надо. Он ничего не знал о реально существующих типах боевых ракет и о том, действительно ли они носят камуфляжную раскраску, как эта, но знать было и не обязательно. Зато он знал, что двадцатикилотонная боеголовка должна сработать на небольшой высоте прямо над взбесившейся точкой выброса, непрерывно извергающей на Плоскость все новые и новые толпы людей.

Пусть копий, но все равно людей. Думающих. Чувствующих. Ополоумевших от страха и удивления. Обреченных с недавних пор на лютую борьбу с себе подобными за жизнь, за место в оазисе, за кусок лепешки. За глоток воды. За право безнаказанно втоптать кого-нибудь, чтобы завладеть его шансом прожить какое-то время.

Они погибнут. Зато конвейер по выбросу, надо думать, остановится. Копирование — это ведь второе рождение, незаметное для оставшегося на Земле оригинала. Но где бы человек ни родился, он не должен рождаться только для того, чтобы грызть чужие глотки и не давать вгрызться в свою. Никому не нужно такое размножение.

Он не помнил, какова критическая масса урана-235, но задумывал именно урановую боеголовку как наиболее простую конструктивно. Во сне он видел ее

действие, а значит, наяву она должна сработать именно так, а не иначе.

А еще Фома очень хотел, чтобы его вторая копия в момент взрыва оказалась поближе к эпицентру.

И уж совсем в мечтах ему виделось, как он отправляет гостинец своему оригиналу на Землю.

Не бомбу, конечно. Хватит с него и пули.

Все равно мир людей не изменится, что с ним ни делай. Можно лишь наказать себя за то, что ты позволил ему сделать с собой, не воспротивившись — а зачем? — своему превращению в преуспевающую дрянь. И даже не себя наказать, а свой оригинал.

Да и то в мечтах.

Пока в мечтах.

Потом... когда-нибудь... Если не верить в шанс, пусть исчезающе малый, вырваться отсюда, зачем вообще продолжать жить?

Когда-нибудь...

Тогда и перестанет сниться клейкая, не отпускающая глубина и толстогубые рыбы с глупыми мордами и выпученными глазами.

Из пульта торчали всего две кнопки, обе грубые и чем-то заляпанные, как на коробочке управления строительным подъемником. Отойдя от пусковой на всю немалую длину провода, Фома нажал на «Боеготовность». Выждал несколько секунд, глубоко вдохнул и утопил кнопку «Старт».

Взревело. Фома ненадолго оглох. Он не подозревал, что рев будет таким сильным. Взметнулся гейзер песка, пусковую заволокло пылью.

Ракета ушла.

Сначала за камуфляжной сигарой тянулся дымный хвост. Очень скоро сигара превратилась в точку, затем и вовсе перестала быть видимой. Потом оборвалась и дымная ниточка. Ракета, надо думать, еще под-

нималась по инерции, но вскоре должна была выйти на нисходящий участок траектории.

Где-то там, ничего еще не понимая, копились будущие подданные самозванного короля, заранее назначенные им на роль гумуса для подпитки его власти.

Он попросил у них прощения. Сначала про себя. Не помогло. Потом вслух.

Не за то, что убивает их. Все равно большинству из них предстояло умереть в ближайшие дни. Фома знал, что спасает гораздо больше людей, чем собирается убить.

Да, спасает. Тех, кто никогда не появится здесь и не узнает, что такое Плоскость. И это великое благо.

У всех — у тех, кому спустя несколько минут было суждено умереть, и у тех, кому отныне было суждено не появиться на Плоскости, — он просил прощения за то, что осмелился решить, что для них лучше. Он решал за них точно так же, как решал за них его Я-второй. Но он решил иначе.

Только это и успокаивало совесть.

Пусть лишь отчасти. Но все-таки он лег ногами к эпицентру, уткнувшись лицом в песок, прикрыл ладонями затылок и стал ждать.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

ЗА ВСЁ ХОРОШЕЕ

ГЛАВА 1

квозь щели потолка пробивались лучики света. Хотелось верить, что там, снаружи, сияет сквозь дымку зависшее в небе солнце, — яркие были лучики. Почти как настоящие.

— Хочешь меня? — спросила Бриджит, приподнявшись на локте.

Никакого ответа, кроме безусловно положительного, не подразумевалось, поэтому Фома сказал:

— Угу. Только погоди немного, пойду вымоюсь. Я весь потный.

И ведь знал, что по сравнению с Бриджит всегда был слаб в аргументации. Так оно и вышло:

— Глупый, ты совсем ничто не понимать. Хорошо, когда запах. Хорошо, когда как дикий зверь. Хочу совсем зверь. Или... как сказать на русс? Дикий мужчин?..

— Дикарь, — зевнул Фома. — Только это не по адресу. Дикие на Земле остались. В Амазонии. Тут только вторично одичавшие... Э, ты куда полезла? Убери пальцы.

— Зачем убери? — низким хриловатым голосом проворковала Бриджит. — Разве так есть плохо? Ну вот, он уже совсем-совсем готов...

— Он-то, может, и готов. — Фома скосил глаза вниз. — Да я-то еще не готов. Тренажер я разве?

Поняла его Бриджит или нет, он не успел выяснить, потому что оказался мигом оседлан. Бриджит на-

поминала амазонку, самозабвенно скачущую по степи, и казалось, что тугой ветер бьет ей в лицо. Фома отвернулся. Сейчас же на глаза попалась сваленная в углу хижины гряда немытой посуды. Создавая Бриджит, природа не предназначила ее для роли хозяйки, не говоря уже о фермерше. Не тот проект. Кувыркаться, сплетаясь с мужчиной в сложные узлы, отдаваться и брать, рычать от страсти и никогда не уставать — вот была ее стихия. Что еще нужно холостому мужчине, во всяком случае поначалу?

Через месяц любой хуторянин начал бы бить ее палкой за неумение и нежелание работать. Кроме, пожалуй, Юсуфа — у него Бриджит сделалась бы звездой гарема. И оставалась ею до тех пор, пока ее не удавили бы тишком другие жены, шипящие по углам от зависти, как дикие кошки.

С некоторых пор Фома возвращался в свой оазис без особого удовольствия. Так было и раньше, до Бриджит, и, сказать по совести, тогда ему жилось еще хуже, он просто шел, тащился, вымотанный до предела, из опасного безлюдья в безлюдье безопасное. Полз в свою нору, чтобы отоспаться вволю под навесом из той парашютной ткани, что в прошлом году рассыпалась пылью. Чтобы затем, восстав ото сна, вымыться в коротком, исчезающем в песке ручье, напечь пресных лепешек и сжевать одну-две с перышком зеленого лука и солью, запивая крепким чаем, а затем поваляться час-другой без движения и мысли, прежде чем, вздохнув, вновь выйти на привычный маршрут.

Потом он нашел эту молодую француженку, не усидевшую возле точки выброса, вытروпил по исчезающим в песках следам и перехватил за минуту до того, как она должна была беспечно войти в облако белого тумана. Воля нечленораздельное, бежал с выскакивающим сердцем и языком на плече. Успел. Белый туман сожрал бы ее в две секунды вместе с одеждой и вороной гривой, оставив лишь кости, до того

хрупкие, что только тронь — рассыпаются в пыль, будто эфемерные.

Сколько ей в точности лет и кем она была в том мире, Фома не узнал до сих пор. Английским Бриджит владела не лучше Нсуэ. По-русски знала одно краткое ругательство и больше ничего. Первое время пришлось объясняться с нею языком жестов, и тут неожиданно получились большие успехи. Через сто шагов ошеломленный осязательными ощущениями Фома уже знал, куда ведет вновь прибывшую. К себе.

Соблазнять Бриджит ему не пришлось. Она сама соблазнила феодала задолго до прибытия в оазис. Как раз на небольшом пятачке между гравитационной аномалией и лужицей жидкой земли.

И Фома нисколько не возражал. Ведь что-то должно быть в жизни, кроме серых рабочих будней. Иначе рано или поздно завоешь с лютой тоски, а то и намылишь петельку. Пустая берлога лучше, чем ничего, но не сравнится с настоящим очагом. А в очаге кто-то должен поддерживать огонь, пусть чисто символический. Кто-то должен создавать уют. Фома лгал и Георгию Сергеевичу, и самому себе, уверяя, что отлично обходится один. Если зубовой скрежет и отвращение к собственному жилищу — это «отлично», то Плоскость — курорт. Безопасный и фешенебельный.

«Приходи ко мне, Бригитта, как стемнеет, приходи», — мурлыкал Фома из Визбора, соорудая вместо навеса настоящую, не хуже, чем у других, хижину с крышей из жердей и корья. Быстрее, чем обычно, он обходил свои владения, нигде особенно не задерживаясь, увеличил продолжительность «выходных дней», стал брить бороду, забросил занятия с учеником, с нескольких попыток выпал и притащил из спальни массу всякого барахла, включая даже женскую косметику, и был счастлив. Какое-то время.

Что до Бриджит, то она, как ни странно, восприняла известие о невозможности вернуться в свой роди-

мый Шербур на удивление спокойно. Что ж, нельзя так нельзя. Будем, значит, устраиваться здесь. Такой рассудительной женщины Фома отроду не видел. И такой страстной тоже. Эти качества сочетались в ней в дивной гармонии. Учась мало-помалу по-русски, она узнала много нового, например, что Германия не граничит на востоке с Сибирью, и легко приняла данный факт, как и многие другие. Через неделю Фома запоздрил, что Бриджит не интересуется ничем, что выходило бы за рамки отношений мужчины и женщины. Через две недели он был уверен в этом.

А через полгода понял, что его уже далеко не так сильно тянет домой после очередного круга по феоду.

Но ведь надо же куда-то возвращаться.

Зато долго-долго, несколько месяцев подряд, ему не снилась клейкая глубина с идиотскими толстогубыми рыбами. Незадолго до появления Бриджит ихтиофауна надоела Фоме до того, что он невзначай выпал глубинную бомбу размером с порядочную бочку и счел за благо удалиться из спальни побыстрее и подальше — кто мог знать, что у нее, овеществленной, на уме? Во сне-то бомба сработала штатно... В следующий раз он посетил спальню не скоро, когда, по всем расчетам, чудовищный боеприпас должен был давно распасться, исчерпав срок существования. Так оно и оказалось.

«А может, она была проституткой? — подумал он о Бриджит не в первый раз и опять опроверг себя. Ему приходилось слышать, что профессионалки не способны испытывать страсть по природной склонности. Хотя не бывает ведь правил без исключений. — Ладно, будем считать, что это у нее хобби... Гетера. Шлюха. Ха, а чего же ты хотел, феодал недорезанный? Да ведь ты именно этого и хотел!»

Данная мысль нуждалась в подкреплении действием. Бриджит восторженно взвизгнула, когда Фома резко опрокинул ее навзничь, и принялась стонать и

вскрикивать так, что, наверное, в соседнем оазисе было слышно. Когда свершилась кульминация, первая мысль Фома была о Борьке. Вот будет номер, если ученик, против ожидания, приперся в гости и торчит сейчас под дверью, слушая и ухмыляясь. Надо бы и ему подыскать девку помоложе... Пора уже.

— Все, — пробормотал он, отваливаясь от горячего тела сожительницы. — Теперь дай полежать спокойно. Сходи-ка лучше взгляни: в кастрюле что-нибудь осталось? Если да, то разогрей. Сухой спирт у меня в рюкзаке, вынь.

Удивительно, но Бриджит послушалась. Разогреть что-нибудь с помощью такого рафинированного топлива, как выспанный феодалом сухой спирт, — на это ее еще иногда хватало. А суп Фома варил сам. Кто-то из китайцев Бао Шэнжуня обнаружил удивительное: оказалось, что лапки гигантских многоножек съедобны, если их как следует вымочить в слабом соляном растворе, а затем подержать в дуршлаге над паром. И рецепт супа из злаков, трав и членистоножек Фома тоже получил от Бао. С тех пор в оазисе феодала и ближайших окрестностях стали грохотать выстрелы: Фома азартно охотился на местную дичь. Каков феодал, такова и охота. Истосковавшийся на растительной диете желудок соглашался на любое мясо, пусть даже невкусное, ни на что не похожее и в гомеопатических дозах. Главное — не ядовитое!

Дай человеку немного сверх обыденного — и будет ему счастье. Какое-то время.

— Жить стало лучше, жить стало веселей, — констатировал феодал, с наслаждением вытягиваясь на лежанке.

В каком-то смысле он даже не кривил душой. Конечно, Бриджит не годилась ни в жены, ни в подруги, сама природа предназначила ее на роль постельной утехы и не более, но кому нужно это «более»? Слабому человеку. Ни в коем случае не феодалу, потому что

слабые, мечтающие переложить часть неизбывного своего груза на чужие плечи, не становятся феодалами, хотя бы они за версту чуяли ловушки. Должность феодала — это ноша на одного. Взвалил — неси. Не смей никому плакаться в жилетку — пусть тебе плачутся. Людям надо во что-то верить: в то, что их выслушают, в добрый совет, в вовремя доставленную катушку ниток или тяпку без черенка. В то, что начальство мудрое, сильное и справедливое. И почти все они завидуют феодалу. Попробуй тут показать слабинку! Свергнуть не свергнут, пока нет достойной альтернативы, но перестанут верить и надеяться. А значит, их жизнь изменится к худшему, причем в самом главном вопросе. И без того разве мало самоубийц?

Через полчаса над кастрюлей с супом показался парок. Бриджит превзошла саму себя, провозившись лишь вдвое дольше, чем следовало. Фома искрошил в миску лепешку, залил супом и молча выхлебал до дна. Добавки не запросил — надо же было оставить какую-нибудь еду этой неумехе. Да и нет ничего хорошего в том, чтобы выходить на маршрут с плотно набитым брюхом.

— Ты опять уходить? — спросила Бриджит.

— Угу, — ответил Фома и, сдержав отрыжку, вытер рот тыльной стороной ладони. — Пора. Борька ждет.

— Почему ждет не здесь? Такой милый мальчик...

Фома потрепал ее по щеке:

— Как раз потому, что милый. Смотри у меня...

Он знал, что Бриджит сейчас расцветет, — ей нравилось, когда ее ревновали. Так и вышло. Она даже взвизгнула от удовольствия. Наверное, еще не поняла: не доставить другому человеку удовольствие, когда это ничего не стоит и никому не вредит, простительно лишь на Земле, да и то не всегда. На Плоскости это очень серьезный, вряд ли извинительный проступок. И вообще везде, где человека привязывают к жизни лишь мелкие радости. За отсутствием крупных.

— Значит, ты прошел завесу?

Борис пренебрежительно махнул рукой: а, видали мы, мол! Тоже мне препятствие — завеса! Фома озадаченно поскреб в затылке. Да, летит время... Видно, пришла пора поучиться у молодежи.

— Может, поделишься опытом? Эти завесы я всегда обхожу.

— За версту! — юношеским баском хохотнул Борис.

— Врешь, не за версту, а шагов за двести-триста. Сам знаешь, к завесе ближе не подойти. Вот мне и любопытно, как ты сумел.

— Как, как... — Борис аж светился — так был доволен, что может поучить уму-разуму своего всезнайку-наставника. — А вот почему к завесе нельзя подойти? Ась?

— Не аськай со старшими, а то получишь по шее, — проворчал Фома. — И задавай поменьше риторических вопросов. Нельзя, потому что нельзя. Инфразвук потому что.

— Ну!

— Что «ну»? Мне уже в двухстах шагах от завесы очень сильно не по себе. Однажды я шагов на сто добрался и до сих пор не понимаю, почему еще жив.

— Ха — на сто! — засмеялся Борис. — А гранатомет ты себе перед этим выпсал?

— Гранатомет?

— Ну да. Маленький такой, как у Терминатора. Главное, чтоб он бил по навесной траектории метров на двести, а больше никому и не надо. Можно даже пращу смастерить и метать обычные гранаты, только придется выпсать специальные, с замедлением. А то прямо в праще и рванут.

— Ты пробовал, что ли?

— А чё? Не, с пращей у меня ничего не вышло. Тут навык нужен.

— Я не о том! Завеса боится взрыва?

— Дык ясен пень! Я одну гранату пустил, гляжу — ее заколдобило...

— Кого, гранату? — Фома криво ухмыльнулся.

— Завесу, блин! Колышется вся, дергается, рябь по ней уродская. Пустил другую в то же место — завеса аж пятнами пошла, зелеными такими. Пустил третью — проход открылся. Вроде туннеля. Я ноги в руки — и бегом! Едва успел.

— Значит, проход открывается на время?

— Точно. Надо быстро бежать.

«Но сначала надо догадаться, что завеса боится гранат», — подумал Фома. Как всегда, ученик и нравился ему, и не нравился. Кто открыл, что «чертовы крючья» на самом деле не страшны? Борька. Кто нашел первую в феоде незримую твердь? Снова он. Не угробится в ближайшие годы — станет классным феодалом. Одним из лучших во всей округе. По навыкам и куражу уже сейчас мог бы, а по уму — рано. Может, кому-то и удавалось стать пятнадцатилетним капитаном, но о пятнадцатилетних феодалах никто в округе не слышал. Феодал — это рабочая лошадка, а не спортсмен. Он не станет принимать любой вызов, бросаемый ему Плоскостью. У него просто нет на это времени.

А еще он должен оставаться в живых, даже если жизнь ему не мила. Стало быть, обязан всякий раз задумываться: нужен ли ему тот или иной риск?

Завесы появились меньше года назад одновременно у Фомы, Бао Шэнжуя на востоке, Шредера на северо-востоке и Магнуссона на юге. Не зная наверняка, Фома предполагал их и к западу от своих владений. Когда во время вечного кружения по феоду ему встретилась первая завеса, он почти не удивился. То и дело ведь возникает что-нибудь новенькое. Почему бы не возникнуть прозрачно-переливчатому барьеру двухкилометровой длины и никем не измеренной высоты?

Он осторожно попытался пройти и понял, что завесу придется обогнуть. Досадное удлинение пути, не более. Но когда завесы стали возникать одна за другой в самых неожиданных местах, причем самая длинная из них почти отрезала южную часть феода от северной, Фома забеспокоился всерьез. Воображению представлялись жуткие картины: феоде, делимый завесами на все меньшие и меньшие островки, жизнь отшельников в тесных клетках вместо одного на всех просторного вольера...

Какое-то время путешествия по феоде напоминали блуждание в гигантском лабиринте. Потом беда пошла на убыль. Завесы мало-помалу рассасывались одна за другой. Теперь остались всего две, по виду не склонные самоликвидироваться. Большую беду пронесло, жизнь стала сложнее лишь чуточку.

Так надо ли решать вчерашнюю проблему?

— Одним людям жизнь дана, чтобы не было мучительно больно, — изрек Фома в виде назидания, — а другие сами на рожон прут, попусту. Да еще с удовольствием.

— Да ну! — отмахнулся Борька. — Боюсь я, что ли?

— Вот это меня и пугает. Спорю на что угодно: на Земле ты бы занялся чем-нибудь экстремальным. Прыгал бы с парашютом с подъемных кранов. И не как каскадер, который сперва тысячу раз все проверит, а на авось. Круто же! Полные штаны удовольствия и авторитет среди адреналиновых наркоманов. Нет?

— Как раз и нет!

— Повтори еще раз, — усмехнулся Фома. — Я что-то не верю. Вот гляжу на тебя и удивляюсь, как Плоскость тебя еще терпит.

— Терпит же!

— Ты можешь и не успеть понять, когда ей надоест терпеть...

Спорить Борис не стал, но и согласным не выглядел. Фома заставил себя свернуть тему. Как будто от назидательного брюзжания бывает толк! Да, но где найти веское разумное слово, чтобы ученик проникся? Нет таких слов. В пятнадцать лет подросткам положено самоутверждаться, и все слова им по барабану, молодым да ранним. Сами, мол, мы с усами.

И верно, усы растут. А бороду он уже бреет. Выспал себе набор лезвий, помазок и не мыло какое-нибудь, а натуральный крем для бритья. В тубике. Еще и лосьон после бритья умудрился выпать, пижон!

Талантлив, этого не отнять. И знает о своем таланте, вот что печально. Какой призовой рысак-двухлеток захочет стать рабочей савраской с понурым взором и стертой холкой?

С возрастом станет, никуда не денется. Только до этого возраста еще дожить надо.

Забулькал закопченный чайник на таганке, задрезжал крышкой. Фома приподнял плоский камень, достал из ухоронки заварку и две кружки. Прятать их приходилось не от людей — от стихий. Что люди! Пусть бы попили чайку, не жалко. Даже если они по незнанию или для пакости унесли бы с собой все принадлежности для чаепития, их стоило бы простить. Выспанные вещи — вздор. Возобновляемый ресурс, как и чай.

А что до жажды, то напиться можно и из горсти. Или сжевать дыню цама, вон их вокруг сколько. Феодалы — люди не гордые и от жажды не мрут.

И вообще настали хорошие денечки. Если отвлечься от опасных художеств Борьки — просто замечательные. Десятина вся собрана и перетащена в «закрома», то есть в личный оазис феодала. Умаялись, стократ облились потом, но перетаскивали все мешки, вдвоем-то куда легче. Борис, конечно, тянул груз поменьше, зато глядел в оба, а глаз у ученика, как не раз убеждался Фома, был на редкость верный. Нюх тоже.

Мозги только с вывихом, ну да их, надо надеяться, время вправит...

— У Патрика был? — строго спросил Фома.

— Так точно, — шутовски отрапортовал Борис. — Все штатно. Тангаж, рысканье — в норме. Следующим «Прогрессом» просил доставить ему флакон жидкости для огнестойкой пропитки. У него на днях соломенная крыша сгорела. Недосмотрел.

— Он что, в доме огонь жег? — любопытствовал Фома. — Под соломенной-то крышей?

— А фиг его знает. Какое мое дело? Он сказал, я передал.

— Обойдется, — отрезал Фома. — Всякому ротозею угождать — лучше и не жить. Пусть новую крышу настелет и помнит, что она огнеопасная. Ничего себе выдумал — крышу ему без щелей! Соломенную! Дождя он боится, что ли? У всех нормальных людей крыши хворостом крыты, и ничего.

— Может, поможем? — вступился Борис. — Патрик мировой мужик.

— Вот ты и помоги, если свербит. Кстати, тебе флаконы с антипожарной жидкостью часто снятся? Мне что-то не очень.

— А я попробую!

— Валяй, валяй. Можешь ему на кровлю металло-черепицу выспать, коли не лень. Только переть ее до места будешь сам.

— Ха! Надо будет, так я грузовик высплю! Или трактор с прицепом.

— Вот когда действительно понадобится, тогда и выспишь. У Николая был?

— Был. Там тоже норма. Он соли просил. И сахару. — Борька прыснул.

— Соль всем нужна. — Слова о сахаре Фома проигнорировал. Дай сахар, дай змеевик... — Ладно, будет ему соль.

Сказать по правде, тащиться за солью в Мертвый оазис Фоме совсем не хотелось. Особенно сейчас, когда с помощью Борьки дела пошли значительно лучше, чем прежде. Конечно, работы всегда воз, а как поспел урожай, так просто кричи караул, и последние месяцы пришлось надрываться... зато теперь благодать! Дел по-прежнему полно, но среди них нет ни одного спешного. Тот же Николай запросто перебьется без соли неделю-другую.

Мертвый оазис был расположен неудобно. Ловушки Плоскости так и льнули к нему, оставляя лишь один более или менее безопасный узкий проход. Какой дорогой пришел, той и уйдешь. Единственный радиальный аппендикс на кольцевом маршруте.

Когда-то этот оазис ничем особенным не отличался от других. В нем жили люди. Из песка выбивался родник и уходил в песок же, заставляя сразу забыть о рисовой плантации. Зато другие злаки хуторяне выращивали вполне успешно, и огород у них был, и даже фруктовый садик, если верить Нсуэ. Но в один далеко не прекрасный день родник зафонтанировал рассолом, и сельской зевотной идиллии разом пришел конец. Уже Нсуэ не застал в Мертвом оазисе людей, а Фома, попав туда впервые, не нашел вообще ничего живого. Даже местные корявые кусты без листьев не желали приживаться на мертвой почве. Остались лишь развалины избушки да скелеты плодовых деревьев.

Лет десять назад Фома, сумев выпать столярный инструмент, выдолбил пару длинных корыт вроде тех, из которых поят скот. Неважно, что корыта получились на диво безобразными, главное, они вышли емкими! Налил до краев рассола — и иди себе по другим делам, а в следующий визит соскреби со дна соляную корку и снова наполни корыта. Вот и вся наука. Нсуэ был поражен. Если Фома правильно его понял, феодалы прежде добывали соль на немногочисленных со-

лончаках посреди пустыни... И сколько там было той соли! Смех сквозь слезы.

Так что гибель хорошего когда-то оазиса принесла всем пользу. Бушмен воспринял ее первобытно-философски: что хорошо, то хорошо, и нечего тут долго рассуждать. А Фоме много раз заползали в голову мысли об изменчивости Плоскости. Что, если погибнут все оазисы?

Допустим, маловероятно. Чистая теория. Ну а если все-таки?..

Если бы да кабы! Рядовой житель Земли тоже теоретически знает, что в любую минуту может попасть под стихийное бедствие. Жизненный опыт, теленовости и кинофильмы регулярно убеждают его в том, что по сравнению с силами природы он букашка, ну и что? Он спокойно «забывает» об этом, даже будучи японцем или калифорнийцем с их землетрясениями. Одно из двух: либо ужасаться, либо жить и дело делать.

Притом бывают ведь изменения и к лучшему. Вот этот родничок, к примеру. Три года назад его вообще не было, а теперь появилось удобное место для привала. И для randevu разошедшихся по разным делам феодала и его ученика. Удобное место. Кусты вон повсюду разрослись, причем не те, от которых язвы на руках, а нормальные кусты, годные на топливо. Можно, значит, чайку сообразить.

Кстати, и ловушек поблизости стало меньше. То ли они избегают воды, то ли вода и относительная безопасность — два следствия одной причины. Не рождается ли мало-помалу новый оазис?

Лет через десять-двадцать, пожалуй, можно будет сказать точно. А пока лучше помолчать.

Фома бросил в кипяток горсть чая, ждал, когда заварится. Специального заварного чайника он здесь не

держал, да и незачем было. А Борису мелкие бытовые удобства вообще не шли на ум.

Чаевничали молча. О чем и говорить, если обо всем тысячу раз переговорено? Иногда Фома тяготился присутствием ученика. Одному проще, хотя вдвоем, понятно, безопаснее...

— Жаль все-таки, что сахара нет, — нарушил молчание ученик.

— Жаль, — равнодушно согласился Фома. Тема была древняя и нежелательная. — А еще жаль, что пастилы и кремowego торта нигде не видно.

— Я серьезно! — обиделся Борис. — Можно ведь выращивать эту, как ее... сахарную свеклу. Или тростник. Наверняка у кого-нибудь из соседей есть семена, жмотятся только... Не, а я что? Я ничего. Нет так нет... Теперь куда потопаем?

— Не хочешь повидать мать?

— А ну ее! — скривился Борис. — Перебьется.

— Ладно, в другой раз, — легко согласился Фома.

Ему самому сейчас не хотелось сворачивать к Юсуфу. Именно к йеменцу почти пять лет назад он отвел мать Бориса, воющую от тоски и одиночества в неухоженном оазисе. Юсуф ничуть не возражал, был даже рад: третья жена — и без всякого выкупа! В его оазисе сделалось тесновато: от каждой жены уже подрастало по ребенку, и Сеида вновь была беременна.

Борька терпеть не мог Юсуфа и избегал встречаться с матерью. А Фома радовался царящей в семье йеменца умиротворенности, одобрял порядок в оазисе, приносил детям легкие, чтобы долго служили, игрушки. Дети, родившиеся на Плоскости, были зримо счастливее тех, что попали на Плоскость с Земли. Когда это безмерно удивляло Фому и вызывало внутренний протест. Потом он понял, что осуждать естественный порядок вещей — бессмысленно. Дважды два все

равно будет четыре, даже на Плоскости, и плевать это-му факту на одобрение или осуждение.

Зато Пурволайнены так и не обзавелись потомством. В ответ на осторожный вопрос Урхо пожал плечами: зачем, мол? Разве этот мир достоин того, чтобы выпускать в него детей?

И Фома отступил. В конце концов, Плоскость сама решает свои демографические проблемы. Кто-то, с кем не поспоришь, считает ее достойным местом и для детей, и для взрослых, и для стариков.

Либо еще хуже: люди, по его мнению, только Плоскости и достойны.

Если первое — подарить бы ему очки, слеподырому богу. Если второе — набить бы в кровь морду!

— Пойдем к Джорджу, — предложил Борис. — Давно у него не были.

— Не так уж и давно. Пошли лучше к Георгию Сергеевичу.

— Да ну... — Борька состроил гримасу. — Опять грузить станет. Сам ничего не понимает, а туда же — учить. Корми его еще за это. Педагог, блин.

— Поговори у меня, — проворчал Фома. — Он тебя спас от дурилки, забыл? Не я, а он.

— Так то когда было! И ничего он меня не спасал! Я, может, и сам в дурилку бы не пошел...

— Язык проглоти. Значит, будь по-твоему: идем сначала к Джорджу, потом к Автандилу, а потом к Георгию Сергеевичу. К Джорджу пойдем не прямо, а через Спину Крокодила. Заодно проверим точку выброса. Устраивает?

— Сойдет.

Фома мог просто приказать, и Борька скорее всего послушался бы, набычившись и побрюзжав. Но необременительный компромисс был надежнее. Нельзя быть только деспотом с тем, кто по младости лет много о себе мнит. Однажды демонстративно ослушается,

уйдет — и ищи-свищи его. Знает, змееныш, что если угробится, феодал себе этого вовек не простит. И пять лет возни с сосунком псу под хвост.

Не успели сделать и тысячи шагов, как наступили сумерки — будто специально, назло. И в неурочное время. Трех часов не прошло, как кончилась предыдущая «ночь», — и на тебе! В последнее время Фоме все реже удавалось угадывать приближение «ночи», и не потому, что разладились «внутренние часы». Разладилось не в нем — в Плоскости. Квазирегулярная последовательность света и сумерек мало-помалу переставала подчиняться всякой разумной логике.

Это беспокоило всех, но удивляло лишь новичков. Кто прожил на Плоскости хотя бы год, знает: от нее можно ожидать всего, кроме порядка и регулярности. Хаос, изменчивый первобытный хаос. Кое-кто из хуторян, тот же Патрик, считал Плоскость живым существом, точнее, эмбрионом, куколкой, из которой когда-нибудь не скоро вылупится что-то более внятное. Например, новый мир со стабильными свойствами. Возможно, даже не новый мир, а Дивный Новый мир. Нечто феерическое или, по меньшей мере, приятное.

Мечтать не вредно. Но если по-честному, то никто не скажет заранее, будет ли этот мир мало-мальски сносным. Для кого он создается — для людей? Вот уж вряд ли...

Фома сбавил шаг. Сумерки — не то время, чтобы ставить рекорды скорости. Не будь с ним ученика, феодал повернул бы назад и тихо-мирно отсиделся бы на месте привала. Может, вздремнул бы впрок. Спешить-то некуда. А попробуй предложи Борьке разумную перестраховку — вмиг растеряешь весь авторитет. Кому от этого станет лучше?

Уж точно не Борьке. Только он этого пока еще не понимает...

Тяжесть навалилась такая, что Фома, не устояв на ногах, вдавил своим телом в песке изрядную яму. Из-

вываясь червяком, отполз, вдохнул воздуха, сел, помотал головой. Бешено стучало сердце. Как еще кости остались целы... Крошечная аномалия, но какая мощная! Кстати, совершенно новая. Интересно знать, локальная или периферийная?

На дне рюкзачка удобно устроился свернутый в бухту десятиметровый капроновый шнур. Было ему сто лет в обед, но это не имело значения: шнур попал на Плоскость «оттуда» и принадлежал к вещественному миру. Хорошая, настоящая вещь. Если приспичит, ее можно порвать, сжечь и испортить сотней всяких других способов, но она никогда не распадется в пыль от старости.

— Обвяжись. — Размотав шнур, Фома обвязался и сам.

В связке бояться было нечего. Обнаруженная положительная аномалия и в самом деле оказалась периферийной, из тех мелких аномалий, что часто окружают серьезную гравитационную инверсию. При ярком дневном свете были бы видны вихревые потоки, похожие на дрожание воздуха над носиком чайника, — «ночью» оставалось лишь ступать наугад. Более легко-го Борьку Фома пустил вперед, и правильно сделал: когда тот с воплем взмыл было в воздух, рывок шнура живо выдернул его из аномальной зоны и швырнул на песок. Как всегда, осознав свой промах, Борис слишком злился на себя, чтобы поблагодарить.

Тьма упала сразу, без малейших полутонов. От неожиданности Фома сделал несколько шагов, прежде чем сообразил, как себя вести. Замер. Впереди заругался Борис, шнур натянулся.

— Стой! — крикнул Фома. — Ни шагу!

— Стою, — донеслось до него из черноты. — А дальше-то что?

— Ты что-нибудь видишь?

— Не-а.

— Это хорошо.

— Прикольно, — согласился Борис. Судя по голосу, страха он не испытывал. — Пряма настоящая ночь.

— Я не о том, — с громадным облегчением отозвался Фома. — Если и ты ничего не видишь, значит, я не ослеп. Значит, Плоскость шутки шутит. Уже легче.

— А если мы оба ослепли? — был ответ.

Кольнуло сердце. О диво, ученик, оказывается, не был чужд логике! Провалиться бы ему с такой логикой...

— Садись где стоишь, — проворчал он, — будем ждать.

— Чего ждать-то? — строптиво осведомился Борис.

— Света, дурень!

Фома сел на песок. Феодал был спокоен, только вот в грудь залезла птичья лапа и сдавила когтями сердце. Не вовремя... Хотя бывают ли своевременные недомогания? Терпи. Уж коли ты выбрал занятие по способностям, то выкладывайся по полной программе, не жалуясь на ускоренный износ. Тридцать два года — это возраст. Тринадцать лет в феодалах — срок не рекордный, но большой.

— А если эта тьма не повсюду, а только тут, вокруг нас? — подал голос ученик. Вербка задержалась, затем ее повело в сторону.

— Сядь и сиди, тебе говорят! К праотцам захотел?

— А если света месяц не будет?

Фома только зарычал в ответ. Месяц или год — один черт, никаких шансов. Несколько часов выдержать можно. Даже несколько суток, пока хватит сил экономить воду и терпеть жажду. При условии, что бродячие ловушки не наткнутся на сидящих во тьме. Потом все равно придется идти... наугад. Два слепца, связанных веревочкой. Шансов уцелеть, положим, все

равно нет никаких, но надежду на чудо никто не отнимет.

Тем паче Борька может оказаться прав: кто сказал, что тьма накрыла всю Плоскость, а не пятачок в сотню шагов поперечником? Пока не проверишь, не узнаешь.

Фома сам рискнул бы проверить, не будь вокруг крошечных, но непривычно мощных гравияномалий. Посередине их скопища пряталась могучая инверсия, а рядом с нею, как это часто бывало, могла таиться мощная положительная аномалия. Из тех, что размазывают человека в кисель.

Хотелось стонать от бессилия, но он не стал. Из педагогических соображений. Но надо же — так глупо вляпаться!

Вестимо, глупо. Умно не вляпываются. Умно что-нибудь другое делают.

И мысли в голову лезли не так чтобы очень умные. Помолиться, что ли? Да, но кому? Местному богу-хулигану, который тут дурные шутки шутит? Пообещать ему не грешить? Вот смеху-то будет.

«Сволочь, — подумал Фома. — Не грешить? Откуда я знаю, это ли тебе надо? Кстати, я ведь и так грешу не больше, чем позволяет должность... должность человека, а не феодала. Даже гораздо меньше грешу. Один только раз согрешил по-крупному с той ядерной ракетой, и ведь тебе она совсем не понравилась, не так ли? Ты спохватился и устроил так, чтобы боеголовка не сработала, зря я лежал носом в песок, пятками к эпицентру. А ведь я исправлял твой промах! Этот мир из всех сил делает из меня подлеца, и люди стараются в том же духе, а теперь еще и ты за меня взялся? Думаешь, я железный? Ты так и ждешь, что я согнусь, вижу твою глумливую ухмылку. Ну же, нападай, дави! Слабо? Ты хочешь сказать, что я червь и тебе безразличен? Если так, то тем лучше, я рад. А если нет, то все равно я буду жить так, как хочу я, а не ты. Или

сдохну. Гни меня, гни, старайся. Может, я и червь, но не раб твой...»

Когтистая птичья лапа крепче сдавила сердце. Фома продолжал богохульствовать, но уже не так яростно. Потом и вовсе успокоился, минут пять побормотав формулы самовнушения. Бесноваться без толку. Доведешь себя до инфаркта — на бога-хулигана не пеняй, вини себя.

И все кончилось. Ударивший в глаза свет заставил зажмуриться. Стал хорошо заметен гигантский — Фома впервые видел такой — столб взвихренного воздуха над близкой гравитационной инверсией. Победно завопил Борька.

— Вот так-то, — сказал ему Фома. — Эйнштейном можешь ты не быть, но фишку просекать обязан. Мотай на ус, салага. Кто решил, что достаточно знает Плоскость, тот покойник. Ну и дурак, само собой. Умные все живы...

Последняя фраза прозвучала неубедительно.

ГЛАВА 2

Цепь выветренных скал на границе с владениями Перонелли действительно смахивала издали на спину крокодила. Фома сам когда-то придумал это название и потом долго объяснял Нсуэ, что такое крокодил. Откуда бушмену из Калахари, никогда не покидавшему родных песков, знать о крокодилах? Пришлось растолковать, что это такой большой варан, по воле великого духа Гауа снабженный немаленькими зубами, гребным хвостом и спиной... вот такой, как та цепочка скал.

Породу, слагающую скалы, Фома определить не мог. Видно было только, что особой прочностью порода не отличалась. Бродячие вихри выгрызли в ней множество ям, гротов и даже одну узкую пещеру —

отличную духовку для того, кто сдуру дождется в ней визита горячего вихря. Одна из первых заповедей феодала: всегда имей хотя бы один путь к отступлению. Лучше два.

Поэтому Фома не расположился на самой высокой, но зато и самой крутой скале, выбрав более пологую. Ломать ноги, прыгая в случае чего с обрыва, — удовольствие маленькое.

Восточная часть феода Перонелли была отсюда видна как на ладони. Правее можно было разглядеть южную часть владений Люкера. Далеко на юго-западе угадывалась в дымке длинная серая полоса скального выхода, там начинался феоде Губайдуллина.

Феоде? Провинция? Сатрапия какая-нибудь? Фома не знал, и это его беспокоило. Шестой год от западных соседей не поступало никаких известий. Совершенно никаких. Ни от Люкера, ни от Перонелли, ни от Губайдуллина, ни от Анастасиоса Андриадиса. Тем более их не поступало от Мбунумве, чья земля хотя была и недалеко, но с феодеом Фомы не граничила. Как будто на западе все вымерло.

Но этого, конечно, никак не могло быть. Удобно расположившись на скале, Фома навел бинокль на владения Перонелли. Бинокль был новый, недавно выпущенный, с могучими, еще не заляпанymi линзами и двадцатикратным увеличением. На нем даже красовался лейбл «Made in China», хотя Фома не помнил, чтобы вспоминал о Китае на сон грядущий. Что удивительного? Плоскость — или местный бог — работает по принципу экономии усилий. Можно выпасть и небывальщину вроде того танка с башней от линкора, но если нужен всего лишь бинокль, или автомат Калашникова, или коробок спичек, то зачем выдумывать уже выдуманное? Проще скопировать то, что реально существует на Земле.

А разве кто-нибудь сомневается в том, что контакты с Землей у Плоскости самые тесные? Каждый, кто

угодил сюда, служит наглядным подтверждением данной истины.

В хороший день дымка позволяла разглядеть со Спины Крокодила максимум два оазиса. Сегодня видимость была так себе, ниже средней, стало быть, на дальний оазис, тот, что у Люкера, не стоило и смотреть.

Зато ближний оазис, у Перонелли, как будто нарочно подставлял себя взгляду. Невысокие холмы, обрамлявшие котловину, скрывали часть ячменного поля, но не огороды, не источник воды и не хижину. Несколько чахлах пальм, казалось, печально размышляли, стоит ли им и дальше длить свое существование. Поле тоже не обещало чересчур обильного урожая. Оазис был не из лучших, да и не из крупных.

И тем не менее в нем жило по меньшей мере пять человек. Сейчас Фома видел троих: двух женщин и мужчину. Женщины, согнувшись в три погибели, пропалывали огородные грядки, мужчина таскал в бурдюке воду для полива. Все трое работали безостановочно, как заведенные.

— А можно мне посмотреть? — подал голос Борис, потянувшись к биноклю.

— На, смотри. Ничего там нет интересного...

— А если ничего интересного, на фиг мы сюда ходим? — задал вопрос ученик и прилип к окулярам.

Фома не снизошел до ответа. Зачем да почему — это уже было объяснено один раз, умному достаточно. На границе с Губайдуллиным тоже есть давно облюбованное место для наблюдений, как и на границе с Андриадисом. Что-то неладное произошло у соседей, хотя боеголовка ракеты заведомо не рванула. Вернее всего, взбесившаяся точка выброса все-таки «одумалась» и заработала в прежнем режиме. Впрочем, это еще не факт, а только повод поболтать с Георгием Сергеевичем на теологические темы. Если новоявленное коро-

левство временно отказалось от экспансии на восток, то ничего особенного в нем и не должно было происходить. Да, перенаселение. Но почему хуторяне не идут напрапалую через границу в поисках недонаселенных, а то и вовсе пустующих оазисов?

Король запретил? Очень смешно. Поди-ка запрети людям искать лучшую долю, не приставив к каждому человеку охранника с автоматом! Молча выслушают запрет, молча и уйдут...

В теории оно так. А на деле — не уходят почему-то! Хотя с первого взгляда ясно: не очень-то они там благоденствуют. Тощие. И одежда на них — рвань.

Фома видел два способа разрешить загадку. Первый — лично наведавшись во владения соседей, собрать разведданные. Опасно, конечно. Поймают — пощады не жди. Отрежут не только уши. И кто знает, какие сюрпризы приготовил тот же Перонелли на границе?

Безответственному мальчишке пристало бросать своих хуторян с риском не вернуться, а не опытному феодалу! Вот подрастет смена — тогда да, можно будет рискнуть. Но только своей головой.

Второй способ заключался в наблюдениях издали и пока не принес результата. Кое-какие выводы можно было сделать, наблюдая не за прозябающими в оазисе хуторянами, а за визитерами. Кто приходит за оброком? Сколько их? Вооружены ли? Какая часть урожая идет на оброк?

Будут ответы на эти вопросы — появится и ответ на вопрос, что вообще творится в западных землях. Без сомнения, сразу же возникнет еще больше вопросов, но станет ясно главное.

Как жаль, что нельзя наблюдать постоянно! Работа мешает. Можно лишь наведываться сюда периодически. И наблюдателя здесь не оставишь: Спина Крокодила далеко не самое безопасное место. Один раз при-

шлось трое суток сидеть не верхушке скалы, а вокруг клубился белый туман и все никак не хотел уползать — чуял органику, стервец, тянулся к ней...

Один выход: наведываться почаще. Сейчас явный промах: урожай еще не собран, и сборщикам оброка здесь делать нечего.

Стало быть, в следующий раз...

Вспыхнуло что-то над бровью неярко, как зажигалка, и звук издало: фс-с-с-ст!.. Вроде безопасное непойми-что, пугает только, а на деле кто ж его знает. Пихнув Борьку, Фома ссыпался со скалы неизвестной породы, крикнул, облегчил душу немудреным словом. Поубивал бы!

А кого?

Ищи, ищи того, кто все это выдумал. Бегай по лабиринту, белая крыса. Толку-то!.. Злобно плюй в черные провалы, вольтерьянец хренов. Очень ты кому-то нужен!

Споткнулся, поднимаясь, сунулся носом в песок. Корни эти... Кусты корявые. Прорва флоры выросла, а хоть бы один листик проклюнулся на безобразных ветвях. Скелеты доисторические. Годны на топливо, больше ни на что. Да и горят так себе.

Только дрянь и лезет из песка. А сколько всего уходит в песок, и не сосчитать. Годы — в песок. Мордой — опять же в песок. Жизнь ради существования, и ни шиша толком не сделано. И чего хотел alter ego, монарх новоявленный, до сих пор непонятно.

Может, хотел сделать хоть что-нибудь? Ужаснулся такому вот бытию и, понятно, накуролесил?

Пять лет назад было ясно: дерьмо и сукин сын. Фома и сейчас так думал. Если хочешь, презирай себя, букашку на Плоскости, подопытную крысу в лабиринте. Людей презирать не смей. Хочешь возвыситься над ними — ладно, черт с тобой, возвышайся, но лезь

вверх сам, а не опускай остальных ниже своего уровня. Казалось бы, так ясно!

Было ясно, а стало туманно. Нет, придется, точно придется сделать вылазку на запад! Не сейчас, конечно, а через год-два. Когда Борька подрастет и подучится настолько, чтобы заменить феодала не на время, а навсегда...

Мало ли что.

— Отвечай: что главное в любом действии?

— Его успех. — Борис жизнерадостно хохотнул. — Что, нет?

— Я не о том. Что необходимо любому действию, чтобы оно стало успешным? Решительность?

— А? Ну да. Верно.

— Вы тупы, юнкер. Главное — своевременность, понятно? Повтори.

— Своевременность, — недовольно пробубнил Борис. — Опять экзамен начинается, да?

— Ты еще умерших от жажды, считай, не видел, — едко сказал Фома. — А знаешь, почему? Потому что мы своевременно обходим все точки выброса. С чего ты взял, что мы можем позволить себе пропустить хоть одну?

— Да с того, что она давно скисла, вот с чего! Она за пять лет ни одного новичка не выбросила!

— За шесть, — поправил Фома. — Ну и что? Это аргумент?

— Да!

— Нет. Можешь идти прямо к Джорджу, а я сделаю крюк и посмотрю. До встречи.

Борис нагнал его не слишком скоро, но все-таки нагнал. Сначала угрюмо молчал, потом успокоился и начал поглядывать на наставника снисходительно. Ладно, мол, будь по-твоему, семь верст не крюк, ноги не отвалятся, но знаешь, кто ты, если честно, без це-

ремоний? Косный тип, перестраховщик и начинающий параноик.

Путь был давно знаком. Как всегда, понемногу дрейфовали известные ловушки, и шагать бездумно отнюдь не стоило. Дрожащая лужа жидкой земли уменьшилась с прошлого раза вдвое, зато невесть откуда возник новый черный провал. Видели противно копошащийся клубок живого волоса. Борис порезался о летающую нить, сосал палец и сплевывал. А узкий проход меж двух участков зыбучего песка ничуть не изменился.

— Ну что? — Ученик выглядел победителем. — Я же говорил: пусто.

Да, эта точка выброса опять никого не выбросила. Выцветшая надпись на камне по-прежнему предписывала вновь прибывшим сидеть на месте, дожидаясь помощи. Вода в оставленной возле камня пластиковой бутылке наверняка протухла. Ее некому было выпить.

Теперь Фома не знал, что педагогичнее: поощрить ученика согласием с его мнением или упрямо стоять на своем. Решено: придется выпсать для этой точки выброса какое-нибудь сигнальное устройство — например, фейерверк, коробку такую... Пожалуй, она продержится года два-три. И спички. И угольный фильтр для воды, и, конечно, принести саму воду. И еще написать на двух языках подробную записку. Кто-нибудь в ближних оазисах, хотя бы Джордж или Автандил, почти наверняка заметит вспышки в небе. Нужно только не забывать расспрашивать их для очистки совести и больше сюда не ходить. Маленькое, но облегчение.

Было шесть точек выброса, осталось пять... Или все-таки шесть? Теория вероятностей штука коварная, ей обмануть человека — одно удовольствие. Если все точки срабатывают с равной вероятностью, то... Фома не помнил формул, забыв их немедленно по сдаче экзамена, но было и так ясно: вероятность того, что

одна из точек «замолчит» на шесть лет, совершенно ничтожна.

Но о какой вероятности можно рассуждать там, где действует чья-то прихоть?

Светло было без солнца, и тошно без рвотного, и пьяно без водки. «Ну же, сволочь, — неслышно шевелил губами феодал, обращаясь к пустому месту, — слотни меня. Верни назад. Я хочу домой, слышишь?»

Только бы на Землю. Хоть куда-нибудь, пусть в самое гиблое из амазонских болот. В пустыню. Согласен на благодатный Магадан. В зону за проволоку. Готов попытаться всплыть со дна выгребной ямы.

Но молчала Плоскость, и ничего, кроме выцветшей надписи для новичков да зеленой от плесени бутылки, не указывало на положение точки выброса, то ли исчерпавшей себя, то ли надолго задумавшейся. Да ведь выброса же, елки зеленые, а не вброса! Фома знал, что требует невозможного. Да если было бы возможно вернуться назад, любой хуторянин сию минуту бросил бы ковыряться в земле! Толпами побежали бы. Все до единого, даже те, кто уверяет, будто наладил жизнь, успокоился и всем доволен. Вот вам он доволен!.. И Юсуф побежал бы. Вприпрыжку. И Автандил. Скажи им: «Один шанс из ста, что вернешься на Землю, а девяносто девять за то, что сдохнешь, как собака» — все равно побегут. На авось.

И это правильно. Только так и надо. Беда, что не видно вообще никакого шанса. Один к ста — это же роскошь! А ноль к бесконечности не хочешь ли?

Хоть волком вой, хоть котом шипи. А ведь такая тоска — верный путь к черному провалу. Шагнул — и поминай как звали. Только новички верят в сказку, будто черные провалы связаны между собой какими-то там субпространственными переходами, что это, мол, транспортная сеть Плоскости. Как же! Станет Плоскость предоставлять людям такие удобства! Спасибо, научены бедолагами-добровольцами! Ни один не

вернулся. Георгий Сергеевич вообще утверждает, будто черные провалы суть зримая категория философского Абсолютного Ничто, в котором вообще ничего нет, даже физических законов. Что ж, очень может быть. Тогда Плоскость с ее взбесившейся физикой лишь преддверие и придаток к провалам. А хороший, наверное, способ уйти — шагнуть и сразу провалиться в ничто, стать ничем...

Мысли-то какие оптимистические! С чего бы? Текущих неприятностей вроде никаких...

От стажа?

Похоже на то. Постарел феодал, износился до морщин. На Борьку брюзжит едва ли не по-старчески. Седина в волосах живет. Сердчишко прихватывает. И шестого зуба, верхнего справа, нет — Юсуф драл. У него опыт и щипцы. Изувер он средневековый, Юсуф. Если бы не Автандилова бражка — кранты феодалу. А Юсуф за компанию так и не пригубил — нельзя! Хотя и не сок лозы. Нельзя вот, и все тут. На всякий случай.

Ох, тоска...

— Чего это тебя колбасит? — с любопытством спросил Борис и не дождался ответа, да и вопрос забыл, а просто-напросто икнул от изумления.

Их стало трое. И двум из них немедленно резанул уши девичий вопль:

— Не троньте меня, ур-р-роды!..

Фома отступил на шаг. Впервые он видел, как на Плоскости возникает новый человек.

Очень просто. Только что никого не было — и вот пожалуйста: стоит, вопит. Возник только что... то есть возникла. Вдруг. Из пустоты. Без всяких сопутствующих эффектов, если не считать законного испуга.

Девчушка. Лет шестнадцати-семнадцати, наверное, а то и меньше. Рыжая, коротко стриженная. В мини. В туфельках. С сумочкой через плечо и, кажется, с косметикой на мордашке. Горожаночка, значит...

★ Тем хуже. Сельские жители и адаптируются быстрее, и психуют реже. Зато явный плюс: русскоговорящая. Хотя в чем-то должно было повезти.

Повезло?.. Черта с два. Пока ошалевшая от страха девчонка лихорадочно копалась в сумочке в поисках, надо полагать, газового баллончика, пока на песок вываливались шпильки, пудреницы, прокладки, наушники от плеера и уйма всякой чепухи, феодал, морщась, как от зубной боли, молча жевал кислые мысли. И первая из них была о Борьке: «В эту ловушку он точно попадется...»

А Борис вряд ли о чем-то думал. На его физиономии был написан восторг, и рот растянулся до ушей. Как у Буратино.

Звали ее Оксаной. Было ей неполных семнадцать, жила она в Ростове Великом и шла на дискотеку. Шла одна, потому что поссорилась с подружкой. Были у нее родители, работавшие в цехе по закатыванию в банки квасного суслу и мечтавшие дать дочке образование, был вредный младший брат Вовка и были поочередно несколько парней. В одного из них она даже была влюблена целую неделю, но он оказался гадом. В общем-то все они либо гады, либо дебилы, но когда вдруг выясняется, что и этот такой же, как все, то... ладно, замнем для ясности. Обидно, короче. Хотя и наплевать.

Попасть на дискотеку ей было не суждено. Зато получилось даже интересно. Раз — и в ином мире. Правда, в первый момент она подумала, будто ее официантили сзади по голове или пшикнули чем-то в лицо. Думала, глюки. Трудно ведь сразу поверить, что все взаправду. А потом подумала: грабители или насильники. Вид у вас обоих, извините, того... А еще потом сообразила, что грабители и насильники так себя не ведут, и опять подумала: глюки. А что, здесь везде такая пустыня?..

Болтал с девчонкой в основном Борька. Фома по началу кивал, потом и вовсе ушел вперед, разведывая дорогу. С прошлого раза кое-что изменилось, и отвлекаться было вредно. А Борька, насколько мог судить Фома по долетавшим обрывкам разговора, пыжился и хвастался. Иначе и быть не могло. Когда это семнадцатилетние земные принцессы обращали внимание на пятнадцатилетних сосунков? Только на Плоскости такое и возможно, пожалуй. Какой он тут сосунок? Опытный следопыт и ученик феодала!

Потом Оксане захотелось отойти по нужде за дюну, и Фома наорал на обоих. Борька в ответ только ухмылялся и утверждал, что никакой опасности за дюной нет, он отсюда видит. Ну хорошо, пусть не видит. Зато чувствует. Нутром. А хоть бы и седалищным нервом, какая разница! Главное, чувствует. И нечего обзывать... Ну ладно, пусть она никуда не ходит, мы тогда просто отойдем в сторонку и отвернемся, раз ты такой перестраховщик...

— Павлин, — буркнул Фома вполголоса, когда они стояли, отвернувшись. — Перья веером.

— А что? — немедленно ошетинился ученик.

— Да нет, ничего. Хвастайся и дальше, коли хочется. Набивай себе цену. Авось получится. Что это за жена, если мужа не уважает?

— Чего-о? — возмутился Борька. — Какая еще жена?

— Твоя жена. Будущая. Не нравится, что ли? По моему, симпатичная. У тебя что, есть другие кандидатуры?

Борис густо покраснел, ковырнул ногой песок и ничего не ответил.

— Это судьба, — не слишком весело вздохнул Фома. — Шли проверять «дохлую» точку и встретили девушку. Комментарии, как говорится, излишни. Ты обречен.

Весь красный, ученик все же выразил протест:

— Я, может, жениться не хочу...

— Жениться, жить во грехе... — Фома пожал плечами. — Да какая разница, как это называется? Мужчина должен иметь очаг, а возле очага женщину, в идеале такую, чтобы ее можно было назвать подругой. А женщина должна опираться на мужчину, особенно на Плоскости. Ты что, хочешь отдать ее Юсуфу четвертой женой? Или оставить у Джорджа? Он и без того со странностями, а с ней окончательно рехнется. У тебя есть иные варианты?

Иных вариантов у Борьки, конечно, не нашлось. Да и ясно было, что возражает он только для виду. Ему хотелось, чтобы его убеждали, и Фома убеждал:

— Может, ты хочешь поселить ее одну в пустом оазисе, чтобы работала в поле? Нет? Ну и правильно. Через три дня она сбежит... ну и сам понимаешь. Кто-нибудь должен ей объяснить, что жить все равно нужно. Валяй, придумывай, куда еще ее деть. Я вижу только один вариант. Дам тебе отпуск, привыкайте друг к другу. Дел сейчас немного, я легко один управлюсь.

— Сбагрить меня хочешь, что ли? Нашел повод? Рад, да?

— Я не рад, — желчно сказал Фома. — Меня это не может радовать. Тебе надо учиться, не то ты сдохнешь раньше меня. На кого я тогда феода оставляю — на Юсуфа, что ли?

— На старикана-учителя, — жизнерадостно хохотнул Борис.

— Глупая шутка. Пойми, дубина: ты, возможно, талантливее меня. И ты раньше меня начал учиться, а это кое-чего стоит. Ты уже один по феоде ходишь запросто, вон даже придумал, как завесу пройти. Я бы вряд ли додумался. Но если ты... молчать, блин, и слушать!.. если ты решил, что твое образование кончилось, то грош тебе цена как феодалу. И как человеку

тоже грош. Потому что если ты так решил, то ты просто дурак, понял? Дураков и без тебя пруд пруди, дешевый товар...

Педагогический экзерсис пришлось прервать на полуслове — голос Оксаны возвестил, что можно повернуться. Веселый, черт побери, был у нее голос! Жизнерадостный. Все-таки девчонка еще не до конца осознала: то, что произошло с нею, произошло всерьез, навсегда и без права апелляции.

Скоро осознает, куда денется.

Не прошло и пяти минут, как всем троим пришлось бежать, потому что нежданно влезли на грибницу пыхтунов. Так их назвал Борька, впервые обнаружив новую подянку с полгода назад. Никто никогда не видел ни самих грибов, ни тем более нитей грибницы, и Фома не знал, можно ли отнести новые опасные участки к биологическим объектам. Его это не очень-то интересовало. Важно было другое, главное: грибница выгодно отличалась от минного поля тем, что невидимые пыхтуны, выбрасывающие облачко жгуче-едкой взвеси, срабатывали с небольшим запозданием. Наступил на пыхтун, услышал легкий треск — не зевай и не жди, пока покроешься язвами, а резко бери старт и беги. Отделаешься несильным ожогом, поболит и пройдет. Шагов через сто или даже раньше за бегущим перестанут вспухать фонтанчики, тогда стой. Хорошо, что чересчур больших грибниц не бывает. Плохо, что бегущий всегда рискует вляпаться в серьезную ловушку.

Вот так и живи. Учись, мотай на ус, обобщай свой, а если повезет, то и чужой опыт, формулируй незываемые, казалось бы, правила выживания... незываемые до тех пор, пока Плоскость не преподнесет что-нибудь новенькое.

И тогда начинай сначала.

С Патриком Фома всегда разговаривал по-английски. Без сомнения, ирландца можно было выучить русскому, Патрик не возражал, но кто бы взялся его обучать? Феодалу некогда. Георгий Сергеевич стал болезненно словоохотлив и нудноват. Да и не вынес бы невеликий оазис Патрика лишнего едока.

Незаменимая вещь английский язык! Недаром он освоен в пиджин-варианте половиной, если не больше, населения Земли. Можно не обращать никакого внимания на произношение, плевать с колокольни на грамматику, не знать ни одной идиомы — тебя поймут! Хватило бы и школьного уровня, а уж вузовского «технического со словарем» и подавно. Плюс практика. Кто умеет слушать, тот умеет учиться. Языковой барьер был преодолен без всяких усилий.

Чего ради Фома, распрощавшись с Борькой и Оксаной, потащился на другой конец феода к Патрику, он вряд ли сумел бы внятно объяснить. Возможно, сам того не осознавая, захотел того одиночества, которое может дать только дальний путь. А может быть, просто соскучился по приветливым лицам, по домашнему уюту, какой бывает лишь в крепких семьях? Или надоело однообразие привычного маршрута?

А! Что толку заниматься самокопанием! Если что и выкопаешь, куда потом это девать? Маршрут был нов. И труден. И не сказать, чтобы безопасен. Плоскость щедро рассыпала ловушки, на сей раз выбрав почему-то самые тупые: обширные пятна зыбучего песка, целые поля гравитационных аномалий, озерца и лужи жидкой земли... Один только раз встретился черный провал, и еще один раз волосы вдруг встали дыбом и дрожь пробежала по телу. Обогнув опасное место по широкой дуге, Фома так и не узнал, какая гадость там скрывалась. Что бы там ни пряталось, соваться напрямик, безусловно, не стоило. Мерси Плоскости за предупреждение. Она, сволочь, предупреждает об опасно-

сти куда реже, чем хотелось бы. Да и не всякий умеет ее слушать.

Он шел два дня, не наведив по пути ни один оазис. Доел запас лепешек, выпил воду. В удобном месте встретил «ночь» и сумел немного поспать. По счастью, обошлось без полной темноты — заурадная серая мгла. Черт поймет эту Плоскость, зачем ей в тот раз понадобилась абсолютная темень. Может, тут тоже квазипериодичность... один раз этак в сто лет. Или в сто тысяч. Кончилось — и ладно, и нечего об этом думать.

С Патриком творилось неладное, Фома сразу это заметил. Кряжистый ирландец, всегда производивший впечатление крепкого хозяина, чинил инвентарь, готовясь к севу, но участвовал в работе только руками, витая мыслями неизвестно где. В отличие от Джоан, он даже не сразу заметил вошедшего в хижину феодала. Фома неслышно присвистнул. Если хуторянин начал задумываться — гляди за ним в оба.

А крыша хижины у него и правда недавно горела. Огонь зачернил жердевые стропила. Происшествие было ерундовым, и Борька, конечно, доложил о нем исключительно по приколу. Настелить новую солому — максимум полдня работы. Патрик с ней уже справился, не очень, правда, аккуратно... И там, где для Борьки «тангаж и рысканье» были в норме, непривычная халатность Патрика говорила Фоме о многом.

— Джоан, — сказал он, широко улыбаясь, — ты все хорошеешь? От Вилли тебе приветы. Ну и от Сой, естественно, тоже...

Само собой, Джоан просияла и немедленно закидала его вопросами. Фома отвечал как можно обстоятельнее, искоса поглядывая на Патрика. Тот монотонно кивал, показывая, что тоже слушает. Глаза его оставались пусты.

Года полтора назад Вилли покинул родительский кров. А Сой была маленькой смуглой вьетнамкой, не

прижившейся среди китайцев Бао Шэнжуя. Фома поначалу думал, что она и тут не задержится, но на всякий случай поводил ее за собой по оазисам. К его удивлению, двадцатидвухлетний гигант Вилли, сын Патрика и Джоан, начал заглядываться на крошечную Сой с первых минут знакомства. А после того как Фома, попросив хозяев пригладеть за девушкой, вернулся после очередного обхода владений, вопрос о новой паре был решен. Как сумели, сыграли свадьбу. Это была комичная пара: жених-монумент и невеста-статуэтка. Спустя несколько недель Фома переселил молодых в новый оазис — поменьше и похуже родительского, зато неподалеку и с обильным источником хорошей воды. Сой предстояло научить Вилли выращивать рис.

Что ж, она справилась. Поначалу Вилли в бешенстве орал, что он фермер, а не пиявка, и не желает копаться в жидкой грязи, как эти рисоведы, топал по-слоновьи и брызгал. Сой тихо, но упорно гнула свою линию. Урожай вышел сносный. Жизнь новой четы нельзя было назвать безоблачной, но и несчастными супруги не выглядели — разве что задавленными повседневными хлопотами, но кто из хуторян не задавлен? Все равно, черт возьми, было видно, что они любят друг друга!

А коли так, то полны жизни. Что еще надо феодалу от хуторян? Да ничего!

Зато с Патриком дела творились негодные. Что за постная рожа? Утолив любопытство Джоан насчет сына и невестки, поболтав с нею о том о сем, Фома спросил о чайном листе, не принести ли в следующий раз? Оказалось, что запас еще есть. Умница Джоан правильно поняла намек и удалилась, заверив, что сей момент вскипятит и заварит. После пожара очаг был, разумеется, выселен из дома. Повторять огнеопасные эксперименты Патрик, даже отрешенный от действительности, не собирался.

— Чай — это хорошо, — жизнерадостно сообщил Фома, сев перед подобием стола на ту же лежанку, где сидел Патрик. Толкнул его плечом, подмигнул: — А может, чего покрепче найдется, а?

— Во фляге, — тихо и не сразу отозвался Патрик.

— Это где? Вон в той?

— В той.

— Тогда угощай, чего сидишь? Тоже мне, хозяин! К тебе гость пришел, а не прокурор с обыском. Давай-давай. И закуску. А я тебе в следующий раз молодого вина принесу, Автандил обещал, что вино скоро поспеет. Забыл уже небось вкус вина? Я едва помню. Кислое оно, наверное, выйдет, ну и наплевать. Все равно сок лозы! М-м... поэма! Хайям.

Патрик молча достал из-за лежанки две кружки, Фоме набуровил половину, себе — на донышко.

— А сам что тормозишь? Неспортивно.

— Я много не буду, — тихо, но твердо ответил Патрик.

— Да? Это почему?

— Не хочу.

— Пьянеть не хочешь?

— Да.

— Вот я и хочу знать: почему? Язва открылась?

— Нет.

— Тогда что?

— Устал я, — равнодушно сообщил Патрик. — Выпивка не поможет. Не хочу больше так жить.

— «Так» — это как?

— Как животное.

Фома похлопал его по плечу.

— По Марксу с Энгельсом живем. Не изучал, нет? А я успел немного на первом курсе. Потом отменили. Но «Манифест» прочитал весь. Что там писано об идиотизме деревенской жизни, а?

Патрик молчал. Как будто не слышал.

— Не знаешь? Ну так я тебе скажу. Не от Маркса скажу, а от себя. Идиотизм живет не сам по себе и возникает не от сырости. Идиотизм берется от идиотов. Каков человек, такова и жизнь, понял? Мы ее сами делаем. Какой сделаем, такова она и будет. Перестал работать — околел. Перестал мыслить — и готово, зарос мохом. С виду вроде человек, присмотришься — живой труп, а присмотришься получше — говно обыкновенное. Ты что, думаешь, будто там, — Фома яростно вздел над собой указательный палец, — кто-то будет стараться ради говна? А вот хрен тебе! — Он уже орал, вскочив. От волнения из него начали выскакивать русские слова. — Может, это испытание нам такое, ты об этом не думал? Ах, все-таки думал? Перестал верить, да? Ну и не верь, мне плевать. Пропади ты пропадом, хлюпик! Плоскость меняется, и я хочу знать, чем все это кончится. Я дожить хочу. Понять смысл. А ты — сдохнешь! И Джоан утروбишь, а она у тебя умница, жаль, что дураку досталась, и внуков не увидишь...

Он еще долго кричал, оскорбляя Патрика всеми известными ему английскими оскорблениями с прибавкой русского мата. Он увлекся настолько, что уже не разыгрывал раздражение, а в нем находился. И достиг своего: по лицу Патрика побежали пятна, зловеще заиграли желваки, а вскоре грянул и взрыв. В лицо феодала полетела кружка, а за ней и яростный кулак. Фома уклонился, но подсечку проводить не стал. Ему пришлось еще трижды уходить от удара, прежде чем Патрик сообразил, что не ему тягаться с феодалом. Тогда он сел, сверкая глазами, тяжело дыша и взрыкивая.

— Так-то лучше, — констатировал Фома, довольный сеансом психотерапии. — Ожил, нет? Вижу, ожил... Вот за жизнь давай и выпьем, налей-ка по новой...

Снилась просто какая-то дрянь. Во-первых, привиделся феодалу во сне кусок Москвы с домами, людьми, пыльными липами и одуванчиками на газонах. По вдавленным в серый асфальт рельсовым параллелям с дребезгом и звоном катились угловатые трамваи — обыкновенные, не торпедоносные. Хорошо было. И помятые голуби бегали и урчали на тротуаре возле рассыпанной кем-то крупы, и следил за ними из окна желтоглазый, бандитского вида кот. Пробежала наглая крыса и погналась зачем-то за трамваем, быстро и дико вырастая до слоновьих размеров, и вот уже почти догнала трамвай, набитый, как удалось рассмотреть, не людьми, а толстогубыми рыбами с выпученными глазами. Но тут все стало таять, оплывать, как воск на сковороде, и проваливаться в асфальт, вдруг обернувшийся жидкой землей; мир стремительно гнил и разлагался, и сам Фома в ужасе смотрел на свои вытянутые руки, тоже разлагающиеся, и видел, как падает с них гнилое мясо и как обнажаются кости. Тут он вспомнил, в каком месте спит, заорал и проснулся.

Нет, обошлось... Руки были на месте. Вполне целые и здоровые руки. Правда, в мурашках, но это как раз понятно. Черт, повадилась сниться всякая мерзость! В прошлый раз гигантские вши привиделись, теперь крысы...

И — ничего вокруг. Наверное, впервые спальня не смогла материализовать предметы из сна. А то возвышалась бы тут гипсовая крыса ростом повыше вымершего зверя мегатерия. Может, дело в том, что приснившийся мир успел во сне погибнуть?

Фигушки он погиб. Не успел. Фома точно помнил: когда сон прервался, от привидевшегося трамвая оставалась еще по меньшей мере крыша с пантографом. Ну и где она наяву? Почему не материализовалась?

Спальня, что ли, сдохла?

От такой мысли Фома вспотел. Без спальни феодеу не жить. С ней — прозябание, зато стабильное. Без нее — прозябание по нисходящей. Когда исчезнет возможность обновить инвентарь, оазисы перестанут досыта кормить и хуторян, не то что феодала. Нескольким лет барахтанья — и финал, голодный и безнадежный. Тогда или жить совсем уж по-звериному, или уходить. И большинство уйдет, протерпев сколько можно. Кто останется? Один Автандил, быть может. Да и ему понадобится уже не феодал, а помощник, хорошо бы с дипломом специалиста по изготовлению деревянных мотыг, сох и прочих палок-копалок...

Мрачные фантазии долго не давали вновь уснуть. А когда Фома все-таки уснул и спустя время проснулся, то увидел выспанное мелкое барахло и долго смеялся радостным хриплым смехом. Вот оно как! Выходит, все дело в жидкой земле, привидевшейся в первом сне. Плоскость не умеет повторять сама себя по прихоти чьего-то разыгравшегося подсознания. Нерешаемая задача — и «процессор» тривиально завис... А может, все она умеет, только не хочет. Это все равно.

Так даже лучше. Мало радости проснуться на островке посреди жидкой земли или в плотном окружении черных провалов. Это здорово, что спальня имеет защиту от дурака!

И защиту для дурака, что более существенно...

Спать больше не хотелось. Собрал в рюкзачок барахлишко, Фома потопал к Автандилу. Вот у кого всегда можно отдохнуть душой! Вот кого никогда не придется «лечить», как Патрика! Кремень мужик. Да и молодое вино первого урожая, поди, уже созрело...

Сколько там могло созреть вина! Слезы. Первый урожай всего-навсего с двух лоз, самых старых, выросших из косточек. Бутылка кислятины наберется, и то ладно. Ведь не алкоголя ради. Если надо напиться, Автандилу только кивни — упоит брагой до зеленых

чертей. Вино — оно не для пьянства, оно для оптимизма.

Жаль, Патрик и остальные еще не скоро попробуют виноградного вина. Пришлось наобещать Патрику лишнего. О, кстати! А не посоветовать ли ему пока поупражняться в пивоварении? Ирландец ведь. Не пивовар, правда, ну и что? Один клин у него так и так под ячменем, так что пуркуа бы и не па? Нет хмеля и негде достать, но обойдется. Древние хмеля не знали, а пиво варили. Надо будет кинуть клич в народ: кто хоть что-нибудь понимает в пивоварении? Ты? Пиши инструкцию! И появится у Патрика новая точка приложения сил, и родится азарт, а мы его раздуем, и обрисуется перспектива...

Фома даже начал насвистывать от удовольствия. Не все так уж плохо! Прорвемся! Будем живы — прорвемся обязательно!

Куда? Глупый вопрос. Важно не «куда», а «откуда».

Длинная лощина с сухим руслом на дне и холмами по обе стороны почти не изменилась за двенадцать с лишним лет, утекших с тех пор, как Фома увидел ее впервые. По этой лощине он вел Борьку с его непутевыми родителями, а до них еще кого-то. Но вообще-то он редко сюда заглядывал — лощина лежала в стороне от привычного маршрута. С прошлого раза лишь кусты сильнее разрослись по склонам, да чаще пищала под ногами жесткая шевелящаяся трава. Добавилась одна незначительная осыпь. Как всегда, дрейфовали ловушки, старые иногда исчезали, появлялись новые. Озерко жидкой земли совсем пропало — не то испарилось, не то ушло в грунт. Бурно налетел горячий, но не слишком обжигающий вихрь, заставил инстинктивно зажмуриться и сейчас же унесся по своим делам. Фома отмахнулся от него, как от комара. Что вихрь! Мелочь.

Он стоял, разинув рот, а прямо перед ним, так

★ близко, что можно было без труда добросить камень, вытекая из правого холма, втекая в левый и грузно провисая над лощиной, ползло черное цилиндрическое тело. Оно походило на невероятно огромную змею, на гладких лоснящихся боках даже угадывалась чешуя, но ритмичные сокращения туловища твари напоминали скорее о червях. Вот, оказывается, кто проделал две приметные круглые пещеры в крутых склонах! Ни разу за все эти годы Фома не удосужился слазить посмотреть, куда ведут эти ходы. Боялся. Осторожничал. Думал о ценности своей персоны для хуторян. Вот как запрет в пещере бродячей ловушкой — что тогда? И Борьку не пустил смотреть. Праздное любопытство не удлиняет жизнь.

А праздное ли?..

А может...

Выход??!

Такой простой? Чертов Экспериментатор построил лабиринт и запустил в него белых крыс. Бегают крысы, вынюхивают, суетятся, и невдомек им, что выход из лабиринта у них на виду, но только вне привычных грызунам представлений...

Уже минут десять Фома стоял столбом, и мысли то текли вяло, то принимались бежать наперегонки. Он мог только гадать о длине титанического змеечервя, потому что не застал его начало. Пожалуй, оно было и к лучшему: голова могла бы проявить интерес к странному двуногому. Но хвост... хвоста Фома твердо решил дожждаться.

Ощутимо вздрагивала земля. Текли минуты. Червь полз и полз, нипочем не желая кончаться. И вдруг кончился столь внезапно, будто его обрубили. Утоньшаться к хвосту он и не подумал. Несколько секунд куцый хвостовой обрубок грузно раскачивался над лощиной, и видно было, что он полый внутри, как труба, но труба живая, с пульсирующими стенками, — затем

он одним движением втянулся в левый холм. Несколько комьев грунта скатились вниз. И все стихло.

— Макаронина, — пробормотал потрясенный феодал, хотя проползшее существо больше напоминало оживший магистральный газопровод.

Когда почва под ногами перестала вздрагивать, он выждал еще минут пять для пущей гарантии и начал карабкаться на левый склон. Это оказалось не самым простым делом, в одном месте пришлось даже долбить ножом ступени в рыхлом песчанике. Низкий свод норы заставил согнуться. Ход просматривался на несколько шагов, а дальше было темно. Туннель вел прямо, без поворотов. Бесхитростный такой туннель... Наверное, дальше он загибался вниз, иначе вышел бы с той стороны холма.

Идти было страшно, а не идти нельзя. И мешкать не стоило. Фома сосчитал до ста, но глаза не успели привыкнуть к темноте. Тогда, шепотом ругая себя за то, что не догадался выпустить фонарик — кто знал, что это не бесполезная вещь? — он нашарил в кармане рюкзачка зажигалку, чиркнул. Дрожащий огонек осветил стены, хорошо отшлифованные чешуйчатым червем. Но куда червь девал породу — жрал, что ли? Но кто жрет, тот гадит, а где оно?..

Недоумок, обозвал себя Фома. Логике тебе захотелось? Логике, а? Нашел где ее искать — на Плоскости! Много было таких искателей, а где они теперь? Иные закопаны, а иные и не найдены...

Он отсчитал пятьдесят шагов, прежде чем заметил впереди что-то большое. Разогревшееся колесико зажигалки жгло палец. Фома не обращал внимания. Кто хоть раз попадал в горячий вихрь или касался жидкой земли, тот знает, что такое настоящая боль.

А еще через несколько шагов он стоял перед тупиком. Проложенный червем туннель уперся в ровную шершавую стену. Фома в изумлении осмотрел ее. Рискнул дотронуться. Поскреб ножом и определил: тот

же песчаник. Тщетно поискал хоть какую-нибудь щель, в которую мог бы просочиться червь. Постучал там и сям рукояткой ножа и по звуку понял: скала. Сотни метров сплошной скалы.

Да, но червь-то куда девался? Не привиделся же!

Дематериализовался? Телепортировал? Усох до микроскопичности?

Или все-таки привиделся?

Фома погасил зажигалку и, пригибаясь, побежал назад. Можно было догадаться, что нора в правом холме кончается таким же тупиком и что непонятное и пугающее порождение Плоскости явилось ниоткуда и ушло в никуда, но верить в это не хотелось. Пришлось удостовериться. Правый туннель упирался в точно такую же стену. И снова Фома царапал стену, и снова бежал из норы на волю, не желая попасть в мышеловку. А потом он сидел на камне, обняв руками голову, мыча и раскачиваясь.

Ему еще предстояло успокоить себя древней банальной истиной: отрицательный результат эксперимента — тоже результат. Очень скоро он так и сделал. Ничего другого ему и не оставалось. Но до того времени он страдал так, как, наверное, страдает от жгучей обиды ребенок, которого поманили конфеткой, а вручили пустой фантик. Да еще и отвесили подзатыльник ни за что ни про что.

— Заходи, гость дорогой! Мой дом — твой дом. Кушать будем.

— А вино? — спросил Фома, сглотнув всухую.

— Конечно! Будем вино пить. Да.

Пропустив вперед дорогого гостя, Автандил боком, как краб, пролез внутрь хижины и сейчас же захопотал, собирая на стол, потев и отдуваясь. Стол был прежний, низкий и шаткий, сколоченный из прямых жердей. Скатерти на столе не было.

— Куда скатерть-то дел? — полюбопытствовал Фома. — Уже рассыпалась?

— Прости, дорогой, грязная она. Да. Стирать буду.

— А другая?

— Тоже. Ты садись, дорогой. Всегда тебе рад. Бинтов принес, да?

— Есть бинты, — кивнул Фома и сел на служивший табуретом камень, сбросив с плеч рюкзачок и с наслаждением потягиваясь. — В упаковках даже. Аж пять штук. Потом отдам, напомни. Написано, что стерильные, а как на самом деле — хрен разберет. Да, а что ты с ними делаешь, с бинтами? Лозы, что ли, подвязываешь?

— Лозы, да, — сообщил Автандил, отчего-то насупившись.

Фома с сомнением поглядел на него и сделал вид, что поверил. Уже не раз Автандил просил его принести перевязочный материал. Просил и пузырек йоду, но йод Фома не сумел выпасть. Положим, бинты для подвязывания виноградных лоз сошли бы любые... ха, да они и так стерильные: нельзя ведь выпасть живую бациллу, разве что безвредно-гипсовую... Фома подозревал, что сгодились бы и простые веревки. А может, они вообще не нужны? Память неуверенно подсказывала: винограду нужны столбы и проволоки. Тем более зачем винограду йод? Ох, темнит Автандил...

— Как бритва? — спросил Фома, критически осматривая седую щетину на подбородке хуторянина. С недавних пор Автандил брил бороду и попросил Фому выпасть ему станок с пачкой лезвий. Выполнить пожелание в точности феодалу не удалось: на свет появилась опасная бритва — следствие кошмарного сна с расчлененкой. И еще когти а-ля Фреди Крюгер. Фома хотел их выбросить, но, подумав, завернул в тряпицу и спрятал на дне рюкзачка. Никогда не знаешь, на что сгодится долговечная мелочь.

— Хорошая бритва. Острая. Да.

Фома не стал спрашивать, отчего же Автандил редко бреется, раз бритва хорошая. Только сейчас он заметил, насколько Автандил состарился за последнее время — и не бодрой старостью горца. Ссутулился, обрюзг... И еще было видно: перестал следить за чистотой. В щели импровизированной столешницы набился мелкий мусор, там и сям красовались какие-то неаппетитные пятна. Трудно, что ли, взять нож и соскрести?

Наверное, трудно.

На столе мало-помалу появлялась снедь. Было явление и розовое вино, заключенное в бутылку из-под пепси. Фома свинтил крышку, понюхал. Издал мычание, сглотнул слюну. Н-да... Молодое вино, кто спорит. Судя по запаху, терпкое и очень кислое, но каким же ему еще быть? И все же тут было что-то не то и не так...

Не в вине.

В Автандиле.

Снаружи послышался странный звук — будто птица захлопала крыльями. Фома заморгал. Потом уронил челюсть. На утоптанном грунте в дверном проеме обозначилась ворона. Серая. Настороженно присев, шевелила блестящей бусиной глаза, готовая мгновенно сорваться с места, если что не так.

— Это Нана, — произнес Автандил.

— Откуда?

— Прилетела. Да. Она хорошая. Все понимает.

Фома с сомнением перевел взгляд с Автандила опять на ворону. Сама прилетела? То есть была занесена на Плоскость с Земли? Теоретически — возможно. Практически — первый случай.

А жаль, что не курица или индюшка...

— Дрессируешь, что ли?

— Зачем дрессирую? Просто дружу. Да.

— Давно прилетела твоя подружка?

— Слушай, откуда я знаю? Может, месяц, может, два...

— А почему я ее в прошлый раз не видел?

— Слушай, откуда знаю? Она летает. Птица, да?

— А почему ты мне о ней ничего не говорил?

— Забыл. Точно, забыл, да. Совсем старый стал, не помню.

— Ну ладно, — примирительно сказал Фома. — Прибежит в следующий раз страус — ты уж мне скажи, не забудь.

Ворона протяжно каркнула. Похоже, ей очень хотелось в хижину, но смущал посторонний человек. Она еще не знала, как к нему относиться.

— Жрать хочет, — определил Фома. — Давай дадим ей чего-нибудь. Лепешки у тебя есть?

Лепешки нашлись, правда, те еще. Вроде подметок. Фома не без усилий отломил кусочек, продемонстрировал насторожившейся птице:

— Хочешь? Эй, Каркуша! Как тебя? Кагги-Карр! Чудо в перьях!

— Нана, — сказал Автандил с заметным упреком.

— Что?

— Ее зовут Нана.

— Эй, Нана, лови!

Ворона заскакала боком, но не смылась — Фома метнул аккуратнo. Медленно и очень недоверчиво ворона подошла к подачке. Ключнула разок и потеряла интерес. Каркнула.

— Она у тебя что, заелась? — спросил Фома.

— Зачем заелась? Не привыкла к тебе, да. Привыкнет.

— Да ведь я скоро пойду, когда ей привыкать?

— Потом привыкнет, — ответил Автандил.

Фома внимательно смотрел на него, не показывая, однако, виду. Впервые Автандил не стал уговаривать

гостя остаться погостить подольше. Что-то совсем новенькое в его репертуаре.

А уж не превратить в торжественное действо дегустацию первого в феоде вина, не спеть по такому случаю на два голоса — совсем из ряда вон!

Нет, Автандил говорил-таки какие-то слова, разливая вино по пиалам, и сказал коротенький, совсем не грузинский тост, но все это было не то. Чем дальше, тем сильнее ощущалась натянутость. В таких случаях говорят: «Дорогие гости, а не надоели ли вам хозяева?»

Вино осталось недопитым. Дожевывая резиновую лепешку, Фома встал из-за стола, сделал ручкой на прощанье — пока, мол.

— Спасибо за вино.

Очень недовольная ворона Нана взлетела на крышу хижины и принялась хрипло каркать. Будто ругалась.

Автандил не удерживал гостя, но вызвался проводить и проводил. Аж до границы оазиса. Потом еще торчал на этой границе и смотрел вслед. Фома спиной чувствовал его настороженный взгляд.

«Смотри, смотри... К Джорджу иду, видишь?»

Отсчитав триста шагов, он обернулся. Автандил уже топал по направлению к своему жилищу. Фома резко изменил направление, уходя за ближайший холм. Когда хижина и ее хозяин скрылись из виду, он на карачках достиг гребня, упал и нашарил бинокль в сброшенном с плеч рюкзаке. В самые глаза уперлась сложенная из разнокалиберных камней стена хибары. Глиняная связка местами крошилась, и хозяин не озаботился поправить. Как молодой все равно... Да только с молодыми проще: сделал лодырю внушение раз, сделал другой, на третий пригрозил выгнать из оазиса — и глядишь, дошло до родимого. Почему это «кто не работает, тот не ест»? Ешь, пожалуйста. Только вне оазиса. Что найдешь, то твое. А плантацию на

дармовщинку не трожь, не то будешь объявлен саранчой со всеми вытекающими... Не понял? Щас объясню...

И объяснял. Много чаще, чем хотелось.

Как правило — с успехом.

Молодые ведь в большинстве не ленивые, а только беспечные и много о себе понимают. Это проходит. Бывает, конечно, клиника...

Фома не любил вспоминать о тех, кого и вправду пришлось в конце концов вытурить, но сейчас вспомнил. Два случая за все время. Оба раза — молодые парни, самовлюбленные наглые идиоты. Один сам ушел, гордо задрав нос, а второго пришлось избить до икоты и гнать из оазиса пинками. Оба сгинули неизвестно где. Не было возможности даже сплавить дармоедов соседу — на кой ляд соседям человеческий мусор? Им не мусор нужен, а прибавочный продукт.

И это правильно. Чтобы жили хуторяне, феодалу тоже нужно жить, собирая десятину и заботясь о ее увеличении. Но люди все равно недолговечны, чего не скажешь об оазисах. Люди — те же эфемеры, даром что не распадаются в ничто после истечения срока существования, а худо-бедно образуют новый геологический слой. Оазис — вот основа жизни. Со временем он пригодится другим людям. Так будет всегда, пока точки выброса извергают новичков. Лучше уж пустой, неухоженный оазис, чем населенный дармоедами, раздыми только жрать и портить... Дешевле обходится.

Автандил брел к хижине. Ворона Нана слетела с крыши и уселась ему на плечо. Картина выглядела идиллически.

Фома замер, чтобы не выдать себя движением. Как многие пожилые люди, Автандил был дальнотзорким. В кои-то веки пришлось порадоваться вечному отсутствию солнца. Блики на линзах, пусть и просветленных, могли бы выдать наблюдателя с головой.

★ Перед входом в жилище Автандил остановился. Оглянулся — как показалось Фома, воровато. Словно нашкодивший мальчишка. Удивился, не обнаружив вдали удаляющейся фигуры, и долго высматривал феодала. Не высмотрел. Было видно, как он нерешительно переминается с ноги на ногу и как наглая ворона щиплет его за ухо. Наконец Автандил вошел в хижину. Надо думать, решил, что феодал скрылся за холмом. Правильно, в общем, решил...

Фома побежал. Граница оазиса проходила в какой-нибудь полусотне шагов впереди, и ловушек на пути не было, а подлянка в виде морозного вихря — не в счет. Сразу же начались поля — сжатые, с колючей неровной стерней. На ближних подступах к хижине феодал сменил аллюр на крадущиеся скользкие шаги. Ощутил сыскной азарт. Он намеревался застукать хуторянина за чем-то недозволенным и, вероятнее всего, постыдным. Ладно, все мы люди... Если ничего страшного — убедиться и незаметно уйти. Да, а при чем тут ворона?.. Была бы коза — все стало бы ясно, и смотреть нечего. Дело житейское.

Фома осторожно перевел дух. Шум дыхания мог выдать. Равно и звук шагов. Хорошо, что кроссовки старые, разношенные, мягкие. Скоро им конец, но пусть пока послужат.

Внутри хижины что-то происходило. Грузно шевелился хозяин, кряхтел, двигал какие-то предметы. Каркнула ворона — настойчиво, требовательно. Пробубнил что-то Автандил. Потом он негромко простонал и забормотал громче. Похоже, ругался по-грузински. Затем вдруг заговорил очень ласково, но тоже непонятно. Опять застонал и даже зашипел. Громко затрещала разрываемая бумага — упаковка бинта, не иначе. Никакая другая бумага так не трещит.

Не дыша, Фома прокрался к двери. Единственный из всех, Автандил оборудовал свою хижину не занавеской в дверном проеме, а настоящей дверью — свя-

занным из жердей щитом на кожаных петлях. Дверь была прикрыта.

Нет ничего легче, чем обнаружить соглядатая, если ты во тьме, а он на свету. К тому же шпиону требуется время, чтобы глаза привыкли в темноте. Прилипая глазом к щели, Фома надеялся лишь на то, что Автандил слишком занят, чтобы поминутно бросать опасливые взгляды на дверь.

Он не ошибся. Автандил в самом деле был занят.

И был застигнут с поличным.

Фома не стал давать двери пинка. Он просто открыл ее и вошел.

Автандил кормил ворону с ладони. Был он гол по пояс, сидел к двери спиной и не пожелал повернуться. Фома лишь скользнул взглядом по его огромной спине, густо поросшей седым волосом, и вперился в то, что лежало на столе.

Свежеразорванная пачка бинтов. И много старых бинтов с обильными следами запекшейся крови. И бритва с лезвием, испачканным не старой кровью, а очень даже свежей.

Ворона Нана живо проглотила что-то красное и бочком-бочком запрыгала к дальнему краю стола. Левой рукой Автандил бесцельно зашарил по столешнице. Правая была прижата к животу.

— Так, — с ядом произнес Фома. — Кормим, значит, птичку? Своим мясом? Или что там у тебя на брюхе? Сало? Талию, значит, решил себе организовать?

Автандил дернулся, угрюмо засопел и ничего не ответил.

— А ну, покажи!

На мгновение Фоме почудилось, что Автандил вот-вот бросится на него с бритвой или без. Огромный и, несмотря на возраст, могучий, он в тесноте хижины имел бы кое-какие шансы даже против феодала. Но

Автандил не бросился. Автандил даже отнял от живота руку с марлевым тампоном, сам отогнул клочок кожи и позволил осмотреть рану.

— Додумался, блин! Умник! Не дергайся, дай хоть перевяжу...

Сопя и злясь, Фома разорвал зубами еще одну пачку с бинтом, начал перевязку. Ворона слетела на пол и негодуяще каркнула.

— У-у, тварь! Пшла! Ни хрена тебе больше не обломится! А ты что, — напустился он на Автандила, — идиот? Или перегрелся?

Молчание.

— Хлеба ей мало, что ли? Пусть бы жрала.

Молчание.

— Мяса ей, да? Есть мясо. Лапками мог бы ее кормить! Многоножками!

— Она не любит, — глухо пробубнил бинтуемый Автандил.

— А ты любишь, когда от тебя кусочки отрезают всяким тварям на прокорм? А?

— Так ведь я сам, да. Так легче. А Нана... все ж живое существо. Оттуда. Да. Я от души.

— От брюха, а не от души! Маньяк-саморасчленитель! Молчи уж!..

Автандил покорно замолчал. Глаза его потухли, и не было в них огня безумия — одна бездонная пустота. Зато ворона в панике заметалась по хижине, каркая и роняя помет. Фома уже ругался во всю силу легких. Хотелось какого-нибудь действия, яростного и безоглядного, вроде простонародной драки. На глазах пропадали лучшие люди. Один в депрессию впал, и не поймешь, удалось ли его на самом деле из депрессии вытащить, у другого явно крыша поехала... А причина проста, как гипсовая рыба: устали жить. Оба. Патрик и Автандил.

И только ли они?

— Да что вы, — в отчаянии крикнул Фома, грохнув кулаком по столу с такой силой, что с треском переломил одну из жердей, — сговорились все, что ли?!

ГЛАВА 4

Оазис, где жил Николай, живо заставлял вспомнить поговорку «в семье не без урода». Большой, почти идеально круглый, он был отдан во власть ветрам. Стоило путнику переступить невидимую черту, как его едва не валило с ног. Штормовой ветер без устали гнал сам себя по кругу, по часовой стрелке. На полпути к центру оазиса он стихал до умеренного. Тут начинались нивы, частью сжатые, а частью колоссящиеся, и бежали по хлебам вечные волны. Хибара хуторянина стояла точно в центре, где всегда царил штиль. Близ хижины одиноко торчало дерево, якобы апельсиновое, но на памяти Фомы ни разу не плодоносившее. Кустов — и тех не было. Николай топил очаг соломенными жгутами.

На границе оазиса ворону сразу сдуло, как ни цеплялась она за плечо Автандила. Каркнула и понеслась, уменьшаясь в точку. Автандил заозирался было, но тут ему стало не до того. Да и феодал тащил. Пригибаясь, путники миновали ураганную полосу. Не прошло и минуты, как вернулась ворона, взъерошенная и сильно недовольная. Два пера на ее правом крыле стояли торчком.

— Иди, иди, — подтолкнул Фома Автандила. — Она от тебя не отстанет. Ты для нее продуктовый склад. Прометей хренов.

— А... — беспомощно оглядываясь, начал Автандил.

— Иди, сказано! Я тебе обещал, что пальцем ее не трону? Обещал? Ну и иди. Обратно пойдем — в тряпку ее замотаем и так вынесем. Ничего с твоей Наной не случится.

— Ты ее не убьешь, да?

— Сказано тебе: нет. Если будешь меня слушать.

— Ты ее не убивай, — попросил Автандил. — Не надо. Что нужно — все сделаю. Не убивай.

— Тогда топай вперед.

Николая нашли в хижине. Он обстругивал ножом дыры, стараясь довести его до кондиции удобного черенка для лопаты, и счастливым не выглядел. А впрочем, едва ли найдется такой ненормальный, кому понравится перспектива вручную вскопать хотя бы пару гектаров. По разумению любого россиянина, на то есть трактора или хотя бы лошади. Умный россиянин сумеет приспособить к пахоте хоть чукотских лаек, хоть индийских слонов.

Но копать самому?!

А куда денешься? Жить захочешь — будешь копать. И боронить. И разбрасывать по полю компост. Затем вспомнишь, как сеют вручную, из лукошка. И жать придется вручную, и молотить, и веять, и так далее.

Зато никто не заставит носить на рожке счастливое выражение и угождать. Можешь вынуть из кармана фигу и гордо ее демонстрировать — ни на кого она не произведет ни малейшего впечатления. Полная свобода самовыражения. Феодал только хмыкнет, понимая: разрядка нужна человеку.

С точки зрения Фомы, Николай был ничего экзemplяр. Не ахти, но с элементарным понятием. Кроме того, его оазис лежал к востоку от оазиса Автандила. Самое то.

Перед Автандилом, чтобы не скучал, поставили пиалу браги, предварительно убрав из пределов досягаемости все режущие предметы. Хозяина Фома вывел на вольный воздух.

— Вот ведь, петух ты затопчи, — огорчился Нико-

лай, узнав подробности. — Что делать-то с ним теперь?

— К Бао отведем. Это сосед, китаец. Собирайся, ты мне нужен. Один я не управлюсь, а втроем мы везде пройдем.

— Ага, ага, — понятиливо закивал Николай. — Хорошенькое дело... Стало быть, ты впереди идешь, дорогу разведываешь, а я этого кабана на себе пружу?

— Не прешь, а заговариваешь ему зубы. Поди потаскай такого. На своих двоих пойдет. Лишнего только не болтай — незачем ему знать, куда мы идем. Ты его расспрашивай больше: про горы, про виноград, про вино. Спеть попроси. Так и дойдем.

Сдвинув на нос вечную свою кепчонку, Николай озадаченно почесал редкую макушку.

— Ну ладно... Сделаем. Слышь, бугор, ты имей в виду, это я только для тебя. Попросил бы меня кто другой — во ему!.. Да, а ворона нам на хрена?

— Ворона сама по себе, — объяснил Фома. — Сядет на плечо — не гони, хоть бы и нагадила. Автандил без нее жить не может.

— Юннат, бляха-муха. — Николай сплюнул. — А почему к китайцу? Твоему соседу что, психи нужны?

— Знаешь дурилку? — спросил Фома.

— Ты рассказывал.

— Ну так слушай дальше: дурилки — редкость. У меня одна, у Люкера тоже одна, а у Магнуссона или, к примеру, Шредера их вообще нет. У Бао тоже. Зато есть у него одно место... странное, короче, место. Надо думать, совсем редкое. Оно не делает человека ни умнее, ни глупее. Оно просто меняет его личность. Вошел одним человеком — вышел другим. Память осталась, а темперамент, мысли и прочее «я» — уже иное.

— Обменник, — сказал Николай и хрюкнул.

— Что?.. А, ну да, можно и так назвать. Пусть будет обменник. Наверное, Бао им пользуется, водит ту-

да кое-кого. Для перевоспитания. А то почему от него к соседям почти никто не приходит на переселение? Потому что китаец?

— Стало быть, если человек жмот и тварь, то обменник из него ангела сделает, так, что ли?

— Не так. Шредер говорит, нельзя заранее угадать, что получится. Одно ясно — из обменника выйдет другой человек. Какой — неизвестно.

Николай состроил недоверчивую рожу. Какой русский мужик поверит просто так? Начальство, по его мнению, для того и существует, чтобы пудрить народу мозги. С ним, начальством, держи ухо востро. Хотя все равно обманет — не в том, так в этом.

— Ладно — Шредер... Он-то откуда знает? Такой же хрен с бугра, как и ты...

— Информация просачивается. Где именно — вопрос второй.

— А Бао твой что говорит?

— А ничего он не говорит, — сознался Фома. — Зачем ему такое чудо рекламировать? Я бы на его месте тоже помалкивал. До поры. А потом драл бы нещадно с желающих попользоваться... — Он вздохнул. — Но Автандил того стоит.

— Бляха-муха! Там твоему грузину мозги вправят, что ли?

— Он сам себе их вправит. Надеюсь. Изменится характер — изменится мотивация. Мозги перенастроятся, мысли пойдут иным путем. Разомкнется цикл. Отчего люди с ума сходят? Я не психиатр, но, думаю, оттого, что мышление у них закликивается на одном и том же. Решит он после обменника свои проблемы или отбросит их — мне до лампочки. Мне Автандил нужен.

— А он тогда будет уже не Автандил, петух его затопчи, — резонно возразил Николай.

Фома вздохнул.

— Сам знаю... А что делать? Надо рискнуть. Гибнет человек.

— Ага. Гибнет. А я тут, скажешь, не гибну?

Николай удачно сменил тему. Главное, вовремя. Чувал, что уж теперь-то его претензия сменить место жительства будет наконец услышана.

— Плохой разве оазис? — Фома изобразил непонимание.

— Да чего в нем хорошего? — поразился Николай. — Сам глянь. Не растет же ни фига.

— Работать надо, тогда и вырастет.

— Ага! А ветер этот гадский? А зеленый металл?

— Где ты его видел? — сейчас же спросил Фома.

— Где, где... На огороде. Копнул лопатой — приходи кума любоваться. Во-от такенная глыбина.

— Ну а ты что?

— Закопал, конечно, сразу. И место огородил. Дурной я, что ли? Он же радиоактивный на фиг!

Фома только кивнул в ответ. Зеленый металл встречался на Плоскости редко, обычно в виде крохотных блесток. Давным-давно Нсуэ показал Фоме один овражек, где, изумрудно блестя, лежал изумительной красоты самородок величиной с кулак, и предостерег: не лезь, в руки не бери и близко не подходи, опасно. Почему опасно, бушмен не сумел толком объяснить, а байку о радиоактивности Фома услышал много позже, от Перонелли, кажется. На самом деле никакой радиоактивности в зеленом металле не было и в помине, если только не врал выпанный дозиметр. Зато было в нем что-то еще, какая-то неприятная эманация, весьма не полезная для здоровья. Не зря ведь потом прицепилась к Фоме непонятная хворь и целый месяц мучила приступами слабости.

— Ну, «зеленка» — ладно... Подумаю. А ветер ты мог бы приспособить для дела. Построил бы ветряную

мельницу. А то и дождевальную установку... на парусах. Не по силам, что ли?

— Ага, построил бы, — обиделся Николай. — Из чего?

— Была бы охота, а материалы найдутся. Я бы помог. Что, руки не из того места растут?

— Да ты... — задохнулся Николай. — Да я в совхозе двадцать лет на тракторе отышачил, бляха-муха! Комбайн знаю. Иномарки дачникам чинил. Руки! Во сказанул, петух ты затопчи! Да мои руки...

Со всяким другим он без разговоров полез бы в драку. Пробовал было и с Фомой — в первый день знакомства. В тот же день схватил суть: начальство имеется и здесь. Везде, петух ты затопчи, оно есть, где больше одного человека. Закон природы.

Фома, по его мнению, был бугром с понятием. Хоть и городской, за версту видно, но не сука. Что странно. И в морду без дела не тычет.

— Что ишачил — верю, — ухмыльнулся Фома, не дослушав версию Николая об уникальном качестве его рук. — Все ишачат, вот только работать никто не умеет. Ну, переселю тебя в другое место — ты там стахановцем станешь? А может, Кулибиным?

— А чё, может, и стану! Какие мои годы.

— Рассказывай сказки. Ладно, уговорил: устрою тебе перевод внутри корпорации.

Смысла фразы Николай не осилил. Поморгал в ответ, отпустил несколько междометий, поразительно похожих на матюки, и замолк озадаченно.

— Я говорю: поможешь с Автандилом — будет тебе другой оазис, — пояснил Фома. — Только учти: идеальных мест и на Земле не бывает, а уж на Плоскости... Гляди не пожалей потом.

— Ха, бляха-муха, а чего мне жалеть-то? Когда выходим?

— Как только соберешься. Барахло не бери, захва-

тим на обратном пути. А воды возьми побольше. Давай, не тяни.

Николая ветром сдуло. Надо думать, жить внутри ветрового волчка и впрямь надоело ему до чертиков. А в прежней жизни он был калужский, Мещевского района механизатор, пользовался на селе уважением как мозговитый и малопьющий и за всю жизнь только однажды погнался за женой с топором, да не с большим, боже упаси, не с тем, каким колол дрова, а с крохотным, приватизированным у каких-то туристов топориком, за что получил от односельчан ехидную кличку Чингачгук.

На сборы ему хватило трех минут.

Шли нехоженой тропой.

Формально она была, конечно, хоженной. И даже не раз. Но если забросил маршрут хотя бы год — все забудь и начинай заново, держа в памяти лишь относительно неизменные ориентиры: скальные выходы, холмы, овраги. Год — большой срок. А Фома в последний раз ходил здесь не год назад, а все три. В принципе, к давным-давно оговоренному месту на границе владений Фомы и Бао Шэнжюя вел куда более удобный путь. Беда, что начинался он в оазисе феодала. Добраться туда означало сделать огромный крюк.

Фома рисковал. Как всегда — умеренно и расчетливо. Давно прошли времена, когда, едва ставши феодалом после ухода и несомненной гибели Нсуэ, он так и лез в самое пекло, рыча: «Раб я вам, да? Хрен!.. Утрите! Я феодал, я тут главный! Я сам для себя! Что захочу с собой сделать, то и сделаю!..»

Как жив остался — непонятно. Но уяснил накрепко: нет на Плоскости свободы ни для хуторянина, ни для феодала. Только необходимость. Тесная. Душащая. Страшная. Тиски, из которых можно выскочить, лишь перестав существовать.

Над песками колебалось марево. Справа объявился вдруг вихрь — не вихрь, а так, неопознанное зыбкое не пойми что, медленно колеблющееся, мелко дрожащее, гудящее по-шмелиному, и все это одновременно. Грунт под ним просел, будто выведенный, в яму заструился песок.

Фома и ухом не повел — далеко, не страшно. Хотя это что-то новенькое... Но стоит на месте, не растет, за людьми не гоняется, и на том спасибо. Мало ли новенького. Как там было сказано: природа имеет — или умеет? — много гитик. А природа Плоскости — втройне. Георгий Сергеевич, правда, не устает повторять, что та, реальная человеческая Вселенная с ее нормальным Солнцем и нормальной планетой Земля, ничуть не менее удивительна, чем Плоскость, просто у человечества было время к ней приспособиться. Может быть, может быть... Да как, твою мать, приспособишься к Плоскости, когда каждый второй новичок погибает здесь в течение года, когда на прожившего пятнадцать лет смотрят как на аксакала, а на прожившего двадцать — как на чудо заморское? И заняты все не тем. Нет тех, кто систематизировал бы местные чудеса и анализировал результаты наблюдений, нет надежной связи, обмена знаниями, нет, как говорит Георгий Сергеевич, единого информационного пространства. Поди приспособься! Некогда приспособливаться, выжить надо.

Одним глазом косясь на медленно улывающее назад жужжащее новообразование, а другим зорко выискивая малейшие признаки ловушек впереди себя, он даже нашел возможность подивиться парадоксу. Отшагал еще немного и понял: парадокса нет. Есть плохая приспособленность и негарантированное выживание мелких групп. Какова причина, таково и следствие. Плоскость отнимает у человека стратегию, заставляя его бросить все внимание и все силы на тактику. На элементарную тактику. И лучшие тактики —

феодалы — считают это правильным и убеждают в том других...

Тьфу.

Обошли озеро жидкой земли. Почему-то его поверхность была не бурой, как обычно, а глянцево-черной, вроде нефти. Никакого запаха не чувствовалось, но все равно пришлось бороться с мальчишеским желанием бросить в озеро горящую спичку и посмотреть, что будет.

И Фома, конечно, поборол это желание. Ненужное — не нужно. Подумал о Борьке. Ученик феодала, несомненно, не стал бы бороться искушение. Мало его били по рукам.

Сбоку налетел вихрь, крохотный, но обжигающе горячий, заставил упасть лицом в песок. Фома и думать не думал об авторитете «бугра» и феодала. Обожжет морду — то-то славный будет авторитет! Николай перестал болтать с Автандилом, приблизился с опаской.

— Что?..

— Обошлось, — буркнул Фома, стряхивая с себя песок.

Ворона сорвалась с плеча Автандила и запрыгала впереди, косясь на людей внимательным глазом. Вероятно, прикидывала, насколько увеличился ее пищевой ресурс.

— Сгинь! — Николай нагнулся, делая вид, будто подбирает камень. — Людоедка!

Каркнув, ворона замолотила крыльями и вновь оказалась у Автандила на плече. Здесь она чувствовала себя в безопасности.

— Пошли, — сказал Фома. — Тем же порядком. Увидишь впредь, что я остановился, — сам стой. И вообще не наступай на пятки.

— Далеко еще? — спросил Николай.

— Вон до тех холмов. Там граница. Считай, полпути прошли.

— Уже? Так просто? — с виду простодушно, а на самом деле с хитрецей подивился Николай. — Да я бы тут и сам прошел, ей-ей.

— Ага, прошел бы... — проворчал Фома. — Один раз, может, и прошел бы. Даже то, что у нас впереди. А сто раз?

— И сто раз пройду. Мне бы только малость подучиться...

— Ого, еще один в ученики набивается, — зевнул Фома. — Остынь, дядя. Вакансий нет.

— Да ты чё, петух ты затопчи? Не, без дураков, я смог бы...

— Не смог бы, — отрезал Фома. — В том-то и дело. Я вижу. Да и охота тебе вечно слоняться? Сиди лучше в оазисе, хлеб расти. И детей. Я тебе женщину приведу. Слово.

— Когда? — сейчас же заинтересовался Николай.

— Как только, так сразу.

— Слышь! Ты хорошую приведи, — донеслось уже сзади.

Хорошую ему... А какая, по его мнению, хорошая? Рабочая лошадь? Или сексапилочка вроде Бриджит?

«Может, отдать ему Бриджит?» — мелькнула не-серьезная мысль.

И сейчас же из головы вылетели все мысли. Началось то, что Фома давным-давно называл вернисажем ловушек. Мелькнуло лишь удивление: надо же, почти ничего с прошлого раза не изменилось... «Горячая» земля с целым выводком черных провалов, спрятанных в языках холодного пламени. Сразу три блуждающих облачка белого тумана. Одна из двух оставшихся завес, отжимающая путников к танцующему песку. Чертова уйма мелких положительных гравияномалий, а значит, где-то рядом — инверсия. Лужа жидкой зем-

ли, на сей раз нормального цвета, но почему-то кипящая... Все это было знакомо, вот только дорогу теперь приходилось прокладывать заново. Черта лысого Николай прошел бы тут в одиночку. В лучшем случае — испугался бы и двинул в обход, а обходы тут тоже медом не намазаны...

Иногда Фома улучал момент, чтобы обернуться. Гримасничая и жестикулируя, требовал не отставать, орал и матерился. Николай и Автандил ничего, вели себя как надо. Ворона топорщила перья и хрипло орала, не покидая, однако, Автандилова плеча. Сообразительная тварь.

Он хотел было крикнуть Николаю, что ворону надо беречь пуще глаза, но полоса ловушек уже заканчивалась. И правда — обошлось. Фома шумно выдохнул. Прошли. Николай выглядел испуганным, но не до мертвенного ужаса. Отводил душу, бормоча под нос ненормативные идиомы. Толковый мужик, хоть и лодырь. Зато не тупой: про ворону он и сам все понял. Лишь одно движет Автандилом — угроза любимому созданию. Феодал не шутит. Феодал вооружен и бессердечен. Феодал отлично стреляет, а любимая птица — большая мишень. Не колибри.

Лишь на этой веревочке можно водить свихнувшегося хуторянина. Сгинет ворона в ловушке — и неизвестно, какие фортели начнет тогда выкидывать Автандил. Известно только, что хорошего не жди.

И сейчас же Фома зашипел, как дырявый шланг, потому что напоролся бровью на летающую нить. Словно наотмашь полоснули бритвой. Кровь сразу залила лицо. Фома зашарил в карманах в поисках последнего обрывка бинта. Был же... А, вот он! Обрывок он порвал пополам, одну половину превратил в тампон, а другую — в повязку. Оттолкнув взглядом Николая, сунувшегося помочь, сам завязал узел на затылке. Сойдет. Неприятно — но чепуха. Главное, глаза целы. О слепых феодалах на Плоскости никто не слышал.

— На пирата похож, — прокомментировал Николай.

Фома только сделал ему знак: иди, мол, сзади. Прежним порядком.

Ничего серьезного не встретилось до самых холмов. Фома помнил, что где-то тут был участок, бьющий из-под земли синими молниями, но ничего не случилось. Скисла подземная батарейка. И на здоровье. Всем бы ловушкам окочуриться тем же манером, никто бы не пожалел...

Подянки, разумеется, никуда не делись. Но их можно было терпеть.

— Это и есть граница? — полюбопытствовал Николай на вершине очень пологого, удобного для бегства в любую сторону холма.

— Она самая. — Фома, присев, копался в рюкзачке. Вынул дымовую шашку, посплюнул палец и остался доволен безветрием. — Тебе пограничный столб нужен? Нам с Бао — нет. Располагайся, отдыхай. Ждать будем долго.

— Далеко зашли, да, — сказал вдруг Автандил.

— А ты присядь, — приветливо отозвался Фома. — Водички попей. Пить небось хочешь? Перекусить можно. А то ляг поспи. Нам спешить некуда.

Автандил послушно сел. Противно запищала под ним жесткая трава, пугающая поначалу всех, но не опасная. Эндемик хренов.

Ворона прыгнула на грунт и деловито зашагала меж пучков травы. Наверное, искала червей или иной корм. Остынь, птичка, тут тебе не пригородная свалка...

— А не улетит? — озабоченно спросил Николай.

— Не улетит, — сказал Фома. — Она не дура. Кто еще своим салом кормить ее будет? Не ты ли?

— Сам корми! — обиделся Николай.

Фома ничего не ответил. Вслед за дымовой шашкой из рюкзачка явился складной таганок и пригорш-

ня кубиков сухого спирта. Феодал сам наломал веток с одиноко растущего на склоне куста, развел под таганком невеликий костерок. Запалил шашку и уложил ее на таганок.

— Тяга, — объяснил он Николаю. — Дым от шашки понизу стелется, а мне надо, чтобы вверх шел.

— А, так это никак сигнал? — прозрел Николай.

— Он самый.

— А заметят?

— Конечно. У Бао это дело хорошо поставлено. Заметят и дальше передадут.

— А у нас почему так не поставлено? — допытывался Николай.

Фома тяжело посмотрел на него и ничего не сказал.

Выспанная, эфемерная шашка исправно извергала эфемерный дым. Он стоял над холмом гигантским куполом, вроде Тадж-Махала, медленно оседал с периферии и стекал в низину. Кашлялось от него совсем не эфемерно, а по-настоящему. Пришлось временно перебраться на вершину соседнего холма. Ворона Нана тоже, видно, вдохнула дыма и закружилась в небе с протестующими воплями. Попад на высоте в неведомую подянку — сорвалась вниз, беспорядочно кувыркаясь, и не убилась только чудом. В руках Автандила комок перьев ожил, нагадил на ласковую ладонь и изругал всех по-вороньи.

В положенное время шашка выдохлась. Прогорел и костерок. Дымовой купол начал оседать, неведомо откуда взявшийся ветерок растрепал его края и вытянул дымный хвост к северу. А еще было видно, как на периферии купола дым собирается в двухвостую спираль и втягивается непонятно во что. В пустоту. Может, на высоте тоже есть черные провалы?

Век живи, век учись.

Хотя не век, конечно. Гораздо меньше. И все рав-

но никто не может сказать, что знает Плоскость хотя бы наполовину. А если кто скажет, с ним сразу все ясно: неумное трепло. Плоскость неисчерпаема, в этом все дело. Тот же Бао как-то раз непривычно разоткровенничался, и Фома без особого удивления узнал, что в феоде Бао испокон веку жили китайцы, и с удивлением — что шесть или семь поколений феодалов на протяжении последних лет ста, если не больше, вели подробные записи о местных феноменах. И сам Бао признался, что тоже продолжает традицию. Правда, он же с большим сожалением признался в другом: судя по старым записям, сто лет назад Плоскость была совершенно иной. Ну, почти совершенно... Кое-какие известные ловушки существовали и тогда. Зато существовало кое-что другое, чего нет сейчас, и великое счастье, что нет.

В целом — счет, наверное, равный. Век назад жизнь не была медом, и сейчас она не мед. Что в лоб, что по лбу. А хрен, как известно, редьки не слаще. Жить без опаски Плоскость все равно никому не позволит...

— Люди идут, — сказал вдруг Автандил. — Гости дорогие. Да.

— Где? — Фома вскочил, мысленно чертыхнувшись. Хорош феодал, если у хуторянина глаза зорче! Задумался, мыслитель! — Где люди?

— Вон, — показал пальцем Николай. — Двое, сюда идут. С рюкзаками. Мужик и девка. — Постепенно физиономия его вытягивалась, а кепчонка съезжала на затылок. — Ох, блин, петух ты затопчи...

— Это не люди, — сказал Фома, взглядевшись.

— А кто? — сипло спросил Николай и сглотнул. Кепка с него свалилась.

— Призраки, — спокойно объяснил Фома. — Видишь — полупрозрачные. Ну чего уставился, бывает.

Феномен природы. Вне оазисов много чего бывает, ты просто не привык еще. Да и не надо...

— Вино пить будем, да, — сказал Автандил. — Петь будем.

На него покосились с неодобрением.

Две фигуры приближались. Шли они бок о бок, как на прогулке в городском парке, и не замечали людей. Похоже, вдвоем им было и хорошо, и вольно.

— Слышь, бугор, — Николай заговорил шепотом, — а ты их раньше видел?

— Призраков? Нет. Только слышал о них. Не боись, они вроде безопасные. Хотя...

— Чего «хотя»?

— Да так, слухи разные ходят. Мол, увидеть призрак — дурная примета. Чушь, легенда. Магнуссон видел, и ничего, жив-здоров, ряшку отъел...

Николай шумно дышал.

— Слышь... А давно их видел этот твой Магнуссон?

— Давно, давно. Не дергайся.

Автандил на два голоса затянул грузинскую застольную. Начал даже пританцовывать. Ворона, давно уже усевшаяся ему на плечо, недовольно каркнула, потеряв равновесие, и ущипнула танцора за ухо. Фома свирепо цыкнул на обоих. Пение стало тише.

Полупрозрачные фигуры приближались.

— Ты видишь? — шипел Николай, приседая в ужасе. — Видишь?..

Фома видел. Призраки прошли шагах в сорока, и теперь стало окончательно ясно, что они не могут видеть людей. Сквозь полупрозрачные, будто из мутной воды отлитые тела был виден бурый склон холма с метелками жесткой травы. А сами тела... Фома покрылся потом, узнав в том, что шел чуть ниже по склону, самого себя. Узнал и свою полупрозрачную спутницу, да и как было не узнать. Совсем недавно расстались. Она

у Борьки, и надо думать, в данный момент ученик феодала всячески клеится к ней и неумело соблазняет... Но почему она тут?.. То есть откуда здесь взялся ее призрак?!

Ну и вопрос. Откуда вообще берутся призраки? Зачем они? Для чего нужны природе?

Поди ответь. О любой странности Плоскости можно написать минимум кандидатскую, а ответить по существу — вряд ли.

Фигуры призраков ушли в дым. Фома перевел дух, отер со лба пот. Ушли — и ладно, не о чем горевать. Век бы их не видеть, феноменов чертовых. Одно приятно: развеяно заблуждение, что, мол, призраки — души умерших людей. Вот он я, живой. Можно потрогать. Живой, понятно?

Ничего они не значат, эти призраки...

— Ну, успокоились, — сказал он своей команде, с удовольствием отмечая, что голос не дрожит предательски, а, наоборот, тверд и властен. — Садимся, отдыхаем. Недолго. Дым уйдет — переберемся на тот холм. Вот тогда и вздремнуть можно будет...

Бао Шэнжуй пришел через сутки. По виду китаец ничуть не изменился с прошлого раза. Был он все такой же: маленький, с выпуклым животиком, остреньким темным лицом с развитыми скулами, скошенным подбородком, короткой верхней губой и двумя огромными резцами, торчащими из верхней челюсти не столько вниз, сколько вперед. Зубами этими он навязчиво напоминал Фоме не то грызуна, не то кого-то из вымерших в допотопные времена слонообразных. И одевался интересно: не то мандарин, не то хунвэйбин, а если приглядеться, то обоих поровну. Шапочка — точно мандаринская. До встречи с Бао Фома видел такие лишь на картинках.

А случилась она, первая их встреча, давным-давно,

без малого тринадцать лет назад. Нсуэ таскал ученика по феоду, хотя и слова-то такого не слыхивал, имея о земельной собственности самые смутные понятия. Бао тоже пришел с учеником. Где теперь тот ученик? Если жив, то, надо думать, нашел свободную вакансию в другом феоде. Не дождался на месте маленького личного звездного часа. Кто ж знал, что Бао столь крепкий орешек? Рекордсмен и уникам. Двадцать второй год в феодалах! Экий кремешок. Куда против него Магнуссону с его несчастным четырехлетним стажем, а Шредеру и подавно! Да и Фоме...

Казалось, Бао совсем не постарел за тринадцать лет. Фома знал, что это иллюзия. Все стареют. Не все замечают это, как в других, так и в себе. И только удивляются, внезапно обнаружив, что на молоденьких девочек их уже не очень-то тянет, зрелых баб им подавай. Вроде Бриджит, а то и постарше.

С Бао Фома не фамильярничал. Бао всегда был себе на уме. После ухода Нсуэ он стал образцом для подражания. Конечно, с поправкой на то, что между соседями-феодалами наставничество как таковое невозможно, как невозможно оно между руководителями партнерских и все же каким-то боком конкурирующих между собой фирм.

Подсмотреть что-то и перенять — другое дело. Ну и, конечно, поболтать, как с равным. Бао знал по-русски слов с полтысячи.

А в мечтах — понять секрет его активного долголетия. Может, он не работает на износ? А как такое возможно? Нет, если держать не одного ученика, а трех-четырех — возможно вполне. При условии, что все они абсолютно надежны. Ну, Восток — дело тонкое, традиции там сильны... надо думать, ученики не попрут против учителя и не перегрызутся между собой за право наследования. Да, все это хорошо в теории, но как прокормить такую ораву учеников? Феод у Бао лишь чуть-чуть крупнее... Может, у него больше оази-

сов? Нет, вряд ли намного больше. Наверное, китайцы обнаружили еще какой-то пищевой ресурс, не считая лап многоножек. Или просто едят меньше.

Николая бы к ним! Сдать в аренду на год. Да и еще кое-кого, чтобы окончательно дошло до людей: не в сказку попали.

Вслух он этого говорить не стал, а просто стоял и смотрел, как Бао взбирается на холм. Спуститься ему навстречу означало вторгнуться без спросу в чужие владения. Этикет. Не человеческий — феодальный.

Ничего, холм пологий, авось Кондратий старика не хватит...

Фома улыбался. Сколько времени жизнь только и делала, что била по голове, а при одном взгляде на Бао подарила надежду. Ликование пробудилось и рвалось наружу. Смотрите, люди! Мы живем. Все равно живем! Мы, человеки, черви земные, крысы подопытные, научились жить в нечеловеческом мире, на Плоскости этой гадской, и ничего она с нами, людьми, не сделает! С каждым в отдельности — сколько угодно. Это она любит. Но мы вместе! Мы — вид. Мы — стая. И потому неистребимы. Наше поколение ляжет геологическим слоем, но люди все равно будут здесь жить! Можно даже предположить: с каждым новым поколением они будут жить все лучше и лучше. Всем назло. И пусть Экспериментатор, божок наш поганый, сдохнет от злости!

Он сердечно приветствовал соседа. Бао, совсем чуть-чуть запыхавшийся, заулыбался в ответ, далеко выставляя непомерные свои резцы. На Николая он не обратил особого внимания, зато Автандила и особенно ворону рассматривал долго, не скрывая удивления. Совсем отвык от ворон.

— Отойдем-ка, сосед, — позвал Фома. — Есть тема.

Без всякого политеса он взял быка за рога. Не ожидая, впрочем, быстрого согласия.

— Значит, нет в твоих владениях такого места, я правильно понял? — говорил он спустя полчаса, успев уже слегка осипнуть. — Все это легенда от начала и до конца?

— Нету места. Нету места. Плавильно.

Процентов на девяносто Фома был уверен: есть такое место. Шредеру можно было верить. И был один перебежчик-диссидент-хуацяо, смывшийся от Бао к Шредеру и клявшийся, что чудом избежал обменника. И была Сой со сведениями туманными, но явно возникшими не на пустом месте.

— Ну, нет так нет. Жаль.

— Нету. Заль.

— Жаль, что ты, сосед, такой упрямый. Ох, как жаль...

— Сто я сделаю? Нету.

— Ты же знаешь, — медленно, выбирая слова, сказал Фома, — я у себя насильно никого не держу. А мог бы и удержать. В прошлом году на меня целая китайская семья свалилась. Мало ли, что с Тайваня. Кстати, как они? Не балласт?

— Балласт? Сто такое?

— Барахло ненужное.

— Не балласт, не балласт, — заулыбался Бао. — Не балахло. Холосые люди. Лаботяссие. Сапасибо.

— Пожалуйста. Я так понимаю: если не хочешь иметь проблем, с соседями надо дружить. Ты мне можешь, я тебе помогу. Нет? Ну, если ты не хочешь, что я тогда могу сделать? Успокойся, войну не начну, можешь не строить Великую стену. Живи себе. Помощи только не проси, когда приспичит. Извини, у меня свои принципы.

— Я возьму, — уже без улыбки Бао указал на Автандила. — Если сам пойдет — возьму.

Фома украдкой перевел дух. Сработало!

— Он пойдет. Считай, что я тебе должен. Автандил, дорогой ты мой, иди сюда!

Он беззастенчиво наплев на доверчивому грузину о стране, где всем хватает мяса. Где бегают много-много барашков. Где восхитительные дымки курятся над мангалами. Где каждая ворона сыта и довольна.

Врал и глотал слюну.

— С ним вот пойдешь. Это Бао. Он дорогу знает.

Николай кашлял и сморкался в сторонке, отворачиваясь.

Прощались.

Фома долго стоял, глядя в спину уходящим. Маленький Бао шел впереди и порою совершенно терялся за громоздким Автандилом. Фигуры уменьшались, потом стали таять в дымке. Вороны уже давно не было видно.

— Ладно... Потопали.

— Куда? — спросил Николай.

— Обратно, куда же еще...

— Ты обещал мне другой оазис.

— Не забыл, — буркнул Фома. — Автандил ушел, оазис пустой остался. Вот тебя туда и отведу.

— А он как... ничего?

— Лучше не бывает.

— Не жалко? — спросил Николай.

— Оазиса-то? Пока нет. Погляжу, как ты будешь справляться. Загубишь оазис — гляди! Не пожалею.

— Кто загубит? — возмутился Николай. — Я загублю? За такие слова, бляха-муха, знаешь что бывает? Я — загублю! Во сказанул... Да тьфу, петух ты затопчи, я не о том! Автандила терять тебе не жалко?

— Еще как жалко, — вздохнул Фома. — А что делать? Я его уже так и так потерял. Нет его, Автандила. Пусть хоть жив останется и память сохранит. Мне больше не надо.

— Да ладно тебе... Брось, не переживай. Может, еще очухается, придет...

— Не придет он, — снова вздохнул Фома. — Другим человеком станет, зато, может, выздоровеет. Тварь эту, ворону, сам палкой зашибет и китайскому повару отдаст. Кончено, проехали. И на хрен. Ну пошли, какого мы тут стоим?..

ГЛАВА 5

Ничего страшного. Просто полоса неудач. Со всяким бывает. А сколько их было раньше, этих полос! Тут надо только одно: переждать, не наделав глупостей. И верить, что лучшие дни впереди. Причем не слишком далеко.

Ведь что привязывает человека к жизни? Страх смерти? Да, но не только. Многие легко преодолевают этот страх, стоит им убедиться в отсутствии перспективы. Никто, веря в Прекрасное Завтра, не намылит себе петельку и не нырнет головой вниз в черный провал. Вера нужна. Или хотя бы надежда, пусть робкая...

Вопрос: откуда им взяться? Рано или поздно до каждого хуторянина доходит, что он долгие годы занимался самообманом. Где оно, Прекрасное Завтра? Ау!

Нету его. Не водится на Плоскости такой зверь. А все разговоры о том, чтобы «увидеть, чем это все кончится» да «понять смысл», — они больше для феодалов, чем для хуторян. Вдобавок похоже на то, что глубинного смысла Плоскости не понять никому, как никому не дано увидеть, чем все кончится и на чем сердце успокоится. Потому как не кончится никогда.

Людам нужны дети, это первое. Поднять детей — чем не могучий стимул выжить? А повзрослевших детей нужно как можно скорее женить, пока они не задумались на отвлеченные темы. И пусть рожают, рас-

тят новых детей, вытирают им сопли, высаживают на горшки, учат и воспитывают в меру своих способностей. Пусть стимул передается новому поколению, вроде эстафетной палочки.

Так и надо. Простенько, но со вкусом. И не ищи никакого смысла, забудь. Не умеешь жить для себя и семьи — живи назло. Кому-нибудь. Сам выбери кому.

Кстати, не увеличить ли оброк с бездетных пар?..

Фома уже вошел в границы оазиса, потому и мысли зашевелились вновь. Доморощенно-философские. Вне безопасных зон мысли всегда другие, частенько не мысли даже, а голый инстинкт. Обойти ловушку слева или справа? Рискнуть срезать путь по малознакомой местности или дать кругалю? Пополнить в ближайшем оазисе запас воды или обойтись оставшимися на донышке бутылки двумя глотками?

Нет, все же мысли. Мысли расчетливого игрока. Ставки и риск, тактика и потуги на стратегию. Глупость и ее последствия. Удача — и новая ставка.

Игра.

Он подумал о Борьке. Вот кто азартный игрок! Знает ведь, что банк ему все равно не сорвать, а рискует почему зря. Талантлив, но допрыгается...

Кстати, где он?

На дальнем краю оазиса за заброшенной рисовой плантацией Фома разглядел одинокую фигурку. Нет, это был не ученик. Это была подобранная давеча девчонка, как бишь ее... Олеся? Нет, Оксана, кажется. Да, точно Оксана. Ксюха. Черт разберет эти имена: Оксана и Ксения — это все еще одно имя или оно уже размножилось делением?

Оазис был тот самый, куда Фома поселил было родителей Борьки пять лет назад. И «коттедж» был тот же самый. За минувшее время он не стал новее.

Борька валялся на лежанке, читая «Смока и Малыша». Книга, выпанная давным-давно, еще не успела

облохматиться, но явно доживала последние недели отпущенного ей срока.

— Глаза испортишь, — сказал Фома, с наслаждением сбросив с плеч рюкзачок и потягиваясь всем телом.

— Не-а. — Ученик перестал читать. — Светло. Во какие щели.

— То-то, что щели. Мог бы, между прочим, кровлю поправить.

— На кой? Дождей-то нет.

— Для порядка. Ладно, сообрази-ка мне чего-нибудь пожрать. Сутки не ел.

Согнав ученика, он повалился на лежанку. Весьма неохотно Борис выбрел из «коттеджа» и вернулся с охапкой хвороста. Скоро в очаге запылал огонь.

— Суп есть? — спросил Фома.

— Не-а. Только чай и лепешки.

— И то ладно. Лепешки разогрей.

— Масла мало, кончается.

— А ты насухую разогрей.

— Угу... Как сходил — нормально?

Фома рассказал про Патрика и Автандила. Ученик отреагировал кратко:

— Кретины. Оба.

Хотелось его осадить, но Фома не стал. Чтобы не задремать, спросил об Оксане:

— Чего это она там одна слоняется? Оазис изучает, что ли? Одного дня ей на это не хватило?

— А ну ее, — скривился Борька. — Принцесса, блин. Недотрога. Сперва только и делала, что болтала, теперь молчит.

— А ты что?

— А что я? Я ничего.

Фома хмыкнул.

— Молчащие женщины непобедимы, пора знать. Разговори ее.

— Ага, «разговори»! — обиделся ученик. — Умная больно. Воображает. О, говорит, тут у вас озеро. И ну купаться. Я ей и объяснить не успел, что это не озеро, а рисовая плантация, только без риса... Она юбку сбросила, разбежалась — и нырь! Вылезла вся в грязюке, и я же оказался виноват. Сперва обложила меня по-всякому, теперь молчит. Брезгует, типа.

— И ты молчишь?

— А то. На поклон мне к ней идти, что ли? Ничё, проголодается — придет.

— А как она по хозяйству? Делает что-нибудь?

Вопрос был излишним, Фома и так все прекрасно видел. Он только хотел подразнить Борьку.

— Щазз, делает! — совсем обиделся Борис. — Я лепешек напек, она и не подошла. Ходит вон... голодная. Хочешь, мол, похудеть, спроси меня как.

— Давно не ест?

— Второй день.

— Ты объяснил ей, что белоручек здесь не ценят?

— А то!

— По соплям — пробовал? — с виду строго, но внутренне потешаясь, осведомился Фома.

Ученик скривился:

— Не-а. Без толку. И потом, она женщина... ну, то есть девушка.

— Это что, аргумент?

— Какой есть. Я ей по соплям, а она возьмет да и утопится вон в той луже всем назло. Грозилась уже. Кто тогда виноват будет — я?

— Ты и будешь, — подтвердил Фома. — Не я же.

— Это почему же не ты? Кто меня здесь с ней оставил?

Мальчишка, совсем еще мальчишка... Фома выдержал педагогическую паузу. Длинно, напоказ сплюнул сквозь зубы на пол. А когда заговорил, самое внима-

тельное ухо не уловило бы в его тоне ничего, кроме ледяного презрения:

— А ты, я вижу, хорошо устроился. Хочешь отвечать только за себя — вот тебе хижина, вот тебе плантация, вот тебе посевной материал. Работай, плати десятину и не ной. А если будешь плохо работать, я тебя выгоню. Что молчишь? Не нравится? Тогда изволь отвечать за других. Умей договариваться. Учись гнуть людей для их же пользы. Феодал ты или дерьмо на палочке?

Борис обиженно засопел и полез в спор. Фома махнул на него рукой:

— Молчи уж. Вон лучше дров под чайник подбрось. Долго мне ждать?

Он все-таки задремал и проснулся с великой неохотой, когда Борис прокричал ему побудку прямо в ухо. Вот урод. Нет, без толку все нотации... Словами учить его еще рано, а пороть — поздно.

Может, и впрямь «научить его плавать» радикальным методом — за шкуру и в воду?

И сейчас же Фома подумал: «Какого черта? Я ведь уже решил. Или это мне самому хочется дать задний ход? Сдрейфил я, что ли?»

Он повертел эту мысль так и эдак. Нет, вроде не сдрейфил. Во всяком случае, не настолько, чтобы отказаться от задуманного.

— Подай чай сюда... стряпуха.

Борька повел носом, однако смолчал. Понял по тону, что учитель шутит, и в бутылку не полез. «Все-таки взрослеет», — явилась теплая мысль и задержалась ненадолго, приятно грея.

После трех лепешек и кружки чая в сон потянуло уже совершенно неудержимо. Принимая пустую кружку, Борька споткнулся о рюкзачок.

— Ого! Что там?

— Гранаты, — сказал Фома, зевая. — Две РГД и

две Ф-1. Еще обоймы для «маргоши». Ну и барахло всякое. Положи в угол аккуратно.

— Выспал, что ли? — спросил ученик, потирая ногу.

— В оружейном магазине купил. С новогодней елки снял. С неба упали — чуть не по голове. Не задавай глупых вопросов.

— Это я к тому, что ты, вижу, спать намылился, — несколько обиженным голосом заметил Борис. — Не выспался в спальне?

— Выспался, — ответил Фома, уронив голову на набитый сухой травой мешок. — Только это позавчера было. Я еще после спальни прошвырнулся немного... У Пурволайненов был, у Юсуфа... точку проверил... ту, что на северо-востоке, за оазисом Гвидо... и еще...

Не договорив, он уснул. Ему снилась клейкая глубина и зависшие в ней тупоумные губошлепые рыбы, смахивающие на исполинских морских окуней. Среди них выделялось чудище, способное без всякого труда заглотить человека; оно подплыло совсем близко, открывая и закрывая пасть-капкан и шевеля жабрами, но не стало глотать, а лишь пучило глаза в изумлении. Застрявший в глубине человек не вписывался в рыбий представления о враге или пище. И какое рыбе дело до того, что человек мучим удушьем и страхом?

Фома проснулся от колющей боли в сердце. Стояла «ночь». Обыкновенная, серая, без глупых шуточек с непроглядной теменью. В «коттедже» сумрак казался живым, вещественным. Сверху его теснил серенький скудный свет, вползающий сквозь щели крыши. Вторая лежанка была пуста, ученик где-то слонялся.

Сердцебиение понемногу улеглось, ушла и боль. Фома осторожно потянулся, нового укола в области миокарда не ощутил и показал сам себе большой палец. Сейчас же вспомнил о том, что ему предстоит. Ничего, подумал он, прорвемся. Поискал глазами рюк-

зачок и нашел его в углу, как и было сказано. Похоже, Борька в нем не копался.

Точно, вырастет.

Он вышел помочиться в компостную кучу. Справляя нужду, вертел головой. Борьки нигде не было видно, Оксаны тоже, но из-за обложенного камнями колодца с давно сломанным воротом доносились плеск воды и сдержанное повизгивание. Кто-то там мылся, и вернее всего, не Борька.

— Эй, у колодца! — грянул Фома, приближаясь. — Пять минут на помывку!

В полутьме испуганно ойкнули, и сейчас же сердитый девчачий голос потребовал отвернуться.

— Все равно ни лешего не видно, — пробормотал Фома, но все же повернулся к колодцу спиной.

Как раз в этот момент начало светать.

Рассвет на Плоскости длится минуту-другую, редко больше. Обычно все небо светлеет равномерно, но бывает и так, что яркая полоска разгорается вначале у горизонта. Тогда кажется, будто вот-вот взойдет солнце, и даже мерещится дуновение первого утреннего ветерка. Чушь, конечно. Обман. Привычный для старжила. До слез обидный для новичка, еще не свыкшегося с подлой натурой Плоскости.

Но для девчонки — еще рано. Любой феодал, пообщавшись полчаса с новичком, безошибочно определит, когда тот начнет тосковать по-настоящему, когда он впадет в первое, страшное отчаяние и когда он мало-помалу начнет свыкаться с мыслью, что Плоскость — это навсегда. Феодал новичка насквозь видит. Практика.

— Закругляйся, — бросил Фома через плечо. — Полотенце у тебя есть или так сохнуть думаешь?

— Полотенце! — донеслось из-за спины. — Тряпка, полы ей мыть! У вас тут что, по-нормальному искупаться нельзя?

— Могу дать лопату. Выроешь себе пруд.

Наверное, Оксане почудилась насмешка, хотя Фома вовсе не насмехался. На несколько минут стало тихо — как видно, девчонка была из тех, кто злится молча.

— Долго еще тебя ждать? Эй, наядя!

— Сам дурак! — слышалось в ответ. — Уже почти всё.

Фома беззлобно ухмыльнулся. Ну-ну. Кобылка необъезженная. А вообще-то нормальная девчонка. И чего это Борька не нашел с нею общего языка? Конечно, разница в возрасте, он для нее пока что молокосос... А, ерунда! Привыкнут оба. Девчонке все равно некуда деваться.

— Готово, — услышал он и обернулся.

Обернувшись — осмотрел критически. Н-да... Надо было выпать ей более подходящую одежду и обувь, чем мини-юбка и туфельки. Забыл, черт... Ничего, Борька сходит и выпит.

— Что, не нравлюсь? — спросила Оксана.

— У тебя волосы правда рыжие или это краска?

— Отличить не можешь? Я сроду не красилась.

— А, ну-ну. Борьку не видела? — сменил он тему.

И заметил, как лицо Оксаны — симпатичная мордашка, ничего не скажешь — исказила мимолетная гримаска.

— Нужен он мне, как же... Ушел, наверное. Я тоже уйду.

— Далеко ли? — поинтересовался Фома.

— А не знаю! Куда-нибудь. Надоело все.

— В том числе и жить? — хмыкнул Фома.

— А что, не дойду, по-твоему? — строптиво возразила Оксана.

— Смотря куда. До своего Ростова Великого — нет. Если тебе повезет, дойдешь до такой ловушки, которая убивает быстро. Если не повезет — помучишься... Если очень-очень повезет — наткнешься на оазис,

примерно такой же, как этот. Шило на мыло. Здесь же нет ничего другого, ты разве еще не поняла? Борька тебе не рассказывал?

— Да, рассказывал! — засмеялась Оксана. — Я о него горшок разбила, так он мне рассказывал... о том, как нам с ним вдвоем хорошо в койке будет. Сопляк, малец совсем, ниже меня на полголовы, а туда же. У всех одно на уме.

«Ай да Борька!» — подумал Фома, но вслух сказал иное:

— У меня, например, на уме помыться. Так что иди-ка ты посиди в хижине. Чайку разогрей, лепешек поешь. Иди, иди, нечего тут голодовки устраивать...

Он фыркал, обливая себя тепловатой водичкой из мятого оцинкованного ведра, ронял ведро в колодец, вытягивал его за веревку, мылился обмылком, тер себя глиной пополам с песком и обливался еще и еще, смывая с себя пот и страх Плоскости. Хорошо-о! Жаль, нельзя принять ванну. Выкопать углубление — не труд, но как подвести проточную воду? Родники-то вон где — в низине... в болоте... на бывшей рисовой плантации.

Руки оазису нужны. И желательно азиатские. Разве Николая заставишь возиться с рисом, целыми днями топтаться задницей кверху по жидкой грязи, высаживая рассаду? Николаю проще лечь и помереть, чем так над собой издеваться. В упадок приходит оазис. Не феодалам же на нем работать, в самом деле... Да, а где все-таки Борька?

Фома попрыгал, стряхивая с себя воду, влез, не вытираясь, в штаны и заметил ученика. Тот быстро спустился с холма, выбрав почему-то окольный путь. Еще несколько секунд — и он скрылся бы за «коттеджем», чего, по-видимому, и добивался. Фома сделал рукой недвусмысленный жест — иди сюда, мол. Партизан.

Поняв, что обнаружен, Борис неохотно подошел. Вид у него был насупленный.

— Что у тебя там? А ну, не прячь за спиной. Какие между нами секреты? Показывай.

Борис нехотя достал из-за спины бинокль. Все было ясно: несмотря на запрет, ученик копался в рюкзаке, пока учитель спал. Гранаты ему были не нужны, а вот попользоваться мощным биноклем и незаметно вернуть его на место...

— Подглядывал? — спросил Фома. — Давай колись быстрее, тут все свои. Вон там в кустах позицию выбрал? Смотрел, как она моется, млеет и рукоблудничал? Правильно я понимаю?

— Ничего я не руко... — сконфуженно начал Борька и сейчас же вспыхнул: — Сам такой! Я просто смотрел.

— Дурак! Ты мужчина, и ты почти феодал. Тебя к чему-нибудь должность обязывает?

Борька отвернулся и демонстративно сплюнул. Слыхали, мол.

— Смирно стоять! — рявкнул Фома так, что ученик от неожиданности вздрогнул. — Морду тебе набить? Не бойсь, при свидетелях не буду, потом разберемся. Хочешь, чтобы я тебя выгнал? Выгоню.

— Да ну? Выгнал один такой... Так я и ушел.

Глядя на глумливую ухмылку Борьки, Фома медленно считал до десяти. И дождался: ухмылка сделалась неуверенной, затем и вовсе начала сползать с лица.

— Уйдешь, если я захочу. Можешь не сомневаться. Но сейчас задача иная: я ухожу, ты остаешься. Будь добр, сделай так, чтобы мне за тебя не было стыдно перед хуторянами. Уловил?

От изумления Борька даже глазами захлопал, сразу забыв о том, что собирался схлестнуться с наставником. Не, так нечестно! Помочь в делах — одно, а

взваливать на свой горб весь груз — так мы не договаривались!..

— Куда это ты уходишь?

— Куда надо. Когда вернусь — не знаю. Может быть, скоро, но не факт. До моего возвращения феодалом останешься ты. Начинай обход прямо сегодня. Девчонка пусть тут живет, ей полезно поскучать. Не торопи события, понял? Про штурм забудь, займись осадой. И держи авторитет. Посоветуй ей починить ворот над колодцем. Теперь вот что...

Он подробно рассказал о новых ловушках, об исчезнувших ловушках, о нуждах хуторян, напомнил о необходимости проверять точки выброса, посоветовал быть пожестче с Николаем и закончил так:

— Потратить денек-другой на Патрика. Он мне что-то не понравился. В гости к сыну его своди, пусть малость развеется. Ему полезно.

— Да? А что с ним такое?

— Задумываться начал.

В глазах Борьки запрыгали веселые чертики.

— Это вредно?

— Тебе пока не понять. А теперь иди и положи бинокль на место так, чтобы Оксана его не видела. Догадается ведь. Ты и так уже напортачил, а поймет, что подглядывал, — навсегда останешься для нее наглым щенком. Сумеешь незаметно?

Ученик кивнул.

— Тебе помочь ее отвлечь?

— Чего там отвлечь, сам справлюсь...

— Иди.

Фома надел потную рубашку, носки, завязал на ногах кроссовки. Вещи были достаточно новыми, чтобы не бояться их внезапного распыления. Конечно, одежду не мешало бы постирать, но какой в том толк перед выходом? Очень скоро будет то же самое. Издержки жаркого климата.

А есть ли где-нибудь на Плоскости иной климат? Холодный, с ледяным ветром, сугробами и снежной крупой в лицо? Или муссонный, с периодическими затяжными ливнями?

Никто не знает. Может, и есть где-нибудь далеко-далеко. А может, и нет. Не исключено, что Экспериментатор вычислил некий температурный оптимум и его поддерживает. Ведь половина, не меньше, жителей Земли обитает именно в теплом климате, а многие и в более жарком. Для Нсуэ было в самый раз. Как-никак здесь все-таки не Сахара в полдень и даже не Калахари, здесь куда прохладнее...

В дверном проеме он столкнулся с Оксаной — та как раз выходила. По-видимому, она считала ниже своего достоинства находиться с Борисом в одном помещении. Фома не стал ее останавливать.

Он собирался деловито и быстро. Потрогал отросшую щетину, подумал, не побриться ли, и отверг мысль как несвоевременную. Проверил оружие, боеприпасы, бинокль. Завернул в тряпицу несколько лепешек. Одну пластиковую бутылку наполнил теплым чаем, вторую водой из канистры. Канистра была специальная, из чистого серебра. Вода в ней стояла подолгу, совершенно не тухла и была приятной на вкус.

Покончив со сборами, сделал Борьке ручкой — пока, мол.

— А я знаю, куда ты уходишь, — сказал ученик. — Ты на запад идешь, в разведку. Угадал?

— А если и угадал, то что? — осведомился Фома.

— Возьми меня с собой, а? Польза будет.

— Кому польза будет?

— Ну ваще-е... Вопросы у тебя! Тебе будет польза, кому же еще.

— Ты лучше тут пользу приноси, — сказал Фома. — А там я уж как-нибудь сам управлюсь.

— Да, управишься... А если не вернешься?

— Твое счастье, что я не суеверный. Огреб бы ты у меня за такие слова... Если не вернусь — сам знаешь. Тебе быть феодалом. Хочешь?

— Да. То есть нет. Я маленький, мне еще рано.

— Жулик ты. И лодырь.

— Не, я правда не хочу...

— А придется. Поэтому пожелай мне удачи.

— Удачи.

— Так-то лучше. Ну пока.

Прощаться с Оксаной было незачем. От «коттеджа» Фома напрямик пошел на запад. Девчонка догнала его на вершине холма.

— Что ты за мной ходишь? — набросился он.

— А что, нельзя? — с вызовом спросила Оксана.

— Нельзя. Опасно.

— И ловушки кругом, да? Это я уже слышала. Только я все равно уйду отсюда. Не с тобой уйду, значит, одна. Так и знай.

— Погибнешь.

— А тебе-то что? Моя жизнь, мне решать.

«Чтоб вас всех, — подумал Фома. — Пропадите вы пропадом. С вашими решениями за себя и за других! С вашими амбициями и капризами! Плюнуть бы на вас и уйти навсегда. А ведь когда-нибудь так и сделаю...»

— Слушай, может, ты после решишь, а? — взмолился он. — Ну некогда мне! Потерпи. Почему я за всех терпеть должен? Я ведь феодал, не нянька...

— А мне няньки и не нужны!

— Уф-ф! Ладно, просьбу выполнишь?

— Смотря какую.

— Дождись меня тут, в оазисе. Борька скоро тоже уйдет, надоедать не будет. А я вернусь — обсудим вдвоем твою проблему. Может, и придумаем чего.

— А ты надолго?

— Не знаю. Нет, наверное. Но если все-таки задержусь — дождись. Договорились?

Она капризно выпятила губку.

— Я подумаю.

Наверное, это стоило счесть согласием.

— Дождись, — повторил Фома.

Он не стал говорить ей, что совсем недавно узнал ее и себя в двух прошедших мимо полупрозрачных фигурах, в призраках. С этим явлением натуры лучше было прежде разобраться самому. Да и ни хрена они, наверное, не значат, эти призраки!

Со Спины Крокодила Фома долго рассматривал в бинокль ближайший оазис к западу от своих владений. Поле — то ли ячменное, то ли пшеничное, издали не разглядеть — было наполовину сжато. Двое мужчин и одна женщина трудились как заведенные, безостановочно срезая колосья серпами. Еще одна работница вязала снопы. Судя по дымку над крышей хибары, третья женщина стряпала.

Тихо было.

В мутном воздухе — ни ветерка. Ни одной ловушки в пределах ста шагов. И только на той стороне — монотонная работа, редко-редко прерываемая коротким, минут в пять, отдыхом.

Он наблюдал долго, пока не понял, что просто тянет время, не в силах решиться. И тогда решился сразу.

Что могло ждать внизу по ту сторону границы? Небывалое скопище ловушек? Минное поле? Пока не проверишь, не узнаешь.

Осторожно спустившись со Спины Крокодила, Фома и дальше шел с опаской. Когда, по его понятиям, миновал час, он оглянулся и приободрился: ого, сколько отмахал! Километра два, пожалуй. Правда, оазис впереди будто бы и не приблизился совсем, но это,

безусловно, обман зрения, знаем мы наперечет все эти обманы...

Один черный провал, одно скромных размеров облачко белого тумана да участок зыбучего песка, который пришлось обойти, — вот и все, что пока встретилось. Красота! Можно позавидовать Перонелли — или кто тут у них теперь главный? Если вся местность вокруг столь же безопасна — это же не жизнь, а сказка!

Хотя ясно, конечно, что это лишь местная флуктуация плотности ловушек. Сугубо временная и вполне допустимая теорией вероятностей.

И сейчас же под ногой раздался знакомый легкий треск. Фома рванул, как на стометровке. Пыхтуны, черт!.. Ничего, успел, проскочил. Вот уже все, совсем все... Уф-ф. Можно отдышаться.

А недурной условный рефлекс наработан, однако! Голова еще не сообразила, а ноги уже помчались... Фома оглянулся назад, где низко над песком ветерок шевелил облачка едкой, вроде иприта, дряни. Надо запомнить место. Грибницы восстанавливаются быстро.

Хотелось бы знать, зачем им это надо? Если грибница пыхтунов и впрямь местная форма жизни, то от кого она защищается кожно-нарывной взвесью? От многоножек? От каких-нибудь неведомых кротов или почвенных нематод? Вряд ли, скорее уж от какого-то роющего, но все же наземного пожирателя, вроде мышкующей лисы... А где он? Кто жрет пыхтуны? Кто их вообще видел?

А, наплевать!.. Всякому чуду дивиться — дивилка сломается. Убежал, никуда не влипнув, — ну и радуйся. Есть чему.

Часа через два он уже подходил к оазису, не встретив больше ни одной ловушки. Надо же. Если у Перонелли ловушки везде разбросаны так редко, то это не пустыня — рай! Тогда феоде может быть вдвое больше, и феодал с ним управится. Хотя какой теперь Перо-

нелли феодал? Наместник он. Сатрап. И феодал его — сатрапия.

Нет, поправил себя Фома. Так было пять лет назад. Теперь — неизвестно. Если все изменилось, то почему от западных соседей пять лет не поступало известий? Если нет — тот же вопрос. Почему новоявленное королевство оставило восточных соседей в покое? Думай, феодал, думай.

Опять ничего не придумал?

Да, опять.

— Вскрытие покажет, — пробормотал он, пересекая границу оазиса. Долгая практика учит находить границу безошибочно, и изумляется феодал чужой бестолковости: «Как, разве вы не видите? Да вот же она!»

Вряд ли его заметили. Хуторяне были слишком заняты в поле, чтобы глазеть по сторонам. И женщине, оставшейся в хижине, вряд ли взбрело бы в голову то и дело высовываться, оглядывая окрестности. Да и зачем? Пять лет никто не приходил с востока. За такой срок любая караульная служба продолжит существование лишь на словах. Если она вообще была когда-либо.

Он вошел в хижину и нос к носу столкнулся с женщиной — от неожиданности она отпрянула назад, едва не опрокинув исходящий паром горшок, пристроенный на камнях над очагом.

— Здравствуйте, — сказал Фома вежливо.

Беглый взгляд на внутренность хижины сказал ему многое. Бедность, бедность и еще раз бедность. Печать убогости на всем, от посуды до лежанок. Инвентарь, развешенный по стенам, правда, сносный, но остаточное...

Женщина — костлявая, изможденная — медленно пятилась. Казалось, она онемела от страха. Зрачки ее то начинали панически метаться по сторонам, будто женщина собиралась удрать, проломив головой стену,

то с ужасом останавливались на госте. Заберись в лапугу саблезубый тигр, вряд ли он сумел бы сильнее напугать хозяйку.

— Хэллоу! — сказал Фома. — Хау ду ю ду?

Женщина забилась в угол. Невозможно было предугадать, что она сделает в следующий момент. Завопит благим матом, зовя своих на помощь? Повалится в ноги, умоляя о пощаде? С воем бросится на незнакомца, целясь ногтями в глаза?

— Еды у нас нет, — сказала она наконец. По-русски.

— Вижу, — ухмыльнулся Фома, указав на горшок с булькающим варевом. — Я не голоден. Не беспокойтесь, ничего у вас не отниму. Вот разве что воду... Вода-то чистая найдется?

— В роднике. Родник там...

— Ясно, что не в доме. Хотя всякое бывает. Вот, помню, я видел...

Он непринужденно рассказал целиком выдуманную историю о хижине с самодельным водопроводом, якобы встреченной им во время скитаний. Сочинял на ходу и видел: его легкомысленная болтовня мало-помалу оказывает нужное действие. Ужас еще плескался в расширенных зрачках, но уже не в компании с безумием. Женщина успокаивалась. Хотя рукоятку пистолета за поясом визитера она, несомненно, заметила. Небритый, грязноватый, вооруженный гость, явившийся неизвестно откуда, по-видимому, не был намерен причинить ей зло. И Фома видел, что с ее опытом это никак не вяжется.

— Урожай еще не снят, — торопливо сказала женщина. — Зерна нет.

— А зачем мне ваше зерно? — улыбнулся Фома.

— Так вы... не сборщик?

— Я просто проходил мимо.

Он произнес эти слова как можно наивнее. Что,

★ мол, тут такого особенного? Шел куда придется, зашел испытать водицы. Заурядное явление. С каких это пор туристы на Плоскости стали диковиной?

— Не понимаю, — сказала женщина.

— Что тут не понять, — еще более обворожительно улыбнулся Фома. — Хожу, ишу, где осесть. Сейчас иду на запад. Увидел оазис, решил заглянуть. Как тут у вас вообще живется?

— Вообще ничего. Не жалуемся.

— Вижу, как ничего! Пятеро в одном оазисе. Тут и троих было бы многовато. Нет?

— Везде так. — Женщина беспомощно развела руками.

— Ну, не везде...

Фома мимолетно удивился, как хорошо у него выходит роль легкомысленного болтуна. словно и не прожил на Плоскости почти тринадцать лет. Что ж, в той, прежней жизни московского студента его вовсе не гнали из компании за молчаливость. По пиву после лекций — это святое. Компания однокурсников, дешевое пиво, дешевые сигареты — к счастью, не успел втянуться, иначе по сию пору страдал бы без табака — и треп, треп...

Он рассказывал историю небывалую, зная, что как раз в небывальщину люди верят охотнее всего. Никто ведь не укажет точно, чего на самом деле не бывает на Плоскости. Можно выдумывать на ходу. В общем, он попал сюда недавно, может, полгода, может, год назад. Трудно тут считать время, да и зачем? С тех пор он путешествует. Бывал хуторянином то у одного феодала, то у другого, но всякий раз надоедало — уходил. Говорят, у него есть способности ходить по Плоскости. Может, и впрямь есть, учитывая, что он до сих пор жив, хотя насмотрелся всяких ужасов. И нигде ему не нравилось. Теперь решил пойти поискать феода без феодала. Говорят, можно найти, если постараться?

Нет ли где поблизости? А что? Ему говорили, что из него выйдет отличный феодал. Правда, он пока в сомнениях: видел разных феодалов, и что-то ни один из них не светился счастьем...

— Так вы с востока пришли, — с непонятым значением сказала женщина. — Там людям плохо живется, мы знаем.

— Здесь лучше? — спросил Фома как можно наивнее.

— Здесь у нас порядок. Здесь есть закон. И мы ни в чем не нуждаемся.

— Правда?

— Конечно, — убежденно сказала женщина. — Если вы и впрямь такой удачливый, проситесь в сборщики. Или в военные. От нас прямо к оазису наместника дорога идет, я покажу. Довольны останетесь. Это у феодалов люди с голоду пухнут. У нас такого не бывает. Король не допустит.

— А сборщики — от короля?

— От наместника.

Женщина тяжело вздохнула.

— Вы короля когда-нибудь видели? — продолжал допытываться Фома.

— Нет. — И новый тяжкий вздох. — Никто из наших не видел.

Фома озадаченно похмыкал. Приходило в голову только одно: извечная сказочка про доброго и справедливого монарха, который — вот ведь незадача! — всегда обретается где-то вне пределов досягаемости.

Тем временем наместник стрижет свой двуногий скот так, как считает нужным.

— И много с вас сборщики собирают?

— Десять мешков. Когда треть урожая выходит, когда и половина. А как же? Носильщикам тоже что-то есть надо. И проводникам. И самим сборщикам, конечно. Опять же король наш должен армию кормить.

Случись война — что тогда? Страна должна быть сильной. Соседние феодалы только и думают, как бы нас поработить...

— Вам это сборщики рассказали? — перебил Фома.

— Они, — кивнула женщина и сейчас же с горячностью принялась доказывать: — Да ведь это правда. У нас люди нормально живут, а за границей? Шантрапа одна. Голодные да завидующие. Как у них совсем животы подведет, так к нам и полезут. Все пожрут, все изгадят, а нас если не убьют, так выгонят — все одно помирать. Не-ет, не будь у нас армии, все давно бы прахом пошло. Все труды наши...

— Это да, — согласился Фома, изо всех сил стараясь не расхохотаться. — Это верно. Точат они там когти на ваши земли, ох, точат. Видел, знаю. Вы крайние, на вулкане живете. Вот припрутся к вам однажды человек с полсотни, да с оружием — что тогда? До бога высоко, а до короля, знаете ли, далековато. Пока он подоспеет со своей армией... А ведь может и так случиться, что, пока он узнает о вторжении, враг уже полстраны захватит, верно?

— Сигнал подадим, — горячо возразила женщина и сейчас же испуганно охнула. Полутьма хижины не помешала Фоме заметить мгновенную испарину на посеревшем лбу.

— Сигнал? Интересно, какой же?

Женщина села на низкую лежанку. Голос дрожал:

— Ну... костер разожжем... дымный.

— Будет врать-то, — жестко усмехнулся Фома. — Сболтнула, так теперь не отнекивайся. Какой сигнал? Женщина забилась в угол. Ее трясло.

— Не надо... Меня накажут... Пожалуйста, не надо...

— Я и накажу, если не скажешь. А скажешь — не трону. Какой сигнал?

— Дымный костер.

— Очень хорошо. Я уж проверю, ты не обижайся.

Он перевернул ближайшую к выходу лежанку — кое-как набитый соломой тюфяк, отделенный от земляного пола жиденькой плетенкой из прутьев. Перевернул и плетенку — пусто.

— Па-а-аша-а! А-андри-и-ис!

Женщина с воплем метнулась было мимо него — к выходу. Перехватив беглянку поперек туловища, Фома отшвырнул ее в угол.

В ухоронке под второй лежанкой он обнаружил искомое — толстый, размером чуть ли не с армейский барабан наполеоновских времен, картонный цилиндр с кричащей раскраской и надписью «Made in China». Праздничный фейерверк из самых мощных и дорогих. Хотя что на Плоскости цена? Имеет значение лишь срок существования.

Фома не удивился находке. Чего-то в этом роде и надо было ожидать. Вряд ли местная власть решилась бы доверить нещадно обираемым хуторянам что-нибудь хоть отдаленно похожее на оружие, вроде армейской ракетницы. Не говоря уже о спецназовских средствах оглушения-ослепления, чье действие не захочешь, а почувствуешь за несколько километров... Фома примерил ситуацию на себя — нет, он ни за что не доверил бы. Разве что фейерверк или дымовую шашку. Сказано: не вводи в соблазн. Не культивируй ненужные мысли в чужих головах. Любой предмет со стволом и спусковым крючком и хуторянин противопоказаны друг другу.

Приняв в себя китайское изделие, рюкзачок феодала раздулся до предела. Чтобы повесить его на спину, пришлось ослабить лямки.

Трясущейся в углу женщине Фома сказал так:

— Никто на вас не нападет, кому вы нужны. Живите. Давно на Плоскости?

Женщина всхлипнула.

— Я с-под Омска. Шла домой с рынка, и вот... тут... третий год уже.

— Остальные тоже недавно?

— Да...

— Тогда понятно. Информацией не владеешь, помирать не хочется, а жить по-людски смелости не хватает. Значит, будете гнить. Чао.

— Меня теперь в носильщицы определяют. — Женщина разрыдалась. — Или в проводницы...

— А кто меня видел? — сказал Фома, остановившись перед низеньким дверным проемом. — Я спрашиваю: кто видел? Пока не хватятся пропажи, никто ничего не узнает. А хватятся — шлангом прикинешься. Рассыпался фейерверк и исчез, срок ему вышел. Понятно? Не было меня тут. Повтори.

— Вас тут не было, — послушно пробормотала женщина и громко хлюпнула носом.

— Урок усвоен, ставлю «отлично». Пока!

ГЛАВА 6

Теперь он шагал уверенно. Тропа временами терялась, но Фома без труда находил ее вновь. Как бы ветер ни пытался занести ее песком, как бы ни шалили бродячие вихри, но хорошо проторенный путь не спрячешь от внимательных глаз. От крайнего оазиса тропа вела на запад, слегка уклоняясь к югу.

По ней много ходили, это точно. Фома озадаченно почесал в затылке, обнаружив десятки следов, пересекающих не тронутую ветрами ложбину. По меркам Плоскости — просто Пятая авеню, Пикадилли или Тверская. С той разницей, что жидкая земля называется там просто грязью и всего лишь неприятна, но отнюдь не страшна.

И еще: ни одного человека в пределах видимости. А вон там, кажется, зыбучий песок. Странно, прямо на

дороге. Проверим... Фома удовлетворенно хрюкнул, когда брошенный им камешек ушел в песок, как в воду. И впрямь зыбучий... Что же это получается: нормальный песок может становиться зыбучим и наоборот?

Чему удивляться. Плоскость способна и не на такое, дай ей только время. Надо думать, по этой дороге не ходили достаточно давно. Наверное, последними здесь прошли носильщики, согнувшись под тяжестью десяти мешков натурального налога — трети, а то и половины прошлого урожая...

Фома сплюнул и злобно выругался. Оазис, где только-только прокормиться троим, на самом деле кормил даже не пять, а восемь-десять человек. То-то тощие... У той тетки ребра, как стиральная доска. Забыл спросить, сколько ей лет. Вряд ли больше сорока, а выглядит старухой. Наверняка и остальные не лучше. Дрожат над урожаем, обрабатывают землю особо тщательно, перетирают каждый комочек, не забывают удобрять чем могут, берегут каждый колос... Все равно уму непостижимо — как еще живы?

Запуганные тупицы! Овцы безмозглые! Кретины!

Он был в бешенстве. У феодалов, видите ли, хуторяне пухнут с голоду! Да каждый второй хуторянин, стоит только прижать его как следует, плюнет феодалу в рожу и уйдет на свой страх и риск куда глаза глядят! Что с ним сделаешь? Можно только застрелить, а какой смысл? Так и так оазис надолго останется без ухода, а поле без обработки. Когда еще точка выброса соизволит выплюнуть очередного новичка! Вот и думай, стоит ли осложнять хуторянину жизнь.

Конечно, если народу переизбыток, то... Ну да, в оазисы посадить самых смирных. Овец. Это само собой. Тех, кто годен на роль сторожевой собаки, определить в солдаты или сборщики податей. Волков — истребить или приручить, сделав из них опять-таки сторожевых псов. Больных, слабых и чем-либо

опасных — выгнать, чтобы не марать рук. Пусть Плоскость с ними решает. Чересчур умных, глупо-капризных, а с ними и тех овец, кому не хватило места в оазисах, поверстать в носильщики. Провинившихся — в эти, как она назвала... проводники? Хорошее название. Надо думать, это те, кто торит дорогу и долго не живет. И у каждого будет сокровенная мечта: у проводника — сделаться носильщиком, у носильщика — хуторянином, у хуторянина — пожить подольше в безопасном месте да поесть вволю. У настырного и злого хуторянина — стать солдатом, сборщиком, командиром подразделения, а то и наместником провинции.

Стройная система!

Интересно знать, какова сокровенная мечта наместника? Свалить короля и сесть на его место? А сокровенная мечта короля? Удержаться — и только?

Только ли?

Авось станет ясно и это.

Пока ясно вот что: неприспособленные имеют шанс выжить только у феодала. Оксана эта в миниюбке... Полуприспособленный Николай. Глупо-строптивый Джордж. Потерявший перспективу Патрик. И беспомощный Георгий Сергеевич, настолько интеллигентный и мягкий, что, наверное, даже на эшафоте спросил бы палача: «Вам удобно?»

У короля такие не выжили бы. Здесь все заняты насущным, некогда им мозговать об отвлеченном... Потому и живут, что каждую минуту изо всех сил цепляются за жизнь. Потому и с ума не сходят, что некогда им. Просто живут. И — голову на отсечение — живут в среднем дольше, чем у феодалов-добрячков, феодалов-разумников... Живут — и счастливы уже тем, что живы.

Фома снова сплюнул. Все равно было непонятно: какого рожна королевство остановило свой «дранг нах

остен» при столь явном перенаселении? Все-таки боеголовка образумила? Или что?

Ведь есть, наверняка есть способы вести войну на Плоскости, и среди них существует оптимальный. Надо только его найти. Опять же: где его искать, как не здесь? Феодал рассчитывает лишь на свои мозги, зато король может создать хоть постоянный военный совет, хоть даже генштаб. Это что же: за пять лет не выдумано никаких идей для скорой победоносной войны?

Что-то тут было не так, и Фома не мог понять что. Один раз он остановился, размышляя, не повернуть ли восвояси, удовлетворившись уже собранными сведениями, синицей в руке? Да и не такая уж синица... Королевство существует — раз. Более или менее понятны его структура, властная вертикаль, кадровая политика и система пропаганды — два. Судя по отощавшему «базису», «надстройку» королевство содержит неслабую — три. Незаметно никаких признаков близкой агрессии против соседей — четыре...

Поразмыслив еще, Фома отбросил четвертый пункт. «Незаметно» — не довод. Когда оно превратится в «доказано», можно будет повернуть назад. Не раньше.

Задача представлялась непростой, но выполнимой. Добраться до кого-нибудь поважнее пришибленных земледельцев. Взять «языка» и вытянуть из него сведения, не останавливаясь перед крутыми мерами воздействия. Дело того стоило. Защита своих хуторян — важнейшая функция феодала, и баста.

Наступила «ночь» — как всегда, не вовремя. Фома сделал привал, сжевал лепешку и выпил несколько глотков воды. Скинув с плеч раздувшийся рюкзачок, долго решал, что делать с китайским фейерверком. Вроде легкий — а нести неудобно. Шальную мысль поджечь короткий бикфордов хвостик и полюбоваться результатом пришлось, конечно, отвергнуть — сразу, но с сожалением. Мальчишество. Дорого обойдется

★ развлечение. Может, утопить фейерверк в зыбучем песке?

Он закопал картонный барабан в обычный песок, заметив место, чтобы забрать на обратном пути. Отдать хуторянам, чтобы у них уж наверняка не было неприятностей. Если удастся вернуться той же дорогой...

Медленно-медленно тянулось время. До рассвета Фома не рискнул продолжить путь. Он и на своей-то территории предпочитал коротать «ночь» в оазисе, а уж на чужой... Мало ли, что тут натопанная тропа. Да хоть бы и асфальт! В полумгле признаки ловушек видны хуже, а значит — сидеть! Пока не обнаружен, есть время. Уйма времени.

Он даже подремал немного впрок. Во сне на него пялились пучеглазые рыбы, клейкая глубина не давала всплыть, адским пламенем пылали легкие, и сердце было готово разорваться. Он проснулся с криком и долго-долго лежал, размеренно дыша, пока не ушла пугающая боль в груди.

В положенный срок посветлело, и Фома поднялся. Разровнял яму, оставленную им в песке. Проводил неприязненным взглядом длинющую — метров на семь — летающую нить, проплывшую невысоко над тропой, и в очередной раз удивился бессмысленному порождению Плоскости. Зачем это все? Кому нужно? С какой целью? Неизвестно даже, что такое эти нити — то ли форма жизни, то ли нет. И почему чем нить длиннее, тем легче она режет все, что попадает к ней на пути?

И ответа нет, и докапываться до истины некогда. Остается лишь удивиться себе: феодал-то еще ого-го! Прожил на Плоскости без малого тринадцать лет, поизносился — а еще не окончательно потерял способность удивляться! Как новичок, право слово. Обязательно ему растолкуй, отчего да почему... Если идти от практики, то все проще простого: местные чудеса-

юдеса существуют специально для того, чтобы жизнь человеку медом не казалась. Вот и все объяснение, и доступные пониманию аналоги найти несложно. Для чего, скажем, человеческие зубы снабжены нервами? Почему не как у акулы? Есть ли в этом хоть какой-нибудь смысл, кроме оголтелого садизма? Нет, и не ищи.

Через десять минут он заметил людей.

Спустя еще минуту и они заметили его. На полпути к нагромождению валунов, за которыми он попытался укрыться.

Не повезло: люди появились внезапно из-за пологого бугра. Они шли по тропе навстречу ему, вытянувшись длинной цепочкой. Их было пятнадцать, все мужчины.

Правда, только трое из них несли оружие. Но три «калаша» против одного «марголина» — многовато.

Он слышал, как они кричали ему, предлагая подобру-поздорову выйти из укрытия. Потом коротко прогремела очередь, брызнула каменная крошка. В него не старались попасть, да и не смогли бы, его просто пугали. Опять заорали, предлагая образумиться и не валять дурака, а не то... Не дождавшись ответа, перешли от слов к действиям.

Девять человек легли ничком на песок. Трое невооруженных, повинувшись командам, угрозам и тычкам, сошли с тропы и медленно двинулись по расходящимся линиям, нацеливаясь взять валунное укрытие в полукольцо. Шагах в десяти за каждым из них шел вооруженный, стараясь шагать след в след.

У Фомы не было ни малейших сомнений в том, что это за люди. Один сборщик, два солдата. Десять носильщиков. И наконец, двое проводников, людей самой низшей касты. Два смертника, два живых миноискателя. Они-то и шли впереди автоматчиков, обходя укрытие справа и слева. А громче всех протестовал случайно выхваченный из колонны носильщик — по-

чему ему досталась та же роль? Почему ему, а не другому?

Как всегда.

В наказание за строптивость его и поставили в центр.

Автоматчик справа был ближе других. Подпустив его шагов на семьдесят, Фома послал пулю в песок перед его ногами. Убивать без крайней нужды он не собирался.

Ответом была длинная очередь. Еще секунда — и автоматчик спрятался за проводника. Возможные ловушки по сторонам волновали его теперь куда меньше.

— Вот ведь гад, — удивился Фома вслух, выцеливая ногу автоматчика выше колена. Ему все еще не хотелось убивать. Рану, нанесенную мелкокалиберной пулей в мякоть, как правило, нетрудно вылечить. Даже на Плоскости.

Авось это их образумит.

Он положил пулю точно. А спустя каких-нибудь пять минут пожалел, что не целил в голову. Из такого прекрасного укрытия можно было в пять секунд снять всех троих автоматчиков!

С хаотичной пальбой по валунам, с руганью вся кода отступила к тропе, причем один серьезно хромал, вопил громче всех и расстрелял весь рожок.

Затем они широко разошлись, отрезая окольный выход на тропу. На двухстах метрах пистолет был бесполезен — и никаких шансов сократить дистанцию. По открытому-то месту! Положат вмиг. Оставалось одно: уходить назад, удаляясь от тропы, прикрываясь валунами до последней возможности и надеясь, что эти трое не профессионалы, а так, мужики с оружием...

А еще через минуту на тропе грохнуло, засвистело, и в мутном небе начали с треском расцветать букеты. Очень красивые, веселенькие. Похоже, здесь было принято вызывать подмогу китайским фейерверком.

Прошел день, и прошла еще одна светлая «ночь», прежде чем он бросил оружие на песок. Больше суток Фома уходил от облавы, петляя, кружа и временами отстреливаясь. Очень скоро он понял, что за него взялись всерьез, и больше не стрелял по ногам. Он спасал свою жизнь и не считал чрезмерной платой за нее жизни каких-то чужаков. Подстрелить удалось только двоих — загонщики не рисковали зря. Любой стрелок мог бы гордиться попаданиями в ростовую мишень на несуразной для пистолета дистанции.

В него тоже стреляли, но больше как раз по ногам. Нетрудно было догадаться: кто-то из имеющих право отдавать приказы распорядился брать живьем.

Пули расплескивали песок. Одна оцарапала колено. Другая, пущенная чересчур высоко, пробила навывлет рюкзачок и разнесла вдребезги бинокль, по счастью, не задев детонаторы «карманной артиллерии». Чуть позже, зажатый в скалах, он уже подумал, что все, крышка — и чудом прорвался, истратив все четыре гранаты. Один раз ему даже удалось навести преследователей на скопище ловушек — и черный провал сглотнул наиболее настырного, а остальные отступили.

Просочиться бы в свой феоде! Пусть бы облава продолжалась и там — на здоровье! У себя дома любой феоде, держа в памяти приблизительное расположение ловушек и рискуя по-умному, за час-два уполовинит число загонщиков, а остальные крепко призадумаются. Уже не над тем, как словить беглеца, а как бы самим унести ноги. Не зря говорят, что дома стены помогают. Стены феоде — неизвестные чужакам гиблые зоны.

Но здесь чужаком был он сам. Трижды лишь чудом удавалось избежать ловушек. Сам не понял, как успел выскочить из горячего вихря, не вдохнув раскаленного, как в домне, воздуха. Не сгорел, не задымился даже, а несколько ожогов первой степени — чепуха. Как всегда, как везде, ловушки не распределялись равно-

мерно по площади. Сравнительно безопасные места сменялись жуткими «минными полями», сильно тормозящими продвижение. Не будь их, он наверняка спасся бы.

Но даже с ними Фома почти подобрался к границе своих владений, хотя оторваться от погони все-таки не сумел. Здесь уже лежали владения Губайдуллина, а не Перонелли. Бывший феодал бывшего феодала. Больше десяти лет назад Фома побывал один раз в этих краях. Слишком давно, чтобы помнить невыразительный ландшафт. Что уж говорить о ловушках...

И все-таки он почти вырвался. Меж двух обширных полей зыбучего песка тянулся узкий и длинный перешеек. Форма и цвет песчаных волн многое скажут внимательному глазу. Проход казался безопасным.

Он и был таким. Ни одной ловушки, даже ни одной подлжки не встретилось Фоме до тех пор, пока он, уже торжествуя победу, не налетел с размаху на прозрачную стену.

Незримая твердь!

Даже не ловушка — просто невидимая преграда.

Борька нашел одну такую недалеко от оазиса Гвидо. Но та напоминала круто изогнутый арочный мост. Из-за крутизны взобраться на нее было трудно, зато никто не мешал соскальзывать сверху на зад, как с горки. Борька так и делал, вопя от удовольствия. Фома же раза два или три использовал незримую твердь, чтобы осмотреться с высоты. Ни на что более полезное она была не годна.

Скользя ладонями по твердому ничто, он прошел влево до границы зыбучих песков, затем так же вправо. Попрыгал там и сям, надеясь достать до верха.

Напрасно. На ощупь невидимая поверхность напоминала гладкое — не ухватиться — стекло. Выстрел не оставил выбоины, а на песок упала сплюснутая пуля.

Для подкопа не хватало времени, да он, наверное, и не принес бы результатов.

Без сомнения, его нарочно пытались загнать в эту мышеловку! И он радостно купился, поверив, что еще самую малость, еще совсем чуть-чуть...

Да и кто бы не поверил.

Преследователи — их было много — надежно перекрыли выход из западни. Они могли срезать беглеца первой же очередью, а у него не оставалось даже шанса прихватить с собой на тот свет хоть одного из них. Ему орали в рупор то, что он понимал и сам, — как-то и амба. Тогда он бросил пистолет на песок и стал ждать.

Избили его несильно, и Фома понял почему, когда его вели, скрутив за спиной руки. Был приказ доставить живым, и загонщикам, превратившимся теперь в конвойных, естественно, не хотелось тащить на себе полубесчувственное тело. Куда спешить, у этого тела все еще впереди. Этому телу не позавидуешь...

Зато его с охоткой подбадривали прикладами в спину.

Шли долго, цепочкой. Иногда меняли направление, обходя опасные места, иногда останавливались и ждали, выпуская вперед тщедушного мужичонку — проводника. Тот обильно потел, выражал взглядом животный ужас, лопотал на пиджин-рашене, но всерьез перечить не смел. Находить ловушки по косвенным признакам он не умел, чутья был лишен — словом, смертник. Впрочем, когда он ничтоже сумняшеся ступил на явный зыбун и с воплями начал погружаться, ему бросили веревку. Кажется, во владениях короля ничего не пропадало даром, включая человеческий материал.

Часа через три сделали привал. Пленнику разрешили сесть на песок. Ближайший конвойный долго, напоказ, отвинчивал колпачок фляжки, долго, с наслаждением пил, дергая кадыком и булькая, а потом дол-

го заворачивал колпачок. Фоме воды никто не предложил.

Адски хотелось пить.

Когда время привала вышло, его подняли пинком. Часа через полтора выбрались на тропу — не ту, где он напоролся на караван носильщиков, другую — и сразу пошли быстрее. В маленьком оазисе, где трое серых от испуга хуторян всю старались услужить солдатам, Фоме дали глоток теплой воды.

Здесь колонна разделилась. После краткого отдыха одна вереница потянулась на север, другая, с проводником в голове и Фомой в середине, продолжила путь на запад.

Поначалу Фома прислушивался к разговорам. Солдаты, все как один здоровые парни разных цветов кожи, болтали между собой по-английски и, кажется, по-испански, но больше на ломаном русском. Заговорить с ними Фома не пробовал, не видя в том смысла. Можно попытаться совратить одного конвойного, от силы двоих, пообещав им золотые горы, — но не десяток.

Да и какие золотые горы он мог предложить? Судя по репликам солдат, служба их устраивала. Они были сыты, одеты и не казались замученными. Хуторяне кланялись им до земли, носильщики и проводники пикнуть не смели, наместники обеспечивали вкусной пищей и доступными женщинами, а что до прогулок по Плоскости, то кто их любит? Разница только в том, что солдат выступает в поход по приказу, а феодал — по необходимости. И гораздо чаще, чем солдат. Вот и вся его кажущаяся свобода...

Пришла еще одна «ночь», но по тропе отряд двигался и в полумраке. Временами в голове колонны раздавался панический тонкий вскрик — проводник обнаруживал что-то опасное или ему мерещилось, что обнаруживал. Несколько раз сходили с тропы, обходя то ли реальные, то ли кажущиеся гиблые места. Потом

вдруг донесся отчаянный вопль, и колонна остановилась на несколько минут. Когда наступил «день», Фома заметил, что впереди идет другой проводник. Давешний тщедушный мужичонка бесследно исчез.

Мысли путались, голова стремительно тупела. Ничего не осталось в мире, кроме нескончаемого пути. Фома потерял ощущение времени. О побеге он больше не помышлял. Перестал глядеть по сторонам, отмечая в уме места надежные, места сомнительные и явные ловушки. Если бы прямо перед ним разверзся черный провал, Фома шагнул бы вперед без страха. Почему бы нет? Хуже уже не будет.

И провал открылся, хотя существовал лишь в воображении. Фома очнулся под гогот конвойных, пинавших его ногами под ребра, и понял, что упал в обморок. Вокруг глумились и гоготали. Нелегко встать со скрученными за спиной руками, но он встал сам, не дожидаясь, пока поднимут. У феодала есть своя гордость. Хотя есть и предел выносливости. Преимущество загонщиков состоит в том, что их много на одного, они меньше бегают, подвергаются неизмеримо меньшему нервному прессингу и даже могут сменять друг друга.

Когда он упал вторично, в лицо ему брызнули воды и дали напиток. Больше Фома не падал.

Был еще какой-то оазис и привал в нем, а вскоре достигли и резиденции наместника. Сагит Губайдуллин, сильно располневший с тех давних пор, как Фома видел его в последний раз, не вышел встречать. Фома нашел в себе силы покривить губы в усмешке: что естественно для феодала, то неуместно для сатрапа персидского. С повышением-с!

Таких оазисов он никогда прежде не видел. Зерновое поле отсутствовало напрочь. Несколько старых деревьев разных пород возвышались над молодым фруктовым садом. Пород деревьев Фома издали не разглядел, но были тут и деревья цветущие, и деревья

плодоносящие, и деревья голые, сбросившие на время листву. Среди зеленеющих огородов медленно перемещались согнутые спины огородников, занятых, надо думать, прополкой.

Поразило количество строений. Не менее десятка каменных, глинобитных и плетенных из прутья хибар, то ли жилищ, то ли амбаров, были разбросаны по оазису с виду хаотично, но искусственный взгляд улавливал систему: ни клочка плодородной земли под строительство! Даже над маленьким озерком, откуда женщины черпали воду для полива, стоял домишко на сваях.

Вдруг послышалось блеяние. От огородов по направлению к загону для скота трусил рысцой работник с тачкой, доверху наполненной зеленью. Здесь даже сорняки и ботва шли в дело. И здесь разводили скот!

Пастись ему, правда, не позволяли. Зато во влажной низине вокруг озера густо зеленели высокие травы и трудился косарь.

Ничего больше Фома разглядеть не успел — его втокнули в дверь самого большого в оазисе дома. И самого нарядного, с окнами и занавесочками, со сланцевой плиткой, уложенной на кровлю вместо черепицы. Фома ни на минуту не усомнился, что это и есть резиденция наместника.

Правда, и этот дом был одноэтажным, зато внутри состоял из нескольких комнат. Пленника оставили в приемной под конвоем. Здоровенный чернокожий солдат, в чьих лапах «калашников» выглядел детской игрушкой, протиснулся во внутренние покои и доложил. Тягучий и чуть гнусавый голос Сагита Губайдулина отозвался немедленно. Фома помнил этот голос. Сагит всегда говорил как бы с ленцой, даже отдавая приказания.

— Сюда его давайте.

Фому втокнули во внутреннюю комнату. Здесь царил приятный полумрак, веяло прохладой, и перед низеньким столиком с фруктами на роскошном по меркам Плоскости ложе в роскошном восточном халате полулежал Сагит. Увидев Фому, он иронически поднял бровь.

— А досталось тебе, однако... Впрочем, рад видеть. Я сразу понял, кто к нам пожаловал.

Фома молчал.

— Язык проглотил, что ли? Или отстрелили?

— Никак нет! — рявкнул чернокожий конвоир. — В соответствии с приказом.

— Тебя не спрашивают, — поморщился Сагит. — Встань там, не засти... Слушай, сосед, я удивлен. Чего ты к нам приперся? Осознал, что ли? Вот что я тебе скажу: раньше надо было осознавать, а не уши людям резать. Радуйся, что моим людям попался — Гумно с тобой знаешь что сделал бы? Он теперь носит волосы до плеч и боится облысеть. — Сагит прыснул. — Ну ладно, ближе к делу. Если бы ты осознал, то не стал бы отстреливаться, и мозги мне можешь не пудрить. Теперь что с тобой прикажешь делать, а? Что молчишь? Не догадываешься, что тебя ждет?

— Догадываюсь, — сказал Фома утрюмо.

— Неужели? Я вот не догадываюсь. Не мне решать, да оно и к лучшему. Насчет тебя есть приказ: доставить к Самому. Приказ давний, но никем не отмененный, значит, так тому и быть. Готовься путешествовать дальше. Комфорта не обещаю, но безопасность обеспечу. Цени заботу.

Сделав паузу, он взял с блюда очищенный апельсин, неспешно разделил его на дольки и одну положил в рот, не сводя с пленника внимательного взгляда. Не дождался никакой реакции, вытер руки о халат и продолжил:

— Не ценишь? Зря, между прочим. У Перонелли

трое погибли, пока тебя гоняли, и моих двое, да есть раненные. Метко стреляешь. А кто не под пулю попал, а на ловушку напоролся, так все равно, считай, из-за тебя. Уж мои ребята с тобой потешились бы как следует, дай им волю. Веришь? Вижу, что веришь. Беда, что приказ насчет тебя очень уж жесткий. Один Гумно, может, и рискнул бы нарушить, а я и мои люди — нет, нет. Своя голова на плечах мила. Так что отправим тебя к Его Величеству, пусть он решает, раз ему так хочется... Сказать ничего не хочешь?

Сказать? А зачем? И кому? С соседом-феодалом Фома поговорил бы охотно, и был бы этот разговор полон недомолвок, экивоков и дипломатических уловок. Выведать побольше, о себе рассказать поменьше... Но это был бы дружеский разговор. Так сказать, в рамках добрососедских отношений. Но о чем свободный человек может говорить с рабом? Пусть даже раб хорошо одет, вкусно ест и добыл свое завидное положение, умея командовать другими рабами. О чем?

— Не о чем мне с тобой говорить, — выдавил Фома. — Наместник херов, сука, людоед...

Лишь удивление отразилось на сытом смуглом лице наместника, и Фома сам удивился. Нет, не понять друг друга. Да и незачем. Кончилось то время, когда понимали.

А потом Сагит неожиданно улыбнулся — чуть снисходительно. Ну-ну, мол, резвое дитя... Указав чисто вымытым мизинцем на Фому, приказал негру:

— Развязать, вымыть, накормить и доставить без усушки и утруски. Сбежит — башкой ответишь. Пшел!

Ему даже дали поспать — часа три, не больше, но и скромная порция сна показалась дивным блаженством. Наплевать, что взаперти и под бдительным оком часо-

вого. А перед сном ему и вправду развязали руки, позволили поплескаться в озерке, накормили невероятно вкусной кашей и не связали рук вновь. Видно было, что местные вояки привыкли выполнять приказы без рассуждений и буквально. Все же перед выходом тот самый негр, старший в команде, демонстративно опоясался веревкой поверх ремня и, с лязгом передернув затвор автомата, с ухмылкой похлопал себя по мощной ляжке. Предельно наглядно: дернешься — свяжем, побежишь — подстрелим не насмерть. И ты уж, дружок, лучше не рыпайся, не заставляй нас потом тащить тебя на себе, не подводи офицера под дисциплинарное взыскание...

Фома скрипел зубами, но бежать не пытался. Побег, как и политика, — искусство возможного. Терпи и жди подходящей минуты. Возможно, сама Плоскость даст шанс.

Он думал о Сагите. Уходя от него, Фома слышал за стеной веселый женский смех. Жена? Наложница? Наверное, какая-нибудь одалиска из гарема, явившаяся по щелчку пальцев ублажать повелителя. Страстная и покорная, потому что иначе — шагом марш пропалывать морковку или сгребать навоз! А то и в проводницы, ловушкам на прокорм.

И еще: Сагит не отказался взглянуть на пленника, но не стал беседовать с ним с глазу на глаз. Не снизошел или не рискнул?.. Пожалуй, второе. Добросовестный соглядатай, если он был среди конвойных, слышавших разговор сквозь неплотно запертую дверь, не мог донести королю ни о какой крамоле.

Как быстро из независимой личности фабрикуется лукавый раб!

Он пытался убедить себя в том, что на Сагита это похоже. Силился припомнить свои давние и редкие встречи с ним, соседом-феодалом. Нет, ничего такого не припоминалось. Зато с документальной точностью припомнились слова Гумно: «Губайдуллин чуть ли не

вприпрыжку прибежал». Да, слаб человек. Ты ему о свободе, о вольном ветре, о единственном долге оставаться человеком, а значит, помогать людям, а они тебе о том, как пожрать, потрахаться да понежиться в безопасности! Слаб человек...

Выходит, и виновен потому, что слаб? Или Сагит всегда был сволочью, умея это скрывать?

Ответа не было, и мысли мало-помалу переключились на ближайшую перспективу. В том, что его не ждет ничего хорошего, Фома не сомневался. Маловероятно, что король спит и видит, как бы познакомиться со своим двойником. Особенно после того, как двойник нанес ему оскорбление действием через посланника — можно сказать, принародно плюнул в рожу. Тут серьезный счетец. Можно только удивиться тому, что король не начал войну при его-то преимуществе в живой силе. Второй ракеты испугался, что ли? Которая может и взорваться? Это правильно...

Значит, казнь? Показательно-страшная, чтобы другим неповадно было?

Похоже на то. Но прежде — допрос с пристрастием, после которого и костер покажется желанным избавлением. Упорный враг явился сам и дался в руки! Какой подарок! После уточнения сведений о его владениях можно приступить к их планомерному поглощению. Кто сумеет помешать?

Борька?

Вряд ли. Глуп и мал.

Да никто всерьез не помешает!

Фома скрежетал зубами. Он был виноват во всем, только он один! Если уж решился на разведрейд, надо было готовиться к нему как следует. Глубоко не ходить, ни в коем случае не обнаруживать себя до времени, взять «языка» — и с ним назад! Чего проще. Правда, наверняка возникло бы еще больше вопросов, зато более осмысленных...

Теперь будут и ответы. Надо полагать. Но на что они мертвецу?

А если не казнят?

Фома сам не заметил, как начал убеждать себя: не казнят. Зачем тогда было платить такую цену, чтобы взять его живьем? Пусть люди в этом сволочном королевстве вечно пополняются и ничего не стоят — но только не квалифицированные военные.

Потом он понял, что сам себя загнал в психологическую ловушку, желая, как и все люди, верить в лучшее. А на каком, собственно, основании?

Еще немного позднее он решил, что там будет видно. Конечно, если не представится никакой возможности для побега.

Подкупить конвойных он даже не пытался. Что мог он предложить им? Максимум — свое место. И только одному.

Да разве кому-нибудь из них нужна эта гиря на ноге — феодал, нуждающийся в постоянной заботе?! Ха-ха.

Шли долго даже по меркам феодала. Трое конвойных сзади, один впереди и еще два проводника, сменявших друг друга. То ли проводникам везло, то ли попались асы, то ли хорошо натоптанная тропа и впрямь шла по относительно безопасным местам.

Фома предпочел бы ад крошечный. Легче удрать.

Но кто же не знает, что закон подлости действует на Плоскости вернее и нагляднее, чем на Земле?

Из всех оазисов, какие доводилось видеть Фоме, этот был самый большой. Дальний его край размывался в извечно мутном воздухе, и лишь где-то очень далеко угадывались не то холмы, не то дюны на дальней границе. И чего в этом оазисе только не было!..

Протарахтел, пыля, мотоцикл. Проскакал всадник, и видно было, что скачет не по делу, а просто так, для

удовольствия. Фома разинул рот, увидев лошадь. Она то каким чудом сюда попала? Это людей на Земле много, а лошадей — мало... Из-под двери неказистого сооружения, явно амбара, выползла по-пластунски полосатая кошка, зажав в зубах мышь. Вот это номер — здесь и мыши водились!

Положим, ничего удивительного: мышей — зерногрызов и переносчиков заразы — везде более чем достаточно, и хотя Плоскость предпочитает выхватывать с Земли именно людей, но и мышек может зацапать... Хорошо, что также и кошек, иначе прощай урожай!

Он заметил, что начал смотреть на чужой оазис по-хозяйски, и демонстративно сплюнул. Это чужие владения. Чужая — нет сомнений — столица. Чужое всё.

Но какое роскошное! Против желания Фома смотрел на вольно раскинувшиеся сады, пастбища, возделанные поля, крепкие и не без претензии на вкус строения — одно аж двухэтажное! Смотрел на дымящиеся куполообразные сооружения, гадая, печи ли это для обжига кирпичей или примитивные домны. Смотрел на чайные плантации и виноградники. На купальню, устроенную на берегу центрального озера с бьющим посередине гейзером. На устройства для подъема воды и разбегающиеся по оазису арыки.

Но за чей счет весь этот банкет? Фома вспомнил изможденное лицо женщины в приграничном оазисе, ее страх и нежелание делиться пищей. Ну ясно, за чей счет. Наверное, в королевстве существуют сотни таких оазисов, как тот приграничный. Вот и цель их существования, можно любоваться. Кое-что, понятно, перепадает и наместникам, но основная цель — вот она. Неважно, что у крестьян ребра вроде стиральной доски, — столица должна сиять и поражать воображение!

Его втолкнули в какой-то каменный сарай без окон

и подперли дверь снаружи. «Повторяетесь», — сказал Фома конвойным, но отреагировать те не соизволили. Может, попытаться разобрать крышу? Толку, конечно, не будет, сбежать не дадут, но хоть помотать нервы этим троглодитам... Он осмотрел потолок и отказался от своего намерения. Сплошной бревенчатый накат. Где они бревна-то берут? В королевских лесах?

Могло быть и такое. Фома уже ничему не удивлялся. Зажгись электричество — воспринял бы как должное. Но никакого намека на лампочку не обнаружилось. Свет проникал снаружи сквозь вентиляционные отдушины в каменной кладке.

Тюрьма, что ли? Фома приняхался, повертел головой и заметил в углу большую глиняную посудину, судя по благоуханию — парашу. Ну точно — тюрьма... Вспомнилось из старого фильма: «Нет, батяня, тюрьму запретить нельзя, без тюрьмы никак невозможно». И то верно: где государство, там и тюрьма. Лишь феодалы обходятся без нее по простоте душевной.

Зачем феодалу узилище? Кого в него сажать — бунтарей? Глупо. Не угодны существующие порядки — пшел вон, никто не держит. Плоскость открыта для смелого. Можно выгнать неуступчивого, можно даже застрелить в крайнем случае, но зачем же ограничивать свободу? Люди ограничивают ее сами себе, добровольно, потому что хотят жить. И каждый знает, что свобода — вот она, стоит лишь переступить границу оазиса. Кушайте эту свободу, купайтесь в ней!

В сваленной у стены куче подгнившей соломы шуршали мыши.

Поразмыслив, Фома пришел к выводу, что продержат его здесь недолго. Поковырял земляной пол и сразу наткнулся на скалу. Та-ак. На подкоп а-ля граф Монте-Кристо просто не будет времени. Сколько времени он скоблил камень — четырнадцать лет, кажется? Тут могут прийти и через четырнадцать минут...

Пришли примерно через полчаса. Уже не прежние

конвоиры, одетые кто как и напоминавшие лихих людей с большой дороги, а какие-то новые, в одинаковой щеголеватой форме с погонами — Фома сразу окрестил их гвардейцами, — учинили для начала еще один личный обыск, не заглянув разве что в задницу. Но оставшиеся от одежды лохмотья и грозящие развалиться кроссовки были подвергнуты самому тщательному осмотру и ощупыванию. Вслед за тем на запястьях Фомы защелкнулись новенькие никелированные наручники.

На сей раз руки сковали спереди, что немного обнадежило. Хотя никаких предпосылок для бегства Фома по-прежнему не видел и на нулевые шансы решил не ставить. Будь что будет. А ты — делай что должен. Попытайся сыграть свою роль как можно лучше, чтобы королевские подданные запомнили тебя кем угодно, но только не молящей о пощаде слякотью. Сыграй как надо в последний раз!

Эх, можно было заранее выпасть капсулу с цианистым калием на самый худший случай и положить под язык... А, что толку мечтать о несбывшемся! Задним умом все сильны.

ГЛАВА 7

— Вот ты какой, — очень знакомым и почему-то крайне неприятным голосом сказал король, чуть только гвардейцы вышли, повинувшись отданному небрежным жестом приказу. — Ну здравствуй. Присаживайся. Вон туда.

Столь обширного помещения Фома на Плоскости еще не видел. С некоторой натяжкой оно подходило под определение «зал». Тронный зал. А заодно и пиршественный.

Из широких окон лились потоки света. Половину зала занимал длинный, как подиум, стол персон на срок-пятьдесят, крытый скромным, но чистым сукном

явно местной выделки. Мутные стекла в окнах также наводили на мысль о кустарном стекольном производстве. Да и деревянный трон, помещавшийся во главе стола на небольшом возвышении, украшала грубоватая резьба заведомо ручной работы. Как видно, эфемерные вещи считались здесь моветоном.

Фома лишь скользнул по ним взглядом.

Он смотрел на короля.

На свое второе «я».

Похоже, жизнь шла королю на пользу. С тех пор как Фома попал на Плоскость, он ни разу не видел свое отражение в полный рост. Он и сейчас видел не себя. В пяти шагах от него на деревянном, вряд ли удобном троне восседала карикатура на феодала, ядовитая и омерзительная.

Ни морщинки на хорошо выбритом лице, ни следов ожогов, ни шелушащейся после обморожения кожи. А небольшое, но уже заметное брюшко? А отутюженный строгий костюмчик? С галстуком? А прическа ежиком и нарождающиеся залысины? Alter ego походил на гендиректора фирмы средней руки, взгрозившегося зачем-то на трон времен короля Артура.

А голос? «Неужели и у меня точно такой же?» — содрогнувшись, подумал Фома. Он совсем забыл тембр своего голоса. Ни разу за тринадцать лет ему не пришлось в голову выпасть диктофон. Ненужная вещь.

— Не нравлюсь? — с многозначительной усмешкой произнесло второе «я». — Успокойся, ты мне тоже. А познакомиться нам надо было. Вот и свиделись. Ты садись, садись, не маячь. Разговор к тебе имею.

Стульев и кресел в тронном зале не водилось. Фома присел бочком на длинную скамью у стола. Мешали скованные руки.

А если все же рискнуть...

— Даже не пробуй. — Король со значением поднял палец. — Предусмотрено, так что не советую. Ведь

я — это ты, поэтому вижу тебя насквозь. Знаю, чего тебе хочется.

— Врешь, — прошипел Фома. — Ты — это не я...

— Правда? — с фальшивой наивностью удивился король. — Да неужели? И чем же это я, интересно мне знать, от тебя отличаюсь? Два слепка с одной матрицы. Может, один из нас бракованный, а? И ты, разумеется, точно знаешь, кто именно?

— Знаю.

— Ну-ну. Я слушаю. Только давай по делу, без ругани. Толку от нее ноль, а время уходит. В чем я, потвоему, не прав?

— А ты сам не видишь?

— Вижу, — спокойно ответил король. — Я был не прав, когда отправил к тебе посланником этого идиота Гумно. Он потом жаловался на тебя, требовал немедленной карательной экспедиции. И я чуть было не послушал его — ты ведь и моему имиджу урон нанес. К счастью, я вовремя одумался. Даже чуть раньше, чем вблизи Конвейера упала твоя дурацкая ракета...

— Долетела все-таки, сволочь, — пробормотал Фома.

— Долетела, как ни странно. Взорваться, правда, и не подумала, в чем я вижу прямое вмешательство Высшей Силы. Просто воткнулась в песок, никого не убив, и дня через три благополучно рассыпалась. Я запретил ее трогать. Ядерная боеголовка, верно? — Король коротко рассмеялся. — Ну ясно, ядерная... Что молчишь? Так кто же из нас двоих преступник?

— Ты.

— Очень интересно. Ты продолжай, я слушаю.

— Непонятно? Ты нагадил, я пытался исправить.

Тень задумчивости легла на лицо монарха. Длилось это всего несколько мгновений, но их хватило, чтобы Фома пришел в недоумение. Прикидывается дурачком, что ли? Или и впрямь не понимает?

— Ах, вот в чем дело! Да ты просто наивен, парень. Прост, как... как феодал. Гумно владел информацией, полученной от меня. Я же по причинам, о которых ты и сам догадаешься, не собирался открывать ему истину. Тебе по-родственному открою: Конвейер заработал сам по себе, я к этому делу никакого отношения не имею. Если бы он заработал в феоде Гумно, боюсь, он сейчас был бы королем, а я наместником. Понятно? Ты что, всерьез решил, что я открыл способ форсировать работу одной из точек выброса? Опомнись. Никому это не под силу. Можно только скрывать правду, и то до поры до времени. Время это давно вышло, так что не думай, будто я делюсь с тобой секретной информацией... Ладно! — Король пристукнул рукой по резному подлокотнику. — Мне вот что интересно узнать: допустим, в твоем феоде одна из точек выброса превратилась в Конвейер. От двадцати до пятидесяти пяти человек в день. Твои действия?

Фома угрюмо промолчал.

— Ты, наверное, скажешь: отдать все внимание этой точке, забыв об остальных. Ликвидировать кадровый дефицит у себя в оазисе, это можно сделать в первый же день, а далее собирать народ гуртом и водить к соседям? Разок получится, да. А дальше сам сообрази, как скоро твои соседи пошлют тебя далеко и надолго. Человеколюбец, блин! Начиная с какого времени из каждых ста вновь прибывших у тебя начнут погибать сто? И ты, конечно, сделаешь от большого человеколюбия то же, что сделал Моисей: поводишь-поводишь народ по пустыне, а потом вооружишь его и обрушишься со всей силой на соседей. Чтобы подвинулись. Нет? Попытаешься отбить и ограбить оазисы, истребить чужих хуторян ради своих. Чужие ведь будут защищаться не на жизнь, а на смерть. И в лучшем случае ты добьешься того, что из ста у тебя погибнут не сто, а девяносто девять... Большой, однако, прогресс!

— А у тебя было иначе?

— Что было, то прошло, — отрезал король. — Сейчас у меня на первых порах выживает девяносто пять процентов вновь прибывших.

— Чтобы стать проводниками? — уколол Фома.

— Чепуху несешь. В проводники попадает не всякий, да ведь можно и выслужиться. Примерно восемьдесят процентов новичков живут год и более. О большем сроке говорить пока рано, статистики нет, но можно надеяться, что каждый второй проживет свой срок и мирно скончается от старости. Есть к тому предпосылки. Этот оазис, моя столица, так велик, потому что его таким сделали. Отвоевали у пустыни. Раньше тут было три оазиса с десятком человек нищего населения — теперь живет тысяча!

— Я видел другие оазисы...

— Удивил! А то я не знаю, как у меня на периферии люди живут! Дай срок, везде будет нормальная жизнь. Ловушки избегают воды, значит, с ними можно бороться. Копать арыки. Бурить скважины. Артезианской воды сколько угодно. Если правильно поставить дело, добиться можно многого. Естественно, только в рамках крупной корпорации, иначе не стоит и браться за дело. Никакой феодал не сможет даже подступиться к преобразованию Плоскости, кишка у него тонка и фирма слабосильна. Взять хоть тебя. Из кожи вон лезешь, чтобы поддержать статус-кво. Никакого потенциала развития, никакой перспективы...

— Одного не пойму, — перебил Фома, — почему ты не начал войну? Второй боеголовки испугался — вдруг рванула бы?

— И это тоже, — спокойно ответил король. — Это как раз то, чего мне совсем не надо. Но не главное. А главное вот что: мне войны не нужны. Конвейер понемногу успокаивается, это раз. Феодалы, кто с мозга-

ми, присоединяются ко мне добровольно на выгодных условиях, это два...

— А их хуторяне мрут от голода.

— Не мрут, не выдумывай. Недоедают — это да. Кстати, ты сам виноват. Чтобы люди не голодали, страна должна расширяться. Не спорю, многим у меня приходится туго. Зато они живут и надеются на лучшее. Я вовсе не изувер. Живи сам и давай жить другим... по возможности. Как у тебя с больными? У меня есть медицина. Держу даже лепрозорий для прокаженных и всяких прочих неизлечимых заразных больных, да-да! Просто отдаленный оазис, где они могут прокормиться. Налогов с них не берут. А уж побережь полезного человека просто сам бог велел. Не сомневайся, со временем перестанут голодать и менее полезные...

— А через двадцать лет все будут жить при коммунизме, — глумливо вставил Фома.

— Чего не обещаю, того не обещаю. Но сыты будут. Кстати, ты не мог бы заткнуться на время? Мешаешь. Третий фактор — недостаточная скорость связи, ограничивающая предельные размеры королевства. Над этим мы думаем. Наконец, четвертый фактор — у меня достаточно данных для анализа, и вот что он показал: твой феодал со временем достанется мне без всякой войны. Ну, год, ну, от силы два... Проще подождать. Сам пришел — вот и хорошо. Ускорил дело.

Фома сглотнул. Да, его коронованный двойник — не Сагит Губайдуллин! Тот хотя бы укоризненно напомнил об убитых при облове — этот даже не упомянул. Мелочь. Не тот масштаб.

Но каков апломб у Игоря-второго! Впрочем, тут его, наверное, зовут Игорем Первым...

— Что ты можешь знать о моем феоде?

— Чего там знать, — презрительно сказал король. — У тебя семнадцать оазисов, не считая того,

что совпадает с дурилкой. Четырнадцать из них заселены, три пустуют. Ограниченный набор сельскохозяйственных культур, скота нет вовсе. Пять или шесть точек выброса. Гм, многовато. Как ты с ними управлялся?.. Ах да, у тебя же есть ученик. Твои соседи: Шредер, Бао Шэнжуй, Магнуссон. Ну и я, конечно. Что еще? Назвать тебе место, где ты иногда спишь и видишь полезные сны?

— Назови. — Фома сглотнул.

— Почти точно к северу от твоего оазиса. Могу примерно показать на карте. Почти у всех феодалов спальня более или менее посередине феода, но твоя немного смещена к востоку. Я мог бы принудить тебя к сдаче без большой стрельбы, просто захватив спальню, но зачем? Устранять тебя, упрямца, — и вовсе лишнее. Сам... освободишь место. В смысле, освободил бы. А уж с твоим преемником мы как-нибудь договорились бы.

— Уверен?

— Насчет преемника? Безусловно.

— Насчет меня.

— Тем более. Феодала, если он настоящий, губят не ловушки. У феодала со временем психику клинит. Лет пять, ну десять, у самых уникалов пятнадцать — и баста. Вот ты, к примеру, когда тебе надо выспаться какую-нибудь ерунду, кусок мыла, к примеру, о чем раньше думал перед сном? О Мойдодыре? Да здравствует мыло душистое, да? Ребенком себя воображал? Вспоминал, как мама тебя в корыте купала? А лет через пять тебе уже снилось дерьмо какое-нибудь и как ты от него отмываешься. Теперь — по глазам вижу — виселицей во сне любишься. И материализуется у тебя обмылок, а в придачу к нему веревка с петелькой. Нет?

— Психоаналитик какой! — процедил Фома.

— Ага, значит, угадал. Да тут большого ума не на-

до — угадать. Что я, феодалов не видел? Кто ради людей из кожи вон лезет, кто ради себя, любимого, а итог один: выработка ресурса и полная профнепригодность в перспективе. Вот так оно обстоит с феодалами.

— А с монархами? — спросил Фома, пытаясь нагло улыбнуться.

— У монархов свои закидоны, — равнодушно сообщил Игорь-второй. — Традиционные. Монарх — он и в Африке монарх, и на Плоскости. Ну, ты же историю в школе учил? Про Людовиков хоть помнишь? Мания величия, неприятие критики и все такое. Тоже вредная профессия, зато я знаю, как с этим бороться. Да тьфу! — все основатели династий это знали. Хрен бы они чего построили с нуля, эти Людовики, хоть Пятнадцатый, хоть Четырнадцатый. Нашлись бы другие люди.

— Так ты, значит, намерен основать династию? — ухмыльнулся Фома.

— Уже основал. Наследники есть. Один еще мал совсем, а другой толковый, далеко пойдет. Дальше что?

Фома смолчал. Мысли путались. А в самом деле, что дальше? Ничего, пожалуй.

А на столе перед Его Величеством вдруг появился невиданный круглый предмет, и только когда из него полились звуки, Фома понял, что это плеер. Как ни неуместно было удивление феодала, он удивился: куда же вставляется кассета?

Уйти труднее, чем остаться,
Сломаться легче, чем согнуться.
Забыть труднее, чем расстаться,
А сгинуть — проще, чем вернуться...

— Счет фишку Щербаков, — сказал король, оставив запись. — Как раз для Плоскости песня. У меня несколько таких. «Чижа» слышал? «Иду в поход, два ангела вперед...» Очень по делу. И я ведь был когда-то

феодалом... Хорошее было время. Как детство. И очко играет, и адреналин аж из всех пор сочится, и ответственность всего-навсего за два-три десятка человек. Выжил сегодня, помог выжить еще кому-нибудь — вот и ладно. День да ночь — сутки прочь, а о завтрашнем подумаю завтра. Так, что ли?

Фома молчал. «Попробуй сыграть свою роль как можно лучше».

Как можно лучше...

— Нечего возразить? Что ты знаешь о великих потопах, о синей тьме, о зеркальном безумии, о черном пламени, о распаде сущности, о каменных демонах? О ядовитой саранче, наконец? О песчаном цунами? Я могу назвать еще с десятков подобных бедствий. Конвейер — из того же ряда. Все это уже было, все отмечено в древних записях или дошло в устных пересказах. Почему? Потому что у меня есть люди, изучающие историю Плоскости. Есть архивариусы, археологи, фольклористы и прогнозисты. Существуют повторяющиеся явления, их можно и нужно предвидеть. Это уже много. А предвидя — принимать меры. Это не забота об общем благе?

Фома молчал.

— Какой-нибудь феодал может хотя бы отдаленно приблизиться к такой заботе? Молчишь? Знаешь, что нет. Кто-то там, наверху, время от времени кидает в наше болото камешек и смотрит, как будут расходиться круги. Это его дело. Но мы должны быть готовы. Я хочу быть уверен, что при любом катаклизме кто-то уцелеет. Что придется начинать заново не на пустом месте. Вольных феодалов катастрофа сметет. Королевство выдержит.

— Слишком большое хозяйство? — ядовито спросил Фома. — Не по зубам стихиям?

— Хозяйство порядочное, — не принял иронии король. — Твой феодал будет тридцатым.

— Да неужели?

Его Величество соизволил улыбнуться. Улыбка у него вышла почти ласковая и очень снисходительная. Так улыбаются взрослые, разговаривая с несмышленными, но милыми детьми.

— Будет, будет. И с твоей помощью.

На этот раз его продержали в «тюрьме» полсуток, если не больше. Избавили от наручников, принесли поесть, позволили выспаться. Спалось, правда, плохо. И сон приснился только один: та же вязкая глубина, но всего с одной рыбой — гигантской пятнистой муреной с гастрономическим интересом к беспомощному человеку. После третьего оторванного куска мяса Фома проснулся с сердцебиением.

Гипсовой мурены в камере, разумеется, не оказалось. И неудивительно: спальни никогда не совпадают с оазисами. А если бы совпадали, никому не пришлось бы в голову выстроить посреди спальни тюрьму.

Фома подумал, что у короля должны быть доверенные люди для обслуживания спален. Умение хоть как-нибудь, хоть в малой степени управлять снами — это ведь талант. И нужна еще стопроцентная лояльность. Нелегко, наверное, королю с кадрами.

Но если, помучившись, все же подобрать надежных людей — красота! Пусть живут в спальнях, пьют снотворные отвары, как можно больше дрыхнут и не отвлекаются на постороннее. У них только одна задача — спать, вызывая из небытия эфемерные, но полезные вещи. Специальные караваны будут доставлять им пищу и воду и увозить готовую продукцию. Спальня — это же неиссякаемое месторождение, и верх глупости не эксплуатировать его постоянно. Вот он, хозяйский подход! А чтобы надежные люди не спятили со скуки и пересыпа, можно ввести вахтовый метод: один спит в спальне, другой в это время ковы-

★ рует тяткой землю в ближайшем оазисе. И рад: размять мышцы после многодневной сонной вахты — это же одно удовольствие!

Озадачивала неприятная мысль: у королевства есть перспектива. Многие подданные жили хуже, чем самый нищий хуторянин у самого нищего феодала, но многие жили лучше. Со свободой было туго, но кто же выберет голодную смерть взамен сытой несвободы? Да и полуголодное существование все-таки лучше, чем никакого. Все хотят жить.

Но начальство ведь и не возражает! Живи. Живи хорошо, если ты годен на многое. Если амбициозен, упорен, смел и неглуп. Живи похуже, если ты робкая посредственность. И не обижайся, если тебя определяют в проводники за то, что ты бездарен и ленив, вне зависимости от уровня твоих запросов. Каждому — свое.

И есть возможность роста! Докажи, что ты способен на большее, дождись вакансии — и можешь претендовать на освободившееся место солдата, сборщика налогов, агронома, строителя, а то и наместника. Выкажи ум, расторопность и преданность — и живи сыто, безопасно и со смыслом. Уже доказано, что королевству по силам преобразовать Плоскость. Вот и преобразуй! Наступай на нее, гадину, арыками и садами. Проектируй каналы. Руду поищи, займись металлургией — не век же пользоваться эфемерным инвентарем!

И наступит время, когда все станут сыты. Если король не соврал, если взбесившаяся точка выброса понемногу успокаивается — оно наступит обязательно. Оазисы сольются. Люди позабудут о ловушках и подлянках, зато вспомнят о средствах транспорта и коммуникации. На Плоскости появится почти все, что есть на Земле. И это не будет застывший мир — это будет развивающийся мир благодаря новичкам, приносящим знание из Большого мира...

Если только не будет вмешательства «сверху». Если Экспериментатор не решит, что эксперимент выходит из-под контроля.

Но кто из людей может знать смысл эксперимента? Цели Экспериментатора туманны. Может, он изучает социальное поведение людей? Изменит какую-то мелочь — например, производительность *одной* точки выброса — и смотрит, какую социальную модель родят в мучениях эти двуногие чудики, какую форму общественных отношений они в конце концов сочтут оптимальной в данных условиях. Почему бы нет?

А надоест — найдет синюю тьму, ядовитую саранчу или использует еще какой-нибудь ластик, чтобы все стереть и начать заново...

Вероятно, Земля для него — контрольная группа. В жизнь землян он не вмешивается. Ради чистоты эксперимента. Зато с копиями людей в созданном им мире волен делать все, что угодно.

Можно ведь стереть и королевство, и самую разбогачившую империю. Смотря какой ластик. Зря alter его вообразил, что человек может бороться с богом.

Фома вдруг заметил, что утешает себя, и разозлился. «Если» да «кабы»... А разобраться — обыкновенные самооправдания плохого хозяина, получившего по мозгам от хозяина рачительного. За что? За все хорошее. За доброту вместо рационализма. За ту самую доброту, благодаря которой у него, неплохого вроде феодала, гибнет все-таки больший процент людей, чем у короля.

Он никак не ожидал, что придется опять пускаться в путь. Да еще так скоро.

Однако пришлось. Стояли серые сумерки, всхрапывали лошади, люди носили тюки. Готовилась экспедиция. Куда, зачем — Фома решил не расспрашивать. И так скоро станет ясно. В путь собирался отряд чело-

★
век в двадцать при восьми лошадях. Две лошади были выючными.

Высокая вороная кобыла, крытая богато расшитой попоной, предназначалась, несомненно, Его Величеству. А низкорослая кляча с печальными глазами, отвислым брюхом и веревочной сбруей — феодалу.

Ему вновь сковали руки. Затем, как куклу, взгромодили на клячу и привязали наручники к луке седла. Гвардейцы работали быстро и без лишних слов. Фома безуспешно пытался понять, где они приобрели квалификацию — еще на Земле? Или под чутким и дальновидным руководством монарха вызревают местные кадры?

Долго ждали короля. А когда он появился в дорожной одежде, Фома решил, что монарх косит под Алена Делона в фильме «Красное солнце». Пижон. Черная шляпа, черный костюм, высокий каблук и, конечно же, пистолеты. Один из них — наверное, любимый — был спортивным «марголиным».

Монарх легко взлетел в седло. Четверо гвардейцев последовали его примеру. Тронулись шагом. Кляча по-нуро кивала головой, опустив морду ниже колен и даже не пытаясь тянуться к придорожным лопухам. В ее возрасте ей уже ничего не хотелось. Беарнский жеребец д'Артаньяна в сравнении с ней показался бы призовым скакуном. За животным, мешая ему уснуть, шел с хворостиной специальный холуй. На гладких скальных выходах, засыпанных на полях плодородной землей и оставленных как есть на дороге, кляча ставила ноги раскорячкой — похоже, ее не догадались подковать.

«Ночь» не была помехой при движении по огромному оазису. Правильные четырехугольники полей сменялись фруктовыми садами, отдельно стоящими домишками, пастбищами для скота, виноградниками, гигантскими огородами, плантациями чая, риса, табака и таких культур, о которых Фома ничего не знал.

Изредка встречались даже цветники, маленькие, но очень ухоженные. Кое-где, несмотря на сумерки, шла работа. На крохотной площади посреди маленького селения свистели лозы, и секомый верещал поросычьим голосом. При виде королевского кортежа толстый обер-профос скомандовал «смирно» и отдал честь, приложив руку к непокрытой голове. Его подручные, перестав сечь, повторили движение начальника, в то время как толпящиеся вокруг места экзекуции крестьяне и с ними вскочивший с деревянного топчана истязаемый низко поклонились. Монарх ответил милостивым кивком.

Наступил «день», а оазис еще не кончился, правда, его граница изрядно приблизилась. В последнем селении толстый бритоголовый тип, взгромоздившись на большой валун, декламировал что-то нараспев, то и дело вздымая длани к мутному небу. Надо думать, служил заутреню на местный лад. Паства нестройно подпевала. Какая религия могла произрасти на местной почве и в какой степени она поддерживается монархом, Фома так и не выяснил.

К его удивлению, кортеж держал путь не на восток, а на юго-запад. По основательности тюков и количеству носильщиков можно было догадаться, что путь предстоит долгий, не на один день.

Куда? Зачем?

На границе перестроились. Гвардейцы, король и феодал оказались в середине колонны. Вперед вытолкнули проводника — смуглого парня, мешающего русские слова с испанскими. Через час Фома пришел к выводу, что тот худо-бедно знает свое дело. На троечку.

А еще через час он понял, что троечка в этих краях — не проходной балл.

Справа стеной стояла радужно переливающаяся завеса, и не было ей конца-края. Слева к тропе там и сям вплотную подступали заливы и бухты огромного моря зыбучего песка. Морозный вихрь заставил по-

ежиться, и в тот же миг проводник, торящий путь шагах в сорока впереди, вспыхнул факелом, лишь спустя секунду-две отчаянно завопив и заметавшись. Ничего не соображая от боли и ужаса — или, напротив, понимая больше, чем Фома, — он побежал не назад, а вперед и влево. Один из гвардейцев снял с плеча автомат — и напрасно, потому что несчастный проводник внезапно исчез, не достигнув границы зыбучих песков.

Фома не удивился. Черный провал, обычное дело. И горячий вихрь. Очень горячий, такие редки. Сам не влипал, умудрялся уклоняться от самого жара, отделяясь волдырями, но за тринадцать лет дважды видел, как вспыхивают люди. Оба не выжили — один умер через пять минут, второй мучился несколько суток. Застрелить сразу — это, пожалуй, гуманно.

Вперед колонны вытолкнули нового проводника...

— Скалы видишь? Вскарабкаешься наверх — свободен.

Серый скальный массив изогнулся полумесяцем. Сухой песок, сбитый ветрами в волны, подступал к его вогнутой крутой стороне. Скалы походили на береговой обрыв сорокаметровой высоты, вырезанный в речном меандре рекой, исчезнувшей тысячелетия назад. Видно было, что они не отвесны и состоят из отдельных каменных блоков. Для опытного скалолаза вскарabкаться — вопрос пяти минут. Даже без снаряжения. Для молодого здорового мужчины, никогда не увлекавшегося скалолазанием, — задача непростая, но выполнимая. И даже без особого риска.

Это-то и настораживало.

— Я буду карабкаться, а мне станут стрелять в спину? — прошипел Фома, кривя рот. — Здесь так принято развлекаться?

— Я этого не говорил. Не веришь, что тебя отпустят?

— С какой радости я должен верить?

Король пожал плечами:

— А что тебе остается? Ведь королевскому слову, данному при свидетелях, ты не поверишь?

— Вряд ли.

— Так я и думал. А зря. Ну ты иди, иди, не задерживай... Пинками тебя гнать, что ли? Чудак-человек. Ему предлагают свободу, а он еще кочевряжится.

— Не торопи меня, — нахально сказал Фома. — Я занят.

Он и в самом деле был занят — растирал онемевшие запястья. Сине-багровые полосы болели и отчаянно чесались. Наручники были сняты только что — после четырех с гаком суток пути. Монарх лучше всех знал, с кем имеет дело, и не хотел рисковать.

Весь путь Фома проделал верхом. Удивительно, но кляча не сдохла. Утром четвертого дня она даже начала вяло подбрасывать задом, пыталась избавиться от седока, но годы ее были уже не те, и Фома усидел. Не преуспев в открытом бунте, животное расставило ноги и принялось шататься, симулируя адскую усталость, и одумалась, лишь получив молодецкий пинок в брюхо от одного из гвардейцев.

Ночевали в оазисах, вводя хуторян в состояние безмолвной паники. Наручников с феодала не снимали.

И теперь, растирая запястья, он тянул время, пытаясь понять смысл комедии. Предлагают свободу? Ну-ну. Отпустила кошка мышку... Какой-то смысл, несомненно, был. Не зря же Его Величество четверо суток терпел все неудобства кочевой жизни.

Фома еще раз взглянул на скальный обрыв. Отсутствие теней на Плоскости, портящее глазомер всякого новичка, не мешало феодалу. По прямой до скал было метров четыреста-пятьсот. Песок... нет, не зыбучий. Стрелять в спину, конечно, не станут — для этого незачем было забираться в такую даль. В чем подвох?

Какая-нибудь ловушка из числа редчайших, управляющаяся со своей добычей так, что на это специально стоит съездить поглазеть?

Не исключено.

— Иди, иди, — повторил король. Его черный костюм давно стал серым от пыли. Подбородок монарха зачернила густая щетина. Не похоже было, что он притащился сюда ради пустой забавы.

— Марш! — Тычок прикладом под лопатку получился чувствительным.

Тогда Фома пошел — не оглядываясь, не желая больше видеть ни своего двойника в роли короля, ни его свиту. Он шел, вытаскивая ноги из песка, и знал, что сейчас что-то случится. Обязательно. В этом весь смысл. На месте монарха Фома ни за что не отпустил бы своего двойника, тем более не разделяющего его взглядов... И этот не отпустит. Наверное, про скалолазание сказано просто так — все должно произойти еще до скал...

Шагов через пятьдесят он заметил камни.

Полузасыпанные песком серые булыжники лежали в нескольких шагах один от другого, образуя плавно изогнутую линию. Фома мысленно продолжил ее. Получилась большая, больше полукилометра диаметром, окружность. Скальная дуга целиком помещалась внутри нее.

Граница?.. Несомненно. Но граница чего? Кто и с какой целью выложил камни?

С бьющимся сердцем феодал переступил обозначенную линию.

Ничего не произошло.

Совсем ничего.

Он шел, смаргивая обильно выступивший пот, ему было очень страшно, но Плоскость словно издевалась над ним, подсовывая под ноги лишь мелкие песчаные волны — и только. Один песок. Ничего, кроме песка. По статистике, уже должна была встретиться какая-нибудь пакость, пусть мелкая. Мелких гораздо больше, чем крупных.

Он чувствовал, что у него вот-вот закипят мозги. Мало-помалу приближалась гряда. Ни малейшего на-

мека на прячущуюся поблизости ловушку. Слабый теплый ветерок ласково обдувал пылающий лоб. Фома предпочел бы морозный вихрь.

Мысль мелькнула и сейчас же попыталась удрать. Нет, стой... Морозный вихрь?.. Вот оно. Что-то нет тут никаких вихрей, ни морозных, ни раскаленных. Магнитных тоже нет. И вообще...

Где никогда не бывает ни ловушек, ни подлянок?

В оазисах.

В спальнях.

Ну и в дурилках, конечно.

Значит?..

Он чуть было не запаниковал. Дурилка? Вот как, значит...

Ноги пошли медленнее. Безумно хотелось рвануть что есть сил назад — пусть стреляют! Лучше быть трупом, чем никчемным идиотом. Но — стоп!.. Дурилка ли это? Почему пришлось проделать такой долгий путь? Дурилки встречаются довольно часто, можно было найти и поближе... А если это не дурилка, то что?

Обменник!

Еще десяток шагов — и все стало пронзительно ясно. Дурилка не годилась. Королю не был нужен двойник-идиот. Королю был нужен феодал, утративший самую суть характера феодала — гордую независимость! Ошибочно думать, будто тот, кто умеет по малозаметным признакам находить ловушки, — уже и феодал. Он всего лишь внимательный человек с хорошей реакцией. Феодал — это свойство души, а не тактико-технические характеристики глаз, ушей и мышц. Каждого пятого можно научить худо-бедно избегать ловушек, но человеку зависимому, робкому, трусливому, мечтающему о теплом местечке под чьим-нибудь крылышком, никогда не стать феодалом. Нечего и пробовать.

Много ли среди людей прирожденных лидеров? Немного. Много ли тех, кто к лидерству не стремится, но сам себе голова и вообще цельная личность? Тоже

не густо. Почти наверняка нужный королю эффект будет достигнут с одной попытки!

Отличная идея — раз и навсегда сбить с феодала спесь, изменив его внутреннее «я»! И станет феодал ручным. Наместником станет. Присоединение к королевству еще одного феода пройдет на «ура» — добровольно и бескровно. А спустя какое-то время можно уже решить, что с этим наместником делать. Он все же двойник Его Величества, значит, может оказаться и полезен, и опасен. На первом-то этапе почти не имеет значения, какие черты личности приобретет пациент, — гораздо важнее, какие он потеряет! А дальше... дальше можно или ликвидировать его, или еще раз, два и вообще сколько нужно пропустить через обменник, пока наудачу брошенные кости не сложатся в комбинацию «покорная овца». Немножко тягомотно, зато надежно и при возможностях короля вполне осуществимо...

Все эти мысли пронеслись в пять секунд и пять шагов. Паника улеглась. Теперь Фома знал, что из него не хотят сделать слабоумного, а это было уже много. Никто не покушался ни на его ум, ни на его память. У него хотели отнять его «я», но ведь предлагали что-то взамен!

Кота в мешке.

Зато гуманно. А разве он сам не обрек Автандила на ту же лотерею с личностями? Словно вчера это было. Обрек ведь без тени сомнения в своем праве вмешиваться в чужое, сокровенное...

Ну и не ной теперь.

— А вот хрена вам лысого, — пробормотал Фома, оглядываясь.

Голова была ясная, мысль работала. Напропалую рвануть когти?.. Поймают, свяжут и отнесут в обменник — лежи, голубчик, до конца процедуры. Никому из гвардейцев не хочется заходить за обозначенную границу — но по прямому приказу зайдут ненадолго, ничего им за малое время не сделается...

Стоп, а какое время?

В дурилках — проверено — примерно полчаса. Так. Шредер рассказывал, как выгнал из дурилки одного лопоухого новичка, проторчавшего там минут сорок, и тот поначалу нес дебильную чепуху, но потом мало-помалу оклемался. Значит, до какого-то времени процесс обратим... А Бао — сволочь. Мог бы поподробнее рассказать соседям о своем обменнике. Не рассказал, перестраховщик. Ладно, отбросим лишние сущности, будем считать, что в запасе есть максимум полчаса...

Нет, уже двадцать пять минут.

Фома оглянулся. Два верховых гвардейца, пустив коней все тем же неспешным шагом, направились вдоль обозначенной камнями границы вправо, два других — влево. Смысл маневра был понятен: перехватить пациента по ту сторону скал. И все-таки сохранялась надежда: как можно скорее влезть на чертов обрыв, вырваться из обменника и на сохранившихся остатках своего бывшего «я» попытаться поиграть с верховыми в догонялки. Небезнадежное занятие, если там полно ловушек...

Фома не знал, полно их там или нет. Думать об этом было некогда, приходилось пробовать. Ускорив шаг, с трудом заставив себя не перейти на бег, он выбирал место для подъема. На обрыв надо взбежать, как геккон взбегают на стену, как мартышка на пальму... Плевать на страх. Надо рисковать. Сорвался — пропал, даже если не разбился. Задержался на стене — пропал.

Уже наметив трассу подъема, он еще раз оглянулся. Скальная стена загородила полнеба, и трасса подъема была намечена. Один участок беспокоил — метра четыре без единой трещины, с мелкими неровностями, то ли пригодными как зацепки, то ли нет, — но Фома мгновенно забыл о нем. С запада, вытянув впереди себя хищный раструб, приближался, рос горизонтальный смерч.

Бешено вращаясь, он не издавал ни звука. Не видно было, где он начинался. Казалось, вечно висящей над Плоскостью дымке надоело смирно висеть и она выпустила гигантское щупальце. Фома видел, как коричневый хобот протянулся над свитой короля, сразу кинувшейся врассыпную вместе с монархом. Простучала автоматная очередь, но кто и куда стрелял, Фома не смог бы сказать. На границе обменника хобот чуть-чуть запнулся и вдруг, словно продавив невидимую преграду, ринулся вперед с удвоенной скоростью, изгибаясь в намерении подцепить с земли что-то мелкое. Воронка опускалась на феодала.

Это было страшно. Это было страшнее, чем потерять в обменнике свое «я».

Фома вскрикнул и побежал вдоль стены. Бежал он недолго.

В памяти осталась бешено вращающаяся коричневая туча. Она грубо схватила его, и свет померк. Только тогда в уши ударил такой рев, что последней эмоцией феодала перед потерей сознания было желание, чтобы все это поскорее кончилось...

Кончилось тем, что он очнулся на песке. Смерча нигде не было. Фома пошевелился, приготовившись к адской боли, и никакой боли не ощутил. Приподнявшись на локте, он обшарил окрестности диким взглядом. Повсюду желтел песок. Лишь вдали проступали в дымке какие-то иззубренные скалы, показавшиеся смутно знакомыми. Он долго таращился на них, пока не понял, что это Спина Крокодила.

Спина Крокодила!

Только видимая с другой стороны. Фома всхотнул диковатым смешком. Он все еще находился во владениях короля, но всего лишь в двух-трех часах пути от своего феода. Горизонтальный смерч шутя перебросил его на сотню-другую километров — и не только оставил живым, но и не сломал ни одной кости! Чудеса.

А бывают ли чудеса на Плоскости? В особенности приятные чудеса?

— Вот оно что... — прошептал он и принялся смеяться.

Его Величество остался в дураках. Никому уже было не по силам перенять феодала на пути в его родное феодальное гнездышко.

Фома смеялся долго. Но когда вышел весь смех, оказалось, что под ним, как мутный лед под пушистым веселым снегом, лежит такая же мутная ледяная ярость. Взгромоздившись на ноги, Фома погрозил кулаком бесцветному небу.

— Нужен я тебе, да? — спросил он с гадливой гримасой. — Ответь, для чего я тебе нужен? Интересный экземпляр? Стольких людей ты загубил и не поморщился, а меня — спасти? Зачем? Может, я нарушил чистоту твоего эксперимента?

Плоскость молчала.

— Или результат показался тебе чересчур уж тривиальным? И ты решил переиграть? Что молчишь? Ответь.

Он выждал несколько секунд, будто и впрямь надеялся получить ответ.

— Думаешь, я скажу тебе спасибо за то, что ты меня спас? Не дожدهшься. У тебя свои цели — у меня свои. Ты мне жизнь изуродовал, понял? Жизнь, сволочь! Букашка я тебе? — вдруг заорал он, кривя рот. — Букашка?! Ладно, посмотрим...

Фома не представлял себе, куда и на что надеется посмотреть. Он еще долго кричал, угрожая пескам и мутному небу и надеясь, что Экспериментатор его слышит.

И не просто слышит — ведь и белой крысе в лабиринте не возбраняется пищать, — но и понимает каждое слово.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

БОГООБОРЕЦ

ГЛАВА 1

.... еще по одной? — предложил Николай.
— Давай, — согласился Фома, пододвинув пиалу. — Лей, не жалей.

Николай не жалел. Чего ему было жалеть самогона, когда аппарат действовал бесперебойно и сырьё было вдосталь? А уж угостить феодала сам бог велел. Кто бы еще приволок Николаю бак и змеевик?

После возвращения из королевства Фома запил. Радушный хозяин бывшего Автандилова оазиса сему не препятствовал — совсем наоборот. Очень медленно, но верно оазис приходил в упадок. На засеянных Автандилом полях дружно зеленели и собирались колоситься молодые всходы, все еще радовал глаз вид чайных кустов и виноградных лоз, а что до сорняков на запущенном огороде, то хозяину виднее. Ему здесь жить.

Фома больше не делал замечаний, не грозился выселить бездельника и не выкручивал рук.

Он еще ощущал себя на что-то годным сразу после возвращения. Два дня он то отлеживался, то кувыр-кался в постели с Бриджит, потом вышел в обычный обход. Заглянул к Борьке, не застал, перебросился парой слов с раздраженной Оксаной и продолжил кру-жение по феоду. Выспал и принес Пурволайненам давно заказанную обувь. Навестил Юсуфа, Джорджа и Гвидо. Отдохнул душой в компании Георгия Сергее-вича, заодно снабдив его провизией. Обошел, никого не встретив, точки выброса. Казалось, жизнь вновь

катится по привычным рельсам. Если бы кто-нибудь стал утверждать, что феодал сломался, Фома дал бы клеветнику в ухо. Треснуло что-то внутри — это да. Не более. С кем не бывает. Но трещины не зарастают лишь на глупом камне. Человек прочнее.

Он выпсал себе новый «джентльменский набор» вместе с новеньким рюкзачком и новой одеждой. Потом еще раз наведаясь на Спину Крокодила и долго наблюдал в бинокль за тем, что происходит на западе. Ничего достойного внимания там не происходило. Во всяком случае, пока ничего.

После Спины Крокодила он обошел южные оазисы и на четвертый день вышел к восточной границе, к оазису Патрика, намереваясь погостить у него минимум сутки. Вместо Патрика он встретил там совершенно растерянного Борьку и окаменевшую от горя Джоан. Патрика не было.

И вот тогда-то произошел окончательный надлом. Фома сидел в хижине и тупо слушал, как все случилось. Терапевтическая ругань феодала не подействовала на упрямого ирландца. Идея пивоварения не соблазнила его. Устав жить, Патрик не стал мылить петьелку — он просто ушел из оазиса, сказав жене, что намерен взглянуть на посевы. И не вернулся.

Идеальный способ покончить счеты с жизнью, избежав греха самоубийства. Зачем делать самому то, что можно доверить Плоскости?

Как оказалось, Борька уже успел разыскать в песках следы, предположительно оставленные Патриком, и прошел по ним сколько мог. Его остановило такое скопище ловушек, что перед ним спасовал даже этот адреналиновый наркоман. Ученик зябко ежился, рассказывая подробности шепотом, чтобы не услышала Джоан. Ее наперебой пытались обнадежить: Патрик еще может вернуться. Он жив! Он одумается! Ни Фома, ни Борис, ни, пожалуй, Джоан в это не верили.

Вот тут-то и заклинило. Фома еще помог Вилли и

Сой перебраться в более просторный и богатый родительский оазис, а потом направился в спальню, где первым делом выпал змеевик и бак. Вонючий самогон все же лучше вонючей браги. А главное, гораздо крепче.

Борьку пришлось отшить простыми русскими словами, чтобы не цеплялся и не мешал. Фома не желал его видеть. Он и к Николаю шел без большой охоты, но не пьянствовать же в одиночку! Да и негде. Источники воды бывают холодными и горячими, минеральными и почти дистиллированными, нет среди них только спиртосодержащих...

— За что вмажем? — спросил Николай, держа пиалу на весу.

— Сейчас я тебе по носу вмажу... — угрожающе прогудел Фома. — Чтобы я этого больше не слышал: вмазать, дернуть, залудить... Есть жидкость. Ее пьют. Вот и все.

— Лады, за что выпьем?

— За что хочешь.

— Тогда... э-э... тогда за здоровье!

— За чье?

— Э-э... за всех.

— За всех сам пей, — отрезал Фома. — А я просто так выпью. Без тоста.

— Тогда за твое здоровье! — провозгласил Николай и выпил, не дерзнув чокнуться.

«Если оно мне еще понадобится», — добавил про себя Фома и тоже опрокинул в себя самогон. Скривился от мерзкого вкуса, сдержал тошноту, задышал.

— Закуска где?

— Нету закуски, — развел руками Коля. — Съели закуску, петух ты затопчи... Ты же последнюю лепешку и съел. Еще утром.

— Поговори у меня...

Николай сконфуженно хрюкнул и перечить не по-

смел. Начальства он побаивался, тем паче начальство было не в духе. От выпитого феодал только мрачнел. Иногда он начинал хрипло петь, но ни одной песни не довел дальше второго куплета. Оборвав на полуслове, рычал, сжимая кулаки, и лицо его становилось страшным. Николай маялся, не зная, как ему вести себя в случае драки — отмахиваться кулаками или спастись бегством из собственной хаты? Менталитет русского мужика голосовал за первое, здравый смысл подсказывал второе.

— Налей еще, — деревянным голосом потребовал феодал. — И воды принеси. Запить.

Николай выполнил требуемое. Принес даже с огорода маленький, с мизинец, огурец в колючих пупырышках. Закусь, мол. Дорогому гостю. Огурчик. Жаль, не соленький.

Огурчик оказался горьким — это Фома помнил точно. Зато все остальное, что случилось с ним в тот день, напрочь выпало из памяти. Хотя, наверное, не случилось ничего особенного... Ну, пил. Ну, мрачнел все больше. Наверное, говорил невнятные слова, угрожая кому-то страшной мстью, пугал Николая и снова пил тошнотворную жидкость... А, наплевать! Главное, не допился до смерти. Выжил.

Очнулся он днем и удивился тому, что спит не в хижине на лежанке. Оказывается, он спал в выкопанной Автандилом «ванне», погрузившись в воду нижней частью туловища. Верхняя часть лежала на грунте, и на зубах скрипел песок. Пошевелив руками, Фома понял, что они крепко связаны. Другой конец веревки был принайтовлен к валяющейся в трех шагах деревянной колоде. Кажется, вчера никакой колоды здесь не валялось.

Ну понятно... Николай притащил колоду и привязал феодала, чтобы тот не погиб позорной смертью, захлебнувшись по пьяни. Надо думать, к тому моменту

феодал отличался от колоды только тем, что мог утнуть.

Нет, передвигаться, наверное, тоже мог... Николай мог бы принести на горбу колоду, но наверняка поленился бы тащить пьяного для протрезвления в водоем. По мнению нормального русского мужика, никакое начальство того не стоило. Пусть спит, где упало, лакев нет.

Временами накатывала тошнота, но голова, как ни странно, не разламывалась — наверное, организм втянулся. Зато жутко хотелось пить и почему-то знобило. До Фомы не сразу дошло, что вода в ванне непривычно холодна.

Пошарив вокруг мутноватым взглядом, он постиг причину. В ванну всегда впадало два ручья — холодный и горячий. Кто-то запрудил канаву, отвечающую за сток воды из горячего источника. Николай?..

Вряд ли. Не его стиль. Кто-то либо глупо пошутил, либо откровенно издевался над нетрезвым владыкой здешних мест, либо добивался скорейшего пробуждения феодала. Нет, точно не Николай...

Чистая холодная вода дразнила — а не достать ни руками, ни ртом. Фома напряг мышцы, пытаясь подтянуть к себе тяжелую колоду, и не подтянул, зато выволок на берег себя самого, грязного, похмельного и злого. Попытка освободить руки или отвязать веревку от колоды успехом не увенчалась. Пришлось тащить колоду волоком.

Выбираясь, он намутил в ванне, зато холодный ручеек остался чистым. Фома утолил жажду и справился с приступом дурноты. Пройдет... Но какие остроумцы, а? Привязали. Еще бы к колышку. Как козу.

— Эй, умники! — заорал он. — Живо на выход!

Из хижины вышел Борька. Ну-с, этого и следовало ожидать... Паразит. Сейчас еще ухмыльнется...

Против всех ожиданий, ученик и не думал веселиться. Проворно развязал узлы и спросил только одно:

— Очухался?

— Ну, — кивнул Фома, насторожившись. Борька выглядел непривычно серьезным.

— Тогда пошли. И поскорее. Одному мне не справиться.

— Что еще стряслось? С кем?

— С Георгием Сергеевичем.

Чистить одежду Фома не стал, и грязная корка, подсохнув, крошилась, отваливаясь кусочками. Шли быстро.

— С трех сторон завесы, — торопливо объяснял Борька. — Возникли вдруг, я сперва даже не поверил... А с четвертой стороны — там такое... Не пройти, короче. Все ловушки, какие есть, и еще новые какие-то, я о таких и не слыхивал... Одному не пройти, точно. Вдвоем разве что... И то не факт...

— Воды у него что, совсем нет?

— Так я же и говорю!.. Высох источник, кранты теперь оазису. Я пришел — старик пить просит. Ну, отдал я ему свою фляжку, там и было-то всего на три глотка... Вижу: уводить деда надо. В другой оазис. Еще вижу: без воды дед не дойдет. Ну, я, значит, потопал дыни искать, есть там поблизости одно место... Нашел, иду обратно, пять дынь тащу — и здрастье! Уже не пройти. Я уж и так, и этак, и по-всякому — дохлый номер! Тогда я ноги в руки и за тобой...

— Как узнал, где я?

— Легко. Видел, как ты змеевик выпал, а дальше все понятно — что, где и с кем.

— Догадливый...

— На том стоим.

— Ты не стоишь и не бежишь, ты тащишься... Дай-ка лучше я вперед пойду.

— Не-а. Тебе рано. А прибавить я могу.

— Тогда прибавь.

Фома понимал, что Борька прав. Пусть ведет. У парня хороший глаз и нюх что надо. С похмелья хорошо отмокать в ванне, а не совершать марш-броски по Плоскости — марш-бросок может выйти очень коротким. Возможно, некоторые феодалы любят иногда пропустить стаканчик, но феодалов-пьяниц не бывает, это факт.

Шли ходко. Ловушек попадалось мало. Неужто они откочевали к оазису Георгия Сергеевича? Это что-то новенькое...

Стайный инстинкт? У ловушек?

А почему бы и нет? Что о них известно? Только то, что ловушки губят людей, умеют внезапно появляться, исчезать и медленно дрейфовать... Теперь, выходит, уже не медленно? Собрались в стаю и дернули разом?

Первый случай. Хотя давно ведь уже известно: на Плоскости не бывает небывалого. Есть события повседневные, а есть редкие. Бывают, наверное, и настолько редкие события, что о них нет даже записей в хрониках, собираемых архивариусами короля. Случающиеся раз в тысячу лет, например. Или в миллион. Кто знает, сколько времени существует Плоскость? Какие записи могли оставить выхваченные с Земли копии питекантропов?

Не верь, не бойся, не проси... и не удивляйся. Изучай новое явление с чисто практической точки зрения. Опасно оно или нет? Как от него уберечься? Можно ли его использовать?

И будет тебе счастье: проживешь подольше. Может быть.

— Стоп! — скомандовал Фома часа через три. — Привал.

— Устал? — снисходительно спросил Борька. — А я нет.

— И ты устал, — возразил Фома, ложась на склон бархана. — Не ноги устали, так глаза. Десять минут отдыха.

— Спешить надо, — напомнил ученик.

— На тот свет? Садись, отдыхай.

— У Георгия Сергеевича воды совсем нет...

— И не будет, если мы не отдохнем. Десять минут ничего не решают.

Борька пожал плечами, но спорить не стал. Сел на песок, начал что-то насвистывать. Фома приложился к фляжке, глотнул теплой воды. В прежние времена приходилось подолгу спорить с учеником — Борька оказался великим спорщиком. Чаще всего приходилось грубо заставлять его делать то, что Фома считал нужным. Теперь было видно: ученик возразил больше по привычке, чем по убеждению. Давно знает: существует оптимальная скорость передвижения по Плоскости. Компромисс между осторожностью и настоящей потребностью быть там-то и сям-то. Если идешь очень быстро — делай привалы, восстанавливай цепкость взгляда и скорость реакции.

— А где ты дыни собирал? — спросил Фома.

— Какие дыни? — переспросил ученик. — А, те, что для старика? Для Георгия Сергеевича? Есть там одна низинка. Километрах в двух к востоку от оазиса. А что?

— Пять штук, говоришь?

— Угу. Только две из них незрелые, маленькие совсем...

— Понятно. — Фома закрыл глаза. Его все-таки еще мучило. — А вообще... как оно там?

— В смысле?

— Не в смысле, а в феоде...

— Нормально. У Джорджа был. У матери был. Полный порядок. Три точки выброса обошел. Новичков нет.

— А на Спине Крокодила был, как я просил?

— Был. На западе все чисто. Что было, то и есть. Ты хоть бы сказал, что там случиться-то должно? Чего ты ждешь?

— Может, и ничего не случится, — ответил Фома. — А может, уже случилось. Ты там небось дня четыре назад был?

— Вчера я там был! И прямо оттуда — к Николаю. К тебе то есть.

— Так! — Фома резко сел, прищурился. — Вчера, говоришь?

— Ой, блин, не вчера, — сказал Борис. — Это я перепутал. Позавчера, конечно. Не, точно не вчера. Вчера я как раз к Георгию Сергеевичу ходил...

— Он тебя надоумил соврать насчет воды и ловушек?

Ученик вскочил, готовый удирать со всех ног от разъяренного феодала.

— Чего-о?

— Сядь! — приказал Фома. — Сам видишь, я не злюсь. Сядь, я сказал. Сядь и колись: он это выдумал?

— Не-а! — Поколебавшись, Борька сел и осклабился. — Это я. Георгий Сергеевич сказал только, что спасать тебя надо. А как тебя спасешь, когда ты в запое? Уговаривать? Чтобы ты мне по роже съездил? Он не знал, а я придумал. Только я проговорился, а то бы ты до самого оазиса не догадался...

— Размечтался, — проворчал Фома. — Я уже час назад понял, что ты врешь. Хреновый ты конспиратор. Когда это ты Георгия Сергеевича по имени-отчеству называл? Только и слышишь, бывало, от тебя: дед да старикан. Зауважал, что ли? А если так, значит, долго с ним общался. А на какой предмет? Это даже мне ясно: феодала, мол, надо выручать! Пропадает феодал! Нет?

— Да.

— Нет! — рявкнул Фома. — Уже пропал! Спекся феодал! Нет больше феодала по имени Фома, вышел ему срок! Хана феодалу, понял?..

То ли от крика, то ли сама по себе по бархану поползла струйка песка. Холодный вихрь промчался мимо, задел краем. На гребень соседнего бархана вползло белое облачко. Плоскость жила своей жизнью, люди — своей.

— Не понял, — сказал Борька.

— А ты поднатужься. Даром я тебя учил, что ли? Пришло время. Ты теперь хозяин всего этого, не я. Чего смотришь? Феодал умер, да здравствует феодал! И зовут его Борис. Принимай хозяйство.

— А ты что будешь делать?

— Что-нибудь, — сказал Фома. — Уйду, наверное, отсюда, мешать тебе не стану. Соберусь с духом — и уйду.

— Куда это?

— А какая разница? Лишь бы подальше. Не могу я больше, понимаешь?

— Феодалы не уходят.

— Да ну? А многих ли феодалов ты знаешь? Потвоему, я приговорен пожизненно? Ха-ха. Ошибаешься.

— Дуба дашь, — предрек Борис.

— Все там будем.

— Или найдешь феод без хозяина и начнешь все сначала.

— Вряд ли.

— Или вернешься.

— Не бойсь, этого я точно не сделаю.

— Я за себя не боюсь. Я за тебя боюсь.

— Да ну? Скажи лучше, что тебе не хочется брать на себя всю ответственность за хуторян.

— И скажу, — сознался Борька. — Да, и это тоже. Вдвоем мы все успевали. Только это не главное.

Фома искоса поглядел на ученика, гадая, верить

ему или не верить. Кажется, Борька на сей раз не врал.

Что-то теплое шевельнулось в душе. А ведь ученик и впрямь может стать приличным феодалом! Уже почти стал. Получилось! Гнуть людей без всякой жалости и при этом переживать за них сильнее, чем за себя, — вот то, что нужно владельцу феода.

— Ты сам прекрасно справишься, — сказал Фома.

— Значит, дело решенное?

— А ты сомневался?

— Это после твоей отлучки на запад ты таким стал, — осуждающе констатировал Борька. — Может, расскажешь, что ты там видел?

— Королевство там, — нехотя сказал Фома. — Правит им мой двойник. Да ты это знаешь...

— Только это и знаю. А подробнее?

— Узнаешь и подробнее... В общем, войны с королем, наверное, не будет. Зачем ему война? Он уверен, что этот феодал рано или поздно сам упадет ему в руки. Когда устанешь быть феодалом, когда износишься, как я, — дай знать королю. Хуже не станет. Еще проживешь в свое удовольствие. А лучше найди себе ученика. Доступно излагаю?

— Не очень.

— Потом поймешь. Георгия Сергеевича береги. Пусть доживет спокойно. С Юсуфом построже. Сразу дай ему понять, что он для тебя рядовой хуторянин, а не отчим. Иначе на шею сядет. Николаю приведи женщину из вновь прибывших, но обязательно такую, чтобы держала его в ежовых рукавицах. О точках выброса не забывай, и чтоб у каждой точки всегда стояла бутылка с водой...

— Не кури, не пей, зубы чисти и спортом занимайся, — ухмыльнувшись, договорил Борька. — Сам как-нибудь разберусь.

— Верю, — вздохнул Фома.

Все-таки ему было очень грустно.

Может быть, и правы те, кто утверждает: русские долго запрягают, но быстро ездят. Еще будучи учеником Нсуэ, Фома усвоил главное правило: серьезное решение должно вызреть. Сколько ему надо, столько пусть и зреет. Но решив — делай. И не оглядывайся.

Фома решил.

Теперь он шел впереди, а Борька плелся сзади, потому что привилегия феодала — искать и находить безопасный путь. В последний раз Фома пользовался своей привилегией.

Они шли уже не к Георгию Сергеевичу — тот мог подождать, раз уж поднятая Борькой тревога оказалась сплошным враньем. Фома вел Борьку к себе домой.

Ловушек стало попадаться больше. Летающая нить оставила кровоточащий порез на щеке Борьки. Дважды Фома замирал, занеся ногу над черным провалом. Раньше их здесь не было. Один раз пришлось что есть духу бежать назад по своим следам, потому что песок под ногами внезапно взвыл на высокой ноте. Всякий знает: не вздумай ходить по воющим пескам! Минута-другая — и умрешь на месте неизвестно от чего. Полминуты — выживешь, но будешь долго болеть и помнешься изрядно. А если не больше нескольких секунд, то вроде и ничего...

Уже перед самым оазисом Фома спросил, обернувшись:

— С Оксаной-то как у тебя?

— Никак, — буркнул Борька. — Умную корчит. Больно надо. А что?

— Не исключено, что есть другой вариант...

Бриджит принимала душ — поливала себя у ручья из чайника. Завидев мужчин, она приветливо помахала рукой и не позаботилась прикрыться. Зачем? Пусть ценят.

— Рот закрой, — шепнул Фома Борьке. — Молочных желез никогда не видел?

Густо покраснев, ученик пробормотал что-то невнятное. Он даже постарался отвести взгляд — без особого успеха делал вид, будто его чрезвычайно интересует кровля хижины. Казалось, глаза его приобрели способность наводиться на цель независимо друг от друга. Как у хамелеона.

— Косоглазие заработаешь, — сказал Фома. — Шел бы ты в дом.

Борька подчинился.

— Оу, мальчик! — вслед ему зазвучал голос Бриджит. — Как есть жьизнь? О-ля-ля?

Борька хлопнул дверью. Фома был уверен: наверняка подглядывает в щель.

— Цигель-цигель ай-лю-лю, — пробормотал Фома. — Ты бы хоть прикрылась. Испортишь феодала.

— Тебя? — проворковала Бриджит. — Почьему нет?

— Не меня — Борьку. Я ухожу насовсем. Феодал теперь он, понятно?

— Нет. Зачем ты есть уходить?

— Потому что так мне захотелось, — сказал Фома. — Значит, уйду. Аvek плезир. Тебя с собой не возьму.

— Дьерьмо. Зачем ты есть уходить?

Фома не мог ей объяснить так, как Борьке. Она бы не поняла.

Зато она, кажется, начала понимать другое: один мужчина ее бросает, но, кажется, готов предоставить замену. Стало быть, ничего не потеряно.

Наверняка она предпочла бы обоих сразу. У Бриджит была простая и понятная душа. Но нет, так нет. Жизнь — искусство возможного. Хватай, что плывет в руки. Зачем устраивать истерики?

— Я был влюблен в тебя первое время, — признал-

ся Фома. — Может, неделю, может, дней десять. Этого мало, но и за это спасибо. Кое-что я тебе все-таки должен.

— Кое-что?

— Не так уж и много. Все-таки ты жила все это время гораздо лучше, чем обычно живут на Плоскости. Но мужика — должен. Не нравится Борька — могу отвести тебя к Магнуссону. У него нет подруги, он тебе обрадуется...

Бриджит капризно поморщилась. Нет, ее вовсе не привлекала перспектива тащиться куда-то по опасной пустыне. Кем еще окажется этот неведомый Магнуссон? Мальчик лучше. Молоденький, нетерпеливый. И не надо никуда ходить.

Старики тоже часто убеждены, что не надо никуда ходить.

К чему? Сиди, думай. Чистый разум способен на многое. По капле океанской воды он догадается о китах. По одной песчинке он постигнет минералогию с петрографией и, может быть, даже тектонику. По известным мотивам — раскроет преступление, как аббат Фариа.

Так им кажется. А если хочется размять ноги — уподобься перипатетикам и прогуливайся взад-вперед без отрыва от мыслительного процесса. В оазисе для этого предостаточно места. Оазис беден, зато уютен, а мир вокруг него безобразен и опасен. Нет нужды съесть все яйцо, чтобы убедиться в том, что оно тухлое. Нет, нет, никаких дальних пеших походов! Ни в коем случае! Информация и так понемногу доходит, и ее хватает, чтобы понять: в иных краях то же самое. С местными вариациями, конечно, как же без них, но в основе — то же.

Старики думают, что накопленный опыт и разум говорят им: сиди. А на самом деле им говорит это те-

лесная немочь. Человек ведь известный обманщик и охотнее всего обманывает сам себя. Разум — лишь прислужник инстинктивных предпочтений. Сколько теорий выдуманно, сколько философских систем построено ради элементарного самообмана!

Об этом думал Фома, сидя на теплом камне и слушая Георгия Сергеевича. Старый учитель был единственным, к кому стоило зайти попрощаться. И ради чего? Чтобы выслушивать уговоры остаться?

Все равно, конечно, зайти стоило.

За последние годы старик совсем исхудал и даже стал меньше ростом. Старость сушила его, заживо превращая в мумию. Сквозь редкие седые волосы на черепе просвечивала кожа. Глаза, прежде живые и внимательные, совсем выцвели. Но ум оставался ясным. Услышав от феодала, что тот уходит, Георгий Сергеевич потребовал фактов и только фактов. Он не желал просто уговаривать. Он намеревался доказать Фоме нелепость его решения чисто логическим путем. Пришлось рассказать все: и про экспедицию на запад, и про королевство, и про неожиданное спасение. Последнее заинтересовало старика сильнее всего.

А когда Фома кончил рассказ, немедленно последовала контратака. В очередной раз Фома узнал, что нельзя быть таким слепым. Ведь местный бог (или представитель неизмеримо более высокоразвитой цивилизации — называйте как хотите) четко дал ему понять собственную ценность для него, бога. Вполне вероятно, что эта ценность проистекает из факта наличия в сравнительной близости короля-двойника. Это же очень интересно для Экспериментатора! Черт знает сколько времени он занимается тем, что забрасывает копии людей в нечеловеческий мир и смотрит, как они обустроятся. Какую форму общественных отношений придумают? Они придумали феодализм. Расчудесно! Тогда он берет и изменяет один-единственный параметр окружающей среды. Глядь — возникло ко-

ролевство. Со временем он изменит еще что-нибудь и посмотрит, что получится. Пока же — вот две копии одного и того же человека, рядом и в конфликте! Крайне интересно! Потому, надо полагать, Экспериментатор и вмешался в эксперимент, что счел его неоконченным. Пользуйтесь этим, садовая вы голова!..

— Я не хочу этим пользоваться, — утрюмо сказал Фома. — Георгий Сергеевич! Неужели вы не понимаете, насколько это унизительно?

Георгий Сергеевич всплеснул руками:

— Это прекрасно! Пусть он изучает вас, ну и что? Взамен он своими действиями дает вам возможность изучать его, разве не так? Ведя себя нестандартно — а ведь вы так и поступаете, — можно спровоцировать его на вмешательство в эксперимент. Рискованно, не спорю. Зато интересно. Игорь, друг мой, опомнитесь! Взгляните трезво. Разве лучшие умы человечества не мечтали об изучении внеземных цивилизаций? Вы, наверное, единственный человек, кому по силам начать изучение хотя бы одного представителя чужой цивилизации. И вы — вы, кого я считал очень незаурядным человеком, — отказываетесь от такого шанса?

— Я не изучать его хочу. Я добраться до него хочу...

— А пойдет ли вам это на пользу? Разве вы знаете, с кем имеете дело? Об этом мы можем только догадываться...

— Со скотиной, — сказал Фома. — С всемогущей скотиной. Это-то ясно.

— Я говорю о другом! — возопил старый учитель. — Я говорю не о моральных критериях Экспериментатора, а исключительно о его титаническом могуществе! Допустим невероятное: вместо осторожного изучения этого существа по косвенным признакам вы все-таки до него доберетесь. Допустим, это в принципе возможно. Сказать вам, что он с вами скорее всего сделает?

— Все мы смертны, — возразил Фома и осекся. В присутствии Георгия Сергеевича говорить о смерти не стоило. Хотя кто раньше умрет — это еще вопрос. Плоскость терпит долгожителей лишь в оазисах.

— Завидую вам, Игорь, — вздохнул старик. — Неужели вы нисколько не боитесь?

— Боюсь. Давно устал бояться, а все равно боюсь. И больше всего боюсь остаться белой крысой в лабиринте. В ловушках тоже мало приятного, но лучше уж сгинуть, чем...

— Вы сами говорили о лабиринте и Экспериментаторе, — мягко перебил Георгий Сергеевич. — Игорь, друг мой, да разве Экспериментатора надо искать внутри лабиринта? Его ли это место?

— Надо ведь где-то его искать, — буркнул Фома.

— И прекрасно! Ищите, раз уж вам неймется! Но только не там, где вы заведомо ничего не найдете, кроме очередных фокусов лабиринта и очередных, фигурально выражаясь, белых крыс! Ну как мне вам это объяснить... В химической реторте может лежать все, что угодно, кроме самого химика...

— Это я уже понял. Значит, по-вашему, для того чтобы встретиться с Экспериментатором, я должен достать его настолько, чтобы он вынул меня из лабиринта и рассмотрел как следует? Под стеклышком?

— Примерно так. Игорь, друг мой, да ведь вы поняли это раньше меня. Но еще раз подумайте: понравится ли вам столь пристальное внимание Экспериментатора? Ведь вы для него не более чем лабораторная крыса, очень дешевый объект и, простите, расходный материал...

— Ничего, — жестко сказал Фома и оскалился по-волчьи. — Я буду очень ценной крысой. Пусть поищет других таких же.

Георгий Сергеевич сейчас же всплеснул руками —

ни дать ни взять больной нахохлившийся воробей, тщетно пытающийся взлететь, как молоденький.

— Найдет, уверяю вас! По статистическим законам — найдет обязательно! Не подумайте плохого, Игорь, я не хочу принижать ваши достоинства, но вы отнюдь не уникальны... То есть, простите, это я так думаю. Убежден: не вам одному пришла в голову идея поискать истинного хозяина Плоскости. И не вы один перестали, по-видимому, дорожить своей жизнью. Почему же вы решили, что Экспериментатор обратит внимание именно на вас?

— Уже однажды обратил, — отрезал Фома. — Значит, надо сделать так, чтобы и дальше обращал.

— Очень хорошо. И как же вы это сделаете?

— Не знаю!

— Значит, вы отправляетесь в путь наудачу? Авось там видно станет?

Фома угрюмо промолчал.

— Знаете, кто вы? — прищурился Георгий Сергеевич. — Лемминг.

— Вот еще! — Фома возмущенно фыркнул. — Лемминги топятся.

— Не всегда. К тому же они уходят с насиженных мест вовсе не для того, чтобы утопиться. Они ищут кормные места, и, надо думать, инстинкт их подводит. А виду с того польза: в голодный год устраняются лишние едоки. Но кому из людей будет польза, если уйдете вы?

— Борьку вон вместо себя оставляю, он должен справиться, — сказал Фома. — А нет — пусть люди сами о себе думают. С меня хватит.

— Хотите жить лучше?

— Хочу. А вы нет?

— Да ведь любое существо мечтает жить лучше! — возопил Георгий Сергеевич. — На Земле ли, на Плоскости ли — все едино! В чем разница, спросите вы?..

— Не спрошу, — огрызнулся Фома.

— А вы спросите! И я отвечу: разница заключается в длине цепи и размерах миски, больше ни в чем. Нигде нет человека, постоянно довольного своим положением, если только он не круглый идиот. Разница лишь в том, что одного выводит из себя мысль, что его семья будет завтра есть, другому хочется переплюнуть соседей и знакомых новым домом, автомобилем или служебной должностью, проще говоря, социальным статусом, третьему подавай миску размером с полмира, а четвертому достаточно выпить водки и забыться. Еще есть, наверное, и те, кого гнетет незнание и собственное несовершенство, истинные люди науки и искусства, но и это из той же оперы, только октавой выше. Довольных нет! И вы — вы, Игорь, не найдете на Земле счастья, вот попомните мое слово!

— Это почему же не найду? — осведомился Фома.

— Ну, во-первых, вы на Землю вообще не попадете. В лучшем случае вы останетесь в живых, чего я вам горячо желаю, но Земли вам не видать. Не для того нас сюда поместили, чтобы мы сбегали. Но хорошо!.. Допустим, вы каким-то немыслимым чудом добились своего. Можем же мы предположить невероятное. Скажите, вы будете счастливы?

— Еще бы!

— Ошибаетесь. Вы двойник, не забывайте. Ваше место занято. У вас нет документов. Нет профессии. Вероятно, нет и дома. Вы лишний. Вам придется многое начинать с начала... Нет уж, сделайте одолжение, не перебивайте меня! Я верю, что вы с этим справитесь. Во всяком случае, это задача неизмеримо более легкая, чем найти Экспериментатора... Игорь, друг мой, подумайте вот о чем: на что вы потратите свою дальнейшую жизнь? На гонку по кругу. На поиск способов сытнее есть и мягче спать... разумеется, я выражаюсь фигурально. А разве здесь вы не заняты тем же самым? Разве здесь вы не достигли завидного соци-

ального статуса? Разве ваша жизнь лишена смысла? Там у вас не будет ни смысла, ни статуса, поймите вы это! Будет комфорт, будет вкусная еда, зрелища — но и только. Вот на какое завтра вы хотите променять свое сегодня! Простите, Игорь, я лучше думал о вас! Вы меня разочаровываете.

— Жаль. — Фома пожал плечами. — Не хотел, честное слово. Но раз разочаровываю, что теперь поде-лаешь. Разочаровывайтесь. Я сам себе противен. Когда я вижу в воде свое отражение, мне хочется наплевать в эту воду. Бывает, и плюю... А только не хочу я бегать по лабиринту. И вить в нем гнездо не хочу. Я не крыса.

— Ну, это, знаете ли, вопрос терминологии. — Теперь пожал плечами Георгий Сергеевич. — Тут все дело в точке зрения... Одним словом, вам хочется свободы?

— Да!

— Вы ее не получите и там, не надейтесь. Подумайте как следует и поймите это. Что такое свобода? Это либо всемогущество, либо самоограничение. Всемогущество невозможно, вспомните хотя бы софизм о божестве и камне. Ограничивать свои потребности вы, кажется, тоже не особенно склонны?

— Вот именно.

— Тогда не видать вам свободы. Игорь, друг мой, ну можно ли быть таким наивным?

— Пусть я наивен, — сказал Фома, — но я уйду. Мне не нужно той свободы, о которой вы говорите. Я просто хочу выбраться на воздух. Здесь душно. Если я останусь еще на полгода — мне каюк. Помру или сойду с ума. Знаете, вот сейчас я шел к вам, и мне казалось, что ловушки меня ждут. Не кого-нибудь, не вообще человека, а именно меня. Я к черному провалу нарочно подошел и почувствовал, как он меня затягивает. Хорошо, вовремя одумался, а мог бы и шагнуть. Ничего был бы смысл жизни? — Он засмеялся сквозь зубы. — Я уж не говорю о социальном статусе...

Если бы Георгий Сергеевич, противореча самому себе, начал вдруг доказывать, что смысл жизни и социальный статус вполне совместимы с черными провалами, Фома нисколько не удивился бы. Старику очень не хотелось терять феодала, друга и слушателя. Он мог бы попросить: «Игорь, друг мой, дождитесь моей смерти, а потом уже идите куда хотите», и Фома не знал бы, как поступить. Нет, наверное, все-таки ушел бы, твердо зная, что Борька заменит. Но ушел бы с тяжестью на душе.

— Чаю хотите? — спросил Георгий Сергеевич, помолчав и повздыхав.

— Нет. То есть хочу, но не буду. Нет времени.

— Так сильно торопитесь?

Фома кивнул.

— Мы больше не увидимся?

— Не знаю. Вряд ли.

— Тогда идите, — неожиданно спокойным голосом проговорил Георгий Сергеевич. — Мне жаль... но, наверное, вы правы. Если бы я только мог пойти с вами... Игорь, друг мой! Пообещайте мне одну вещь, хорошо?

— Какую? — спросил Фома.

— Когда вы поймете, что ушли напрасно, — возвращайтесь. Плюньте на гордость. Мне будет больно думать, что вы погибли. Я знаю, вы слишком упрямы, чтобы остановиться, но я прошу. Подумайте об этом, когда встретите то, что вам не преодолеть. Подумайте об этом, когда нигде не найдете того, что вы ищете. Тогда возвращайтесь.

— К существованию подопытной крысы?

— К жизни. Пусть ублюдочной, пусть унижительной, но жизни. Жизнь лучше смерти уже тем, что можно попытаться изменить ее к лучшему. Возвращайтесь. Со временем вы сможете повторить попытку.

Большая зеленая туча медленно наползала с юга.

Наткнувшись близ оазиса на невидимую преграду — взбурлила и потянулась к западу. На северо-востоке гуляли песчаные смерчки — обыкновенные, вертикальные. Далеко на севере угадывалась завеса. Плоскость жила своей жизнью.

— Простите меня, Георгий Сергеевич, — сказал Фома, вставая с нагретого камня, — но я не вернусь. Не хочу вам врать. А кроме того, я убежден, что второй попытки у меня не будет. Будет только одна. Или — или.

— Тогда обещайте мне хотя бы подумать о моих словах!..

— Не сомневайтесь.

Опасная туча ползла совсем близко, и в другое время Фома повременил бы с уходом. Но что толку говорить о другом времени? Время всегда одно — настоящее. О нем не говорят, в нем живут.

Уходя, он ни разу не оглянулся. Кончено. Этап пройден. А боль — боль тоже пройдет...

Наверное.

А если и нет, это уже ничего не меняло. Ведь нельзя же, разбежавшись, остановиться перед самым прыжком!

ГЛАВА 2

Он всплывал, продираясь сквозь бирюзовую вязкую толщу. Шлепогубые рыбы остались у дна и недолгое время продолжали следить за его всплытием idiotски выпученными глазами. Потом рыбы туши превратились в смутные силуэты внизу и, похоже, вовсе не спешили отбыть кто куда по своим неотложным рыбьим делам. Они выстроились правильным кругом, хвостами наружу, глупыми мордами — к центру. Наверное, в крошечные мозги стокилограммовых чудищ накрепко впаялось убеждение: это ничего, что чужак

всплыл, — он вернется. Лишится сил и растопыренной лягушкой опустится на дно. В круг, где его настоящее место. Где к нему привыкли. Где нельзя жить, но можно существовать.

Размечтались!

До поверхности, до пьянящего глотка воздуха, до удивительной сладости свободного дыхания оставалось еще очень далеко, но все же вода понемногу светлела. И еще — ее вязкость уменьшалась с каждым выигранным метром. Но и сил оставалось немного. Меньше, гораздо меньше, чем надо было отдать для всплытия.

Плясали перед глазами оранжевые круги и багровые звезды. Неужели — снова вниз?..

К ничемному висению в водной толще? К толстогубым и лупоглазым рыбам?

Шевельнулась мысль: он сам — рыба, хоть и без жабр. Глупая рыба. Безмозглый наблюдатель странно-го и чуждого, ничемный созерцатель, не способный ни к глубокому изучению, ни к анализу увиденного. Не блестящий мыслитель (куда там!), не смелый экспериментатор, не фанатик науки — заурядное существо, мечтающее только об одном: всплыть! Удрать из мира фантастического в мир обыденный.

То есть попытаться сделать то, к чему стремилось бы и животное?

Он не нашел ответа — мысль мелькнула и ушла. Муки удушья становились непереносимыми. Мышцы отказывались служить. Он еще трепыхнулся раз, другой — и замер растопыренной лягушкой. Почему-то он твердо знал, что вновь погружается — медленно, незаметно... А почему нет? Давно ведь известно: хочешь чего-то достичь — работай. Халявы нет нигде. Хочешь достичь небывало многого — работай так, как никто еще до тебя не работал. И не жалуйся на отсутствие сил.

Можешь пожаловаться на фатальную неудачливость, дело твое, но имей в виду: никому твои жалобы не нужны, никого они не интересуют. Каждый занят самим собой.

Фома проснулся от отчаяния, когда сквозь толщу воды под ним вновь обозначились силуэты выстроившихся правильным кругом рыб. После глубокого вдоха ему показалось, что кто-то всадил в сердце длинное шило. Он задышал медленнее, не грудью, а животом, и не делал попыток подняться до тех пор, пока боль не утихла. Вокруг него на песке расположились выпанные им вещи.

Алебастровые рыбы. Шесть штук правильным кругом. На этот раз он не обратил против них свой гнев. Черт с ними. Наплевать. Разве кто-то посторонний отвечает за содержание снов? Кого винить?

А урожай полезных вещей порадовал. Целая упаковка спичек — десять коробков! Одна работоспособная зажигалка. Шесть упаковок сухого горючего. Три пустые пластиковые бутылки по полтора литра. Кроссовки нужного размера. Шорты. Традиционный моток капронового шнура пяти миллиметров толщиной. Удобный рюкзак с поясным ремнем, при необходимости сбрасываемым «легким движением руки». Непонятно зачем — спальный мешок на синтепоне. Наверное, в первом сне, который никогда не запоминается, приснился настоящий турпоход, судя по тощему спальнику — летний.

А в зимние походы с ночевкой Фома отроду не ходил, справедливо подозревая в них не удовольствие, а борьбу за жизнь.

Не приснилась палатка, о чем не стоило жалеть: зачем она на Плоскости? Фома пожалел, что не приснился котелок — вещь необходимая. Не было и сковородки — желательно алюминиевой, тонкостенной, легкой. Честно говоря, не помешал бы и складной таганок.

Это что же — сидеть в спальне и ждать, когда сон вновь смежит веки? На голодный-то желудок?!

Сна не было ни в одном глазу. Еды тоже не осталось ни крошки. Воды во фляжке — глотка на четыре. Конечно, можно было и потерпеть, но быстро уснуть — вряд ли. Не говоря уже об управлении сновидениями.

...Часов через пять вдали замаячил Борькин оазис. С «коттеджем», некогда так возмущившим Борькиных родителей.

Фома сознательно шел сюда, делая крюк. Новому феодалу теперь долго не понадобится его личная кухонная утварь. Ему нынче не до того. Дело молодое... А обнаружит со временем пропажу — не беда; чертыхнется и выпит новое барахлишко... Да, и об Оксане надо позаботиться — какого рожна девчонка всеми брошена? Переселить ее куда-нибудь, чтобы не сошла с ума от одиночества. К Джорджу, что ли?

Не хочется делать еще один крюк, а надо. Как говорится, джентльмен перед уходом должен привести в порядок свои дела...

На этом месте мысли «джентльмена» были прерваны, как будто кто-то перекинул тумблер: далеко справа от себя Фома заметил удаляющуюся за гребень бархана фигурку и опознал ее. Своенравная девчонка покинула оазис!

— Сто-о-о-ой! Сто-о-ой, дуреха!

Он понимал, что на таком расстоянии ори не ори — бесполезно. Может, дуреха догадается оглянуться?..

Нет. Не догадалась.

Он сбросил рюкзачок. С лихорадочной поспешностью выбрасывал из него вещи, докапываясь до пистолета. Ему и в голову не приходило держать оружие под рукой, находясь в своем — ладно, пусть бывшем своем, не в том суть — оазисе... Нашел! Три пули бес-

смысленно ушли в небо, трижды «марголин» дернулся в руке экс-феодала. Даже за гребнем бархана девчонка должна была услышать выстрелы. Сейчас ее рыжая глупая голова появится над песчаным гребнем...

Не появилась.

Фома выстрелил еще трижды. Немного выждал — и рванул наперехват.

Бежать по песку — забава для атлетов или для идиотов. Бежать по любому грунту на Плоскости — занятие для адреналиновых наркоманов, если забег на короткую дистанцию, и для самоубийц, если на длинную.

Фома не бежал, а шел, зато таким шагом, что любой горожанин одного с ним возраста непременно перешел бы на бег трусцой, чтобы не отстать. Темп, держать темп! Опасно высокий темп...

А, плевать! Угодить в ловушку — это лишь еще одна возможность решить все свои проблемы, причем быстро и бесповоротно... И не нужны долгие пешие экспедиции туда-не-знаю-куда. Отличненько! Кто там сказал «лучше, конечно, помучиться»? Не факт.

Леденящий вихрь ожег морозом лицо, сбил дыхание. Выругавшись, Фома все-таки чуть-чуть сбавил шаг, и вовремя: в трех шагах впереди открылся черный провал. Была бы во рту слюна — Фома с яростью плюнул бы в него. Сволочь этот Экспериментатор! Мразь редкостная. Инопланетянин, блин, продвинутый! Но братец по разуму только в одном смысле: как бы ловчее напакостить!

Добраться бы до него... Только бы добраться...

После!

Фортуна улыбнулась ему кривенькой улыбкой: до гребня бархана он не встретил других ловушек, зато рассек запястье о летающую нить, впопыхах не замеченную. Слизнул кровь, ругнулся — и услышал крик:

— Помоги-и-и-и-те!

Оксана погрузилась уже по пояс. Гигантскими прыжками Фома летел с бархана вниз, обрушивая лавины песка, не думая уже ни о каких ловушках, и не знал, успеет ли. Работал голый рефлекс, и черная брань вскипала там, где полагалось помещаться мыслям о самосохранении.

Сколько он спас за без малого тринадцать лет! Сколько самонадеянных дурачков и дурочек вытащил из гиблых мест! А многие ли из них поумнели с тех пор? Вот и у этой хватило ума высунуть нос за пределы оазиса, не зная элементарных вещей — как, например, с одного взгляда отличить обыкновенный песок от зыбучего, не измеряя собой его глубину на подобие лота...

Девчонка тонула буквально в шаге от надежной опоры. Фоме хотелось кричать: «Да вот же, вот она, граница раздела, протри очки, дуреха!»

— Не дергайся! — заорал он на бегу вместо этого. — Раскинь руки и замри!

Куда там! Если Оксана и слышала его, то выводы сделала самые противоположные — принялась извиняться, продолжая взывать о помощи. Но Фома уже был рядом.

— Руку дай, ты, вибросвая! Тянись, блин-компот! Еще!.. Во-от!.. Теперь попробуй подтянуться, а главное, держись крепче...

Стреляя угольками, горел костерок в обложенном почерневшими камнями очаге, коптил дымом щелистую крышу «коттеджа». Фома пек лепешки себе в дорожку. Запасы грубой, ручного помола, муки подходили к концу, как и уровень растительного масла в пластмассовой бутылке. Фома решил мародерствовать по полной программе.

Все равно Борька тут не скоро появится, а Оксану надо переселить. Оазис, что называется, останется на

консервации. А если возникнут какие новички — вон им мешки с зерном, вон каменная зернотерка, пускай потрудятся. От радости не запрыгают, но и с голоду не помрут.

Вернулась Оксана — посвежевшая, с мокрыми волосами, замотанными в тюрбан. Мылась.

— Твоя очередь, — сказала она, подсаживаясь к очагу. — Я тут пригляжу, а ты сходи помойся.

Фома только пожал плечами — зачем, мол?

— Будешь грязным ходить? Да и побриться тебе не мешает.

— А смысл? — спросил он. — Я далеко ухожу. Так далеко, что... В общем, неважно. Через три дня стану точно таким же.

— А потом?

— Потом еще хуже. Это Плоскость. Не человек с ней — она с человеком делает то, что ей хочется.

— Ты на бомжа смахиваешь, — заявила Оксана, картинно наморщив носик.

— Угу. Только этот бомж тебя из песка вытащил.

— Извини.

— Тонет, орет, глаза вот такие...

— Извини, говорю.

— Да ладно, — отозвался Фома. — Это уже не имеет никакого значения. Как и мой вид — бомж там, не бомж... Ты лучше скажи, зачем тебя в пески понесло. Далеко собралась?

— Не знаю... Куда-нибудь.

— Случайно не к тому месту, где мы с Борькой тебя в первый раз встретили?

— А если к тому самому, то что?

— Только то, что глупо это. Объяснить, почему? Во-первых, ты не нашла бы его. Во-вторых, не дошла бы, даже помня путь наизусть. В-третьих, зачем тебе то место? Назад хочешь? В свой Ростов Великий?

— Хочу, — заявила Оксана с вызовом.

— Все хотят. Я тоже хочу, только это ничего не меняет. Обратного хода нет, мы ведь тебе это уже объясняли. Ну нету! Тут односторонняя проводимость, вроде как у диода. Я сам чего только не пробовал поначалу... А до меня — Нсуэ. А до него... — Фома махнул рукой. — Бесполезно. Нет пути назад. Попал на Плоскость — живи тут, вот и все. Если можешь. Это закон.

— Тогда почему ты уходишь?

Помедлив с ответом, Фома выудил из сковородки прожаренные лепешки, расплющил ладонью три новых колобка теста, кинул в шипящее масло.

— Ухожу посмотреть, везде ли на Плоскости так, как у нас...

— Думаешь, не везде?

— Почему нет? Плоскость велика.

— Хочешь найти выход на Землю?

— Хочу, — признался Фома, глядя Оксане в глаза. — Только вряд ли найду. Вероятность, если по-честному, ноль целых, ноль десятых...

— И ноль сотых?

— Не уверен. Надеюсь, что нет.

— А если бы точно знал, что нет, — все равно ушел бы?

Он кивнул, отметив про себя, что девчонка задала интересный вопрос. Хотя, конечно, чистая теория... Откуда можно добыть сведения о том, чего не видел и о чем не слышал? От Экспериментатора? Так он и сказал, жди... Своими действиями он дает понять совсем другое: «Оставь надежду всяк сюда входящий». Да и пресловутый лабиринт с белыми крысами — неточная аналогия. Задача блуждающих в лабиринте — искать выход. Задача людей на Плоскости — пытаться выжить в нечеловеческом и притом меняющемся по прихоти Экспериментатора мире, создавая ради этого диковинные социальные конструкции. О выходе речи нет.

Но опять-таки: что на Плоскости можно знать наверняка? Только то, что ловушки — убивают. И еще то, что человеческая натура остается в принципе неизменной в любых условиях. Больше ничего. Так что чисто теоретически — все может быть. Даже выход.

Надеяться, во всяком случае, не вредно.

— Интере-е-есно... — протянула Оксана. — Значит, я правильно поняла: ты уходишь не ради чего-то, а от чего-то? То есть бежишь?

— Вот именно, — буркнул он.

— Ну и глупо.

— Ты-то собиралась уйти не по той же причине, нет?

— Это мое дело! — заявила Оксана.

Глупая и дерзкая. Фома повысил голос:

— А мое дело — следить, чтобы такие, как ты, оставались живы-здоровы. Пока еще мое дело... Привычка. Так что собирайся, пойдем вместе. К Джорджу хочешь?

— Не знаю. Кто он такой?

— Хуторянин. Еще не стар. Холост. То есть, может, у него на Земле кто-то был, я не интересовался... Здесь — холост. Оазис что надо. Он ведь фермер, Джордж, умеет работать. По-русски немного понимает...

— Я не о том. Что он за человек?

— Хороший человек. Упрям только и нудноват, зато...

— Не надо мне никакого «зато», — перебила Оксана. — И вообще! Ты меня сватать вздумал?

— Куда ты денешься, — усмехнулся Фома. — Да ты не злись. Все равно ведь выйдешь замуж, не сейчас, так потом. Могу отвести тебя к Магнуссону, он тоже одинокий и притом феодал. Не хочешь быть черною крестьянкой — станешь столбовою дворянкой. Большого не обещаю.

Он рассказал и о Магнуссоне: хороший феодал, сразу видно, что человек жесткий, несгибаемый. Не душка, не добрячок. Жить у таких трудновато, зато процент выживших выше, чем у гнилых либералов...

— Я с тобой пойду! — категорически заявила девчонка.

— Конечно, пойдешь. К Магнуссону или еще к кому — на выбор.

— Гораздо дальше.

— Да ну? — прищурился Фома. — И как далеко?

— Там видно будет.

— Любопытное решение... — Медля с ответом, он снял с огня сковороду, ловко подцеплял лепешки деревянной лопаточкой. — А ты спросила меня, пойду ли с тобой я?

— Не хочешь?

— Нет. Чего ради?

— Почему?

— Я знаю Плоскость — ты нет. И сил у тебя не хватит. Зачем мне обуза? Это первое...

— Есть и второе?

— Конечно. Уйти отсюда — это мое решение. Только мое. Мой риск, моя рулетка. Представь, что я тебя взял. Когда ты умрешь — а это наверняка случится очень скоро, — я буду винить себя за то, что не прогнал тебя сразу. Оно мне надо?

— Может, оно мне надо?

Фома не стал отвечать. Ввязываться в каждый спор — язык отвалится. Ясно одно: выйти надо вместе, а уж потом... Потом девчонка отстанет сама. Должно же найтись место, где ей понравится.

Лучше бы оно нашлось поскорее. Иначе наступит такой момент, когда девчонку придется бросить. Избавиться от помехи. Неизвестно, рано или поздно, — но неизбежно.

Черт бы побрал эту дуреху с ее запросами — те-

перь изволь снова ковылять в спальню и видеть сны по заказу! Для дальнего похода вдвоем не хватит снаряжения.

И наверняка не хватит оружия.

— Какого хрена ты рылась в моих вещах?!

От крика Оксана вздрогнула, но восстановила самообладание уже через мгновение:

— Рыться в твоих вещах? Пф! Больно надо.

Мрачный со сна, Фома укладывал рюкзак заново — выспанные только что вещи нуждались в месте для хранения. Часть барахла и еще один рюкзак, поменьше своего, он пододвинул девчонке — набей, мол. Напоследок развернул у нее на глазах небольшой тряпичный сверток. Внутри оказались четыре палочки длиной с карандаш, снабженные наконечниками из расплющенной проволоки.

— Видишь?

— М-м?.. Что это?

— Смерть, — сказал Фома. — Наследство бушмена Нсуэ. Прихватил из своего оазиса на всякий случай. Там и лук был, только он давно разохся. А яд на стрелах не стареет. Укололась бы нечаянно — и привет. Гарантированная смерть спустя полчаса-час. Перед этим затрудненное дыхание, пена изо рта, обильное потоотделение, нарушение координации...

— Я не копалась в твоём рюкзаке! — горячо и неискренне возразила Оксана.

— А то я не вижу... Ладно, жива — и то хорошо. Наука тебе на будущее. Запомни, любопытство сокращает жизнь.

Неизвестно, какие выводы сделала девчонка, но тему сменила:

— Так это что — стрелы? Разве бывают такие короткие?

— Если я правильно понял, эта палочка вставляет-

ся в полуую тростинку, — ворчливо пояснил Фома, пряча опасный сверток обратно в карман рюкзака. — С другой стороны для противовеса вставляется такая же палочка, но без наконечника. У бушменских стрел нет оперения, зато хороший баланс, вот и летят прямо... шагов на пятьдесят. Если стрелы отравлены, то больше никому и не надо.

— Странно, — произнесла Оксана, меланхолически перебирая вещи.

— Что тут странного? Подкрался к антилопе и...

— Я не о том. Странно, что я не укололась. Я вообще невезучая. Разве везучие попадают на Плоскость?

— Всекие попадают, — махнул рукой Фома. — Везение, невезение... Дурацкий разговор какой-то. Ты вот что мне скажи: стрелять умеешь?

— Никогда не пробовала.

— Вот сейчас и попробуешь. Гляди сюда, это карабин СКС. Вот обойма. Вставляется вот так. Повтори. Так, ладно... Теперь гляди — это предохранитель. Сюда — стрельба очередями. Это тебе вряд ли пригодится. Сдвигаешь предохранитель сюда — это стрельба одиночными. Передергиваешь затвор, досылаешь патрон. Один раз. Карабин самозарядный. Цель — вон тот камень... да, тот, продолговатый. Целься. Перед выстрелом удержи дыхание и плавно, не рывком жми на спусковой крючок... Ну?

Грохнуло. Куда ушла пуля, Фома не понял. Но не в камень и не в песок перед ним.

— Еще раз...

Девятым выстрелом Оксана попала в цель. Последнюю, десятую пулю Фома пустил в ту же выбоину, отчего камень раскололся пополам. Оружие было хорошо пристрелянным.

Еще бы ему не быть таким, коли во сне Фома делал с ним чудеса!

К счастью, на сей раз приснился только один сон.

Девчонка наверняка ошалела бы, увидев вокруг себя возникающих из ниоткуда гипсовых рыб, и уж конечно, не удержалась бы от расспросов. Как будто человек полный хозяин своих сновидений! Не в большей степени, чем выбивающийся из сил пловец — хозяин бурной реки.

Стрельба из «марголина» вышла менее удачной. Через полчаса вопросов, терпеливых объяснений и проб фонтанчик песка взметнулся в полуметре от цели, и Фома решил, что хватит зря переводить боеприпасы. Случись что серьезное, пользы от девчонки все равно не будет никакой, разве что взять кого-нибудь на испуг. Авось не подстрелит нечаянно себя или напарника — и то ладно.

Один пистолет и часть мелкокалиберных патронов Фома отдал Оксане, велел от греха подальше убрать в карман рюкзака. Потом спросил:

— Может, и ты поспишь? Хочешь небось спать?

— Нет. — Девчонка замотала рыжей головой.

— Уверена?

— А то!

Фома не поверил. Путь через пески тяжел для любого новичка, а сон — лучший отдых. Обыкновенный сон без расчета выспать что-либо полезное, ибо все необходимое уже выспано. Тут иное: нежелание пускать постороннего в свои материализующиеся сны. Что может сниться семнадцатилетней девчонке? Чепуха какая-нибудь интимного свойства, для чужих глаз не предназначенная...

Что ж, снисхождения в виде дополнительных привалов не проси.

— Переоденься, — приказал он, бросив девчонке свежевывисанный комбинезон и новые кроссовки. Отвернувшись, насвистывал сквозь зубы. — Ну как, в пору?

— Погоди... Да, нормально вроде.

— Юбку свою брось, не пригодится. Готова? — Туго набитый рюкзак он взгромоздил на плечи, а карабин повесил на шею. — Держись за мной. Идем как раньше. Никаких разговоров. Никакой самостоятельности. Если я поднял руку — ты замерла на месте. Команды выполнять беспрекословно и быстро. Иначе я ни за что не ручаюсь. Поняла?

— Поняла, — ответила Оксана. — Один вопрос: куда мы идем?

— На восток, — пробурчал через плечо Фома. — На западе я уже был.

То ли девчонка была не так глупа, как казалось, то ли на нее подействовал серьезный тон, то ли память о зыбучем песке отбила охоту своевольничать, но факт остался фактом: за последующие три часа Оксана не произнесла ни одного слова.

Фома только радовался. Потом он натер шею ремнем карабина и пожалел, что не выпал более современное оружие для дальнего боя — поудобнее и полегче. Хотя что выпалось, то выпалось, и нечего зря пенять на постороннего дядю. Твои сны — только твои проблемы. Ишь — неудобным показался карабин полувековой давности! А фузею не хочешь, умник? А пицаль с фитилем? И уж совсем интересно: что бы ты делал с «Большой Бертой»?

Завеса корчилась, умирая. Вся она горела неестественно яркими радужными сполохами, в ней открывались и тут же захлопывались сквозные бреши, она была похожа на страдающее живое существо, одолеваемое смертельным недугом, но отчаянно борющееся за жизнь в нестерпимом страхе перед уходом в небытие. Между ней и танцующим песком оставалась свободная и безопасная с виду полоса. Еще недавно Фома, Николай и безумный Автандил прошли по ней — не без проблем, но ведь прошли же! Теперь Фома покачал го-

ловой и объявил привал. Вряд ли гибнущая завеса умудрилась передвинуться, совершив невозможное, — скорее увеличилось поле танцующего песка.

Оксана будто и не устала — стояла с открытым ртом. Не всякий день хуторянину удастся видеть то, что нетривиально и для феодала. Хотя, переводя взгляд с корчащейся радужной стены на кипящий и плюющийся, как каша, песок, она, разумеется, не знала, что тривиально, а что нет.

Фома свинтил колпачок с фляжки, сделал маленький глоток. Помедлил, посмаковал и сделал еще один. Пить хотелось, но в меру. Основные запасы воды в пластиковых бутылках хранились в недрах рюкзака.

— Много не пей, — предупредил он, протянув фляжку Оксане. — Два-три глотка — и хватит. Лучше чаще, но понемногу.

Оксана молча послушалась. Фома хорошо видел, как ей хочется пить: дай волю — выхлебает до дна.

— Экономия воды, — пояснил он, вешая фляжку на пояс. — Проверенная тактика. Болтать тоже лучше поменьше.

— А этот песок, — спросила Оксана, проигнорировав нотацию, — почему кипит?

— Потому что ему так хочется, — «объяснил» Фома. — Может, газы какие выделяются, а может, просто так пляшет... Одно знаю точно: соваться туда не стоит, а больше знать и не надо.

— Неужели не любопытно?

— Был у меня один новичок, — поморщился Фома. — Любопытный — жуть. Все время приставал с расспросами: как да почему? Вынь ему истину да поднеси на блюдечке. А я ее знаю, истину? Замучил меня до того, что мне все время хотелось в рыло ему съездить. Однажды и съездил, не выдержал... Ну вот, прихожу к нему в очередной раз — а оазис пуст. Ушел мой естествоиспытатель истину искать и записки не оставил. Ну, значит, с концами... Я себя после этого

целый месяц винил, а зря. Давно это было. Потом-то дошло до жирафа: у кого шило в одном месте, а таланта нет, тот не жилец. Лучше уж на такого вообще времени не тратить...

— И с тех пор не тратил?

— Тратил, — вздохнул Фома. — Привычка. Иной раз вижу, что толку от этого типа не будет, и все равно вожусь с ним. Глупо, да. А ты покажи мне феодала без недостатков.

— А может, он жив? — возразила Оксана. — Может, он нашел место получше? Ты труп видел?

— Как же, труп... Ты еще скажи — могилу. Трупы — редкость. Плоскость работает чисто. И хватит болтать.

— Ты больше моего болтаешь, — язвительно заметила Оксана.

Фома промолчал. Если девчонке хочется оставить за собой последнее слово — пускай. Самолюбие, вишь, у нее играет. Да у кого оно не играет? Глупые вы все же существа, люди, мечтающие возвыситься над собеседником, любители ненужных слов и парфянских стрел. Не до всех доходит простой факт: бывают места, где победил не тот, кто победил, а тот, кто остался жив. И это настоящая, а не мнимая победа.

Завеса сдохла через полчаса. В последнем приступе агонии она вспыхнула нестерпимо ярким алым пламенем — и погасла. Еще несколько секунд поперек пустыни стояла черная стена высотой с небоскреб, затем она растаяла так быстро, что удивился даже Фома.

— Ты такое видел раньше? — запинаясь, выдавила Оксана. Кажется, на время гибели завесы она забыла дышать.

— Один раз. Издали. А впечатляет, правда?

— Теперь можно идти?

— Наверное, — сказал Фома. — Вот сейчас и попробуем. Есть, правда, другой вариант — тащиться в

обход. Часа два-три потеряем точно. И ловушек там всегда было много. Короче, предлагаю идти прямо.

— Тебе решать, — на удивление легко согласилась Оксана.

Фома искоса посмотрел на нее, ожидая подвоха, и не дождался. Ну надо же — понятливая! Уяснила, кто тут гид, а кто туристка. Всем бы так...

— На, попей, — протянул он флягу. — Два маленьких глотка.

Ему тоже хотелось пить, но пока терпелось. В конце концов, Плоскость, если не брать в расчет ее ловушки, гораздо милостивее Сахары или Каракумов. Нет адской жары, нет палящего солнца. Привыкший к Плоскости старожил перетерпит жажду, а новичков надо приучать постепенно. На всякий случай. Хотя нет сомнений: наука не особенно пригодится. Девчонка устанет и в конце концов останется жить в каком-нибудь оазисе, далеко не факт, что в лучшем. Кому угодно надоест тащиться за бывшим феодалом, у которого шарики заехали за ролики, искать неизвестно что неизвестно где...

Тем лучше. Девчонка — помеха, и помеха упрямая. Поскорее бы Плоскость сбила с нее спесь... Может, нарочно провести ее через хар-р-рошее скопище ловушек? Авось проникнется.

Он повертел эту мысль так и эдак — и с сожалением отверг. Ему не хотелось задерживаться в опостылевшем феоде. Скорее вон из него! На волю. Туда, где человек сам себе хозяин, а не выючный ишак на службе у бестолковых. И пусть Экспериментатор или кто другой попытается помешать!

А ловушки еще будут, можно не сомневаться. Если же их окажется недостаточно, если тяготы пути не сломают девчонку, то от нее можно будет избавиться и другими способами. Способов много. А-ля Тесей и

Ариадна, например. Этот способ из самых милосердных.

Есть и похуже. А впрочем, что загадывать заранее! Фома невесело усмехнулся, сглотив тягучий комок слюны. Ненужные, глупые мысли... Планы на будущее хорошо составлять тому, кто живет в безопасном оазисе. Для бродяги они бессмысленны. Планы для него пишет Плоскость. Прими безропотно то, что она дает, потому что твой ропот значит не больше, чем унылый шелест песка, осыпающегося с гребня бархана.

Но толика свободы у тебя все же есть. Ты можешь сдаться, приняв план к исполнению, — а можешь и потрепыхаться.

Разумеется, на свой страх и риск, без всякой гарантии.

ГЛАВА 3

— Ты ничего не замечаешь? — спросил Фома.

— Нет. — Оксана покрутила головой. — Нет, вроде ничего... А где?

— На холме слева. Ничего?

— Ничего. А что я должна заметить?

— Да так... Иди спокойно, башней не верти...

— Почему? Что там такое?

— ...и болтай поменьше.

Оксана, как видно, надулась, чему Фома был только рад. Замолчала. Молчи, молчи, помеха, ненужный хвост, верига на шее... Молчи, коли не способна понять, куда вляпалась...

Внутри его все кричало: «Опасность! Опасность!» — при полном отсутствии видимых признаков опасности. Так погибают новички и неумехи, не успев даже понять, что происходит. Так часто, хотя и не всегда, выживают феодалы и редко встречающиеся бродяги — чуют подвох, и не все ли равно чем? Шестым

ли чувством, седьмым ли, да хоть девятым с половиной — без разницы! Иной раз почувешь неладное и разумно шагнешь в сторону, а не вперед, и останешься цел-невредим.

Может, и шаг вперед не привел бы к фатальному исходу? Не исключено. Но пусть это проверяет кто-нибудь другой, какой-нибудь самонадеянный бесталанный олух после честного предупреждения...

Сейчас внутренний голос твердил иное: вперед, только вперед! Но не бежать, идти спокойно. Опасно, ох опасно... Зябкая дрожь по спине, пот ручьями в глаза. Но так надо. Ни вправо, ни влево, и ни в коем случае не стоять. Тут что-то хитрое, такого еще не бывало. Не дергайся, иди. Просто иди.

Запретив себе поворачивать голову, Фома дико скашивал глаза на холм слева. Не так уж много времени минуло с тех пор, как он, Николай и Автандил стояли на вершине этого холма, наблюдая за двумя призрачными фигурами, бесшумно скользящими мимо. И он, феодал, вспотел тогда от страха, узнав в этих дымчатых фигурах себя самого и свою нынешнюю спутницу. Но тот страх быстро улегся. В самом деле, кто сказал, что Плоскость не может показывать людям разные занимательные картинки? Не исключено, что она сама видит сны и не скрывает их. Было бы от кого скрывать! Нате, человеки, любуйтесь. А что такое сны? Да ничего они не значат, если вне спален! Чепуха всякая. Несерьезная небывальщина. Материал для шаманов и бездельников, именующих себя психоаналитиками. Наплевать и забыть.

Но увидеть себя самого в будущем?!

Совсем нехорошие шутки, и запах у них нехороший. Отчетливый запахок нарушения принципа причинности.

Есть природа Плоскости, но есть и просто Природа. И она очень не любит шуточек с причинностью.

★ Фома помнил: в тот раз призраки прошли мимо, не заметив людей на вершине холма. Сейчас он и сам никого не замечал — безлюден был холм. А если так, то сворачивать со своего пути вроде бы нет никакой необходимости — иди себе...

Иди точно так же, как шел, как видел себя со стороны, не нарушай фундаментальных законов.

А если нарушить? Сделать один-единственный маленький шагок в сторону. Или остановиться. Или сплясать вприсядку. Или всего-навсего полуобернуться на ходу...

Такого страха Фома никогда не испытывал. Целые струи пота нещадно выедали глаза. Нечего было и думать пойти наперекор Плоскости. Малейшее незаконное движение — и конец. Не бери на себя лишнего, человеческая букашка, не нарушай фундаментальных принципов. Если кому-то и позволено их нарушать, то уж никак не тебе, запомни это накрепко. Лучше будь признателен: ведь тебя предупредили страхом. Нет предупреждения эффективнее. Что? Ты станешь уверять, будто в силах побороть страх смерти? Допустим. А ты уверен, что в случае непослушания тебя ждет всего-навсего вечное небытие, а не что-то стократ ужаснее?

Не уверен? Умница. Значит, делай то, что предписано. Ползи, козявка.

Он шел, но чувствовал себя ползущим. Пожалуй, никогда еще он не ощущал так остро свою ничтожность и зависимость. Будто громадная лапа взяла его за шкурку и ткнула носом в подходящее ему место. Молчи и утрись. Крыса в лабиринте не может звучать гордо, не ее это дело. Крыса способна заработать авторитет лишь среди таких же крыс, как она сама.

А что? Должна же и в крысьей жизни быть какая-то цель! Ведь и крысе зачем-то дана жизнь.

Бегай, суетись. Ищи безопасный путь, ищи корм,

нажимай на педали. Без лабораторных крыс прекратится эксперимент — вот тебе и смысл твоей жизни. Что, не нравится? Есть и другие вакансии. На крысах можно испытывать лекарства и яды. Можно блокировать нервные рецепторы, посадить зверька на сковородку и показать студентам, как горят его лапки. Не жалко: все равно ведь уже отработанный материал, а зверьку даже и не больно... Многое человек может сделать с крысой. Хотя, наверное, меньше, чем Экспериментатор с человеком.

Ощущение опасности мало-помалу слабело. А когда оно ушло совсем, Фома в изнеможении опустился на песок.

— Ну и у кого из нас не хватило сил? — не замедлила подпустить шпильку нечуткая Оксана. — Никак уже притомился?

— Привал, — через силу выдавил Фома. — Пять минут.

— Может, пятьдесят? Тебе надо, я вижу.

— Сказано, пять — значит, пять.

Он не собирался втолковывать девчонке, через что им пришлось пройти и почему ему хочется поскорее оказаться как можно дальше отсюда. Кажется, она вообще ничего не заметила... ну и ладно. Пусть лучше язвит, чем вздрагивает от всякой чепухи, как та пуганая ворона, что куста боится. Это верно, что Плоскость не любит самоуверенных олухов, коим море по колено, — но так же верно и то, что она не любит трусливых перестраховщиков. Важна мера; правильный баланс того и другого может продлить жизнь.

«А уж мы постараемся распорядиться ею так, как нам надо», — закончил он мысленно, пытаясь вернуть себе бодрость и кураж.

С первой попытки получилось так себе, пришлось повторить.

Как добрый сосед, Фома должен был остановиться на границе, подать дымный сигнал и ждать хозяев. Вооруженный чужак рискует нарваться на неприятности. А без оружия нельзя — безоружный беззащитен... Одна надежда — все-таки хозяин здесь не какой-нибудь ренегат Перонелли, а нормальный феодал Бао Шэн-жуй. Серьезных недоразумений с ним ни разу не было.

О том, чтобы вернуться к пограничным холмам, даже подумать было жутко. Нет уж. На восток так на восток. По чужим владениям. Интересно, как будет «феод» по-китайски?

И есть ли у них вообще такое слово? Мобилизовав свои скудные познания в истории Востока, Фома не мог припомнить, существовало ли в Китае вообще такое понятие, как феодальная вольница. Если да, то, наверное, недолгое время — мелкие вкрапления в тягучей резине истории. Китаю пристало быть империей, как бы она ни называлась — Тан, Мин или КНР. Это не средневековая Западная Европа с ее немытыми кичливыми баронами, не Япония столь же кичливых эстетствующих отморозков, не пошинкованная на мелкие уделы домонгольская Русь и не германские, переплюйных размеров, княжества XVIII столетия.

А если обширная империя на Плоскости со всей очевидностью невозможна, то что же делать для предотвращения брожения умов?

Вопрос был не праздный. Надо же знать, с чем, возможно, придется столкнуться. Где тот клей, на котором все держится? Одно лишь естественное стремление человека выжить? Хм-хм...

Во владениях Магнуссона или Шредера Фома не задал бы себе такого вопроса. Там было все понятно: да, стремление выжить. И только. Как и в бывшем феоде Фомы. От Бао же можно было ожидать чего угодно. Как-никак человек иной культуры, владеющий территорией с соплеменным населением. А главное, его феод, по слухам, лучший из по меньшей мере де-

сятка ближайших владений. Возможно, и из значительно большего числа — не проверишь. Из дальних краев сведения либо не поступают вовсе, либо доходят искаженными.

Чудес не бывает. Бывают удачные рецепты.

В том, что такой рецепт у Бао имеется, Фома не сомневался.

Второй день они шли на восток по чужой территории и до сих пор не встретили ни одного оазиса, ни одной тропинки. Давно уже песчаная пустыня сменилась каменистой, а какие же следы на голом камне? Отсутствие оазисов начинало тревожить, но пока не слишком сильно. Всякое бывает. Кто сказал, что Плоскость обязана выращивать оазисы квадратно-гнездовым способом? Ни черта она не обязана. Как всегда: где-то погуще, где-то пожиже.

С ловушками и подлянками здесь тоже было пожиже. Временами налетали вихри разной температуры, попадались гравияномалии, встретилось озерко жидкой земли с круглым островом посередине, на котором лежал выбеленный временем скелет в лохмотьях, с большим промахом ударила разок подземная молния, да еще Фома ушиб колено о некстати подвернувшуюся незримую твердь — вот и все.

Везение. А может, усыпляющая бдительность прелюдия к таким местам, где не пройти и лучшему из феодалов.

Два, от силы два с половиной километра в час... Твердая почва позволяла двигаться быстрее, но Фома не желал рисковать. Следил за дуновениями ветерка, швырял перед собой камешки. Оксана поначалу пробовала ехидничать, но после скелета притихла. Все шло путем. По идее скоро полагалось наступить «ночи», и Фома то и дело поглядывал на компас. Когда серая пустыня оделась в сумерки — прищелкнул языком с явным удовольствием.

— Нормально...

— Мы не заблудились? — нервно спросила Оксана, успевшая вникнуть в причуды магнитной стрелки.

— Немного отклонились к северу, а так все нормально. Хорошо идем.

— «Правило пятнадцати минут»?

— Оно самое.

— А ты уверен, что оно действует на всей Плоскости, а не только в твоём феоде?

Хороший вопрос, подумал Фома. Наверное, половина бытовых убийств случается из-за таких вот невинных вопросиков...

— Я уверен, что дам тебе пинка, если еще раз вякнешь!

Оксана замолчала. Они шли еще полчаса, после чего Фома объявил долгий привал, решив, что лимит везения на сегодня исчерпан. Иногда шестое чувство говорит: стой. Бывает, кричит даже. А иногда — как сейчас — просто понимаешь: все хорошо в меру. Угадал или нет — заранее никогда не известно. Но то, что ночные прогулки по незнакомой местности не способствуют долголетию, известно совершенно точно.

— Пить-есть хочешь? — Фома извлек из рюкзака завернутые в тряпицу остатки лепешек и сильно початую бутылку воды. — А? Чего молчишь?

— Боюсь пинка. — Оксана отвернулась.

— Это правильно, — одобрил Фома. — Бояться никому не запрещено и вообще не вредно. Боязливые живут дольше. В оазисах.

— Слушай, почему ты такой злой? — вспыхнула Оксана. — Что я тебе сделала? Если мешаю, так и скажи. Мешаю?

— Пока нет, — почти не соврал Фома. — Рюкзак вон тащишь, приносишь пользу. Но у тебя еще все впереди.

— Надоем — прогонишь?

— Надоешь — оставлю в каком-нибудь оазисе. Уж до ближайшего оазиса я тебя доведу, будь спокойна. Даю бесплатный совет: присматривайся к оазисам, выбирай. Начинай прямо завтра. Понравится — оставь.

— А ты уверен, что завтра мы найдем оазис?

— Угм, — промычал Фома, жуя престарелую, резиновой кондиции лепешку. — Уверен. А еще уверен, что ты голодна. Держи свою долю и не дури.

На сей раз Оксана послушалась. Фома уже укладывался спать на голом камне, положив под голову рюкзак. Все вокруг было мучительно серым — и камни, и небо. Закрой глаза, чтобы не видеть, и спи, бродяга. Разве что бродячая подлянка или выследивший тебя человек могут потревожить твой сон. Спи на теплом камне. Над тобой не зажгутся громадные звезды пустыни, не зашуршат вокруг тебя ожившие ящерицы и ночные насекомые, не проскачет глупый и шустрый тушканчик, не провоняет вдали шакал. Ночной холод не скрючит тебя в три погибели. Тебе не нужен запас противоядий от укусов ядовитых змей, скорпионов и каракуртов. Разве плохо? Ведь есть же и свои плюсы, точно есть!

И разве не могло обернуться не в пример хуже? Ведь запросто. Нет, ты зажрался, человеке. Ты алчен. Оцени свою удачу: тебя забросило в чуждый, искусственный мир, в котором по крайней мере можно жить! А если бы в мир с бескислородной атмосферой? В мир с температурой воздуха в пятьсот градусов Цельсия? В мир-вольер, населенный хищниками-людоедами?

«Хороший дядя, — пробормотал про себя Фома, продолжая внутренний спор. — А мог бы и шашкой рубануть».

Заунывный звук, похожий на долгий-долгий печальный стон, пронесся над пустыней и затих. Оксана вздрогнула. Фома приподнял голову. Звук повторился,

на этот раз гораздо дальше. Неопознанное Нечто удалялось.

— Что это было? — шепотом спросила Оксана.

— Понятия не имею. Было и ушло, и хрен с ним. Ложись спать.

— А тебе не страшно?

— Когда как. Иногда устаешь бояться.

— А сейчас?

— Не страшно. Спи.

Оксана свернулась калачиком. Спать, однако, она не собиралась.

— Мне просто жутко интересно: как далеко ты собираешься уйти от своих владений?

— Пока не упрусь во что-нибудь, — буркнул Фома.

— А дальше?

— Не получится обойти — выберу другое направление. Что тебе непонятно?

— И так до конца? До края?

— Вот именно.

— А если никакого края нет?

— Спроси у Плоскости, — пожал плечами Фома. — Она все знает, а я так, погулять вышел.

— Слушай, а у тебя с головой все в порядке? — заботливо поинтересовалась Оксана.

— Угадала. Я псих. Съехал с нарезки.

— Оно и заметно...

— Закройся, — лениво приказал Фома. — Раз спросила — слушай. Хотя это и не твое дело. Есть тут одно существо... а может, и не существо, какая разница? Но оно существует, это я знаю точно. И у меня с ним спор.

— С кем?

— С ним. — Фома ткнул пальцем в серое небо.

— С Богом?

— С местным богом. С Экспериментатором. С создателем Плоскости. Он меня достал. Человек должен

жить по-человечески или вообще не жить. Я так считаю.

— По-твоему, он считает иначе?

— А по-твоему, нет?

— Откуда мне знать?

— Вот и я не знаю, о чем он там себе думает. Но он меня достал, это точно. Теперь мой черед достать его.

— Ого!.. — Оксана приподнялась на локте. — Интересно, как?

— Мне тоже интересно... Пока не знаю. Ясно только, что здесь это невозможно. Значит, надо идти искать. Плоскость-то не везде одинакова. Может, где-нибудь и найдется... рычаг воздействия.

— А если его нигде нет?

— Вот и посмотрим. Предлагаешь сидеть и не искать? Это еще глупее.

Некоторое время Оксана молчала.

— Рычаг воздействия на бога? — спросила она чуть погодя. — Круто. А ты не слишком занесся?

— Может, рычаг, а может, и гвоздь, — огрызнулся Фома. — Кольну его в задницу. Почему нет? Он ведь не настоящий бог, трепетать перед ним я не обязан...

— Он тебя и с трепетом прихлопнет, и без трепета. Кстати, бог есть бог, настоящий он там или нет. Значит, он может прочесть твои мысли. Не боишься?

— Делать ему нечего — мысли мои читать...

— Все равно: захочет — прихлопнет. Как муху.

— Возможный вариант. Так что ты подумай хорошенько, стоит ли тебе со мной идти. Может, останешься у хорошего феодала в хорошем оазисе, а?

— А в настоящего бога ты веришь? — спросила Оксана, пропустив предложение мимо ушей.

— Нет. Меня в младенчестве даже не крестили. Я нехристь. А ты?

— Не знаю. Верю, наверное.

— Крестик, вижу, носишь... Спрячь под одежду. Грех.

— Все равно тут у нас другой бог, — возразила Оксана. — Что ему те грехи?

— Христианский бог, значит, в стороне? Не выше?

— А если выше, то почему не вмешивается?

— Хороший вопрос, — сказал Фома, зевая. — Главное, свежий. Люди над ним третью тысячу лет думают. Подумай и ты.

С Бао они встретились лишь на третьи сутки, случайно наткнувшись на оазис. Внезапно открывшаяся взгляду обширная низина, расчерченная на квадраты рисовых полей, казалась шахматной доской. Три хижины, крытые рисовой соломой, идиллически дополняли ландшафт — оазис был крупный и весьма населенный. Рощица невысоких деревьев обрамляла полукольцом дальний край низины. Внезапно из крохотного озера с шумом ударил могучий столб воды, постоял с минуту, побесился и опал. Не поместившаяся в чаше озера вода весело побежала к полям.

— Гейзер, — прокомментировал Фома, — только без пара. Холодный, наверное. Вода, поднимаемая неизвестно чем и неизвестно зачем. А что, удобно...

— Красиво, — оценила Оксана.

— Заодно и аттракцион. Борька не упустил бы случая покататься на этом водяном столбе. И мытье, и стирка, и радости полные штаны.

— Хватит о нем.

— Мой рот, мне и затыкать, — не согласился Фома.

— Резонно. Тогда свой рот я уж сама затыкать буду, когда мне захочется, лады?

— Нет. Я.

— Почему это?!

— Ты не справишься. Разговорчики!..

Их уже заметили. Из хижин выбегали маленькие фигурки. Некоторые из них несли на головах кониче-

ские соломенные шляпы, издали комично напоминая выводок опят. Какой смысл носить шляпы в мире, начисто лишенном солнца и дождя, Фома не мог понять и списал это на силу традиции.

Шагах в ста от границы оазиса он поднял вверх обе руки: иду, мол, с миром. А на оружие вы, ребята, не обращайте внимания. Так уж получилось. Считайте, что это не карабин, а ручка от швабры...

Может, выстрел с той стороны и был предупредительным, но пуля просвистела над самым ухом.

На всякий случай Фома еще раз помахал руками. Потом пришлось рывкнуть Оксане: «Ложись!» — и падать самому. Шутки кончились. Вторая пуля срикошетила от микроскопической кочки в тридцати сантиметрах от головы.

— Стрелять не умеете, чайники! — проорал Фома. — Руки-крюки!

Новый выстрел расплескал пыль еще дальше от цели.

— И косоглазие!

Кажется, дело оборачивалось худо. Извиваясь ужом, он выполз из-под рюкзака и снял карабин с предохранителя.

— Мне стрелять? — пискнула Оксана.

— Цыц! — Фома зверски скосил на нее глаза. Глупая девчонка залегла за своим набитым тряпьем рюкзаком как за прикрытием. Как же, спасет он тебя. Твое счастье, что этот тип стрелять не умеет... — Отползай на хрен!

Ясно было, что придется отходить. Не прорываться же в оазис с боем! Если бы уже сейчас путникам грозила смерть от голода и жажды — что ж, Фома не остановился бы перед прорывом. Невзирая на потери противника. Поубивал бы к такой-то матери всех, кто вздумал бы мешать. Для этого ему не понадобился бы и карабин — дистанция позволяла наделать лишних дырок в головах глупцов одним пистолетом.

И еще было ясно, что все-таки придется стрелять на поражение. Без боя не отойти. Не отпустят. Хотя, конечно, убивать людей в чужих владениях — непροстителъный моветон, и кончится он, скорее всего, облавой.

Может, наделать дырок не в головах, а в конечностях? Авось соседушке придется по душе такая умеренность...

Нестройные крики со стороны противника внезапно смолкли. Теперь оттуда доносился только один голос, и Фома узнал его, а узнав — порадовался удаче. Осторожно приподняв голову над бугорком, он увидел, как Бао распекает виновного. Пожалуй, стоило рискнуть подняться во весь рост.

— Лежи, — приказал он Оксане. — Я сейчас пойду к ним. Если все будет хорошо, махну тебе рукой. Если нет — бросай шмотки, бери только воду, оружие, компас и уходи. Дорогу обратно найдешь?

Оксана кивнула. Фома знал: неопытная девчонка не понимает, насколько малы ее шансы в одиночку пересечь половину владений Бао. Чудо, если ей это удастся. Но ведь Плоскость богата на чудеса... нет, почему обязательно на подлые?

Хотелось в это верить.

— Я тебя прикрою, — решительно сказала Оксана, завладевая карабином.

— Не вздумай! Стрелять только в самом крайнем случае. Обо мне не тревожься, поняла?

Ему часто приходилось видеть плачущих людей. Но чтобы слезы буквально брызнули из глаз — впервые.

— Поняла, спрашиваю?

— Поняла. — Оксана всхлипнула.

— То-то.

И он встал, вновь высоко подняв обе руки.

В него не стреляли.

— Заль, — огорчился Бао, уяснив себе, что ни Фома, ни Оксана не собираются переселиться в его владения, а просят лишь беспрепятственного прохода и, если можно, провожатого. — Осень-осень заль.

Пожимая плечами — что, мол, поделаешь? — Фома с увлечением хлебал суп. Уже после первой ложки он понял, что повар из него никакой и что до сего дня он ел помои, а не похлебку. То ли лапки многоножек следовало отпаривать как-то иначе, то ли здесь шли в ход иные пряности, но разница во вкусе оказалась просто поразительной. Настоящий гурман мог бы смириться со всеми гнусностями Плоскости, если бы жил во владениях Бао.

А вот Оксану пир желудка, похоже, не радовал. Она оставалась напряженной и ела молча.

— Напласно, — подвел итог Бао. — Здесь холосо, дальсе хузе. Совсем дальсе — совсем пылохо. Мозет, лаздумаесь?

— Нет, извини. — Фома с сожалением отставил пустую пиалу, деликатно подавил отрыжку. — Я пойду дальше.

— А она? — величавым кивком указал Бао на Оксану.

— А ты у нее спроси.

— Я тут не останусь! — мгновенно ощетинилась Оксана. — Еще чего!

— Вот видишь, — сказал Фома, — она не хочет.

Бао закивал, показывая, что уважает желание гостя, и сейчас же предложил Фоме выйти на воздух. Разговор продолжился между хибарами и огородом.

— Она не лаздумает?

— Вряд ли, — мотнул головой Фома. — Упрямая. Бао долго молчал.

— Пылахой идей есть идти на восток, — сказал он наконец. — Совысем никакой идей.

— Это уж мне решать, — усмехнулся Фома. — До восточной-то границы доведешь по старой дружбе?

— Сылозно, — засомневался Бао.

— Что тут сложного? Плоскость разверзлась, вулкан заработал, песок плавится? Ноги отнялись? Ловушки начали за людьми гоняться, а?

— Сылозно, — повторил Бао.

— Короче. Сколько и чего я тебе должен?

Бао к тому и клонил, Фоме это было ясно с самого начала. Ай, соседushка! Не промах. Кончилось старое доброе время, когда Бао мог оказать услугу авансом. Теперь — только за наличные.

И есть резон: с соседа-феодала когда-нибудь можно потребовать должок. Бродягу надо стричь здесь и сейчас, потому что никакого «когда-нибудь» уже не будет.

— Она твоя жена? — спросил Бао.

— Даже не подруга. Просто навязалась. Вот, значит, чего тебе хочется...

— Хосется, — без обиняков заявил Бао. — Тебя пловодим. Воды дадим, еды дадим. Она останется. Договоились?

Очень кстати ударил гейзер, и разговаривать стало невозможно. Пока бесновался водяной столб, Фома успел обдумать ответ.

Отделаться от помехи было, конечно, соблазнительно. В самом деле, ну что это за команда первопроходцев — бывший феодал и неопытная упрямая девчонка с гонором не по уму? Курам на смех. Ненужный груз, гиря на ноге. Какой каторжник откажется сбросить гирю?

Поздно. Надо было сразу гнать ее в три шеи и жить в ладу с совестью. Авось девчонка не сгнула бы. Теперь остается только уговаривать ее добровольно остаться в том или ином оазисе у того или иного

феодала. Для нее это лучший выход. Именно уговаривать — а не продавать.

— Нет, — сказал Фома. — Назначай другую плату.

— Холосо, — неожиданно легко согласился Бао. — Посыли со мной.

В крайней, самой убогой хижине воняло мочой. На земляном полу лежал связанный молодой китаец. На вошедших он посмотрел затравленным взглядом волка, попавшего в капкан.

Несколько секунд лицо Бао оставалось бесстрастным. Затем оно исказилось брезгливостью. Лежащий что-то пробормотал. Бао не ответил.

А Фома испытал облегчение, покинув хижину, и не свежий воздух был тому причиной. Даже опытному феодалу, не одну собаку съевшему в общении с самыми разными людьми, нечасто случается ощущать столь сильные эманации страха и ненависти.

— За что его?

— Убийца, — сдержанно сообщил Бао. — Убил отца. Нет плоссения.

— Печально, ну а я-то тут при чем? — спросил Фома и сейчас же начал догадываться, при чем. Тогда он согнал с лица выражение недоумения и, каменея, прохрипел: — Сдурел, что ли? Почему я?..

Из оружия ему позволили взять только пистолет с одним патроном. Напрасная перестраховка: Фома не собирался смыться, перестреляв троих сопровождающих, держащихся чуть позади, вооруженных и очень настороженных. Он вообще предпочел бы ни в кого не стрелять.

Нет, Бао не сдурел. Бао знал, что делал.

Фома торговался весь остаток дня и полночи. Нет, ну почему именно он должен приводить смертный приговор в исполнение? Он что, палач? И разве у убитого нет родственников и друзей, чтобы поручить им

расправу? Наконец, зачем казнить отморозка, когда во владениях Бао есть обменник! Подержать в нем преступника — и выйдет голубчик совсем другим человеком. Еще ужаснется тому, что натворил, вовек себе не простит! Готовая кандидатура для самых тяжелых и опасных работ где-нибудь в отдаленной части феода. И всем польза. А если вдруг руки на себя наложит — ну что ж, так тому и быть. Тоже приемлемый вариант, потому что и с идеей искупления все будет в порядке, и никому не придется пачкать руки палаческим ремеслом. Нет, сосед, признайся: что-то ты тут недодумал...

Бао кивал, пока он говорил, а затем решительно мотал головой: нет и нет. Убийца уже побывал в обменнике, потому что всегда был дерзок и непочтителен со старшими, и вышел из него еще хуже. Если бы дело не дошло до отцеубийства, парня ждал бы новый визит в обменник. Но убийство произошло, и теперь поздно. Обменник — не лечение и не наказание, а просто... обменник. Лотерея. Ничего общего со справедливым возмездием. Вне духа учения Кун-цзы.

В конфуцианстве Фома не понимал ровным счетом ничего. Откуда и знать о нем студенту-технарю, никогда не страдавшему чрезмерным кругозором и не стремившемуся расширить его за счет гуманитарных дисциплин? Откуда знать о нем феодалу, вечно озабоченному решением насущных практических вопросов? От соседа? Только соседу и дел — просвещать всяких варваров...

Теперь Фома прослушал целую лекцию и понял, в чем секрет успеха Бао. Китайцу не было нужды выдумывать специальную идеологию. На Плоскости идеально работало то, что придумал другой китаец два с половиной тысячелетия назад — стройная система подчинения и отеческой опеки, проверенная временем, освященная традицией. Ни Фома, ни Шредер, ни

Магнуссон, ни король на Западе не смогли предложить хуторянам ничего подобного. Бао смог. На небольшом участке нечеловеческого мира торжествовал человеческий закон. И если уж сыновья непочтительности — одно из Десяти Зол по этому закону, то как назвать отцеубийство?

Нет прощения.

Но нет и чересчур изуверских казней. Возмездие не должно ожесточать нравы. Пуля в затылок — и в черный провал.

Не появись Фома, роль палача пришлось бы исполнять кому-нибудь из местных, по жребии. С точки зрения Бао, сосед появился очень своевременно.

Фома сумел выговорить лишь одно: Оксана должна остаться в неведении.

Изругать себя было проще простого, но ни к чему не вело. Попробуй-ка откажись, попробуй прорвись угрозами или силой дальше на восток, когда связан по рукам и ногам глупой девчонкой! Вот навязалась!..

Лишь одна узкая светлая полоска мерцала во тьме кромешной: Автандил был жив. Бао дал подробный отчет. После единственного визита в обменник бывший лучший хуторянин Фома явно пошел на поправку и прижился в одном из дальних оазисов. Бао даже поблагодарил за ценного работника. Лучше бы утопил в сортире свою благодарность, но не делал из феодала палача!

До ближайшего черного провала было рукой подать — сотни две шагов от границы оазиса. Прочитав приговор, Бао остался на границе, следил за казнью издали вместе с кучкой хуторян, похожих в своих шляпах на выводок опят. Оксаны среди них не было.

Поросший жестким черным волосом затылок осужденного китайца назойливо притягивал взгляд. Сюда, в затылок, через минуту с сочным звуком войдет пуля — малокалиберная, мягкая, но и такая легко про-

бьет человеческий череп. Но прежде надо поставить осужденного в шаг от черного провала, чтобы тело рухнуло в черное ничто. Это можно. Трудно представить себе другое: как стрелять в безоружного, покорно идущего к бездонной своей могиле? У него и руки-то связаны за спиной...

Сделать дело спокойно, как необходимую работу, и постараться никогда не вспоминать о нем?

Видимо, да.

Черный провал открылся, как всегда, внезапно. Китаец остановился. Попятился. Деревянной рукой Фома взял его за шиворот и подтолкнул вперед.

— Иди, сука, — процедил он, взвинчивая себя. Черта лысого этой работой можно было заниматься спокойно!

Только на нерве. Как в бою, где убийство — не убийство, а издержки в борьбе за жизнь. Может, разрезать ему веревки, авось кинется на палача? Все равно ведь никуда не денется...

Нечем разрезать. А развязать не дадут.

Фома медленно поднял пистолет к затылку осужденного.

И обрадовался, поняв, что можно, оказывается, промазать и в упор. В особенности если совсем не хочешь попасть.

Выстрел грянул, это да. Но за мгновение до выстрела китаец пригнулся и с невнятным воплем ринулся в черный провал вниз головой. Мелькнул — и исчез, дрыгнув напоследок ногами, как лягушонок, угодивший в пасть ужа.

Фома поспешно отшагнул назад. Сердце ненормально колотилось, и тянуще ныло в груди. «Не Плоскость меня доконает, — подумал он совершенно спокойно, — люди доконают. Такие, как Бао и как этот...»

Он понимал осужденного. Пусть безупречными

рассуждениями мудрецов двадцать раз доказано, что черные провалы не имеют выхода ни на Плоскость, ни тем более на Землю, ни в какой-либо иной пригодный для человека мир, что они не более чем вход в небытие, — но так то лишь рассуждения! Никто ведь не знает, что прячется там, в их глубине. Никто оттуда не возвращался.

Что ж, неопределенность, наверное, лучше пули в затылок...

— Пусть каждому воздастся по вере его, — пробормотал Фома, чувствуя себя так, будто неделю подряд ворочал тяжелые камни.

ГЛАВА 4

На каждом привале Оксана прихорашивалась. Отросшие волосы она заплела в две смешные косички. Только тогда Фома обратил на них внимание:

— А ведь ты не рыжая. Ты русая.

— Ну и что? — был настороженный ответ.

— Врешь много. Говорила, что сроду, мол, не красилась.

— Когда это я так говорила?

— В тот день, когда мы с Борькой тебя нашли.

Оксана фыркнула. Глаза ее смеялись:

— Ну соврала, подумаешь! Бессовестная, да? Не женское это дело — совесть иметь.

— Маленькая ложь, Штирлиц, порождает большое недоверие, — проворчал Фома, пытаясь выглядеть рассерженным.

Он сосчитал царапины, сделанные ножом на ложе карабина. Тридцать ровно. Сегодня пошел тридцать первый день путешествия.

Бао не обманул. Он сам вместе с учеником проводил Фому и Оксану до восточной границы своих владений, причем ученик все время шел впереди, демон-

стрируя конфуцианскую добродетель. Путь был не из приятных, но все обошлось.

Бао сделал даже больше, чем обещал: подал на границе дымный сигнал, дождался восточного соседа и передал ему путников с просьбой оказать содействие. Наверное, сосед, маленький смуглый малаец, чье имя Фома не запомнил, был рад погасить старый должок, оказав Бао услугу. Шли быстро, нигде подолгу не останавливаясь и почти не разговаривая. Хозяин знал от силы полсотни английских слов, а Фома и не стремился к общению: кожная болезнь, поразившая лицо и руки малайца, запросто могла оказаться проказой. Кое у кого из хуторян в бедных оазисах зримо проявлялись те же симптомы. Оксану не пришлось долго уговаривать есть только из своей посуды и только то, что дал в дорогу Бао, и не спать в местных лачугах. Оксана была в ужасе и обрела счастье не раньше, чем смогла вымыться с мылом и песком и выстирать одежду.

Произошло это уже в гостях у Петера ван дер Шунта, огромного веселого голландца, ни в какую не желавшего отпускать две пары рабочих рук. Владения Петера живо напомнили Фоме его собственный бывший феоде: вроде крепкий, а некоторые оазисы можно даже назвать процветающими — ну и что? Та же жизнь без цели и смысла, то же сомнительное благосостояние в награду за бесконечный монотонный труд, тот же бег белой крысы в лабиринте. Даже не бег — сидение на месте! Бегущая куда-то крыса может хотя бы надеяться...

Петер обильно кормил и поил пивом — мутным, но приемлемым на вкус. Петер расписывал «блистательные» перспективы. Решено: друг Томас станет его помощником, вторым лицом в феоде и наследником. Девушка Оуксана может стать женой Томаса и менеджером в лучшем и крупнейшем оазисе. Ей тоже придется работать в поле, но она будет леди-босс. Ну как? Соглашайтесь!

Фома не мог понять: то ли Петер глуп, то ли нарочно придушивается. Вообразить, что человек, еще недавно бывший феодалом, согласится пойти в подручные к другому феодалу, — это что-то! Наверное, Петер так и не поверил в то, что Фома ушел добровольно. Знаем, мол. Выгнали, а? Пришлось уносить ноги? Понимаю... Ну не хочешь — не говори, твое дело, а только меня не проведешь, чудес не бывает...

Петер владел феодалом всего лишь третий год. Он просто не дорос до чудес.

Ссориться с ним не было нужды. Серой «ночью» Фома и Оксана просто ушли, покинув в хижине жизнерадостно храпящего хозяина. В который раз Фома шепотом предложил Оксане остаться — гляди, хорошие места, и феодал вроде ничего парень... Оксана лишь упрямо мотнула головой.

К востоку от владений ван дер Шунта лежали еще два феодала, а за ними, по дошедшим до Петера сведениям, не было уже ничего, кроме голой пустыни. Ни оазисов, ни воды, ни пищи. Петер особенно напирал на это обстоятельство. Куда идете, глупые вы люди? Зачем? Хотите помереть — есть способы менее мучительные. Хотите жить — оставайтесь!

Сколько раз Фома убеждал людей в том же — и свежевыброшенных на Плоскость перепуганных новичков, и неприкаянных хуторян, занятых поисками лучшей доли. Случалось, добивался своего, а иной раз — нет и тогда переставал видеть глупцов в упор. Ну дураки же и есть! Разве закон дуракам писан? Адью, скатертью дорога. Ищите и обрящете... какую-нибудь ловушку. Авось угадаете на такую, которая не заставит долго мучиться.

Наверное, то же подумал и Петер. Во всяком случае, он не предпринял попытки догнать и остановить. Путники его больше не видели.

Беспокоил Экспериментатор — и беспокоил как раз тем, что не вмешивался. Не строил на пути непро-

ходимых барьеров, не насылал горизонтальных смерчей, не внушал непреодолимое желание вернуться. Сначала Фома недоумевал, потом плюнул. Могло случиться и так, что неожиданное развитие эксперимента Экспериментатор посчитал тоже интересным. Почему нет?

Потому что все эти рассуждения — чисто человеческие, а Экспериментатор не человек и пути его неисповедимы?

Верно. Но как быть, если человек не может ответить на вопрос, который к тому же он не в состоянии правильно задать? Только и остается, что цепляться за свое, привычное, человеческое...

Зыбкая, но опора.

Шесть дней путники пробирались на восток по чужим землям. Четырежды Фома видел вдали оазисы, но свернул лишь к последнему, и то лишь потому, что подошли к концу запасы пищи, а главное — воды. Хуторяне, все как один чернокожие, держались недружелюбно, на натурообмен не шли, и Фома, озлобившись, произвел реквизицию. На следующий день пришлось отстреливаться неизвестно от кого — надо думать, путников вытروпил местный феодал, пылая праведным гневом. Перестрелка издала кончилась ничем — охотник убедился, что дичь умеет кусаться, и благодарно отстал.

А потом началась пустыня. Без людей. Без воды. Без края. Петер не пугал — он говорил чистую правду.

Поначалу еще попадались пустынные дыни цама. Оксана морщилась, ей не нравился их вкус, но Фома запретил притрагиваться к воде. Удалось даже собрать небольшой запас дынь и продержаться на них полдня, после того как пошли совершенно безжизненные пески.

Ловушек и подлянок не становилось меньше, изменился лишь их состав. Куда-то исчезли, например, ле-

тающие нити, реже попадались раскаленные вихри и черные провалы, зато участились гравияномалии, больше стало грибниц пыхтунов, больше танцующего песка и воющего песка. Зыбучего песка — тоже.

По большой дуге обошли громадный — три сотни шагов в диаметре и полсотни в глубину — песчаный водоворот. Десятки, если не сотни тысяч кубометров ползущего по часовой стрелке, постепенно ссыпаящегося к центру воронки песка издавали громкое равномерное «ш-ш-ш». Оксана, пожившись, сообщила, что близ ее дома в Ростове Великом иногда так шипит котельная.

Цепь скальных лбов протянулась хребтом доисторического чудища. Взобравшись наверх, Фома долго рассматривал в бинокль местность, лежащую дальше к востоку, и не видел ничего, кроме унылых барханов. Оксана требовала дать посмотреть и ей, дышала в ухо, вынуждала зря тратить слова.

На следующий день она поняла, что при жаре и недостатке воды надо молчать. А пить так, чтобы только смочить полость рта.

За минувшие дни Фома успел досыта наслушаться болтовни и узнал о своей спутнице много нового. Впрочем, сведения не содержали сенсаций. Друзья, подруги, козни тех и других, вредные училки, смешные школьные случаи, непонимание родителей, планы на будущее, которым теперь вряд ли суждено сбыться, — все это Фома относил к информационному шуму и слушал вполуха, если вообще слушал. Иногда рывкал. Иногда ограничивался тяжелым взглядом. Он узнал, что Танька Машкина и Лилька Семчук собираются после школы податься в Москву на заработки, и всему классу понятно, о каких заработках идет речь, — те еще шлюшки, пробы ставить негде...

— Звали и меня, ты представь, да?

Бесценная информация, нечего сказать.

Наконец настал день, когда Оксана расплакалась, увидев свое лицо в зеркальце пудреницы, и назвала себя дурой. Зачем она потащилась в эту ужасную пустыню, ну зачем? Разве плохо жилось на старом месте? На крайний случай можно было остаться у китайцев, а еще лучше у Петера, он сильный и веселый. Дура! Дура!

Мелкой рябью полз по склону бархана белый песок. Смотреть на его течение и не думать о воде было невозможно.

— Я виноват? — со злым сарказмом спросил Фома, через силу шевеля распухшим языком.

— Да, и ты! Я всего-навсего дура, а ты подлец! Зачем уговаривал не идти с тобой? Не уговаривать — побить надо было! Я же не знала, что ты сумасшедший!

Фома отвернулся. Сознывая, что девчонка отчасти права, он имел для нее в запасе много справедливых и язвительных слов — бесполезных, как все не ведущее к цели. Пусть покричит. Кому-то достаточно выразиться познергичнее, кого-то тянет выговориться перед терпеливым слушателем, а кому-то дай побеситься — и все пройдет.

Оксана швырнула в него пудреницей. Поплакала еще немного, повсхлипывала и сердито потребовала воды.

Фома достал все бутылки — пустые и полные. Оксана должны была видеть: воды осталось намного меньше половины. Вода командовала: забыть о возвращении назад! Вода была большим начальником.

— Два глотка, — распорядился он. — Два маленьких глотка.

И был готов немедленно отнять бутылку, если бы девчонка, не выдержав, выпила больше. Он непременно влепил бы ей хорошую пощечину для ее же блага. Пришло время быть жестоким. Феодалу ли не знать, как пропадают ни за понюх табаку неприспособлен-

ные новички? Любой феодал повидал их предостаточно — истеричных психов, легкомысленных разгильдяев, набитых по макушку дурацкими предрассудками о ценности собственной личности и гарантированных свободах, несчастных заложников привычных иллюзий. А на Плоскости новичок — никто, и звать его никак, пока он чему-нибудь не научится. В некоторых отношениях Плоскость устроена предельно просто.

Но Оксана отпила ровно два глотка, вернув Фома бутылку с выражением высокомерного презрения. Фома не считал нужным отреагировать ни голосом, ни взглядом. Умница, девочка, подумал он. Валяй, ненавидь своего мучителя. Ненависть придает силы. Надо идти дальше, назад пути нет. Впереди неизвестность, но ни одна сволочь не заставит его поверить, что эти пески бесконечны. Жаль, что убедиться в этом можно только ногами...

«А ты не пробовал выпать карту этой местности?» — однажды спросила его Оксана. Было это давным-давно, еще во владениях Бао. «А как же! — отвечал Фома с иронической ухмылкой. — Пытался много раз. Однажды карту Москвы выпал. Большую, настенную. Как бы тебе объяснить? Управлять можно какими-то деталями, а не всем содержанием сна. Во сне человек редко гуляет по надоевшим местам, ведь сны — это стремление к чему-то. Во сне я чаще всего на Земле, а не здесь, зачем мне карты Плоскости? И где гарантия, что карта будет настоящей картой, которой можно верить, а не моей фантазией?»

Теперь ему казалось, что он сумел бы выпать карту окрестностей. Быть может, не стоит идти все время на восток? А если ближайший источник воды прячется за дымкой всего в нескольких километрах к северу или югу? А если целый оазис? Магеллан умудрился пересечь почти весь Тихий океан, не встретив ни одного острова, хотя их там как грязи. Неблагодарное это занятие — поиск наугад.

★ Фома выпил лишь один глоток воды. Он знал, что и три глотка не утолят жажду, но один глоток заставит двигаться — на три приема встать, через силу вздеть на плечи отощавший рюкзак и до следующего привала брести дальше на восток.

У них оставалось еще полбутылки воды, когда они нашли оазис.

Полбутылки — мало это или много? Имея терпение, можно растянуть на сутки. И еще суток двое, максимум трое можно идти совсем без воды. Потом конец. Скорее всего он наступит даже раньше, чуть только полуобморочный путник перестанет замечать характерные признаки ловушек. Пусть не висит над головой пылающая жаровня солнца, пусть терпим зной — все одно. Сухой воздух сосет из тела влагу алчно и неутомимо. Насосавшись — бросит сухую мумию. По сравнению с безводными пустынями Земли, разница только в сроках. Сахара убьет быстрее. Плоскость растянет это удовольствие, хотя и не намного.

Нет, человек убивает сам себя. Сидел бы дома, погрязнув в трясине каждодневных мелочей, возился по хозяйству, заботился о пропитании, растил детей, не мечтая о несбыточном, — сохранил бы себя для нескорой естественной кончины. Большинство так и делает, а что брюзжит, так отчего бы не побрюзжать? И лягушки ведь зачем-то квакают. Человеку только дай обругать мирок, в котором он живет, не смея высунуть нос наружу. И уж с особым удовольствием он поглумится над беспокойными одиночками, у которых шило в одном месте. Куда ты намылился, олух царя небесного? Сиди. Вынь шило. Делай как мы. Что, не желаешь? Больно умный, да? Человек завистлив к чужому успеху — тем охотнее он осмеет чужой неуспех.

Успех пришел — частный, зато крайне своевре-

менный. И некому было бормотать в досаде: «Дуракам везет». Пуст был оазис. Велик, но безлюден.

Со стороны он напоминал тропический остров, затерянный в океане, маленький рай для избранных счастливых. Такого количества деревьев Фома не видел даже во владениях короля. Преобладали пальмы. Густая трава выросла по пояс — совершенно земная трава, невеста как попавшая сюда, но чувствующая себя, по-видимому, прекрасно. Целых три родника орошали склоны котловины, а из озера в ее середине, ласково журча, бил веселый фонтанчик.

Упасть в озеро — и пить, пить без конца... Не свирепо дозируемые протухшие остатки в мутной бутылке — сколько угодно чистой прохладной воды! Слаще меда. Вкуснее всего, что бывает на свете. Желаннее свободы, власти и любви — ненадолго, но желаннее...

С едой дело обстояло хуже, но в целом приемлемо. Одна из пальм была финиковой. На краю котловины Фома нашел инжир — недозревший и враждебный желудку, но терпимый, если не обжираться. Незнакомого вида деревья давали съедобные плоды со странным, но приятным вкусом. Наконец, здесь, как и повсеместно, обитали гигантские многоножки — правда, охотиться на них мешала трава. Фома отстреливал членистоногих на границе оазиса.

До чего же хорошо полулежать у весело потрескивающего костерка, дожидаясь готовности супа, что булькает в закопченной кастрюле на таганке и дразнит запахами! Рай, да и только. Можно позволить себе лениться сколько влезет. Охота, сбор дров и плодов, варение пищи — разве это работа? Одно удовольствие. А дров столько, что на ум не приходят мысли об экономии. Жги просто так. Щурься на огонь, воображай, будто видишь в изменчивом пламени танец огненной саламандры, вздрагивай, когда с сердитым треском отскочит от полена уголек, наслаждайся.

Никакой опасности. Бери что хочешь. Выбор огра-

ничен, но не будь привередой. Небесной манной от Экспериментатора ты все равно не дождешься, так что уж будь любезен пользоваться тем, что есть. Цени то, чем обладаешь, и подумай: многим ли доставалось такое счастье? Хуторяне вечно в работе, как навозные жуки. У феодалов жизнь поинтереснее, но и они горбятятся за свой хлеб. Учти, тебе здорово повезло, и не даром. Ты сам пришел к своему везению. Ты заслужил его.

— Я не подозревала, что на свете бывают такие волшебные места, — в первый же день заявила Оксана.

— На этом свете, — сделал ударение Фома, — все может быть. — Подумал и добавил: — Да и на том тоже. Только реже.

— На каком это том?

— Ну... на Земле.

— Вечно ты все испортишь, — расстроилась Оксана. — А я вот думала, что мы как раз на Земле.

В стороне невысоко над грунтом, противно извиваясь, проплыл воздушный удав бледно-лилового цвета. Почувяв границу оазиса — передернулся и потек прочь. Никакое это было не животное в привычном смысле, а так, одна из редких и не самых опасных ловушек Плоскости. Просто-напросто длинная струя ядовитого газа, ни в какую не желающая смешиваться с атмосферой и гонимая не ветром, а исключительно своей прихотью. Не становись у нее на дороге — и все дела. Бывают, к сожалению, удавы малозаметные, особенно «ночью». Влип, вдохнул гадости — пропал, удав вмиг задушит. Были прецеденты.

— Прости, — сказал Фома, кося глазом на удава, — но мы не на Земле. Мечтать вредно, мечтателей Плоскость рано или поздно подловит и убьет. Уж лучше я тебе настроение испорчу.

— Уже испортил.

— На здоровье. А это, — Фома обвел рукой зеленое великолепие, — пустой оазис, вот и все.

— Как у тебя все просто, — поморщилась Оксана. — Пустой оазис. Для тебя эта трава, эти деревья всего лишь пустой оазис. Сейчас еще начнешь прикидывать, почему он пустой.

— Это как раз нетрудно. Он изолированный, находится вдалеке от других — раз. Ясно, что поблизости нет точек выброса, — два. Новички не имеют шансов попасть сюда, феодалам невыгодно делать такой крюк, а бродяги вроде нас суть редкое исключение из правила. Допускаю, что здесь еще не ступала нога человека.

— Вот я и говорю: все ты объяснишь, все растолкуешь... Скучно с тобой. Учебник ты ходячий. Смотри, какой фонтанчик! Разве не прелесть?

— Мечта бедуина, — лениво отозвался Фома. — Наверное, только жителям пустынь могла прийти в голову мысль поливать водой воду. От скудости всегда тянет на излишества. А потом уже пошла мода на фонтаны и у других народов.

— Ты еще скажи, что дурные примеры заразительны!

Фома ничего не ответил и попросту уснул. Снились фонтаны. Один вдруг напрягся, зашипел, неправдоподобно и дико раздул похожий на брандспойт наконечник и выстрелил в небо толстой шлепогубой рыбой.

Сон понравился.

Фома постепенно превращался в лодыря. Он перестал вести счет дням. Мыслей было мало, и доминировала одна: «Хорошо-то как!» День за днем экс-феодал валялся либо в траве, либо на песке у озера, купался и отъедался. Живот утратил пугающую впалость, а грудная клетка уже не напоминала стиральную доску. От сытости и покоя просыпались иные мысли и желания.

Он стал находить, что Оксана не просто «очень даже ничего», а гораздо красивее Бриджит. Волосы только подкачали. Разноцветные.

Однако при попытке раздеть девчонку Фома получил по рукам и был облит презрением. Он удивился и, пожалуй, обиделся. В чем дело? Разве он урод какой? Ничуть. Ну да ладно. Про себя он посмеялся над формулировкой отповеди: «Я сама решу, когда и с кем мне спать!» На здоровье. Решай. Выбирай, если считаешь, что у тебя есть выбор.

Он не повторил попытку. А Оксана на следующий день вела себя так, будто ничего не случилось.

Шли дни. Неразличимо похожие друг на друга.

Однажды приснился сон: Фома сам стал рыбой. Темная зелень воды утратила клейкую вязкость, и Фома радостно сделал первый вдох. Ничего, дышалось нормально. Отчего он так мучился прежде? Ведь проще простого! Кто сказал, что человек не может приспособиться? Ко всему на свете — точно не может. Но ведь можно среди всего выбрать лучшее и приспособиться только к нему!

Лупоглазые рыбыны расплылись в разные стороны, потеряв к нему интерес. Он стал одним из них. И пришел ужас.

Руками — о счастье, его руки еще не превратились в плавники! — он яростно скреб себя, сдирая мерзкую скользкую чешую. Он снова начал извиваться в попытке всплыть. Сразу перехватило дыхание. Среда оставалась враждебной, он не сумел вписаться в нее. Вверх! Вверх!

Внезапно стало темно, и в темноте грянул раскат грома. Или это разорвались легкие, не выдержав мук удушья?

Фома проснулся.

Рядом с ним стояла Оксана. «Марголин» в ее руке казался огромным. Знакомый запах порохового дыма

моментально ударил в ноздри. Не отсюда ли раскат грома?

— Стрельбой забавляешься? Делать нечего?

— По утрам она стреляла и будила феодала, — срифмовала Оксана. — А делать — да, нечего. Именно нечего. Тебе самому еще не надоело?

— Нет, — соврал Фома.

— Когда надоест, поздно будет. Ожиреешь и совсем обленишься. Тоже мне — нашел рай! Для этого ты меня сюда привел?

— Я, между прочим, никого не вел, — огрызнулся Фома. — Чего тебе надо? Сколько раз я предлагал тебе выбрать место и там остаться, а?

— А я не для того с тобой пошла, чтобы менять шило на мыло! Не хочу я здесь жить, ты меня понял? Я домой хочу! Дура я! Дура!

— А кто спорит?

— Думала, нашла того, с кем можно вместе попытаться... А ты... ты такой же, как все. Кто говорил, что человек должен жить по-человечески или вообще не жить? Я думала, ты богоборец, а ты просто болтун... — Оксана всхлипнула.

— Ну-ну. Разревись мне тут еще...

Но Оксана не разревелась. Она навела на Фому пистолет, держа его обеими руками.

— Вставай. Живо. Разлегся!

Фома встал. Пожал плечами. Дальше-то, мол, что? Становилось интересно.

— И делай, блин, что-нибудь!

Зрелый человек, управляемый рассудком, ни за что не выстрелил бы. Убить вместе с феодалом свой единственный шанс — нет, на это рассудительный человек не пошел бы. Вряд ли решился бы и на блеф. Но от взбалмошной девчонки можно было ожидать чего угодно.

Фома жестом отвлек ее внимание и выбил писто-

лет. Подавил желание наградить девчонку оплеухой. Как ни крути, Оксана была права в главном вопросе.

Доколе? Здесь сытно, но нет даже злаков. Очень скоро кончится запас муки. Можно набивать брюхо фруктами и супом из лапок многоножек, но нет настоящей работы. Безделье убьет. Со временем распдутся эфемерные вещи, и безумная мечта покончиться с Экспериментатором навеки останется мечтой. Здесь нет спальни и ничего нельзя выспать. Без оружия и снаряжения далеко не уйдешь, даже если очень захочешь.

Кем станешь, человеке? Счастливым дикарем? Не будет тебе счастья. Искусаешь локти, вспоминая, как остановился на полпути. Ты этого хотел?

Стыдно. Но не нужно никаких слов оправдания. Слов вообще не нужно. Имеют значение только дела.

— Подбери «маргошу», — приказал он, рискуя. — Подбери и дай мне.

И понял, что не ошибся, когда Оксана послушалась, лукаво заметив при этом:

— Проснулся? Так-то лучше.

И улыбнулась.

У них не было ночи любви. На Плоскости стоял день, обыкновенный день без солнца, и в этот день Оксана впервые познала мужчину — такого, какого хотела, и по своей воле. В этот день Фома понял, что их отныне двое. Он знал, что стал вдвое уязвимее, но это странным образом не пугало его, потому что он стал вдвое сильнее. Не за счет слабой подруги — за счет самого себя.

На следующий день он вышел в поиск. Шел по-прежнему на восток, налегке, оставив в оазисе Оксану и большую часть снаряжения. Вернувшись задолго до «ночи», ничего не сказал, но отправился в бамбуковую рощицу, окрасившую нарядной зеленью дальний берег озера, и валил стволы, выбирая самые толстые.

Назавтра вышли в путь, неся на плечах помимо рюкзаков груз бамбука — пять стволов. С отвычки к работе часто отдыхали. Плоскость подарила маленькую милость: ловушек на пути встретилось всего ничего, да и те Фома разведал накануне.

С гребня высокого бархана открылось невиданное зрелище.

— Река! — тяжело дыша, крикнула Оксана и засмеялась. — Вот это номер! Настоящая река! А я думала, на Плоскости рек не бывает...

— Мало ли что ты думала, — оборвал Фома. — На Плоскости все может быть.

— Не выделяйся. Ты сам удивлен.

— Ясное дело, удивлен, — не стал отнекиваться Фома, — и что с того? Я еще не так удивлюсь, если окажется, что в этой реке течет вода, а не кислота какая-нибудь. Губу-то закатай обратно. Я вчера до реки не дошел. Может, это вообще мираж. Надейся на лучшее, готовься к худшему...

— Да ну тебя! Так вот для чего бамбук! Плот хочешь сделать?

— Именно. Пусть нас река несет. Только этого бамбука на плот не хватит, придется сбегать за ним налегке еще раза два, не меньше... Сбегаем?

— Конечно! А тебя не смущает, что река течет с юга на север?

— А какая разница? — спросил Фома. — Мы ведь ищем не знаю что не знаю где. Может, оно вообще на западе, так это что — аргумент, чтобы не плыть на север? Не понимаю такой логики.

— Ты не болен? — с деланным участием спросила Оксана.

— Мы оба больны. Здоровые в оазисах сидят, хлеб растят, оброки платят, детей делают неизвестно зачем...

— Тогда я не хочу выздоравливать.

Удивительно, до чего быстро река норовит унести беззаботного купальщика подальше от узкой полоски песчаного пляжика — и до чего медленно она тащит дрейфующий по течению плот! С ума можно сойти. Сразу захочешь подвесного мотора. Текучая вода любит показывать, кто тут главный. Река бежит так, как ей хочется, а всякую дрянь на себе она только терпит.

Опасения не подтвердились — вода в реке оказалась водой. Вот только таких рек Фома никогда не видел.

Прямыми бывают каналы. Малейшая ямка, вымытая течением в береговом склоне, с течением лет превратится в меандр. Река обязана петлять.

Эта река не петляла. Она текла как по линейке — могуче-широко и идеально прямо. Дюны и барханы, подступавшие к самым берегам, не смели нарушить ее ровный бег. Ни кустика, ни деревца не укоренилось близ воды.

Из давних лет приходило воспоминание: дейтериевая вода не поддерживает жизни. Откуда Фома это знал, он не мог точно вспомнить. То ли слышал от кого-то, то ли вычитал где-то. Какая разница! Он не верил в то, что вода была «тяжелой». Для объяснения странностей Плоскости не годятся земные причины.

Отчалить удалось лишь через шесть дней. Дважды Фома и Оксана ходили в оазис за новым материалом для плота, и еще один раз Фома ходил один, велел Оксане дожидаться на берегу. Вместе с двумя бамбуковыми стволами он принес небольшой запас дров, рюкзака фруктов и несколько лепешек, испеченных из последней муки.

Долго вязали плот. Фома не верил реке. Где-то за вечной дымкой, ограничивающей видимый мир несколькими тысячами шагов, водный поток мог низвергнуться в подземную дыру. Почему бы нет? Ведь и изливается он, наверное, тоже из подземной дыры. А перед тем как нырнуть вглубь, река может вволю

побеситься на порогах, с нее станется. И как знать, не водятся ли в ней крупные хищные твари? Плот нужен прочный. Порогоустойчивый и крокодилоустойчивый. И три длинных шеста, чтобы был хоть один запасной.

Плавсредство здорово осело под грузом. Если почестному, то не мешало бы сходить за бамбуком еще разок. Разумная осторожность боролась с нетерпением и проиграла. Фома утешал себя: слишком тяжелый плот непросто было бы спустить на воду. И с этим-то намучились едва не до грыжи...

Он держался настороже. Пусть попробует какая-нибудь водяная тварь напасть на плотик! СКС всегда под рукой. Шмотки надежно принайтовлены. Одна ступня продета в специальную веревочную петлю, чтобы не вылететь за борт при внезапном толчке. Искупать людей и груз можно только перевернув плот.

На «ночь» пристали к берегу, но спали на плоту. В дальнейшем плыли и «ночью». Река по-прежнему текла прямо. Ни притока, ни родника на береговом уклоне, ни деревца, ни метелки жесткой травы. Однообразие песчаных берегов действовало на нервы. Все барханы похожи друг на друга. Изредка маячило вдали облачко белого тумана и скрывалось за песчаными волнами. Еще реже проходили стороной набрякшие тучи всех цветов радуги и беспокойные хоботы смерчей.

На воде не было ловушек.

Дни проходили в пустой болтовне и приступах буйной любви. Иногда Фома вспоминал умелую Бриджит. Сравнение казалось кощунственным. Ему нужна подруга, а не самка!

На четвертый день Фома рискнул искупаться, и никто не схватил его в воде. Все же он стоял на плоту с карабином наготове, когда купалась Оксана, готовый вогнать пулю в любой посторонний предмет.

Что-то в реке все же водилось. Иногда «усы» на

воде выдавали движение некрупного тела близ поверхности. Встречались прибитые к берегу водоросли.

Больше ничего.

Наметив ориентир и оценив расстояние, Фома считывал скорость течения. По сравнению с пешим ходом выходило совсем неплохо. Разве способен феодал пересечь свой феодал за одни сутки? Только при отсутствии ловушек, чего никогда не бывает. Река за сутки убежит значительно дальше.

Вопрос: куда?

— Она никогда не кончится, — заявила Оксана не то на десятый, не то на одиннадцатый день сплава. — Она так и будет течь прямо и прямо. Всегда.

— В бесконечность? — спросил Фома. Ироническая улыбка далась ему с трудом. — Никто не доказал, что Плоскость бесконечна.

— И не докажет. Мы тоже не докажем, потому что умрем раньше. Завтра у нас кончится еда.

— Причалим к берегу и поохотимся на многоножек.

— Ты их видел? Я не видела ни одной. Они здесь не водятся. Да и дров у нас уже нет.

Фома не возразил — трудно спорить с очевидным.

— Зато полно воды, — попытался утешить он. — По-моему, в реке есть и пища. Попробуем рыбачить.

— Чем? Руками?

Фома молча скрипел зубами. Почему он не выспал несколько гранат? А ведь, помнится, хотел! Решил, что ноша и без того тяжела, — и правильно в общем решил. Ему не понадобились гранаты, чтобы отбиваться от людей. Кто мог знать о реке? О ней не доходило даже туманных слухов, неотличимых от врак, тех слухов, что передаются от феодала к феодалу не без эффекта «испорченного телефона». Феодал Фома знал, что на Плоскости бывает все, но не поверил бы в существование большой реки.

— По-твоему, река — тоже ловушка Плоскости? — спросил он.

— Ловушка для дураков, — объявила Оксана. — Прости, но здесь ты такой же дурак, как и я дура. Ты в своих владениях был умным. Там ты все знал. А здесь мы попались.

Царапины на бамбуковом стволе отмечали пройденный путь. Стараясь придерживаться масштаба, Фома по памяти изобразил пройденные феодалы, большую пустыню, ничейный оазис. Выходило, что по воде пройдено уже вдвое больше, чем по суше.

А значит, вернуться нельзя.

Кто мог подумать, что населена лишь малая часть Плоскости?

Гипотеза была возможна, но не казалась правдоподобной. Опыт жизни говорил иное: повсюду встречаются оазисы, спальни, точки выброса. Где-то они понытканы пореже, где-то погуще, но ведь это естественно. И нет земли без феодала.

Оказалось — есть. Плоскость опять обманула. Кто в плену привычных представлений, тот всегда бывает обманут. Убогим умом человек не в силах постичь замыслы Экспериментатора. В рамках эксперимента от него этого и не требуется.

— Можно поискать спальню, — в сильном сомнении проговорил Фома.

— А как их ищут?

— Замечают место, куда не заползают ловушки. Потом ложатся там спать и видят сны. Если что-то материализуется — значит, спальня. Другого способа не знаю. Никто не знает. Можно потратить время впустую. Можно нарваться на дурилку или обменник.

— Ничего себе!

— Все спальни обнаружены давным-давно опытным путем, — поделился Фома старой истиной. — Нет

спальни — нет феода. Знаешь, я предлагаю двигаться вперед. Ну их, эти спальни.

— Вот и я так думаю, — вздохнув, сказала Оксана. — Ладно, вперед так вперед. Должна же когда-нибудь кончиться эта пустыня...

В ее голосе не было уверенности.

ГЛАВА 5

Преподобного Евпла беспокоил живот. Нет, никакой нутряной хвори в нем не было и отродясь не бывало. Просто он начал свешиваться с колен. Просторная ряса уже не могла скрыть сей печальный факт.

Преподобный сидел в широком, специально для него сделанном кресле. Умерщвляя плоть по чину, он подкладывал под себя подушку, набитую шерстью, а не пухом.

Шерсть давали кошки. В обители их жило девяносто семь штук, потомков одной пары, попавшей сюда лет сорок назад. Зверьки регулярно плодились, увеличивая мяукающее поголовье, а что до вырождения, то на качестве шерсти это не сказывалось. Сестры Евпраксия и Евлалия ежедневно вычесывали животных гребнями различной густоты, разделяя вычески на остевую шерсть и подшерсток. Несколько послушниц сортировали шерсть начисто, промывали ее и сушили, заодно истребляя попадавших в нее богопротивных тварей — блох. Половина продукции шла на набивку подушек для братьев и сестер, из второй половины послушницы пряли неплохую пряжу. На двух ручных ткацких станках попевали праздничные рясы, менее нарядные, чем будничные, джутовые, а то и вовсе эфемерные. Рясы выходили жарковатые, зато долговечные. Даже теплые носки и валенки страдающего суставным ревматизмом брата Евангела были сработаны из кошачьей шерсти.

Хозяйство общины держалось, конечно, не на одних кошках. Смиранные послушники трудолюбиво обрабатывали поля и огороды. Особая артель собирала в реке съедобные водоросли и ловила сетью странных водяных существ, похожих на шнек от мясорубки и передвигающихся благодаря вращению. Поскольку существа имели жабры, они были признаны рыбой. Воистину богоданным источником мелкой, но изысканной пищи, вкушаемой лишь по праздникам, служил птичий двор. Близ вольеров человека оглушало тысячеголосое чириканье. Воробьи эти вечно дрались, галдели, пожирали уйму зерна, но исправно приносили потомство, что от них и требовалось. В отличие от людей, они могли размножаться и без благословения преподобного Евпла.

Воробей — птица вездесущая. Никого не удивляло, что на Плоскость проникла эта воистину не лучшая из Божиих тварей. Господь суров, но милостив. Сказано в Писании: довольствуйся малым. Недавно преподобный Евпл наложил епитимью на брата Елпидифора, вслух посетовавшего на легковесность жареной воробьиной тушки и сравнившего воробьев с индюками к большой невыгоде первых. Сказано: не вводи в соблазн. Лучше возблагодари Господа, в неизреченной милости своей даровавшего братьям и сестрам все-таки воробьев, а не колибри.

Битые воробьи давали перо и пух. Ощипыванием занимались малолетние, престарелые и больные послушницы, негодные для более тяжелой работы. Они же ведали починкой сеток вольеров и отгоняли кошек, только и ждущих случая пробраться на птичий двор. Кошкам приходилось довольствоваться воробьиной и рыбьей требухой.

Некогда водились и мыши, портившие урожай, но уже много лет никто их не видел. В охотничьем азарте, в стремлении разнообразить свой скудный рацион кошки окончательно решили мышиную проблему.

★ Преподобный умел перешагнуть через предрассудки. Черных котов топили как дьяволово отродье, но только угольно-черных, без постороннего окраса. Остальным дозволялось жить долго и умирать от старости. Из обритых шкурок выделялся пергамент; ими же, сшитыми по многу штук, обтягивались деревянные каркасы легких рыбацких челнов, похожих на чукотские байдары. Кошачье мясо шло на приманку для рыбы; кое-что доставалось и воробьям.

Жизнь общины текла размеренно — до вчерашнего дня. Монахи и монашенки проводили дни в молитве и наблюдении за хозяйством, послушники смиренно трудились. Временами приходилось наказывать нерадивых. Изредка лучшему из послушников даровалось монашеское звание, ибо примеры необходимы, а послушание есть труд, обещающий награду. Рождались дети.

Еще преподобный Ефрем, первый священник, перенесенный сюда волею Господа, после многих духовных терзаний и молитв основал купножитный монастырь — для монахов и монахинь. Несомненно, он получил откровение свыше. Преосвященный Макарий, запретивший купножитие века за три до Ефрема, был прав лишь отчасти. Что на Земле грех, то в Блаженной Пустыни оборачивается благом. Блаженная Пустынь — не Рай и не Ад. Ефрем знал, что взят живым не на небо и не в преисподнюю. Не ковчег ли это для вновь избранных? Бог задумал обрушить кару на погрязшее в ересь человечество, на никониан, на Синод, на нечестивую Власть, преследующую истинно верующих, на ее цепных псов, запечатавших алтари в храмах Рогожского Кладбища на Москве, откуда Господь взял Ефрема, только его сочтя достойным. Господь спасал лучших, чтобы вновь заселить ими Землю после Судного дня. Но ожидание может затянуться, а человек смертен. Где же выход?

И до Ефрема в Блаженной Пустыни жили какие-то

люди. Проповедуя, Ефрем находил чему поучиться у них. Избранные, они размножались. Значит, Господь благословляет плотский грех? Значит, не оставить по себе потомства — идти против Его воли?

Истинно так. Воспаленным умом Ефрем постиг: утверждение, будто Христос никогда не знал женщины, противно рассудку. Тридцатилетний девственник не может не озлобиться на слабый пол, он не пожелал бы вступить за Магдалину.

Не из дерева — дерева было мало, — из мягкого камня первый преподобный возвел первую часовню. Сменялись поколения, обитель строилась, сложенные песчаником скалы уменьшились, дав материал для фундаментов и стен.

Прибывали новые спасаемые. Иные удивляли: среди них попадались чернокожие язычники, желтомордые буддисты, упорные в заблуждениях магометане, еретики всех мастей, даже никонианцы. Многих приходилось учить русскому языку. Новоспасенных смиряли, а смилив, приставляли к делу и обучали догматам истинной веры — в большинстве успешно. Находились и такие, кто бежал в пустыню, не ища спасения в Пустыни. Вернулись считанные единицы.

Последним человеком, попавшим в обитель извне, был Михаил, он же Мигель, испанец, впоследствии окрещенный Елевферием. Он кое-как научился объясняться по-русски. По его словам выходило, что в Европе идет большая война, победоносные германские войска достигли Волги, а россияне вконец забыли Бога. «За то и наказаны», — понимал преподобный.

Брат Елевферий давно почил в бозе. После него как отрезало — ни одного нового человека за шесть с лишним десятилетий. Как почти все братья и сестры общины, преподобный Евпл родился в Блаженной Пустыни. Сестра Еванфия (Хироюки) скончалась в прошлом месяце, прожив в Пустыни семьдесят семь лет, а всего девяносто. Из живых мог помнить Землю

лишь блаженный брат Евлампий (Мустафа), выживший из ума лет тридцать назад, но он разучился разговаривать.

Любой феодал пожал бы плечами: сдохла точка выброса, бывает. Евпл мыслил иначе: воздавая живущим по делам их, ныне Господь не находит достойных. Это не противоречило догматам. Сказано ведь: спасется токмо малое число.

Вчера изменилось буквально все. Брат Евлогий, надзиравший за артелью рыбаей, прибежал с докладом: река принесла утлый плот, а на нем — мужчину и молодую женщину в крайней степени истощения, в беспамятстве. И еще два странной формы заплечных мешка со многими интересными вещами, но без крошки еды. И еще незнакомое оружие...

По грузности чрева преподобный Евпл нечасто покидал келью, но, расспросив о чуде, пошел взглянуть. Возле подтянутого к берегу плота праздно толпилась половина обители. Развязав мешок со снадобьями, суетился брат Еполлоний, лекарь. Послушники Ефив, Ермипп и Евсевон, разрушив благочиние, чуть не толкали братьев, приставая к спасенным с расспросами. Напрасно: те хоть и пришли в себя, но толку было чуть. Мужчина дико таращил воспаленные глаза, женщина тихонько бредила. Зато, хвала Господу, бредила по-русски!

Уже легче.

Кое-кому пришлось напомнить о смирении. Перед преподобным расступились. Тучность Евпла не мешала пронзительно-точному взгляду. Долго думать было нечего.

— Брат Еполлоний, брат Елистрат, сестра Елена! — чуть нараспев возгласил преподобный, подчеркивая торжественность момента. — Поручаю вам заботы о богоспасенных. Воробьиный бульон и размоченный хлеб, помалу. Возблагодарим же Господа! Во имя Отца и Сына...

В своей келье, призвав только отца Евмения, эконома обители, преподобный Евпл внимательно осмотрел найденные при спасенных вещи. Многое было незнакомым, совсем новым. Короткое ружье и пистолеты — неизвестных систем. Пришлось поломать головы, прежде чем пришла догадка: вот эти малые предметы — патроны к ружью, а вот эти совсем маленькие — к пистолету. Выходит, на Земле нынче такие в ходу? Медные, а не картонные? А главное, значит, род человеческий на Земле еще цел?

Собственно говоря, Евпл в этом не особенно сомневался.

— Как думаешь, это настоящее? — спросил он Евмения, сильно понизив голос. От эконома у преподобного не было тайн, но иной раз и стены имеют уши. — Глянь, тут на казеннике цифры: 1952. Наверное, дата изготовления?

Толстое лицо отца эконома не выразило никаких эмоций:

— Настоящее или нет — это мы со временем узнаем. Или срок выйдет, или спасенные сами скажут. Постараемся, так скажут. Хорошо бы вещи оказались настоящими...

— Да уж, — буркнул Евпл.

Он все понимал. Если хоть одна вещь, прежде принадлежавшая спасенным, а ныне всей обители, со временем распадется в пыль, значит... О, это многое значит! И прежде всего одно, самое опасное: эти двое могут владеть тайной Господних даров. Возможно, есть еще одно, и даже не одно, место, где Бог внемлет человеку...

Преподобный долго не мог принять решение.

Спасенные всегда приходили с суши. Все изустные свидетельства говорили одно: новые люди внезапно появлялись вблизи Блаженной Пустыни, саженьях в двухстах от ее границы, и, растерянные, недоумеваю-

шие, испуганные, брели к зелени куш, к полям, к строениям. Никогда еще спасенных не подбирали на реке. Эти двое проделали долгий путь.

Не на благо ли? Откуда бы ни прибыли чужаки, они не сумеют вернуться назад. Значит, начнут приспособливаться. Надо их смирить. Пусть поймут, что у них нет другого выхода.

Обитель сломает их гордыню. А если паче чаяния не преуспеет в этом — ну что ж, опыт избавления от паршивых овец тоже имеется. Иди куда хочешь. Далеко ли уйдешь? А с самыми зловредными иной раз происходят несчастные случаи.

Евпл погладил рыжую кошку, свою любимицу. Кошка потерлась о пухлую ладонь и мурлыкнула. Решение было принято.

Фома тесал камни.

Работа выпала посильная, но очень уж однообразная. Знай себе стучи молотком по зубилу. Тоска смертная. Сдал один камень — берись за другой. Попал по пальцам — разнообразие. Выругался — посмотрят, как орел на дерьмо, прочтут нотацию и оставят без обеда. Терпи.

От каменоломни до реки было рукой подать. Река и здесь не желала петлять. Какие силы выпрямили ее русло, не мог объяснить никто в обители. Большинство и не задавалось этим вопросом. Божья воля, мол, и все тут.

В каком-то смысле — да. По меркам амебы человек — бог. По человеческим меркам Экспериментатор — несомненный бог. Кто еще в силах сотворить мир, пусть самый идиотский? И поди пойми, зачем ему это нужно.

В чем смысл рекордно громадного оазиса, кормящего массу людей, одинокой родинки на теле бескрайней пустыни? Фома зря ломал голову. Придумы-

вались разные гипотезы, и ни одна не поддавалась проверке. В Блаженной Пустыни никто не слышал об иных оазисах. Даже преподобный не сдержал удивления, узнав о том, что где-то еще живут люди. И явно успокоился, оценив расстояние до них. Никому из обители не дойти до тех мест, а против течения и не доплыть.

У короля столичный оазис был больше, но ведь то рукотворный оазис! Там ирригация теснила пустыню. Здесь никто не занимался копанием арыков, дерзко отвоевывая территорию у песков. И без того хватало земли. Более ста человек, считая одних взрослых, кормились на земле, созданной не ими.

Здесь строили. В низкий, но просторный храм могло войти все население. От ризницы крытый ход вел в резиденцию преподобного. Монахи и монашки обитали в длинном доме, поделенном на узкие кельи-пеналы. Теснились хозяйственные постройки, достраивалась трапезная. Послушники и послушницы жили пока в шалашах.

Фома тесал камни.

Несколько человек ломали скалы. Длинные сверла, похожие на рыбацкие ледобуры, неустанно дырявили монолит. В отверстия туго забивались хорошо просушенные деревянные колья. Послушницы таскали воду. Разбухая от полива, дерево с пушечным треском рвало камень. Наступал черед каменотесов.

Отец Енох, наблюдавший за работами, присматривался к новому послушнику. Фома был окрещен, получив имя Еремей. Он тесал камень начерно — отец Енох видел, что доверять тонкую обработку ему пока рано. Стены и своды клались без связки, и требования к камню были высоки. Как же можно поручить доводку материала тому, кто бьет по зубилу со злостью?

Нет любви к камню — не будет любви и к человеку, и к Богу. Отец Енох выговаривал строптивому душой послушнику. Еремей скрипел зубами, глядел не-

прияженно. Правда, в последнее время он вроде бы смягчился и даже сокрушенно кивал, получая выговор, но, надо полагать, притворялся. Опасный человек. Много труда и времени уйдет, покуда смиришь такого.

Смирять... Смирение... Вот уж слова, начисто отсутствующие в лексиконе феодала! Фома был готов настучать Еноху по тыковке. Смириться душой? А с какой, позвольте узнать, стати? Отблагодарить по совести за спасение, за помощь — иное дело. Но горбатиться на спасителей всю оставшуюся жизнь?.. А не пошли бы вы в неудобьсказуемое место?! На форсаже?

Его выходили, этого не отнять. И Оксану выходили — Фома не раз видел ее издали, облаченную в какое-то рубище. Такую же одежду, покроем напоминавшую дерюжный мешок с тремя дырками, носил и он сам. Прежнюю одежду, обувь, вещи, оружие — все отобрали. Попросил было вернуть — сделали вид, будто не понимают, о чем идет речь. Преподобный этот с пузом... у-у, морда! Сразу видно — сволочь. Сам-то небось босиком не ходит, и риза его сработана из нежного кошачьего подшерстка...

Фома не пытался протестовать, повышая голос. Плоскость и люди Плоскости научили его уму. Козыри были не у него.

Досадно, но пусть. Временная отсрочка, не более. Чтобы достичь своего, надо как минимум остаться в живых, а не булькнуть в реку с камнем на шее по шевелению мизинца преподобного. Евпл такой, он может.

От тел и одежд трудников неприятно пахло. Купание разрешалось раз в неделю. Отросшие ногти Фома обкусывал, волосы расчесывал пятерней. Нечем было сбрить бороду. Где обиходные мелочи, скрашивающие жизнь хуторян при вменяемом феодале? Ау! Кормили, правда, сытно, ничего не скажешь. Но ведь рабов надо кормить, иначе среди них заведется вольномыслие.

Послушник или раб — разницы по сути никакой, если нельзя уйти.

И плота уже нет. Рыбарям плот не нужен, у них челны. Бамбук растащили для всяких поделок и просто так. Вон веревка с сохнувшим бельем подперта шестом, и шест бамбуковый.

А кузницы нет... Пусть нет и руды — но ведь случается, что люди попадают на Плоскость не с пустыми руками! Есть, есть на Плоскости изделия из настоящего, не эфемерного металла! Иные феодалы выменивают их у соседей и находят среди хуторян спецов по перековке ненужного в нужное. Жгут деревья на уголь. Но большинство обходится эфемерным барахлом...

— Откуда это? — выпрашивал Фома у каменотесов, указывая на зубила, сверла, молотки, наждачные круги и стараясь пользоваться моментом, когда отец Енох не маячил поблизости. — Кто сделал? Как?

— Божьи вещи, — отвечали ему послушники Евстохий, Евфимий, Еромкрат и Елеазар, поднимая глаза к небу, и крестились двоеперстно, дивясь бестолковости новичка. — Что тебе непонятно? Откуда взялись? От Бога. Чтобы работать. В этом спасение души.

Поначалу Фома думал, что над ним издеваются. Потом понял: нисколько. Послушников действительно не интересовало ничего, кроме пищи, женщин по особым дням и карьерного роста. Последний означал только одно: шанс когда-нибудь выбиться в монахи и в ус не дуть. Рабский труд — и мысли рабские.

Никто не облегчит душу крепким словом. Никто не кинется лобызаться с криком: «Друган!» Все чем-то крепко озабочены, и поначалу можно даже вообразить: думу думают. Господи, да о чем можно думать, когда в глазах ни проблеска? О том, что благополучно прожит еще один день, и завтра будет такой же день, и послезавтра, и так до самой смерти?

И какая им разница, чем тостер отличается от крекера? Один лишь преподобный Евпл интересовался, что нынче делается там, на грешной Земле. Но и Евпл удостоил Фому лишь одной беседы.

Разговорчивее других оказался Евстигней, простодушный верзила, в три удара вбивавший кол в издырявленную скалу. Его кувалда тоже, конечно, имела божественное происхождение. Евстигней не понимал одного: почему Бог дарует вещи лишь на время? Почему уже три кувалды, предшественницы вот этой, рассыпались в пыль на его глазах?

— Как ты сказал? — переспросил Фома. — Стоп, я понял. В пыль, значит. А новые откуда берутся? Отец Енох выдает? А ему кто?

Проще было добыть информацию из кошки, чем из Евстигнея. Детина не понимал, чего хочет этот настырный, ковырял в носу и талдычил о божественном. К тому же приходилось быть осторожным, избегая прямых вопросов. Гений кувалды не догадался бы, к чему они ведут, но мог запросто проболтаться отцу Еноху, а тот был вовсе не глуп. Голову на отсечение — Енох регулярно доносил толстому преподобному о поведении нового послушника.

Истина начала приоткрываться, когда Фома завел разговор об истории общины. Поначалу казалось, что и здесь выйдет пшик — об основателе монастыря Евстигней знал только то, что Ефрем был святой. Бог беседовал с ним в ночных откровениях.

Во сне? В каком сне? Евстигней скреб в затылке, соображая и припоминая. Почему во сне? Хотя да, некоторые шепчутся, что и впрямь будто бы во сне. Но это ересь. Господь послал многие знамения, и паства уверовала. Вот и все.

Уже теплее... Любому феодалу ясно, что это за «знамения». Где-то здесь должна быть спальня... Где?!

Неужели прямо в оазисе?

Хотя почему бы и нет? Фома размышлял. Ведь и в его бывшем феоде один из оазисов совпадал с дурилкой. Ни у кого из соседей не было ничего подобного. Из правил почти всегда бывают исключения. Кто сказал, что спальня и оазис несовместимы?

В конце концов удалось понять: «божьи подарки» всегда выносятся из алтаря церкви. Евстигней удивлялся: может ли быть иначе? Откуда же еще, как не из алтаря, куда имеют право входить лишь несколько святых отцов и сам преподобный Евпл?

И на полном серьезе считал преподобного чудотворцем.

— А почему он преподобный при жизни?

— Потому что святой, понятно? Отвяжись.

Фома поспешил перевести разговор на другую тему. О женщинах Евстигней говорил гораздо охотнее. Когда он, сладострастно причмокивая, заговорил об Оксане, Фома едва сдержался, чтобы не заехать верзиле молотком промеж мечтательных глаз.

Оказалось — она должна пока воздерживаться. И Еремей тоже. Почему? Потому что новички. При чем тут это? Евстигней не понимал вопроса. Так положено. Год или около того. До особого благословения никто не имеет права. Ослушников строго накажут. Вот потом иное дело: дважды в неделю, а с кем — как жребий ляжет. Конечно, не во время поста.

Поста сейчас не было, и все равно Фома видел мало возможностей поговорить с Оксаной. Днем они не пересекались — Фома работал в каменоломне, а Оксана на огородах. Трапезная существовала для иноков и инокинь — послушникам таскали еду на место работы. Во время служб в храме мужская часть общины стояла отдельно от женской. Бездельные хождения по оазису не поощрялись никем, и меньше всего бдительным Енохом.

Шли дни.

★ Фома потерял им счет. Он сутулился, старался поменьше вертеть головой и учился искательно улыбаться в присутствии отца Еноха. С Евстигнеем болтал только о пустяках и никогда наедине. Пусть все слышат. Он знал: кому-нибудь из каменотесов поручено приглядывать за ним. Может быть, двоим или троим. На месте святых отцов он так и сделал бы. Но и трое не могут сохранять бдительность всегда — особенно если объект наблюдения смирен и, как водится, нищ духом.

Человеку надо спать. Здесь, как и везде, предпочитали спать серыми «ночами». Фома уже выследил, где поселили Оксану. Оставалось дожидаться, когда трое соседей по шалашу уснут столь крепко, что не смогут наутро сказать, сколько времени новый послушник ходил по нужде — три минуты или час.

Идти в пустыню — быть у всех на виду и оставить улики. Не заметят, так поймут по следам. Прятаться у реки — над водой и самый легкий шепот слышен за километр. Фома привел Оксану в каменоломню. Труд поколений превратил скалу в подобие разрушенного замка. Неопытный человек заблудился бы среди глыб, каменных нор, щелей и ниш.

— Как ты?..

— Ужас! — выдохнула Оксана, и не приходилось сомневаться в искренности ответа. — Со старухами живу. Злые они... Не стали монашками и уже не станут, вот и злятся на всех. Наорала тут на одну — та сразу ябедничать. Жаба старая! Меня наказали, целый день у столба простояла. Я же говорила, что я невезучая... А ты? Ты как?

— Жив, как видишь.

— Пораньше прийти не мог? Тоже мне, феодал! Я ждала...

— Так вышло. Прости.

— Тоже мне, мужчина!

— Потихе. По-твоему, мужчина должен быть идиотом? Терпи до времени. Тебя исповедовали?

— Допрашивали! И не раз.

— Все рассказала? И про выпанные вещи тоже?

— Да. Не надо было?

Фома вздохнул.

— Чего уж теперь... Однако странно, что мы еще живы. Евпл не дурак, понимает опасность. Это новичка можно гнуть в свое удовольствие, но мы-то не новички. Мы в чужой монастырь со своим уставом... Значит, мы преподобному нужны для чего-то. Ну, свежая кровь — оно понятно. Только этого мало. Для чего еще, а?

— Ничего себе мало — трахаться по жребию! — На глаза Оксаны навернулись слезы. — Иду — меня глазами раздевают. Один жирный, морда как блин, глядит и слюни пускает. Убила бы. Одна радость, что без благословения преподобного меня не тронь...

— Карантин, — пожал плечами Фома. — Разумная мера, между прочим. А то занесут еще в обитель дурную болезнь, да все и перезаразятся. Говорю же: преподобный не дурак.

— Какая мне разница! Ты бы лучше думал, как нам отсюда смыться!

Логика, подумал Фома. Интересно, почему женщины уверены, что беспрерывно понукать мужчину — лучший способ заставить его действовать правильно? В точности наоборот.

— Я думаю о том, как нам уйти, получив назад свои вещи и еду на дорогу, — сказал он. — Без них — кто мешает? Вон она, пустыня, иди.

— А если ниже по реке есть другие оазисы? Угнать у рыбаков лодку...

— Если оазисы и есть, то очень далеко. Иначе о

них было бы известно. Я собирал информацию, я знаю.

— Ну и что ты думаешь делать? — спросила Оксана.

— Я? Или мы?

— Ты опытнее! Ты феодал! Мы что, уже врозь, да?

— Это я у тебя хочу спросить, — жестче, чем сам хотел, выговорил Фома. — Кто мы? Случайные любовники или команда? Если я один, то я и уйду один. С сожалением. Не знаю как, но уйду. Если мы вместе — помогай мне!

— Как? — Оксана всхлипнула. — Что я могу? Я тут никто. У меня даже имя отобрали, я теперь не Оксана, а Епифания...

— Очень приятно, а я Еремей. Ничего имечко? Я им про Фому, они мне про Ерему... — Он ухмыльнулся, махнул рукой. — А, лишь бы в печь не ставили! Прорвемся. Для начала не хнычь. Нужен план действий. Вот он: мы берем Евпла за хрип. По-тихому. Только ты и я. Нужно узнать, где у него спальня. Варианты: алтарь, ризница, личные покои самого Евпла. Вероятнее всего алтарь. Проникаем ночью. Я сплю и вижу сны, ты стоишь на стреме. Добудем оружие — будет совсем другой разговор.

— Тихо! — Оксана вздрогнула. — Слышишь?

Где-то недалеко посыпались мелкие камешки. Что удивительного? В таких местах должны водиться летучие мыши, ящерицы, змеи, многоножки и прочая фауна. Корни растений могут раздвинуть камни, вызвав небольшой обвал. Но в этой каменоломне нет растений, и здесь не Земля. Разве что кошка, которую забыли запереть на ночь, обходит свою территорию? Но кошки, в отличие от человека, умеют ступать неслышно.

Оксана вжалась в скалу — напуганный зверек, почувший хищника. Шум ее дыхания мешал слушать. Медленно-медленно Фома высунул голову из укрытия.

В сумерках Плоскости трудно остаться незамечен-

ным. Соглядатай замер шагах в десяти. Серый на сером, он скорчился за угловатой глыбой. Он не видел заговорщиков, но знал, что они где-то тут.

Где-то поодаль два кота начали разборку с вокального дуэта. Любой посторонний звук помогал оставаться незамеченными. Фома предпочел бы канонаду или рок-концерт. Орите, звери!

Замолчали...

Рука сама собой зашарила в поисках камня.

Гладкая скала. Каменная дресва, песок. И только. Хотелось крикнуть непонятливой девчонке: «Да помоги же! Найди что-нибудь! Вложи в руку!»

Соглядатай насторожился. Так же медленно, как Фома, переменил позу.

И посмотрел прямо в глаза.

Не удобный для броска камень, которого не нашлось, — Фома сам выметнул себя из каменной ниши, рискуя сломать шею, если нога не встретит опоры. Повезло. Он успел сделать два прыжка, прежде чем шпион начал реагировать. Огрубевшие ступни не замечали острой каменной крошки.

Послышался негромкий вскрик — скорее удивления, чем испуга. Соглядатай кинулся прочь. И ему, и Фоме мешала подобная балахону ряса.

Остроконечная глыба встретила голень беглеца. Удар такой силы может сломать кость. Фома выиграл еще один прыжок. Успеть, успеть, пока этот тип в растерянности, пока он не почувствовал настоящей боли, пока не завопил на всю обитель!..

Серый силуэт пропал из виду, и сейчас же откуда-то снизу послышался глухой звук падения тела. Фома с разбегу перепрыгнул через щель.

Глубокий вздох отозвался колющей болью в сердце. Не вовремя.

Наплевать. Теперь уже нет выбора. Пан или пропал.

Взобравшись повыше, Фома огляделся. Задержав дыхание, прислушался — тихо... Значит, соглядатай был один, так вас понимать?

Он вернулся к щели. Серый комок внизу лежал неподвижно. Фома постоял без толку, затем спустился в щель. Коснувшись головы лежащего, он ощутил мокрое и липкое. Согодатай угробился сам, потому что бежал в ужасе, не разбирая дороги. Глупо получилось...

«А если бы пришлось его задушить — умнее? — подумал Фома, ожесточаясь. — А если бы он поднял шухер — умнее?»

В щель пробивался совсем уже скудный свет. Трудно было понять, с каким выражением лица отошел в иной мир послушник Елеазар. Ясно было лишь одно: выслеживая дичь, он не ожидал, что станет дичью сам. Потому и онемел на несколько бесценных мгновений — от неожиданного испуга! Так что же, он думал, что соглядатайство и наушничество ненаказуемы? Что отец Енох прикроет в случае чего? Да нахвать на тебя любому из святых отцов!

Фома вытер ладони о рясу мертвеца. Чего уж теперь. Все равно завтра его хватятся и никто не поверит в случайную смерть.

Оксана дрожала на прежнем месте. Упреждая распросы, Фома грубовато буркнул:

— Пошли. Время.

Он провел ее в стороне от трещины. Все равно девчонка, конечно, догадалась, что произошло. Тем лучше. На всякий случай он взял ее за плечи и как следует тряхнул:

— Все делаем сегодня, прямо сейчас. Только ничего не бойся.

Работники каменоломни не имели нужды уносить с собой инструмент — воров не было. Рядом с тачкой,

служащей для перевозки отесанных камней, Фома подобрал свой молоток, сунул в руку Оксане:

— Если что — бей сразу по лбу. Без разговоров.

Сам он вооружился кувалдой Евстигнея. Оружие что надо — и быка свалит, и любой замок собьет. Беда, что нет в обители ни быков, ни замков.

От кого запираяться? Монахи довольны, послушники послушны...

Серые сумерки все тянулись. Обитель спала. Спала ли? Вот в дальнем шалаше на женской половине заплакал младенец, требуя грудь. Что ему до двух нечестивцев, замысливших тайно проникнуть в алтарь! Он голоден, и он получит свое, больше его ничего не интересует. Вырастет неизвестно зачем, станет таким же, как все, будет тесать камни, ловить рыбу, растить хлеб, выстаивать всенощную и бить столько поклонов, сколько ему назначат. А коль объявится строптивец — будет бить и строптивца, в охотку, без указки...

Храм.

Тяжелые створки дверей растворяются без скрипа. Чем тут мажут петли? Кошачьим салом? Рыбьим жиром?

Запереть изнутри. Тяжелое бревно засова. Очень кстати.

Из-под ног с мявом прыгает кошка. Зар-р-раза! На шапку тебя. Пшла!

Несколько секунд, чтобы привыкли глаза. Крохотные оконца под самым сводом дают очень мало света.

Алтарь.

Ниша за занавеской. Стены расписаны мрачными, пугающими ликами. Каменный крест под тяжелым сводом. Больше ничего.

Нет, тут никто никогда не спал... Не прячется ли где-то здесь еще одно помещение, тайное? Яснее ясного, что здешняя спальня необычайно мала — иначе

Ефрем не прослыл бы чудотворцем, обнаружив ее случайно, и не основал бы обитель.

Не видно тайного помещения. Незачем искать замаскированные двери, снабженные хитроумными механизмами. Не тот уровень. Умения зодчих только-только хватило, чтобы вывести своды, где уж местным кое-какерам состязаться со средневековыми механиками! Не умножай сущностей.

Ризница. Воняет шерстью и погасшими кадилами. Ризы, стихари, утварь. И никаких намеков на лежанку.

Вроде бы где-то задребезжал колокольчик... Нет, показалось. А это что?

— Гляди, мой рюкзак, — хохотнул Фома. — Пустой, конечно...

Удивительно — но нет! В кармане рюкзака обнаружился компас, оставленный, вероятно, за ненадобностью. В другом кармане рука нащупала четыре палочки длиной с карандаш с остриями из расплющенной проволоки. Монахи не нашли применения отравленным наконечникам для бушменских стрел. Быть может, они вообще не поняли, что это такое.

Зато спрятали подальше все мало-мальски полезное. И уж конечно, в первую очередь — оружие.

В ризнице быстро светало. Серый сумрак отступал, небо в оконце оделось обычной светлой дымкой.

— Нет времени, — безнадежно выдавила Оксана.

— Молчи. Сам знаю. Успеем.

Спальни здесь не было. Тогда где?! Постой-ка... Евстигней рассказывал что-то о Ефреме. Первый настоятель построил часовню. Где? Как выбирал место?

Да ведь ясно, над каким местом он ее построил и почему именно там. В часовне молятся. Непосвященному не придет в голову уснуть в ней. И «божьи дары» появляются оттуда, откуда надо — из святого места!

Как просто и логично! Мог бы догадаться и пораньше!

Где теперь эта часовня? Дом преподобного имеет флигелек с шатровой крышей и деревянным крестом. Она?

Наверняка. Личная молельня Евпла, надо полагать. С тюфяком. Выспанное барахлишко материализуется тут же. Для воздействия на умы его совсем нетрудно перетащить в алтарь большого храма через крытый переход и ризницу. Элементарно просто.

Где тут дверь? Вот она. Ч-черт, заперта с той стороны. Не преграда, но помеха...

И тут гулко ударили совсем в другую дверь. Снаружи кто-то пробовал на прочность двери храма.

ГЛАВА 6

Евпл был связан обрывками собственной рясы. При каждом вдохе пугающе шевелился его огромный бледный живот. Казалось, преподобный произошел не от обезьяны, как все порядочные граждане, а от медузы.

На его лбу вздулся радужный желвак. Евпла сбили с ног, но не сумели успокоить даже вдвоем: ворочающаяся мясная туша ни в какую не выражала на то согласия. Фома оглушил преподобного рукоятью кувалды.

Поспешили — и правильно сделали. А лучше бы заранее подумали о том, что подходы к часовне могут быть оснащены примитивной, но действенной сигнализацией. Разбуженный тревожным звоном колокольчика преподобный почти успел покинуть зданье. Помешал живот. Евпл не знал, что ему в равной степени помешал отец Енох, которому донесли об исчезновении послушника Ефрема, равно как и послушника Елеазара. Енох догадался. Приказав немедля будить каменотесов и рыбаей — самых сильных мужчин в обители, — Енох забарабанил в храмовую дверь. По-

няв, что раскрыт, Фома пустил в ход кувалду. Низенькая дверь, запиравшая ход в покои преподобного, выдержала только один удар.

Агностику легко пропускать мимо ушей проклятия священнослужителя. Спеленав преподобного, дерзостный послушник посоветовал ему пугать анафемой недоразвитых детей. Подобрал с пола «маргошу», Фома хмыкнул: почивая при оружии, сделав попытку выстрелить в нападавших, Евпл забыл дослать патрон. Чего и следовало ожидать. Чайник с понтами.

Все равно он не успел бы толком прицелиться.

Едва успели забаррикадироваться. Тревога уже распространилась по всей обители. На дворе орали. Фома осторожно выглянул в узкое, вроде бойницы, оконце. Там бегали, суетились. Кто-то командовал. Разворошили муравейник...

А, отец Енох! Добрый человек. Никогда не помнит зла, которое причинил другому. Вот и сейчас поспешает, таща фузею петровских времен.

А вон отец Евлогий. У него не ружье, а игольчатая винтовка-пятилинейка, какими воевали на Шипке. Можно, наверное, выпать «Узи», «Ингрэм» или «Абакан», но для этого надо хотя бы знать, что существует оружие, способное выпустить веер пуль. Хотя и такая винтовка — не хрен собачий...

Вон толстый эконо́м, отец Евмений. Ба, да у него в руках знакомый СКС!

Ермипп, Евкле́й, Емилиан, Елисей, Евста́фий, Евсевий, Евфимий, Евтихий, Евфрасий, Евсто́хий... Сколько их!

В стену, довольно далеко от бойницы, ударила пуля. Стрелять монахи не умели, укрываться тоже. Фома мог бы не сходя с места положить десяток этих олухов.

Подождут. Непрофессионалы против непрофессионалов в квадрате... Неумение против неумения.

Но — злость против злости. И взят ценный заложник. Что он там бормочет, пытаюсь сверкнуть глазами?.. Куда ему! Нечем сверкнуть, все у него заплыло жиром.

— Моя смерть не поможет тебе, богомерзкий выродок!

Ага. Проняло. А вот мы поглядим, поможет или нет...

— Развяжи ему ноги, — приказал Фома Оксане. — Так. Умница. Возьми вот эту стрелку, приставь ему к шее. Знаешь, что это такое, святой отец? Смерть верная и мучительная. Теперь ты выглянешь в окно и скажешь своим, чтобы вели себя тихо...

— Ты не посмеешь убить меня. — Оправившийся преподобный стал неожиданно спокоен, что Фоме очень не понравилось. Неужели не лишен мужества? — Для чего тебе? Вас обоих тоже убьют.

Нет, это не мужество. Это логика. Впрочем, ущербная.

— Зато ты этого не увидишь. Если нас все равно убьют, какой нам смысл оставлять тебе жизнь? Ну давай, не задерживай. Скажи им: пусть отойдут на сто шагов, иначе... ну, сам понимаешь. Оксана! Держи стрелку так, чтобы они видели.

Под весом преподобного затрещала скамейка. Фома напрягал все силы, чтобы туша не упала навзничь. Говори, святоша, говори! Командуй своим стадом, всеми нищими духом, умом и волей!

Поддействовало сразу. Евпл не пожелал принять мученический венец. Где ему! Сжигая паству, раскольничьи попы предпочитали спастись через подкуп. Местные монахи давно уже не были и раскольниками, а были просто сектантами, нашедшими свой маленький раек. Вдали от гонений размякли каменно-твердые сердца.

— Уходят, — шепнула Оксана. — Правда уходит.

Вдвоем они сняли Евпла со скамьи. Фома спешил. Неизвестно, сколько времени продлится затишье. А надо еще заставить себя уснуть. И видеть сны. С одним пистолетиком трудно вернуть снаряжение, получить запас еды и, главное, уйти без помехи. Патовая ситуация.

Ее нарушит свежевывиспанный автомат или ручной пулемет. Оксане — помповуху. Вполне подойдет КС-23М с картечными патронами. Пусть попытаются остановить! Оружие сплет пару нот безумству храбрых. Да выживут благоразумно-трусливые! Аминь.

— Так, — сказал Фома, отбуксировав преподобного в часовню, — а где лежанка? Ты тут прямо на полу, что ли, спал?

— Я молился, нечестивец!

— Во сне? Отлично. Я тоже так хочу. Можешь спеть мне колыбельную.

В перечень достоинств преподобного не входило чувство юмора.

— Нет? Тогда псалом. Одно и то же. Начинай.

— Глупец! — И Фома уловил презрение в рыке преподобного. — Это не то место, что ты себе вообразил! Спи хоть до Страшного суда — ничего не выдержишь! Токмо святая вера в Господа осеняет благодатью того, кто достоин святых даров! Спи, безбожник! Господь дарует по заслугам. На тебе нет благодати. От Бога ты получишь одно: вечное горение в аду! Я знаю, как тебе достались твои вещи! Ты говоришь — выспать? Трижды нет! Спи — и увидишь!

Глупое карканье буйнопомешанного? Нет...

Что-то и впрямь было не так. И эта странная спальня, небывало маленькая и помещающаяся внутри оазиса. И убежденность Евпла...

На каменной полке нашлась связка свечей — эфемерных, конечно. Откуда здесь пчелы, дающие воск, или нефть, дающая парафин? Нашлась и коробка

вполне работоспособных спичек. Огонек осветил надпись на коробке: «Паровая спичечная фабрика «ЗАРЯ» торг. дома Е.Кухтеринъ и С-я». Что такое «С-я»? Сыновья, наверное.

С горящей свечой в руке Фома сел на корточки, разглядывал каменный пол. Нет, здесь не спали. Здесь молились — истово, многими часами. Отбивали поклоны. В каменных плитах колени молящихся протерли углубления.

— Он же врет нам, врет! — крикнула Оксана.

— Нет. — Фома медленно поднялся. — Не врет. Все так и есть. Это не спальня, это молельня.

Совсем другими глазами он смотрел на Евпла. Кто бы мог подумать, что этот жировой мешок с заплывшими пороссячьими глазками на деле окажется искренне верующим! Наделен благодатью? Что ж, можно сказать и так. Здесь получает желаемое не тот, кто спит, а тот, кто умеет впадать в молитвенный экстаз. Ведь сказано же: просите, и дано будет вам. Надо только уметь попросить.

А умерщвлять плоть — только тем, кто без этой меры не может попросить истово, от души.

И Экспериментатор даст. Ему все равно, как его называют. Он не слышит молитв, но, вероятно, посчитал забавным разделить людей еще по одному признаку, создать место, в котором кое-кто может получить кое-что, а остальные — шиш...

Обманула Плоскость. И поделом! Ей ни в чем нельзя верить. Тысячу раз она убедит тебя в чем-то, а потом над тобой же и посмеется. В ней нет постоянства, она вся состоит из набора флуктуаций. Глупо принимать долговечное за незыблемое. Глупо возводить закономерности в ранг законов.

— Сделай же что-нибудь! — всхлипнула Оксана.

— Что? Разыграть молитвенный экстаз? Здесь игре не верят.

- А помолиться искренне?
- Кому?! Экспериментатору?
- Тогда я сама попробую!

Со злобной ухмылкой Фома уступил место. Пробуй, пробуй! Проси, вымаливай, клянчи. Протирай колени. Тверди о своей ничтожности. Настоящий противник — не эти сектанты. Он сидит внутри тебя и гнет свою линию. Ты уже сдалась, глупая девчонка!

Он вытеснил Евпла из часовни. Пусть Оксана не говорит потом, что ей-де помешали.

Ладно. Отнять свое с боем не выйдет. Нужно торговаться.

— Я сделал ошибку, — неожиданно признался преподабный. — Мне следовало оставить тебя на плоту и пустить дальше по течению. Тебя одного. Я ошибся в тебе и пожинаю плоды ошибки. Ты не пригоден для жизни в обители. Я надеялся на иное.

— На то, что я стану ишачить на тебя, как раб? — спросил Фома. — На свежую кровь — спасение от вырождения? Со своими дураками играй в одни ворота, со мной не надо... Мы могли бы договориться уже давно к взаимной выгоде. Ты не захотел, пеняй на себя.

— Со временем ты мог бы достичь многого. Не теперь, но потом, когда был бы окончен срок твоего послушания. Ты не захотел смириться. Ты не сумел даже уверовать. Господь тебе судия!

Все было понятно: жирный слизень пытался одеться в непроницаемый панцирь веры. Фома повысил голос:

— Теперь решаю я, не ты. Говоришь, когда-нибудь потом? Я хочу здесь и сейчас. Верни нам наши вещи, прикажи снабдить едой, дай лодку — и я тебя отпущу целого и невредимого.

— Смирись душой, отвори двери братьям — и ты будешь только наказан, но не убит.

От яростной оплеухи преподобный даже не покачулся.

— Я буду молиться за спасение твоей души, безбожник.

— А я буду резать тебя на кусочки и выкидывать их в окно, чтобы твои видели, — рявкнул Фома. — Нравится? Я не буду торопиться. А потом я поубиваю всех, кто мне мешает. У меня есть шанс. Зажгу посевы, выпущу на хрен воробьев... Пять минут на размышление!

Он оттеснил Евпла к стене — думай тут! — и выглянул в окошко-бойницу. Из-за угла церкви торчал рукав чьей-то рясы и высовывался ружейный ствол. Несколько иноков и инокинь маячили в отдалении.

Тщательно прицелившись, Фома продырявил рукав рясы, не задев руки, — ствол и рукав мгновенно скрылись. Вот так. Стрелять на поражение еще рано. Хотя... может, стоило положить одного-двух в знак серьезности своих намерений?

Поди пойми. О повадках настоящих террористов Фома знал только то, что рассказывали новички. Тому, кто попал на Плоскость в девяносто третьем, не обладая специфическими познаниями, приходится нащупывать свой путь. И он в душе не террорист. Можно перестрелять нескольких в горячке боя, но застрелить хладнокровно в целях психологического давления на противника — нет выучки. Противно. Нельзя. Однако же с преподобным придется что-то делать, если заупрямится...

Евпл молча шевелил губами.

Минута.

Две минуты.

Три.

Кто-то протяжно кричал издали — кажется, призывал к переговорам. Подождет.

Четыре минуты.

Крик удивления и радости из часовни. Оксана не вошла, не влетала — впорхнула. В ее руке был зажат небольшой предмет.

— Есть!!! Получилось!

— Что? — Фома хотел и боялся поверить.

— Мобильник! Как раз такой, как я хотела! Уй, класс! Слушай! — Из ее руки полилась незамысловатая мелодия. — Во! Гляди, он пишет, что сеть ищет...

— У меня никогда не было мобильного, — вздохнул Фома. — А сеть? Сеть он тут долго искать будет...

Преподобного высадили километрах в полутора ниже по течению. Честно выполняя условия сделки, Фома вытащил на песочек второй челнок. Евпл может прогуляться обратно по бережку, а может дождаться рыбарей и проплыть по воде, ему решать.

— А знаешь, почему он на все согласился и отпустил нас? — сказал Фома, когда Блаженная Пустынь окончательно растаяла в дымке за кормой. — Он испугался. Может, ты и не смогла бы вымолить приличное оружие — все равно. Зато ты стала бы конкуренткой, а ему это надо? Что это за стадо — с двумя жоками? А убирать тебя — хлопотно, да в его ситуации и затруднительно. Лучше уж отпустить нас, изобразив, будто выгнал. Еще и анафему крикнет, точно.

Он смеялся. Оксана не отвечала. Пусть придет в себя, пусть. Столько эмоций зараз после унылой тяготины последних месяцев — мало никому не покажется.

Челнок из бритых кошачьих шкурок на деревянном каркасе шел ходко. Сидя на корме, Фома орудовал коротким, похожим на заступ веслом. Двойная польза: и скорость приличная, не сравнить с ленивым плотом, и есть какое-то занятие. Ого-го! Жизнь хороша!

— Если вырвусь отсюда, обязательно куплю себе каноэ, — заявил он часом позже, с непривычки не-

сколько запыхавшись. — Не знал, что это такое удовольствие.

— Ты правда рассчитываешь попасть на Землю? — полуобернулась к нему Оксана.

— А куда еще? В мой феод? Во-первых, уже не смогу, а во-вторых, чего я там не видал? И купить там нельзя, можно только выпать... И зачем мне там каноз?..

— Ты еще глупее, чем я думала. Какая Земля, очнись. Никуда мы отсюда не денемся...

Вот как? Фома ухмыльнулся. Знаем, проходили. Синдром новичка во всей красе. Сперва человек мечется, затем теряет надежду и начинает приспособляться, но проходит время — и тут он понимает по-настоящему, до печенок: Плоскость — это навсегда. Клетка. Пой, птичка, как сумеешь, и знай: больше ничего интересного в жизни не будет. На этом этапе часты самоубийства от отчаяния. Кто справляется с собой, тот живет сколько-то лет, нередко даже до старости. Находит утешение в философии, как Георгий Сергеевич, или создает иллюзию лучшей жизни, как Автандил. Но через этап отчаяния проходят все.

— Ты только сейчас это поняла? — спросил Фома. — Догадалась бы раньше — осталась в приличном оазисе?

— Я давно это поняла. — На этот раз Оксана не обернулась, и слова ее звучали глухо. — Потому и пошла с тобой, что не хочу так жить. А ты сказал, что, возможно, есть шанс.

— Я и сейчас это говорю. Не веришь?

— Теперь уже нет.

— Может, поделишься ходом рассуждений? Получила ненужный мобильник и решила, что Экспериментатор всемогущ, а значит, «оставь надежду»?

— А то нет?

— Может, это и не мое дело, — сказал Фома, — но

мне интересно, как ты сумела выпросить хоть это. На полном серьезе молилась, что ли? Ты умеешь?

— Очень захотела позвонить домой, вот и все.

Вот оно что: Оксана была обманута в самой горячей своей надежде! Фома понимающе улыбнулся. Ну, не принимай близко к сердцу. Ты вообразила, что Экспериментатор зло подшутил над тобой? Вот уж вряд ли. Это чисто по-человечески злая шутка, но ведь Экспериментатор не человек... Крепись, родная. Плюнь и забудь.

— Я тебе хочу сказать кое-что. Слышишь меня? Только повернись, я хочу видеть твое лицо.

— Ну? — У Оксаны дергалось веко.

— Я люблю тебя, вот и все. Это я и хотел сказать. Ты выйдешь за меня?

Фома видел: ему удалось ее удивить. Но был ли он искренен, он и сам не знал. Насколько велика дистанция между любовью и симпатией? А впрочем, правда или правдоподобие — какая сейчас разница! Разобраться в своих чувствах можно и потом.

— Выйдешь?

— Зачем? Какое это здесь имеет значение?

— Имеет, потому что я хочу на Землю вместе с тобой. Или туда вместе, или сдохнуть здесь и не мучиться. Решай. Ты со мной?

— Допустим...

— «Допустим» меня не устраивает. Да или нет? Скажи сразу, сейчас. И навсегда.

— Да.

— Значит, ты выйдешь за меня?

— Да!

— Тогда бери весло и работай! Скорость нам нужна, скорость!..

В два весла пошли быстрее. Отлегло от души. Фома сам не знал, что это было: в самом деле предложение руки и сердца или просто психотерапия?

Главное, помогло.

А кроме того, это имело бы значение на Земле, а не на Плоскости.

Медленные изменения остаются незаметными. Но если кто-нибудь мог взглянуть со стороны на челнок в первый, а затем в последний день плавания, он сразу заметил бы, насколько выше теперь сидит в воде самодельная посудина. Фома основательно раскулачил монахов, но, увы, любая лодка устроена так, что может свезти лишь столько груза, сколько может. Лодка не человек, ее не заставишь работать «через не могу».

Припасы подходили к концу. Челнок освобождался от груза.

Еще в первые дни были съедены лепешки. Потом приходилось высаживаться на берег, чтобы приготовить еду на скудном запасе дров и еще более скудных остатках сухого горючего. Потом кончилось и топливо. Болтушка из муки, разведенной забортной водой, напоминала клейстер и плохо утоляла голод. Как назло, на суше стали часто попадаться многоножки, но что с ними делать без огня? Пробовали ловить рыбу, но рыба не давалась. Фома клял себя за то, что не догадался отнять у монахов невод. Его попытка жевать «съедобные» водоросли закончилась отравлением. Целый день после этого он не мог грести и каждые четверть часа просил причалить к берегу.

Похоже, река не имела ни конца, ни края. А о мандах она ничего не знала за ненадобностью. Зачем петлять, когда можно течь прямо!

Округлые дюны. Длинные полумесяцы барханов. Каменистые проплешины. Иногда вдали удавалось заметить цепочку скал. Несколько раз, оставив Оксану у реки, Фома уходил взглянуть на местность с той или иной возвышенности. Возвращаясь ни с чем, выглядел бодрым: ничего, мол, повезет в следующий раз.

Ни одного оазиса. Редко-редко — метелки жесткой травы или несколько корявых безлистных кустов, не годных даже на топливо.

И бесконечная лента реки.

От скуки в голову лезли разные мысли. Быть может, это не прямой поток воды, а кольцевой с огромным радиусом, отчего не замечен плавный поворот? Компас показывал, что река по-прежнему течет на север. Стоит ли здесь верить компасу?

Были мысли и похуже: а что, если это река Времени? Допустим, десять километров — один год. Почему это, хотелось бы знать, последний человек попал к тем сектантам из Блаженной Пустыни полвека назад?

Тут обнаруживалась логическая нестыковка из самых простеньких, и Фома понимал, что он просто бестолочь. Мозги надо подкармливать, а чем? Мучной болтушкой? Кроме того, он просто устал...

«Дурак ты, — сказал он себе, — и мысли у тебя дурацкие. Реликтовые. Феодальные».

А что, феодал и есть. И вовсе не бывший, а просто без феода. Рыцарь, странствующий в обществе прекрасной дамы. Дракона только нет.

По правде говоря, и не надо.

Теперь на берег высаживались только по нужде да еще размять ноги. Плыли и «ночью». Рюкзаки отощали, и в челноке появилось место, чтобы спать по очереди. Обычно Фома брал себе первую половину ночи и усиленно греб, чтобы не клевать носом.

Во время его вахты все и случилось.

Сначала ухо уловило далекий монотонный шум. Течение реки как будто ускорилося. Показалось или нет?

Шум усиливался. Теперь Фома назвал бы его гулом. Быть может, впереди бесится вода? Что там — пороги? Водопад?

Теоретически Фома допускал все, что угодно.

Практически он ни на грош не верил в то, что на этой скучнейшей, убаюкивающей реке-канале могут быть пороги или водопады. Может, еще ГЭС?

И все же...

Несколько гребков подогнали челнок к правому берегу — Фома счел его более удобным. Теперь он мог причалить в две секунды. Мало приятного нестись навстречу неминуемой гибели, прекрасно зная, что уже ничего, совсем ничего не успеваешь сделать...

Теперь он явственно слышал, что впереди ревет именно вода, а не чья-то хищная пасть. Хотя почему бы и не пасть? Смотря что назвать пастью. Наверное, здесь река ныряла в ту самую колоссальную дыру, о которой он подумал однажды.

Разбудить Оксану? Причалить?

Он воткнул в берег нос челнока, когда серый сумрак сгустился впереди в нечто невероятно большое и плотное. Челнок развернуло течением. Фома вылез в мелкую воду и вытащил суденышко подальше на песочек. Оксана пошевелилась, застонала во сне, но не проснулась.

Он пошел берегом. В прибрежной полосе почти никогда не бывает ловушек, можно было идти свободно, но он почти крался. Незвестная громадина впереди пугала. Все сильнее грохотала вода.

Сперва он увидел титанический бурун поперек реки. Белая от пузырьков воздуха вода бешено крутилась, вспучиваясь горбом, и адски ревела. А выше горба, начинаясь в облаке водяной пыли и выползая из него, как вытянувшийся в судороге червяк, текла та же река. Текла вверх.

Фома долго стоял, задрал голову, пытаясь понять. Потом рискнул подойти поближе.

Ничего не случилось.

Он увидел излом. Кто-то зачем-то сломал Плоскость под прямым углом, и на вертикальной стене, за-

нявшей весь север, тоже расстилалась пустыня — с барханами, глиняными такырами, отдельными скалами, россыпями камней и прямым, будто прорубленным, руслом реки.

Стало лучше видно. Фома не сразу понял, что наступил день.

Пустынный ландшафт хорошо рассматривать сверху в солнечных лучах, лучше всего на рассвете или закате, когда любая неровность отбрасывает тень. Кто видел хоть одну тень на Плоскости? Нет таких. Белесое небо мешает правильно видеть. Нужны годы практики, прежде чем человек начинает более-менее уверенно оценивать расстояние до отдаленных ориентиров.

Фома видел то, что не под силу новичку. Изогнутые ятаганы песчаных волн. Отдельно лежащий валун, изъеденный выветриванием. Хаотичные струи успокаивающейся за буруном реки и хлопья плывущей пены. Он видел, как река уходит все выше и выше, охотно карабкаясь вверх по стене, а затем теряется в мутном мареве над головой.

Этот мир имел край. Но продолжался и за краем.

— Так, — сказал Фома, — приплыли.

Медленно-медленно повернуться на бок. Подтянуть к животу колени. Сделать над собой усилие и встать на четвереньки. Дальше — проще: выждать, пока развеется чернота перед глазами, подняться на корточки, еще немного выждать и уже затем воздвигнуться во весь рост. Подобрать и повесить на плечи тощий рюкзак. Оружие? Нет, карабин вместе с патронами брошен еще позавчера как лишняя тяжесть, а пистолет на поясе. Что еще? Помочь встать Оксане. Молча. Никаких слов, чтобы не сушить рот. Казалось бы, нельзя высушить сухое, но это не так. Кто ходил по пустыне — знает.

А через час наступит миг блаженства. Через час, не раньше, можно позволить выпить по глотку воды. Поэтому надо двигаться. Тяжело, а надо. Это занятие. Для того, кто чем-то занят, время течет быстрее.

Седьмой день пути на восток был решающим. Запасы воды иссякли больше чем наполовину. Если повернуть назад прямо сейчас и по-прежнему свирепо экономить воду, можно выйти обратно к реке не на седьмые, а, пожалуй, на шестые сутки. Дорога знакома, ловушки известны. Но последний день будет ужасен.

Если повернуть назад завтра утром, придется идти без глотка воды не один, а два дня. Об этом страшно даже подумать. Хотя теоретически возможно. Силы почти на исходе, зато больше не мучают желудочные спазмы. Последняя порция мучной болтушки съедена еще у реки. Нет никакой пищи, даже дынь цама. К реке приползут два полутрупа. Пресмыкаясь по-крокодильи, ссыпятся с бархана в воду и, рискуя захлебнуться, будут пить, пить...

Какой смысл? Продлить на какое-то время жизнь, питаясь водорослями? Сушить те же водоросли на топливо и варить суп из многоножек? Изобрести способ ловить рыбу? Переправиться на другой берег и пойти вдоль стены на запад? Чем одно направление лучше другого?

Что так, что этак, конец один. Разница лишь во времени. Хотя, наверное, голодная смерть менее мучительна, чем смерть от жажды.

Всего лишь седьмой день пути? Быть того не может. Кажется — прошло полжизни.

Сколько-то времени провели у реки, слушая шум буруна. Два дня или три? Неважно. Мнилось, будто дошли до цели. Фома подошел вплотную к стене и был притянут ею. Мир внезапно перевернулся на 90 градусов, хотя, конечно, изменилось только направление силы тяжести.

Он сделал несколько шагов. Потом начал задыхаться и бросился назад. Почти теряя сознание, прыгнул на то, что всегда было привычной Плоскостью и вдруг стало стеной. Впечатался в стену, прилип к ней, раскорячившись лягушкой, и все никак не мог отдышаться... Оксана кричала и суетилась, пыталась помочь, но помочь не могла. Он пришел в чувство сам.

— Это... иной мир, — сипло выбормотал он. — Там.. нельзя дышать. Мир не для людей...

Оксана долго не понимала. Пришлось объяснить: да, другой мир, но Экспериментатора нет и там. Это другой лабиринт для других крыс, еще один искусственно созданный полигон, еще одна чашка Петри.

А сколько их всего? Шесть? Угол между плоскостями вроде прямой...

Куб? И привычная людям Плоскость — лишь одна из шести граней?

Правильно, что воздух мутный, бормотал про себя Фома. Это Экспериментатор хорошо придумал. А то взглянет человек в зенит да, пожалуй, и рехнется, увидев над головой твердь. И с боков та же твердь, со всех четырех сторон, с тридцати двух румбов. Куб. Ящик.

Вопрос: как лабораторной крысе выскочить из лабиринта?

Научиться летать?

Не выйдет. То есть при наличии спальни можно без особого труда выспать хоть аэробус, даром что он распадется в труху спустя считанные минуты. Лучше, конечно, микросамолет, авиетку такую... Или пароплан с моторчиком, а то и ранцевый вертолет. На чем лететь — проблема решаемая, а надо ли?

Наверху тоже имеются ловушки. Прячутся, гадины невидимые, незнанные, в воздухе их и не разглядишь толком. Да и обычная подлянка не обрадует. Атмосферный вихрь запросто свалит в штопор, если попа-

дется вихрь горячий, то гореть в нем аппарату, как спичке. Гореть и куваться.

Да и спальню еще поди поищи. А главное, ниоткуда не следует, что выход из лабиринта находится в центре куба. Слишком уж это просто... Как-то по-человечески. Но разве Экспериментатор — человек?

Оксана развлекала болтовней. Почему-то она полагала, что куб — это хорошо. Вспоминала, как мучилась в школе со стереометрией и как училка однажды дала всему классу задание клеить из ватмана правильные многоугольники. Наверное, в классе не хватало учебных пособий. Счастливы были те, кому достались куб или тетраэдр, а вот Оксане не повезло: додекаэдр — это двенадцать пятиугольных граней, не хрен собачий. Два вечера мучилась. Одной девчонке достался икосаэдр, та вообще рыдала...

Не сразу Фома понял: Оксана просто-напросто утешала его.

Он не стал злиться, и это удивило его самого.

За ребром куба прозябала своя жизнь. А может быть, не прозябала, а процветала? Разумные обитатели иного мира ничем не обнаруживали себя, зато многоножки просто кишели. Фома видел, как одна из них перевалила через ребро, заметалась, как ошпаренная, но скоро пришла в себя и побежала куда-то. Так вот откуда на Плоскости неземная жизнь, все эти многоножки, уродские рыбы, ядовитые кусты! Некоторым видам, значит, квазиземные условия нипочем, они как-то приспосабливаются...

Ответ на один из вопросов пришел, но какой в нем прок? Что дальше?

Попытаться вернуться в Блаженную Пустынь, покаяться? Мало шансов, что на это хватит сил. Да и зачем? Чтобы длить и длить никчемную жизнь белой крысы, нашедшей в лабиринте кормушку?

— Надо идти дальше, — сказал тогда Фома, указав

направление вдоль ребра. И Оксана лишь кивнула, не проронив ни звука.

Бесконечно тянулись пески. Стена слева давила на психику. Фома даже радовался, когда ловушки вынуждали его идти в обход. Один крюк вышел настолько большим, что иная грань куба растаяла в дымке.

Седьмой день пути в никуда...

Четыре дня не происходило ничего достойного внимания. Зато пятый день едва не продемонстрировал незыблемость фундаментального закона подлости.

Существо, похожее на розового крота величиной с медведя, внезапно выскочило из песка, оставив в нем глубокую яму, и с пугающей скоростью пересекло грань куба. Несколько минут оно бежало по стене, затем пересекло грань вторично и скрылось за барханом. Похоже, в земной атмосфере оно чувствовало себя вполне прилично.

— Зря ты выбросил карабин, — сказала Оксана. Ее немного трясло.

— Он не хочет нападать, — не слишком уверенно возразил Фома.

— Почему это ты так решил?

— Потому что если хотел бы, то давно уже напал бы. Ты видела его когти? Мы уже были бы мертвы.

— А твой пистолет?

— Он же мелкокалиберный. Человека им убить можно... если постараться. А эту тварь — вряд ли. Может, удастся отогнать... хотя тоже вряд ли. Скорее он впадет в ярость. В общем, не буду я стрелять без крайней нужды. Идем спокойно. Авось и эта зверюга не раздумает.

— А если все-таки нападет?

— Тогда беги что есть духу.

— Беги... А ловушки?

— Все равно беги. Везет же некоторым в лотерею.

— А ты?

— А у меня полна обойма и спортивный разряд по стрельбе. Буду целить в глаза. Должны же быть у него глаза, верно?

— Кто его знает.

После этого диалога им пришлось выпить по лишнему глотку воды. А странная тварь больше не появлялась.

Седьмой день прошел, как и прочие. Фома считал, что удалось пройти меньше, чем накануне. Ничего удивительного. Обсуждать эту тему с Оксаной он не стал.

Они вообще мало говорили. Мысли о физической близости казались странными и испарялись сами собой, как легкие облачка на том, земном небе. Фома боялся истерик, но Оксана стойко терпела. Кремешок девчонка! Молодец. Не подруга, нет, об этом пока забудем... Просто свойский парень.

И когда настал восьмой день, ни о чем не было спрошено и ничего не сказано. Они просто встали и пошли на восток, терпя жажду, молча радуясь отчаянному своему наплевательству и хорошо понимая, что перейден некий рубеж.

Рубикон? Черта с два. Настоящий-то Рубикон как-никак река! Цезарь мог пить из нее сколько влезет!

Фома застонал и пошевелился. Сознание медленно возвращалось. Зачем? Он не хотел этого. Подлый организм не пожелал отключиться навсегда во время забытья. И на Земле, и на Плоскости природе наплевать на страдания живых существ. Природа не жестока, она просто ленива. Зачем трудиться, создавая специальные механизмы для облегчения чьей-то смерти, если живым от этого ни жарко, ни холодно? Природу интересуют живые.

Фома уже не помнил, сколько дней пути осталось позади. Какая разница! Сколько бы их ни было,

этот — последний. Вчера прошли, протащились, поползли на карачках всего ничего. Сегодня нет сил совсем.

Финиш.

Что это там на стене?.. Фома с натугой поднял ладонь к глазам, как бы закрываясь от несуществующего солнца. Холмы? А почему они движутся? Это такие громадные животные, фауна иного мира, выхваченная Экспериментатором с иной планеты? Да, наверное. Если только это не галлюцинация.

Пусть себе ползают.

Рука бессильно упала — желтая, костлявая, восковая рука. Очень скоро она станет рукой мумии. На две мумии — четыре желтых, восковых руки.

— Пи-и-и-и-ить...

Произнес он это или только подумал? Феодалу негоже умирать жалуясь. А впрочем, кто услышит? Оксана молчит, и нет сил проверить: жива ли?

Нет, на это надо найти силы. Хотя бы только на это...

Пальцы заскребли по песку. Теперь Фома и сам расслышал свой стон. Зачем столько мучений? Надо? А почему надо? И кому надо?

Надо, и все.

Он все-таки сумел перевернуться на живот и с надеждой подумал, что сейчас умрет. Долго-долго в глазах было черно. Но нет, понемногу развиднелось. Оксана лежала слева шагах в десяти. Почему не рядом? А, разве теперь вспомнишь...

Справа тоже что-то было, и он заставил себя повернуть голову. Что это?.. Что значит этот полупрозрачный кубик? Зачем он?

Потом он понял, что это такое. Стандартная пластиковая упаковка для пластмассовых бутылок с водой. Фома не удивился. Галлюцинация, конечно. Любой феодал знает истории о чудесно спасенных нович-

ках, едва не умерших от жажды, и многие спасенные галлюцинировали.

Он пополз направо. Странно, но галлюцинация не исчезала. А когда рука нащупала пластик, он в первое мгновение решил, что бывают и осязательные галлюцинации.

Не тощим, похожим на куриные, пальцам с обломанными грязными ногтями было под силу порвать упаковку. Фома рвал ее зубами, рыча и подвывая, как зверь. Зубами же свинтил пробку. Теплая газированная вода рванулась наружу пенным фонтаном. Фома ловил ее ртом, жалея о влаге, пролившейся на песок. Вода сейчас же выступила на теле потом. Обидно, но что ж поделаешь... Еще воды, еще!

Опустошив бутылку, он потянулся к следующей, но, прежде чем вскрыть, глянул на этикетку. Так-так. Минералка, идентичная натуральной, нарзан. Откуда — понятно. «Повезло» свалиться и уснуть в спальне...

Вот именно: не повезло, а «повезло». Впервые Фома пил эфемерную воду. На вкус она ничем не отличалась от настоящей. Боже ты мой, она была восхитительна!

Странно, что не приснился целый вагон минералки. Странно, что не приснился фонтан — какой-нибудь Геракл, разрывающий пасть писающему мальчику. Странно, что не приснилось карстовое озеро — небольшое, но неимоверной глубины, с холодной вкуснейшей водой цвета «кобальт синий».

А конец известен. Когда вода распадется в пыль, какое-то ее количество еще останется в организме. Справится организм или нет — покрыто мраком.

По большому счету, это уже несущественно. Голодная смерть придет раньше. Никому и никогда не удавалось выпать съедобную органику. Гипсовая котлета — не более чем камень.

Но все же...

★ Фома подполз к Оксане. Теперь он мог не извиняться издыхающим червем, а вполне по-человечески ползти на карачках, ухватив зубами за горлышко початую бутылку.

— Пей, — сказал он, и она стала пить, жадно глотая и давясь. Поперхнувшись, закашлялась и открыла глаза.

— Еще.

Фома дал еще. Ему пришлось убеждать себя: воды не жалко, воды теперь можно получить сколько угодно, смерть придет не от жажды. Пей. Пей вволю.

— Спасибо, — пробормотала Оксана и сейчас же уснула, продолжая непонятно, по-детски бормотать уже во сне. Фоме почудилось слово «зачем». А и вправду — зачем? Чтобы умереть не сейчас, а чуть позже не от жажды, а от голода? Он не знал ответа.

А может, удастся заставить себя продолжить путь, хотя бы и на карачках, сделать еще одну, последнюю попытку найти то-не-знаю-что?..

Он вдруг понял, что уже не помнит, что же именно он искал, и испугался. Нет, вспомнил! Он искал рычаг воздействия на суку-Экспериментатора. Покидая свой фео́д, он был крайне самонадеян и верил, что поиски наугад могут увенчаться успехом. Что ж, пройдена часть Плоскости, найден ее край. Георгий Сергеевич был бы доволен. А успех? Где он?!

Можно еще надеяться найти затерянный на краю Плоскости оазис. Вдруг повезет? А потом начать все сначала, надеясь в душе на успех безумства и ни капельки не веря в него холодным умом...

Фома бормотал ругательства. Потом снова захотелось пить, и он заставил себя встать и, качаясь, как пьяный, побрел к воде. Почему-то он нашел унижительным ползать на карачках.

Попив, он забылся то ли сном, то ли беспамятством. В своих видениях он спорил с Экспериментатором.

ром. Тот не имел человеческого облика и даже облика облака не имел — так, нечто расплывчатое, а главное, настолько равнодушное, что его хотелось немедленно уничтожить, потому что разумное существо не имеет права оставаться равнодушным наблюдателем...

Несколько раз Фома полувыпадал из сна и начинал догадываться, что все это напрасно. Не ему бороться с волей Экспериментатора. Невозможно и уничтожить Плоскость во имя тех, кто еще не попал на нее, но попадет. Был уже опыт с ядерной боеголовкой — и чем кончился?

Один сон оказался совсем уж детским — Фома понял это, но ничего не мог поделать. Приходилось играть роль в глупой волшебной пьесе. К счастью, роль была маленькая, вроде «кушать подано». Всего-то и дел — взять в руки маленькую коробочку и нажать на единственную кнопку. Зачем? А очень просто: нажмешь — и Экспериментатор тотчас умрет. Сдохнет. Прекратит существование. В общем, как там это у них называется...

...Он проснулся и жадно высосал еще полбутылки. А потом увидел на песке маленькую черную коробочку с одной кнопкой. Усмехаясь над самим собой — вот, блин, как, оказывается, все просто! — он потянулся к ней. Что может произойти, если нажать кнопку? Да ничего!

Но почему бы и не нажать?..

ГЛАВА 7

— Нет, так дела не делаются... Мы партнеры или где?.. Короче, решайте... Жду три дня. — Игорь Вадимович раздраженно бросил телефонную трубку и вперил взгляд в главбуха Сашу. — Ну?

Главбух был плотным мужиком лет сорока пяти. Массивные складки лица удивительно гармонировали

с потными залысинами и выпуклым животиком. Невероятно характерный типаж был Саша. Он опоздал родиться — четверть века назад Мосфильм оторвал бы его с руками на роль советского бюрократа, и не исключено, что знаменит бы стал Саша, снимаясь в производственных лентах и киножурнале «Фитиль».

Вместо этого ему пришлось играть ту же роль в ООО «Астропульс». И главбухом он был отменным.

— Ну что тут «ну»... — Наедине с гендиректором Саша мог немного пофамильярничать. — Ушли они.

Игорь Вадимович слегка приподнял левую бровь. Сказавши один раз «ну», он справедливо полагал, что этого довольно и что Саша сейчас доложит все подробности визита налоговиков.

Саша набурлил шипящего нарзана в тонкий стакан и выпил залпом. Бисерины пота на залысинах сразу стали крупнее.

— Девчонок прислали, — поделился он наконец. — Чудеса прямо. Девки молодые совсем, смешливые. Ничего, посидели, чайком побаловались. Потом к делу. У меня бумаги, вы сами знаете, всегда в ажуре. Они их полистали минуты полторы, а потом и говорят: «Ну, вы тут сами отметьте нарушения, чтобы штраф был, а мы послезавтра заглянем». Каково?

— Ну и отметить, — улыбнулся Игорь Вадимович.

— Малый штраф будет — они в следующий раз не девчонок пришлют, — сумрачно предрек Саша. В глубине души он считал шефа туповатым и имел склонность разжевывать элементарные истины. — Откровенно говоря, там у меня... Короче, если хорошо копнуть...

— Большой штраф в двух смыслах хуже, — парировал Игорь Вадимович. — Где кормушка, там и звери. Оно нам надо?

— Так-то оно так, — вздохнул Саша. — Так, значит, я...

— Так, значит, ты. Скомбинируй там как-нибудь. Мне тебя учить? Не разоришь ведь?

Саша ушел, утираясь платочком. Игорь Вадимович знал, что все будет в полном порядке. Можно считать, одна проблема отпала.

По звонку явилась секретарша, сухая и стройная, как балерина, но, увы, давно уже седенькая. После неудачного брака Игорь Вадимович не держал молоденьких секретарш.

— Чайку мне, пожалуйста. Посетителей нет?

— Нет, Игорь Вадимович.

В ожидании чая он потянулся, как сытый кот, и, отодвинув кресло, прошествовал к окну. Машин на автостоянке было немного, все дорогие иномарки. Два шофера курили, толкуя меж собой о чем-то. Ничего, к вечеру машин будет больше. Он стал смотреть на деревья.

Кое-где в лесу догнивал последний снег. Апрель покрыл акварельной зеленью березовый подрост на краю леса. Стволы сосен краснели в солнечных лучах.

Перестройка старого здания на краю Битцевского лесопарка окупилась в первый же год, но во что она стала, больно было вспоминать. К тому же место было выбрано, кажется, не вполне удачно. Донимали экологи, добровольные и на жалованье. Местное население, поначалу индифферентное, теперь бурно протестовало против автостоянки в лесопарковой зоне. Как будто солидная фирма может без нее обойтись! Предстояли расходы. Успокаивало то, что среди пациенток попадались жены крупных чиновников, но все равно предстояли расходы.

С другой стороны — какой чудесный вид на сосновый лес! Один этот пейзаж должен оказывать целебное воздействие, а уж вкупе с астротерапией — втройне.

И результаты были. Пока человек верит, он и

впрямь лечится, это доказанный факт. Открывать клинику в «спальных» московских районах — такая же глупость, как в промышленной зоне или деловом центре. Нужна лесистая окраина, но не пригород. Перенести клинику за МКАД — сознаться в недостаточной солидности.

Фирма существовала шестой год, и дела ее уверенно шли в гору. Особенно это стало заметно в последние два года, когда об астротерапии заговорили. Пришлось, конечно, потратиться на рекламу («Позвоните нам прямо сейчас!»), но результат того стоил. Новое знахарство изначально было дорогим, но теперь стало еще и модным. Потребитель повалил валом.

Тут же, конечно, последовали обвинения в сектантстве и знахарстве. Первые были смехотворны. Вторые имели под собой почву, но, в конце концов, «что вам надо — шашечки или ехать?». К тому же с лицензиями все было в полном порядке. А что клиника официально именуется оздоровительным центром, не так уж и важно.

После утреннего чая Игорь Вадимович обычно совершал обход владений. Как правило, особой необходимости в том не было, он просто разминал ноги.

В девичестве здание было двухэтажным. Третий этаж со стеклянной крышей приделала фирма «Астропульс», там теперь помещались зал астромедитации, солярий и процедурные кабинеты. Гостиная, столовая, тренажерный зал и сауна занимали первый этаж. Второй этаж был поделен пополам между спальными комнатами для пациентов, проходящих курс интенсивной астротерапии, и офисом фирмы.

Прежде всего Игорь Вадимович прошел наверх. В солярии кто-то был, там играла «астральная» музыка, зато зал астромедитации пустовал по дневному времени. В нем странно и волнующе пахло смазкой, применяющейся для шестерен и червячных пар полутора десятков расставленных здесь же небольших те-

лескопов. В маленькой служебной комнатухе трудился технический директор фирмы, тоже Саша. Он не чурался черной работы и даже любил мастерить. Вокруг него были навалены всевозможные причиндалы астрономического назначения.

— Чем занят? — спросил Игорь Вадимович.

Саша объяснил, что в данный момент он думает над тем, как приладить оптоволоконный кабель к окуляру. Другой конец кабеля оканчивался черной клистирной трубкой.

— Это зачем? — полюбопытствовал Игорь Сергеевич.

— Д-для интенсивной терапии по г-геморрою, — чуть заикаясь, объяснил Саша. — Визуал н-не всех устраивает, а п-прилаживать всякий раз пациента задницей к окуляру — это нам г-геморрой, а не им. Да и окуляр мыть потом.

Саша сморщился. Он не любил мыть окуляры, причем вовсе не из брезгливости. Крайне уважая астрономическую оптику, Саша постоянно верещал, что мытье-де портит какое-то там просветление. Теперь он, кажется, нашел выход.

— А красиво будет? — ревниво осведомился Игорь Вадимович.

— Не сомневайся, не на изоленге. П-переходники мне завтра выточат и проанодируют. Сойдут за циркониевые. П-публика будет довольна.

С шефом Саша держался на «ты». Он был не только техническим директором с правом голоса на совете и владельцем пяти процентов акций «Астропульса» — он был автором самой идеи астролечения. Почему бы, в самом деле, спектру звезды Бетельгейзе не оказывать целебное влияние на какую-нибудь человеческую хворобу, скажем, на тот же геморрой? А спектру Сириуса — на печень? Поставил несколько дешевых любительских телескопов с плохоньким часовым приво-

дом — и врачей. В Москве сколько угодно богатых дураков, а в особенности дур. («Они и в гороскопы верят! Но мы такой фигней заниматься не будем...») Если язвенник в течение четверти часа помедитирует у окуляра, любясь мягким светом оранжевого Арктика под спокойную музыку, вреда его язве, во всяком случае, не будет никакого.

Наоборот, бывали случаи полного исцеления. Медицина в лице доктора Кости, наблюдающего за процедурами, втихомолку удивлялась. Когда доктор Костя уходил в отпуск или был занят обслуживанием VIP-персон, его подменял технический директор Саша. На всякий случай ему был куплен диплом фельдшера.

И технический директор справлялся с сеансами астролечения ничуть не хуже эскулапа Кости. Будучи тощим и сутулым, Саша носил специальный белый халат с ватной подбивкой на груди и выглядел очень внушительно. Борода с ранней сединой и внимательные глаза внушали доверие. Саша командовал ассистентами, расставлявшими ширмы. Саша в два счета наводил оптику на искомое светило, если только оно маячило над горизонтом, а если нет, моментально изыскивал полноценную замену. Саша важно отвечал на технические вопросы, если какой-нибудь умник ими интересовался. Саша знал магические слова «эклиптика», «летне-осенний треугольник», «красное смещение» и «пояс Гудда». Пациентов он презирал и во время сеансов никогда не заикался.

Если клиент попадался шибко грамотный и склонный к сарказму, угрожающему скандалом, в бой вступала Аллочка, обладающая не только женской привлекательностью и дипломом психолога, но и умением заговорить любого, включая Цицерона, Черчилля и Фиделя Кастро. Как правило, в результате беседы вольтерьянец радикально пересматривал свои убогие взгляды и соглашался пройти полный курс лечения.

Болезни глаз врачевал Альтаир из созвездия Ор-

ла — птицы с непревзойденным зрением. Страдающим водянкой и затрудненным мочеиспусканием удивительно подходила желтая звезда Садаьсууд из созвездия Водолея. Для лечения хронической диареи (медвежья болезнь) годилась любая из семи звезд ковша Большой Медведицы, видимой круглый год. Доходяг потчевали созвездием Геркулеса. За щитовидную железу отвечало роскошное звездное скопление M11 в созвездии, разумеется, Щита. У каждой человеческой хворобы имелся свой главный небесный патрон и несколько резервных.

Каждую небесную кандидатуру тщательно подбирал Саша. Боже упаси было предложить больному с подозрением на онкологию полюбоваться двойной звездой Дзета Рака или Крабовидной туманностью, поскольку краб — тот же рак, только без хвоста. Зато тусклые звезды созвездия Лисички в данном случае подходили вполне. Ведь лисичка отчасти похожа на енота, а еноты, как всем известно, ловят раков и с увлечением едят.

Сердечники жадно всматривались в бело-голубую Альфу Гончих Псов, иначе известную под кличкой Сердце Карла. Наконец, в качестве общеукрепляющего средства Саша прописывал пациентам умеренные дозы Льва, Малого Льва и Рыси, памятуя о том, что у кошки девять жизней.

Беда Саши заключалась в том, что он с детства был влюблен в астрономию. И вот теперь лучшие, прозрачайшие звездные ночи наполняли лишь его карман, но никак не душу. А много ли ясных ночей в Москве? Не более семидесяти в году. Клиника «Астропульса» использовала их на всю катушку, прихватывая к тому же ночи с переменной облачностью, когда на небе с грехом пополам все-таки можно разглядеть кое-что. На собственную Сашину долю оставался голый шиш. Наблюдать небо сквозь стекло купола (якобы кварцевое, а на деле простое витринное) он спра-

ведливо считал извращением и то и дело грозился, что уйдет из фирмы куда глаза глядят. Игорь Вадимович знал, что никуда Саша не уйдет.

— В-вон туда в-взгляни, — указал технический директор.

— Куда?

— В-вон в тот окуляр.

Игорь Вадимович взглянул и залюбовался. Сатурн висел как живой. Широкие коричневые полосы лежали на диске гиганта. Тень планеты утопила в черноте часть широко развернутого кольца. Вокруг окольцованного чуда сияло несколько звездочек.

— Здорово, а? — спросил Саша.

— Угу, — согласился Игорь Вадимович. — Впечатляет. А что это за щель в кольце?

— Д-деление Кассини. Только т-ты не то спрашиваешь. Т-ты лучше спроси, на к-каком основании ты его вообще видишь. Сейчас день, и т-телескоп в стену смотрит.

— Тьфу на тебя, — рассмеялся гендиректор. — А я и не подумал... Опять твои фокусы? Слайд, да?

— Из Интернета в-вытащил и на п-плёнке напечатал, — похвастался Саша. — Сзади лампочка. Я к ч-чему г-говорю: не нужны нам ник-какие ночные б-бдения. М-можно днем. И н-ночью в люб-бую облачность.

— Сразу догадаются.

— Т-ты же не д-догадался...

— Я же не лечусь.

— А они д-дураки все. Лохи.

— А дамы? Лох — мужского рода.

— Т-тогда лохудры, — изобрел слово Саша. — Или л-лоханки. Сп-порю, ни за что не п-поймут.

— Не уверен, — ответил Игорь Вадимович. — Ладно, я подумаю.

Он хотел было идти дальше, но вспомнил и притормозил:

— Вчера меня в одном месте спросили, нельзя ли с помощью астротерапии развивать творческие способности. Я сказал, что такая экспериментальная методика существует и проходит у нас апробацию. Что можешь предложить?

Саша глубоко задумался. Двигал ушами, жевал палец.

— Н-ну, созвездие Живописца м-можно бы взять, — неуверенно предположил он. — Или Скульптора. Т-так они же на юге! Не то п-полушарие. У нас их и не в-видно совсем!

— А ты найди то, что видно. Задача ясна? Не я прошу, клиентура просит. А нам — расширение профиля услуг. Плохо?

Нет, Саша не утверждал, что плохо. Саша, конечно, смекнул, что просит такая клиентура, отказать которой трудно. Но он все же проворчал:

— Найди... Легко ск-казать. Лиру разве? Орфея инструмент. Орфей м-музыкантом был.

— Так в чем проблема?

— В-вега у нас уже занята, нарушения с-слуха ею лечим. Д-другую звезду надо... Или, может, не звезду? П-планетарка в Лире знаменитая, ш-шаровичок есть неп-плохой...

— Вот и выбери что посимпатичнее.

Довольный быстрым разрешением затруднения, Игорь Вадимович спустился на первый этаж.

В гостиной он сердечно приветствовал нескольких дам, проходящих стационарный курс лечения, а одной из них, супруге префекта, поцеловал ручку. Приветливо раскланялся с голенастой фотомodelью, расположившейся в кресле у камина. Ее супруг крышевал фирму. Красавица-модель была глупа как пробка и до вчерашнего дня понимала под звездами успешных деятелей шоу-бизнеса. Если техдиректор Саша со своими странными увлечениями был в прошлой жиз-

ни, видимо, инопланетянином, то эта модель — самой красивой из инфузорий, суесящихся в капле воды.

Получив минувшей ночью свою дозу звездных спектров, дамы только что встали и в ожидании позднего завтрака судачили о своем. На журнальном столике лежали красочные буклеты «Астропульса» и популярная брошюра доктора Кости «Астротерапия — не миф, а реальность». Громадный телевизор показывал снятый по заказу фирмы научно-популярный фильм, развенчивающий астрологию и превозносящий астротерапию как источник здоровья и открытий чудных. Было много фотографий комет и туманностей.

За этим фильмом должен был пойти другой — о тибетской, китайской и индусской эзотерике, связанной, естественно, с астроврачеванием. Богато иллюстрированные брошюры того же рода со дня на день ожидалась из типографии. Постепенно на базе астротерапии возникало целое мировоззрение, обещавшее в перспективе заткнуть за пояс сайентологию, рейки и прочие ереси.

В столовой готовили шведский стол. Видом и запахом снеди, доставленной из близлежащего ресторана, Игорь Вадимович остался удовлетворен.

Радовало и весеннее солнышко, свободно льющееся в окна, и благоприятный метеопрогноз на ближайшие дни. Над Москвой застрял антициклон. В пасмурную погоду приходилось облучать пациентов кварцевыми лампами через светофильтры, имитируя спектры соответствующих звезд, но это было, конечно, не то — низкопробный эрзац. К сожалению, бюджет фирмы еще не позволял нанимать авиацию для бомбежки облаков.

Зато готовилась к открытию вторая клиника — в Пятигорске. По словам Саши, астроклимат там был намного лучше. Достраиваемое здание с умыслом походило на Стоунхендж. В случае финансового успеха

планировалось строительство третьей клиники — в Сочи. Клиентура там, во всяком случае, имелась, хотя и по сезону. Заодно у руководства фирмы появлялась возможность нормально отдохнуть — все ж не по отелям, пусть и лучшим, все ж, считай, дома...

Если дело пойдет — тогда Канары. Остров Тенерифе. Уж там-то созвездие Живописца небось видно. И клиенты круглый год. Поскольку климат. Черный песок пляжей, черное тропическое небо и пугающе громадные звезды. Красота!

Настроение гендиректора постепенно улучшалось.

Возвращаясь в офис по служебной лестнице, он миновал вычеканенный на металле девиз фирмы: «Если звезды зажигают, значит, это кому-нибудь нужно». Из-за некоторой двусмысленности лозунг висел не над парадной дверью и не в гостиной, а подальше от глаз пациентов. Техдиректор Саша, правда, уверял, что все они тупари и ехидства не просекут, но Саша был экстремист и вдобавок ничего не понимал в коммерции. Иначе владел бы двадцатью процентами акций как минимум.

В приемной сидел третий Саша — Александр Леонардович, главный менеджер. Вид он имел насупленный и, стало быть, опять собирался делиться неприятностями. В последнее время он взял моду жаловаться на протекже начальства, навязанных ему в подчиненные, причем на всех сразу.

Осведомившись у секретарши, не было ли в его отсутствие важных звонков, Игорь Вадимович направил было стопы в кабинет, одновременно изобразив в сторону Саши приглашающий жест (Саша вскочил), как вдруг мир потемнел. Внезапно. Без предупреждения.

Потемнел — и начал крениться набок.

«Затмение?» — возникла глупая, зато астрономическая, по профилю, мысль. Одна-единственная.

Больше мыслей не было. Было лишь громадное удивление. Перестав чувствовать свое тело, Игорь Ва-

димович не знал, что продолжает идти, уже падая. Черное злое солнце изливало черные лучи, и за кренящейся приемной, как на дважды экспонированной фотографии, чудилась почему-то мертвая раскаленная пустыня.

Странно: она нисколько не пугала. Скорее успела надоесть.

Падая, он сделал один шаг, но не успел завершить второй. Медленно вскакивающая со стула секретарша вытягивалась не вверх, а куда-то вбок. Кажется, был еще чей-то вскрик, прозвучавший как сквозь вату, вслед за чем Игорь Вадимович рухнул, невольно ударившись головой о ковровую дорожку.

Все равно сразу наступила тьма.

Очнулся он от осязательных ощущений и, открыв глаза, обнаружил себя лежащим уже не на полу, а на кожаном диване. Над ним склонились трое: главный менеджер, секретарша и охранник. Лица у всех были тревожные.

— Тихо, тихо, — бормотал Александр Леонардович, дуя шефу в лицо и осторожно хлопая его по щекам. — Все будет хорошо, Игорь Вадимович, все будет в наилучшем виде... «Скорую» уже вызвали, а шума поднимать не надо. Клиентов пугать. Сделаем аккуратно. Вынесем вас с заднего крыльца, никто и не заметит... А может, сами идти сможете, а?..

— Смогу, — еле слышно проговорил гендиректор чужим хриплым голосом. — Надо идти... Оазис искать... Воды взять... Ловушки... Оксана где?..

Потом он замолчал и уронил челюсть, обводя встревоженных сотрудников безумным взглядом.

Больничная палата оказалась что надо — одиночная, просторная, с недурным санузлом и телевизором. Лечение ничего не стоило — за гендиректора платила фирма.

Весь первый день он молчал, в лучшем случае вы-

давая односложные «да» или «нет». Так было надо. Сперва разобраться в себе — и уже потом, возможно, поделиться с внешним миром результатами.

Внешний же мир пытался донять его белыми хала-тами, ненужной болтовней и процедурами. В сгиб локтя с хрустом вползала игла, и понижался уровень жидкости в прозрачном пакете, подвешенном на железной треноге. Помимо капельницы медицина прописала Игорю Вадимовичу покой и сон. Покой был нужен.

Всякий покой, однако, покидал Игоря Вадимовича минимум три раза на дню — во время завтраков, обедов и ужинов. Да еще сослуживцы, навещая гендиректора, поддивали масла в огонь деликатесами. Приходилось стискивать зубы и глотать слюну, стараясь не слишком по-волчьи смотреть на яства. Игорь Вадимович положил себе за правило не насыщаться в присутствии посторонних. Зато в одиночестве никто не мог ему помешать вести себя естественно.

Он набрасывался на еду зверем. За фрикаделькой в супе гонялся, как аквариумист за норовящей улизнуть шустрой рыбкой, стервенея и испытывая почти непреодолимое искушение схватить мясной шарик прямо руками. Котлету — хватал. Манная каша имела меньший успех, но и ее «больной» съедал всю, до последней ложки. Нянечки удивлялись. Больших усилий стоило заставить себя отказаться от вылизывания тарелок — Игорь Вадимович не желал давать лишний повод к подозрениям в умственном расстройстве. Объективно еда была хоть и ничего, но все-таки больничная.

Он не смотрел телевизор. То, что происходило в сознании, захватывало гораздо сильнее, чем самый крутой блокбастер.

Земля боролась с Плоскостью и вытесняла ее. Зато Фома вытеснял Игоря Вадимовича. Тот пытался сопротивляться, но пугающе быстро сдавал позиции. Да и что московский бизнесмен мог противопоставить фео-

далу, доставшему бога? Хватку? Связи? Воспоминания о трудном пути к успеху? О неудачном браке с сексапильной стервой с разводом и дележом имущества? Показное православие? Респектабельность?

Все это осталось, но владел этим уже не Игорь Вадимович. Правда, феодала на самом деле звали точно так же...

С ума можно было сойти.

Игорь Вадимович не сошел с ума. Он даже выдержал навязанную ему беседу с психотерапевтом и не был уличен в раздвоении личности. Правда, у него осталось ощущение, будто вместо него разговор ведет феодал, беззастенчиво пользуясь его памятью, но он понимал, что так и надо. Кому охота в психушку? Да и воля человеку с клеймом тихого душевнобольного сулит не так уж много приятного.

Протест возник потом, наедине с собой, и как-то удивительно быстро сошел на нет. Игорь Вадимович грустно думал о том, что везде и всюду победу одерживает сильнейший. Фома одолевал. Что-то в нем было, какое-то изначальное преимущество... Быть может, умение переть напролом, до конца, без дрожи в коленях ставя на карту последний медяк и себя самого с потрохами?

А если так, то не лучше ли уступить? Ведь уступив, можно приобрести новое ценное качество. И, кстати, свое, личное никто не отнимет. Память — не отнимет точно. И уступка того и гляди обернется крупной выгодой...

На шестой день он считал себя уже Фомой, держа в памяти все, что было связано с его московским двойником, лишь постольку, поскольку не мог без этого обойтись. Про себя он называл свое состояние кессонной болезнью, последствием декомпрессии. Он слишком быстро всплыл из глубины. Но он все-таки всплыл.

Смутно вспоминалось: что-то происходило с ним. Что-то такое, чего нельзя было вынести, нечто выше сил и выше понимания. Он не успел дотянуться до черной коробочки. Навалилось нечто. Кричащая чернота. Мертвенно-белый вещественный ужас в центре чудовищной воронки, куда рушилось все и куда падал он сам. Целые миры рождались из ничего и, лопаясь, как мыльные пузыри, становились ничем. Визжало сминаемое пространство, и визг застыл, кристаллизуясь в уродливые сосульки.

А потом все кончилось, и он увидел над собой встревоженные незнакомые лица.

Неужели так просто?.. Стоило тащиться по мертвым пескам за тридевять земель! Выспать оружие для убийства Экспериментатора можно было и в родимом феоде. Почему это не пришло в голову? Обязательно надо было дойти до состояния, смахивающего на предсмертный бред?

Да, наверное.

Экспериментатор принял меры против разрушения Плоскости. Второй раз ядерную бомбу, пожалуй, не удалось бы и выпать. Почему он не принял мер, запрещающих создание оружия против себя самого? Вообразил, что подопытные крысы на это не способны, потому что не в силах персонифицировать своего мучителя?

Теперь-то, надо думать, принял меры...

Плоскость осталась лишь в снах. С печальным шелестом сыпался с дюн песок, барханы изгибались мусульманскими полумесяцами. Зыбучие пески ждали добычи. Шевелились клочья белого тумана, бежала рябь по жидкой земле. Черные провалы разевали пасти. Корявые кусты без листьев росли, казалось, только для того, чтобы усугубить безобразие ландшафтов. Не было ни солнца, ни облаков. Горизонта тоже не было. Кто-то упрямо, как мул, шагал по пескам, кто-то прозябал в оазисе. Трудились хуторяне, бродили феодалы

по крохотным своим владениям, правил король, гибли неудачники. Все было как обычно.

И так правдоподобно, что три ночи подряд Фома просыпался с криком, пугая дежурную медсестру. Очень выручало обоняние. Учувя больничные запахи, бывший феодал мгновенно вспоминал, где находится, и, успокоив медичку, засыпал вновь. Ему больше не снились ни клейкая глубина, ни губошлепые рыбы.

Часто снилась пища, главным образом мясная. Реже — птица или дары моря. Снились блюда кавказской, китайской, индийской и мексиканской кухонь. Снились лангусты, марширующие цепочкой в узком дефиле меж горных хребтов шпигованного мяса. Снились запомнившиеся с детства схемы разделки разных скотских туш.

К счастью, этот мир был не таков, чтобы материализовывались видения.

На восьмой день его выписали из успевшей надоесть больницы. Еще до того он узнал, что находился, оказывается, в предынсультном состоянии — таков был диагноз. Фома не спорил. Он покидал больницу с «промытыми мозгами» и ничего не имел против такой промывки. Расширили сосуды — раз. Тромбов не будет. Подкормили извилины чем-то питательным — два. Им полезно. Кто ж станет возражать?

А от томографии вреда, наверное, нет никакого.

Он взял частника и поехал домой. В фирму отчего-то не хотелось.

Из дома он позвонил секретарше и объявил, что берет двухнедельный отпуск. Дал отбой и подумал: мало. Ну, там видно будет... Пусть три Саши поднапрягутся, авось не завалят дело...

Вспомнив о деле, он засмеялся, и в смехе его хорошо различались глумливые нотки. «Дело»! Интересное занятие нашел себе земной оригинал — дурить состоятельных лохов! Интересную цель преследовал в

жизни! Стать еще богаче, еще влиятельнее, еще круче, прибрать к рукам то и это, а преуспев в бизнесе, преуспеть и в политике — ну и зачем, любопытно знать? Чтобы и дальше дурить лохов? На любом уровне, куда бы ни вскарабкался? В идеале — на государственном?

Никогда прежде гендиректор «Астропульса» не задавался этим простым — убийственно простым! — вопросом: зачем? Камо грядеши? Подразумевалось, что ответ ясен.

Ни хрена он не был ясен, откровенно говоря.

Зато в отношении Экспериментатора Фома научился чувствовать нечто вроде признательности. Не убил ведь. Не задавил каблуком лабораторную крысу, покусившуюся на исследователя. А мог бы.

Нет, взял за шкурку и выбросил вон. Строго говоря, не выбросил даже, а вернул в клетку, в контрольную группу. Гран мерси. Кто мешал Экспериментатору в сердцах зашвырнуть подопытного человечка в любую часть любой известной ему вселенной? Решительно никто.

Не зашвырнул ведь. Аккуратный...

Чего уж совсем трудно было ожидать — слил копию с оригиналом. Дважды гран мерси. Хотя, может, так ему было проще?

Фома не знал ответа и не надеялся его получить. Экспериментатор не станет разговаривать с крысой, а если и вздумает вдруг, то что крыса поймет? Но результат более чем устраивал.

Мечталось о меньшем: просто вырваться, увидеть вновь Землю. Хоть Сахару, хоть Антарктиду, хоть джунгли острова Борнео. Лучше, конечно, какую-нибудь населенную местность. Пусть даже не Россию, а Кот д'Ивуар или Каймановы острова. Быть выброшенным там без денег и документов. Язык (пиджин-инглиш) куда-нибудь довел бы. В России, конечно, при-

шлось бы бомжевать на первых порах... А, чепуха! По сравнению с Плоскостью — ерунда полная. Мелкая, решаемая проблема. Подобные проблемы кажутся серьезными лишь для тех, кто никогда не покидал Земли...

Расслабляться, конечно, не стоило. Спустившийся с Гималаев альпинист ломает ногу, споткнувшись на ровном месте. Рекордсмен в давно запрещенных трюках над Ниагарским водопадом, плясавший на ходулях на тросе, протянутом над ревущей бездной, разбогатеv на своем шоу, начинает вести спокойную жизнь обывателя — и насмерть разбивает голову о тротуар, поскользнувшись на банановой кожуре. А финал хорошо запомнившегося фильма «Плата за страх»?

Нет уж.

Там, на Плоскости, Фома не был уверен, что, оказавшись на Земле, захочет встретиться со своим земным двойником. К чему? Плюнуть ему в лицо? Морду набить? А смысл?

Теперь мысль набить морду совсем потеряла актуальность. Морда-то — своя.

Стала своей. А ее бывший хозяин уже не высывался, безропотно позволяя Фоме пользоваться своей памятью: где в квартире что лежит, кто звонит по мобильнику и что надо ему ответить, как расплачиваться кредитной карточкой в супермаркете.

Исчезли оставленные Плоскостью шрамы от ран и ожогов. На второй день после выписки из больницы они начали было проявляться наподобие стигматов, но потом рассосались и сгинули окончательно. Остался лишь шрам на колене, полученный в детстве при падении с велосипеда.

Фома был дома.

Квартира показалась ему роскошным дворцом, хотя, разумеется, таковым не была. Обычная трехкомнатная квартира в хорошем доме, выстроенном в пре-

стижном московском районе. Фома дивился санузлу. Биде, джакузи, полы с подогревом — зачем все это? Кого тестить?

Звонили из фирмы. Он рычал в трубку, чтобы вы-руливали сами, не мешая больному выздоравливать. А про себя уже решил: хватит. Выйти из этого бизне-са. Акции — продать. Всю жизнь, что ли, заниматься смешным и недостойным делом? Кто сказал «всю»? А вот выкуси!

Не может быть, чтобы мир за эти годы изменился настолько, чтобы нельзя было найти себе в нем дос-тойное занятие. А если нет — тогда уж лучше назад, на Плоскость! Но нет, занятие, конечно, найдется...

Он вписывался в новую жизнь с большой осто-рожностью. Лишь на третий день позволил себе дол-гую прогулку, да и то не по улицам, а в лесопарке. Ло-вил весенние запахи, слушал воробьиный гвалт, видел наполовину перелинявшую тощую белку — и улыбал-ся, улыбался... При виде посторонних он прятал улыб-ку, что давалось непросто. А еще сложнее было нау-читься относиться к людям, не ведающим о Плоскости, без тени отеческой снисходительности к несмышле-нышам.

На кривой окольной аллее его догнали трое, пока-зали нож, потребовали денег и мобильник. Фома ши-роко улыбнулся в ответ и раскидал их с той же легко-стью, с какой, бывало, учил уму-разуму строптивых новичков. Двое смылись, а третьего, самого мясистого и тяжелого, в беге по пересеченной местности Фома загнал в лес, где, посоветовав не дергаться и не во-пить, перекинул через ствол упавшего дерева и отече-ски высек ремнем.

Прежний Игорь Вадимович не вмешивался — так, пискнул испуганно из глубин сознания и закрылся, правильно понимая, что в иных ситуациях феодалу виднее, как поступать. Стало быть, адаптация прохо-дила нормально.

Почти весь следующий день Фома гулял по городу. Впитывал прелесть тихих переулков, радовался уцелевшим скверикам и бежал с Арбата, отвратительнейшей из московских улиц, продающей всё всем и давно продавшей саму себя. Заходил в магазины, в кафе. В зоопарке скормил уткам сдобу с маком и подразнил гиббона. В китайском ресторанчике неподалеку пытался освоиться с палочками и подозрительно глядел на снесь, вспоминая Бао Шэнжуя и Автандила с его вороной. Как-то там они? Живы ли? Ворона — вряд ли...

А люди... пусть им кто-нибудь поможет, если они не могут помочь себе сами. Уж простите, ребята, феодал Фома сумел помочь только себе.

Или все же не только?..

На пятый день он вывел из гаража «мерс» и полдня колесил по Москве. Хотелось удостовериться, что новому хозяину досталась не только память старого, но и рефлексы вождения.

На шестой день он выехал рано утром. С Садового кольца свернул на проспект Мира и Ярославское шоссе. По раннему времени выезд из столицы не изобилдовал пробками, но Москва все равно оставалась Москвой. Лишь за поселком Клязьма удалось нормально разогнаться.

А от Клязьмы до Ростова Великого рукой подать — каких-нибудь два часа.

ЭПИЛОГ

Где искать — вот вопрос. Ростов Великий хоть и невелик размерами, а все-таки город.

Не было в словаре ненормативной лексики такого слова, каким Фома еще не успел себя обругать, — не удосужился поинтересоваться фамилией Оксаны! Не говоря уже об адресе.

Ну ладно, земной адрес на Плоскости никому не

нужен, вопросы о нем странны, но фамилию-то мог бы спросить! Просто из любопытства.

Уже на въезде в город Фома понял, почему так и не спросил. Не потому, что на Плоскости не нужна фамилия, а потому, что вместо Ивановой или Сидоровой подсознательно не желал услышать какой-нибудь ужас вроде Оксаны Тупоумовой или Оксаны Гнилокормовой. Еще откуда родом ее предки? Если с Украины, то вполне возможна Оксана Пробейголова, а если, допустим, из Сибири, то запросто жди Оксану Отможенных или Оксану Горячительных.

Господи, да какая разница?!

Впрочем, если бы даже была известна фамилия, чем бы она помогла? Адресной службы здесь, наверное, отродясь не водилось. Ходить по ДЭЗам?

Школа — не вариант. Оксана, конечно, уже окончила ее. Как-никак прошел без малого год. Еще не факт, что девчонка осталась в Ростове. Разве не могла она махнуть в Москву? Учиться или...

Об «или» думать не хотелось.

В активе было не густо: дискотека и квасной заводшко. Первую посещала Оксана, на втором работали ее родители. Как ни крути, все же две зацепки.

Через десять минут Фома не только вызнал место проведения городской дискотеки, но и стоял перед ним, читая афиши и объявления. Сегодня вечером никакой дискотеки не было.

Та-ак.

В уютном подвальчике при монастыре он выпил медового квасу — действительно очень вкусного, — купил банку густой темной субстанции по кличке «Квасное сусло» и узнал адрес заводика. Что делать дальше, он еще не решил.

Обратиться в отдел кадров?

Оч-чень остроумно. «У кого из ваших сотрудников есть дочь по имени Оксана?» А у кого из них есть хо-

★ мячок по кличке Хомка? Или антикварный комод? Или клопы в диване?

Предприятие явно небольшое, но не ответят, особенно постороннему человеку. Еще проследят и сообщат куда следует: приехал-де подозрительный хлыщ на пальчатой иномарке, вынюхивает тут... Сто пудов — шпион или террорист! В лучшем случае криминальный авторитет.

С местных кадровиков станется.

Дождаться конца смены и приставать к людям с вопросами у проходной? Тоже не выход. Хотя можно сочинить убедительную легенду, времени еще предостаточно.

Дать объявление в газету?

Вернуться в Москву и нанять частного детектива из агентства?

Последний вариант казался самым надежным — и одновременно постыдным. Поручить кому-то постороннему разыскать Оксану... Спыхватился. Две недели прошло. А еще попозже не мог? Через полгодика? Куда спешить?

Еще можно было просто поболтаться по городу в надежде на случайную удачу.

Монастырь и музей финифти Фома проигнорировал — такие объекты посещают только туристы. И час, и два он бродил по улицам, заходя во все магазины, выбирая самые людные места, потом вернулся к машине и еще не меньше часа колесил на малой скорости, вглядываясь в лица девушек, пока перед глазами не замельтешило.

Съехав мимо облупленной монастырской стены к озеру, он вышел из машины и стал глядеть на воду. Мелкая рябь шуршала у берега последними ледышками, источенными и ноздреватыми, как... как... Фома подумал и не нашел сравнения. Как последние весен-

ние ледышки — и достаточно. В холодной чистой воде. В городе у озера Неро.

Он решил, что не уедет отсюда ни за что, пока не узнает, где Оксана. Надо полагать, в гостинице найдется свободный номер.

А ведь городок-то небольшой! Здесь все знают друг друга — если не непосредственно, то через своих знакомых. Так в чем же проблема? Не нужен профессиональный частный сыскарь. Всего-то и дел: найти молодого бездельника, желающего заработать сотню баксов, дать ему зацепки и приметы, пусть побегаёт. И если он не выйдет на Оксану в течение суток, значит, попался редкостный тупица.

Проблема решилась просто, Фома даже рассмеялся. Это ж надо быть таким дебилом — не сообразил сразу! Зря утруждал ноги, слоняясь по городу. Хотя это еще как посмотреть... Он ощупал талию, вздохнул и решил, что в последние дни лопал уж очень много мясного. Моцион полезен. А еще лучше бег трусцой...

Кто-то как раз бежал по берегу озера, то ли от инфаркта, то ли сберегая талию. Сначала Фома видел только зеленый спортивный костюм, потом разглядел: женщина. Через минуту уточнил про себя: молодая женщина. Совсем молодая. А еще полминуты спустя увидел короткие рыжие волосы.

Сердце екнуло.

Она?

Она!

Бегущая перешла на шаг. Да, это была Оксана, раскрасневшаяся и глубоко дышащая после бега. Не веря удаче, Фома шагнул навстречу.

— Здравствуй, — сказал он.

В последний раз и всего на один миг его взглядом завладел Игорь Вадимович, успев шепнуть: «Ничего, но бывают девочки и пофигуристее. Ты уверен?..» Фо-

ма мысленно отвесил ему здоровенного пинка, и alter его больше не появлялся.

— Простите, вы мне?

Он помедлил секунду. Улыбка сползла с лица.

— Извините, обознался...

Зачем-то кивнув, он побрел к машине. «Напьюсь, — мелькнула мысль. — Вот вернусь домой, и напьюсь обязательно. В хлам, в зюзю! Буду пить и выть...»

Снова, как на Плоскости, в груди заворочалась длинная игла. От горечи свело скулы. Оксана была рядом, но не та Оксана. Плоскость не отпустила ее. Ему нужна была копия, он искал ее, а нашел оригинал, заведомо во сто крат хуже. Не стоило и проверять.

Копия? Идиотское слово. Настоящая, единственная Оксана осталась там, осталась умирать в одиночестве от голода и жажды. Почти наверняка она уже мертва. Шансов у нее не было. Экспериментатор выбросил из лабиринта всего один биологический объект.

Не два...

— Я ему, значит, про Фому, а он мне про Ерему — и адью, — донесся сзади веселый голосок. — И вообще, заставляешь себя ждать. Феодалы всегда так поступают?

Когда он обернулся, веря и не веря, она уже бежала к нему, счастливая, с сияющими глазами. Фома шагнул навстречу, успев вздрогнуть от дрянной мыслишки: «Берегись! Все это слишком замечательно, чтобы оказаться правдой! Таких однозначно удачных концовок не бывает, не роман ведь...»

Частично он был прав: для бывшего феодала и его подруги все еще только начиналось, впереди была целая жизнь, и ни о какой концовке пока не могло идти и речи.

От автора:

Название фирмы ООО «Астропульс» и род ее деятельности являются авторским вымыслом. Все совпадения случайны. Идея астротерапии автором не запатентована и может быть использована кем угодно.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Пролог	5
ЧАСТЬ ПЕРВАЯ	
ЗАЩИТА И ОПОРА	
Глава 1	10
Глава 2	27
Глава 3	46
Глава 4	62
Глава 5	80
Глава 6	98
Глава 7	118
ЧАСТЬ ВТОРАЯ	
ЗА ВСЁ ХОРОШЕЕ	
Глава 1	136
Глава 2	155
Глава 3	173
Глава 4	187
Глава 5	207
Глава 6	228
Глава 7	248
ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ	
БОГОВОРЕЦ	
Глава 1	270
Глава 2	291
Глава 3	308
Глава 4	327
Глава 5	346
Глава 6	365
Глава 7	387
ЭПИЛОГ	406

Литературно-художественное издание

Александр Громов

ФЕОДАЛ

Издано в авторской редакции
Ответственный редактор *В. Мельник*
Художественный редактор *Е. Савченко*
Художник *С. Атрошенко*
Технический редактор *О. Куликова*
Компьютерная верстка *Е. Попова*
Корректор *Н. Сгибнева*

ООО «Издательство «Эксмо»
127299, Москва, ул. Клары Цеткин, д. 18/5. Тел.: 411-68-86, 956-39-21.
Home page: www.eksmo.ru E-mail: info@eksmo.ru

**По вопросам размещения рекламы в книгах издательства «Эксмо»
обращаться в рекламный отдел. Тел. 411-68-74.**

Оптовая торговля книгами «Эксмо» и товарами «Эксмо-канц»:
ООО «ТД «Эксмо». 142700, Московская обл., Ленинский р-н, г. Видное,
Белокаменное ш., д. 1. Тел./факс: (095) 378-84-74, 378-82-61, 745-89-16,
многоканальный тел. 411-50-74.
E-mail: reception@eksmo-sale.ru

Мелкооптовая торговля книгами «Эксмо» и товарами «Эксмо-канц»:
117192, Москва, Мичуринский пр-т, д. 12/1. Тел./факс: (095) 411-50-76.
127254, Москва, ул. Добролюбова, д. 2. Тел.: (095) 745-89-15, 780-58-34.
www.eksmo-kanc.ru e-mail: kanc@eksmo-sale.ru

**Полный ассортимент продукции издательства «Эксмо» в Москве
в сети магазинов «Новый книжный»:**

Центральный магазин — Москва, Сухаревская пл., 12
(м. «Сухаревская», ТЦ «Садовая галерея»). Тел. 937-85-81.
Москва, ул. Ярцевская, 25 (м. «Молодежная», ТЦ «Трамплин»). Тел. 710-72-32.
Москва, ул. Декабристов, 12 (м. «Отрадное», ТЦ «Золотой Вавилон»). Тел. 745-85-94.
Москва, ул. Профсоюзная, 61 (м. «Калужская», ТЦ «Калужский»). Тел. 727-43-16.
Информация о других магазинах «Новый книжный» по тел. 780-58-81.

В Санкт-Петербурге в сети магазинов «Буквоед»:
«Книжный супермаркет» на Загородном, д. 35. Тел. (812) 312-67-34
и «Магазин на Невском», д. 13. Тел. (812) 310-22-44.

Полный ассортимент книг издательства «Эксмо»:

В Санкт-Петербурге: ООО СЗКО, пр-т Обуховской Обороны, д. 84Е.
Тел. отдела реализации (812) 265-44-80/81/82/83.
В Нижнем Новгороде: ООО ТД «Эксмо НН», ул. Маршала Воронова, д. 3.
Тел. (8312) 72-36-70.
В Казани: ООО «Н КП Казань», ул. Фрезерная, д. 5. Тел. (8432) 70-40-45/46.
В Киеве: ООО ДЦ «Эксмо-Украина», ул. Луговая, д. 9.
Тел. (044) 531-42-54, факс 419-97-49; e-mail: sale@eksmo.com.ua

Подписано в печать 17.05.2005.
Формат 84×108¹/₃₂. Гарнитура «Балтика».
Печать офсетная. Бумага тип. Усл. печ. л. 21,84. Уч.-изд. л. 18,2.
Тираж 10 100 экз. Заказ № 7335.

Отпечатано в полном соответствии
с качеством предоставленных диапозитивов
в ОАО «Можайский полиграфический комбинат».
143200, г. Можайск, ул. Мира, 93.

**Вы первыми узнаете,
во что все будут играть завтра**

Журнал «Страна Игр»

Лучшие игры на самых разнообразных платформах:
PC, PlayStation 2, Xbox, GameCube.
Мы поможем вам разобраться в этом
круговороте и сделать правильный выбор

См

Издательство «Эксмо» представляет

АЛЕКС ОРЛОВ

В СЕРИИ

РУССКАЯ
ФАНТАСТИКА

Алекс Орлов —
знаменитый писатель-фантаст!

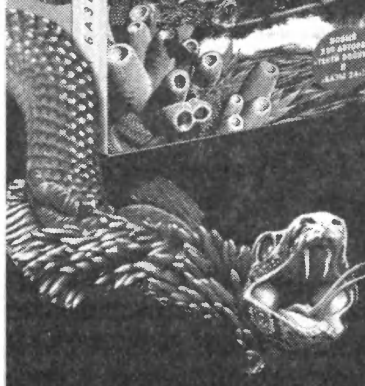

Книги Орлова мгновенно
становятся бестселлерами!

Многочисленные фэны
называют Орлова «русским
Эдмондом Гамильтоном»!

Роман «База 24»
и его продолжение
«Штурм базы» написаны
в традиционном
для автора жанре —
«фантастический боевик»!

Также в серии:
«Атака теней»,
«Тени войны»,
«Двойник императора»,
«Особый курьер»

ВНИМАНИЕ! ВАДИМ ПАНОВ В СЕТИ!

www.vadimpanov.ru

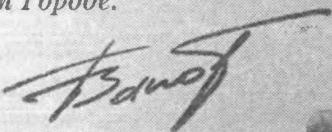
www.t-grad.com

Дорогие читатели!

С радостью сообщаю, что совсем недавно в Сети появился сайт www.vadimpanov.ru, на котором Вы найдете подробную информацию обо мне и моих книгах, сможете задать интересующий вопрос или узнать о планах на будущее. Узнаете подробности о новой книге «Московский клуб» — первой из цикла «Анклав».

Кроме того, полностью обновлен известный всем сайт t-grad.com. На его страницах появилось больше материалов о Тайном Городе.

Жду Вас!

РУССКАЯ ФАНТАСТИКА

ФЕОДАЛ

Это – Плоскость. Бесконечная, враждебная человеку пустыня другого мира со своими правилами и физическими законами, наполненная смертельно опасными феноменами и причудливыми животными. Слабых она ломает и уничтожает, сильных ожесточает и делает еще сильнее. Люди, заброшенные сюда судьбой, могут выжить только под руководством феодала – человека, способного прокладывать безопасные маршруты от оазиса к оазису, способного добывать необходимые поселенцам предметы, способного постоянно обманывать саму смерть.

Феодал Фома привык к сложившемуся жизненному укладу и не ожидал перемен. Однако на границах его территории возникла новая угроза. Очередной пришелец с Земли, объявив себя королем, бросил вызов всем окрестным феодалам. Оказывается, даже в экстремальных условиях Плоскости можно вести феодалские войны...

АЛЕКСАНДР ГРОМОВ

ФЕОДАЛ